

Pierre REY
OUT

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
МИРА

АУТ

Пьер РЕЙ

У швейцарского банкира можно вырвать все зубы, один за другим, но тайну шифра, заветный ключ, открывающий доступ к двум миллиардам долларов, вырвать невозможно. В этом убеждаются крестные отцы двух мафиозных кланов, потерявших этот ключ, и их головорезы-помощники. Поискам шифра, под которым в бронированных сейфах упрятаны сказочные богатства, и посвящен роман Пьера Рея «Аут», в центре которого — кровавые события, связанные с попыткой одного из героев, адвоката О'Бройна, присвоить деньги мафиозных кланов Дженцо Вольпоне и Этторе Габелотти.

- [Пьер Рей](#)
    -
    -
    - [ПРОЛОГ](#)
    - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
      - [ГЛАВА 1](#)
      - [ГЛАВА 2](#)
      - [ГЛАВА 3](#)
      - [ГЛАВА 4](#)
      - [ГЛАВА 5](#)
      - [ГЛАВА 6](#)
      - [ГЛАВА 7](#)
      - [ГЛАВА 8](#)
    - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
      - [ГЛАВА 9](#)
      - [ГЛАВА 10](#)
      - [ГЛАВА 11](#)
      - [ГЛАВА 12](#)
      - [ГЛАВА 13](#)
      - [ГЛАВА 14](#)
      - [ГЛАВА 15](#)
      - [ГЛАВА 16](#)
      - [ГЛАВА 17](#)
    - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
      - [ГЛАВА 18](#)
      - [ГЛАВА 19](#)
      - [ГЛАВА 20](#)
      - [ГЛАВА 21](#)
      - [ГЛАВА 22](#)
      - [ГЛАВА 23](#)
    - [ЭПИЛОГ](#)
    -
-

Пьер Рей

Аут

Если вы видите прыгающего из окна швейцарского банкира, следуйте за ним. Есть вероятность заработать деньги.

ВОЛЬТЕР

ПРОЛОГ

При выходе на прямой участок пути Ролан резко нажал на тормозной рычаг и руками и позвоночником ощутил, как содрогнулась семисотпятидесятипятитонная махина состава.

— Развлечемся вечером?

Ролан продолжал медленно жать на рычаг, уменьшая скорость.

— Я не против, но...

— Она красивая?

— Спрашиваешь! Это же моя мама!

— А мне казалось, что она никогда не выезжает из Лозанны.

— Когда я остаюсь ночевать в Цюрихе, она иногда приезжает ко мне.

— Сбавь еще...

Состав медленно приближался к конечному пункту назначения. Наконец-то заканчивалась бесконечная лента блестящих стальных рельсов. Не снимая руки с рычага, Ролан машинально бросил взгляд на бетонный перрон, заставленный ручными багажными тележками, заваленный тюками, заполненный встречающими, которых становилось все больше по мере того, как электровоз приближался к зданию вокзала.

— Что это с ними?

— С кем?

— Ты только посмотри на их физиономии...

До ограничительного буфера оставалось сто метров. Стоявшие на перроне люди со странным выражением на вытянутых от удивления лицах смотрели на Ролана и Лючиано. Выражение страха и омерзения не исчезало даже тогда, когда электровоз медленно проплывал мимо них, и они, повернувшись, смотрели ему вслед.

— Слушай, может, у меня на лбу размазан томатный соус?

— А у меня? — спросил Ролан.

Когда электровоз въехал под стеклянную крышу навеса, где в застывших позах рядом со своим багажом стояли пассажиры, скорость не превышала десяти километров в час.

— Прибыл поезд номер 127 Женева — Цюрих... Не подходите близко к краю перрона, — раздался мужской голос из многочисленных громкоговорителей.

Ролан увидел, как какая-то толстуха выронила из рук свою сумочку и, вместо того чтобы наклониться за ней, ткнула указательным пальцем в его сторону и в ужасе зажала ладонью рот.

— Черт! — чувствуя неясное беспокойство, воскликнул он. — Что все это может означать?

У всех на лицах появилось одно и то же удивленное выражение. Был еще один момент, которого хватало с лихвой, чтобы вызвать у машинистов поезда тревогу: там, где они проезжали, устанавливалась мертвая тишина.

— Тормози!

Ролан до упора вывел рычаг тормоза. Электровоз остановился, не доехав пятидесяти сантиметров до ограничительного буфера. Лючиано отключил электроснабжение. Двое служащих вокзала о чем-то тихо перешептывались, бросая быстрые взгляды в их сторону. Тот, который был поменьше ростом, энергично кивнул головой и засеменил к зданию

вокзала. Второй, Ролан его знал, подошел к электровозу и по лестнице вскарабкался в кабину. Не говоря ни слова, он странно посмотрел на машинистов.

— Где вы это подцепили? — прокашлявшись, спросил он.

— Что «это»? — резко парировал Ролан.

— Как, что это»? — удивился железнодорожник.

— Вы можете выражаться яснее? — рявкнул Лючиано. — Мы не гадалки, и у меня нет желания играть в отгадки!

— Следуйте за мной.

Стоявшие на перроне люди молчали... Слышалось только астматическое пыхтение дряхлого паровичка, выезжавшего из ворот ангара.

Лючиано и Ролан прыгнули на перрон. Только оказавшись перед электровозом, который они ласково называли «Маргаритой», они все поняли: на решетке обходной площадки электровоза, словно прикрепленная рукой злого шутника, висела мужская нога, отрезанная по пах. Едва заметное пятно крови ржавого цвета проступало сквозь темную ткань брюк в том месте, где были перерублены кости. Совсем не к месту Ролан подумал, что нога принадлежала уважаемому мужчине и выглядит элегантно. Возможно, на эту мысль его натолкнула великолепная кожа черной туфли и шелковый носок такого же цвета. Присмотревшись получше, он заметил тонкую струйку крови, стекавшую по лодыжке на туфлю и расплывавшуюся коричневым пятном по полу стальной обходной площадки.

Ни Ролан, ни другие свидетели не могли себе вообразить в тот момент, с какой невероятной скоростью расплывется это пятно по многим континентам, превращаясь в кровавое море.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЭКСПРЕСС «ЖЕНЕВА-ЦЮРИХ»

Когда рядом с ним была его жена, Морти О'Бройн старался не дышать. Джудит навела на него ужас. Язвительную складку горечи в уголках ее рта не могла скрыть даже лучшая косметика. От ее взрывного голоса Морти хотелось раствориться, но еще страшнее было ее молчание, тягостное и презрительное, или ее мигрень, единственным виновником которой, естественно, был он и при этом не относился к ней с должным благоговением, на которое она имела право как страдающая женщина.

В последние годы Морти оставил всяческие попытки наладить с женой нормальные человеческие отношения, не говоря уже об интимной стороне их жизни. Как можно ее наладить проводя ночи в разных спальнях... Обычно их разговор ограничивался обменом односложными предложениями, среди которых чаще всего встречались слова «мигрень», «смешной», «платить», «сколько»... В начале совместной жизни Морти надеялся найти у Джудит поддержку, проявление интереса к своим делам и успехам — наивная простота! Он очень быстро заметил, что она с удовольствием высмеивает его неудачи и никак не реагирует на маленькие победы, считая это само собой разумеющимся.

Незаметно между ними выросла глухая стена обоюдной неприязни, и каждый ушел в себя. Джудит перестала вслух высказывать свои жалобы, перейдя на мимику, а Морти ревностно хранил свои профессиональные удачи, опасаясь, как бы случайным оскорбительным или презрительным словом она не свела к нулю его радость. Четыре года тому назад, став уже известным в Нью-Йорке адвокатом, он получил предложение работать на Синдикат и на радостях чуть не рассказал ей об этом. Но в последнюю секунду необъяснимое предчувствие остановило его. Он завалил ее дорогими мехами, одеждой, драгоценностями, но все это не помогло перебросить хрупкий мостик взаимопонимания между пропастью их отчужденности. Имя Габелотти говорило Джудит ровно столько, сколько имя Крэнч для фермерского работника.

Она прикурила двадцатую за утро сигарету и бросила спичку в чашку с почти нетронутым кофе, стоящую на подносе.

Рассеянным движением руки Морти прошелся по замкам небольшого чемодана.

— Ты уезжаешь? — спросила она.

— Да.

— Но ты только что прилетел из Европы. Господи, у меня опять мигрень!

— Прими таблетки.

— Куда ты отправляешься?

Неожиданный вопрос насторожил его: ни о чем подобном раньше она его не спрашивала, демонстрируя полное безразличие к его отъездам. «Что с тобой?» — хотел спросить он, но вовремя прикусил язык.

— В Нассау.

Она машинально перелила содержимое кофейной чашки, наполненной обгоревшими спичками, в стакан, заполненный до половины соком грейпфрута, и опустила туда едва начатую сигарету.

— Везет же тебе...

Он разволновался и стал искать ее взгляд, но с облегчением отметил, что ничего, кроме обычной скуки, в нем нет.

— Если будешь готова через пять минут, я возьму тебя с собой, — иронично сказал он.

— Смешно... У меня мигрень.

Знала бы она, чего он достиг. Он, которого и сегодня она рассматривает как заурядного адвоката-неудачника, каким он был в начале карьеры, когда приходилось чуть ли не просить милостыню. Он, которого она мечтала сделать импотентом, отказав ему в интимной близости. Смогла бы она поверить в то, что он собирается осуществить, расскажи он ей всю правду?

Он кашлянул и сказал:

— Ну вот... Надо ехать.

Было бы совершенно естественным, если бы он испытывал чувство исполненного долга, волнение, охватывающее героев романов, когда они одним росчерком пера подводят черту двадцатилетнему союзу. Но нет, ничего подобного он не ощущал. Мортимер О'Бройн был спокоен, как если бы сегодня вечером он возвратился домой к ужину. Мысль, что у них нет детей, неожиданно наполнила его необыкновенной легкостью; они ничего не создали, он ничего не разрушает. Оставляя ее, он оставляет и частицу самого себя, покрытый пылью отрезок своей жизни, воспоминание о которой удручало его: слишком долго он не мог решиться на этот окончательный шаг. Пройдет менее сорока восьми часов, и он, вместе с другой, будет далеко отсюда: в мире грез, о существовании которого не догадается ни один человек в мире. Он, Мортимер О'Бройн, станет самым богатым человеком на земле, таким богатым, каких еще никогда не было; настолько богатым, что этого не сможет представить себе самый изощренный человеческий мозг.

С чемоданом в руке он стоял уже почти у самой двери, когда она окликнула его.

— Морти, попроси Маргарет принести мне стакан холодной воды и мои таблетки.

Он согласно кивнул головой, подумав, что последнее слово, услышанное от нее, было «таблетки». Закрывая за собой дверь, он улыбнулся: она никогда больше не увидит его.

* * *

Маленький самолет делал третий заход... Он снова спикировал над главной артерией Чиавены, пролетел вдоль нее и резко взмыл вверх, едва не задев колокольню церкви. Стоя с поднятыми к небу лицами, жители небольшого городка с интересом смотрели, как сверху, чем-то похожие на опавшие листья, медленно опускались разноцветные листочки бумаги.

Был полдень. Ярмарка собиралась раз в неделю, и вся главная улица городка была заполнена народом. Легкий бриз, дувший в этот апрельский четверг с расположенного рядом озера Кома, с определенной точностью позволял угадывать гибкие тела молодых девушек, успевших достать из нафталина свои легкие платья.

Двое мальчишек подобрали с земли упавшие бумажные листики, которые вначале они приняли за рекламные листовки, и с недоумением осмотрели их со всех сторон. Молча поглядели друг на друга, не смея поверить...

Двенадцатилетний мальчишка, сын булочника, первым сделал вывод, что то, что он держит в руках, есть именно «то». Переполненный эмоциями, он со всех ног бросился к родительской пекарне, крепко прижимая к груди ворох банковских билетов, упавших с неба, и крича не своим голосом родителям, которые вышли на улицу, привлеченные шумом низко пролетевшего самолета:

— Деньги! Папа! Мама! Быстрее сюда! Идет дождь из денег!

И тут даже скептики, с ухмылкой смотревшие на падавшие с неба бумажки, ощутили невероятное возбуждение. Все бросились между машинами, в беспорядке припаркованными на улице. Согнувшись вдвое, они подбирали купюры, и воздух наполнился криками, плачем, подбадриванием и угрозами. На несколько секунд все потонуло в грохоте возвратившегося самолета. Старухи бормотали: «Чудо! Чудо!» Кое-где право на обладание «небесными деньгами» стали выяснять с помощью кулаков. Дети бросились к деревьям доставать банковские билеты, застрявшие между ветками. Это были красивые, нежно-сиреневого цвета, настоящие банковские билеты Швейцарского национального банка достоинством от десяти до пятидесяти франков.

Лихорадка охватила всех, драки уже шли по всей улице.

Рената выровняла самолет и рассмеялась: сверху зрелище напоминало сошедший с ума курятник, обитатели которого с невероятной быстротой клевали воображаемые зерна.

— Ну и дрянь же ты! — крикнул во всю силу своих легких Курт, стараясь перекрыть шум двигателя и вой ветра.

Рената резким движением задвинула плексигласовый колпак над кабиной, и самолет взмыл вверх. Она бросила на Курта незаметный взгляд.

— Зачем дразнил меня? — сказала она.

Они летели над небольшой зеленеющей долиной с разбросанными по ней темно-зелеными пятнами елей.

— Держись крепче! Пикирую! — крикнула Рената.

— Рената! — завопил Курт, чувствуя, как по спине побежали противные струйки холодного пота.

Самолет камнем полетел вниз, прямо на стадо коров, которых Рената избрала своей целью. Едва не прокатившись по их спинам, самолет унесся в долину, преследуемый двумя огромными собаками.

Весь маневр занял не более секунды, но Курт успел заметить, как пастух потряс кулаком им вслед.

— Что ты пытаешься мне доказать? — спросил он, стараясь говорить спокойным тоном.

— Что ты во всем не прав! Ты видел, как они бросились за мелочью, которую я им выбросила? Даже начали драться! Ты утверждал, что никто не сдвинется с места! Что это унижительно! Что это оскорбление чувств простого народа! Кто оказался прав?..

Курт заерзал в кресле и сделал вид, что ничего не слышал. Его подташнивало. Он сожалел, что спровоцировал ее на этот эксцентричный полет, превративший в ее руках пассажирский самолет в кошмарный реактивный истребитель. Курт никогда не забудет тот день, когда пригласил ее на день рождения своего коллеги. Сидя рядом с ним за столом, она шепнула ему: «Мой сосед — зануда. Спорим, что я опрокину на него свою тарелку со спагетти?» То ли по рассеянности, то ли по неосторожности он произнес: «Спорим», — и по безукоризненному костюму его товарища по работе потек томатный соус...

— Ты не ответил мне!

В отместку за его молчание она тут же сделала «свечу», послав самолет вверх перпендикулярно земле. У Курта перехватило дыхание. Затем он «насладился» очередным пике, когда небо и земля поменялись местами. Падая вниз головой, он услышал:

— Ну так что? Ты все еще утверждаешь, что деньги — дерьмо и люди не встанут на четвереньки, чтобы поднять их?

Он стиснул зубы, из последних сил контролируя свои эмоции... Если эта сумасшедшая не разобьет самолет в ближайшие секунды, у него есть микроскопический шанс добраться живым до места, откуда они отправились в это безрассудное путешествие, — в Цюрих. Именно там через три дня, а точнее 26 апреля, состоится их бракосочетание.

* * *

Заза Финней искренне удивлялась, что до сих пор ни один продюсер не остановил ее на улице и не предложил сниматься в главных ролях, настолько неотразимой она себя считала. Ни одно пятнышко, ни одна морщинка не портили гладкую, натянутую кожу ее лица, озаренного темно-синими глазами, которые, по ее мнению, были таинственными и необыкновенными. Стоя обнаженной перед зеркалом, она принимала различные позы, любуясь своим телом со спины, в фас и профиль. Она не могла оторвать взгляд от совершенной линии перехода тонкой талии в полные бедра, от шелковистой мягкости золотистой от загара кожи, от изящных тонких лодыжек и волнующих выпуклостей ягодич. Слезы навернулись у нее на глазах от собственной красоты. Она в очередной раз спросила себя, правильно ли поступает, решив связать свою жизнь с этим плюгавеньким мужичком, который, — черт знает, как у него это получается! — как по волшебству, превращает в золото все, за что берется рукой и куда ступает его нога... Станный случай свел ее с ним шесть месяцев назад.

К страсти, которую она испытывала к собственному телу, добавлялось невероятное тщеславие актрисы. Она была уверена, что стоит ей только появиться на экране или сцене, как тут же многообразием мимики, силой своих чувств она заставит зрителей рыдать или смеяться.

Надо было с чего-то начинать. Она стала фотомodelью. Ее снимки украшали коробки с концентратом спаржевого супа. Переспав с ней, фотограф уговорил ее сфотографироваться в более интимных позах, поклявшись, что дальше его личного архива негативы не уйдут. Она чуть не лопнула от гордости, когда три месяца спустя увидела себя в одном сомнительного характера журнале, сообразив тем не менее, что из этого можно извлечь определенную выгоду, если притвориться оскорбленной и униженной. Из предательства фотографа можно сделать небольшой скандал, который, при удачном стечении обстоятельств, перерастет в настоящий и вызовет нужную реакцию в прессе. У одной из своих подруг она узнала фамилию лучшего адвоката в городе, решив предать максимальной огласке это «злоупотребление» доверием.

В кабинете Мортимера О'Бройна ее встретил зануда стажер, который, посмотрев на нее, как на неудачно выпеченный блин, заявил, что не знает, где патрон, и неизвестно, когда будет. Она приходила еще дважды. Во время третьего визита в ее разговор со стажером вмешался невысокого роста мужчина, из тех, на кого женщины обращают внимание только в том случае, если у него в спине торчит нож или на груди написана внушительная цифра состояния. К ее большому удивлению, стажер неожиданно смутился и с подобострастной улыбкой заявил: «Мистер О'Бройн лично займется вашим вопросом». С этого все и началось... Она быстро отметила, что за неприметной внешностью этого незнакомца скрывается экстравагантная широта души, необыкновенная щедрость, которая не исчезла после первой ночи любви. В то время Заза жила в убогой комнатенке и в постоянном страхе

быть выброшенной на улицу за неуплату за жилье. Все ее богатство состояло из дешевого чемодана, одного вечернего платья, спортивного костюма и косметички.

Дорогие подарки Мортимера ослепили ее настолько, насколько разочаровали его кроличьи объятия, которые, однако, доводили самого адвоката до любовного истощения, граничившего с мистическим экстазом.

Спустя некоторое время он снял для нее роскошные апартаменты в отеле «Уолдорф-Астория», где — о, сказка! — она могла заказывать из ресторана все блюда без ограничения. Appetit у нее рос не по дням, а по часам, и уже через неделю ее гардеробу могла бы позавидовать средней величины кинозвезда. Чтобы испытать прочность чувств своего любовника, она потребовала драгоценности. Он выполнил ее просьбу с ошеломляющей поспешностью, выйдя далеко за пределы ее воображения. Ни одна просьба не могла заставить его врасплох, и он с удовольствием исполнял ее желания, стоило ей только чего-то захотеть.

Взамен он требовал от нее безоговорочного присутствия на бесконечных приемах, на которых она умирала от скуки. Его привычка брать ее за руку, когда за ними наблюдали, и с выражением безграничной глупости смотреть ей в глаза выводила ее из себя. Она краснела, внутри у нее все клочкотало, и она готова была провалиться от стыда хоть в тартарары.

Он никогда не говорил с ней о делах, ограничиваясь подарками, пока однажды, месяц назад, не произнес эту загадочную фразу:

— Я хотел бы, чтобы мы жили вместе... Только ты и я. Ты готова к этому?

Заза знала, что он женат. От перспективы постоянной совместной жизни ее передернуло от отвращения. Она тут же проконсультировалась с Джимми, фотографом «предателем», с которым продолжала поддерживать интимные отношения и который без излишней скромности принимал от нее «капусту», как ей поступить. Он чуть не сорвал голос, доказывая ей преимущества такого любовного союза и не переставая удивляться, что человек такого положения, как О'Бройн, оказался на крючке этой самовлюбленной вонючей телки, — у него перед глазами в студии за день проходило десятка полтора ничуть не хуже. Как и большинство дурачков, свято верящих в непреходящее очарование своего зада, Заза, которая не видела дальше собственного носа, ограничилась небрежной репликой:

— Конечно, не тебе поливать этот овощ...

То, что она услышала в ответ от Джимми, явилось для нее полной неожиданностью и произвело огромное впечатление.

— Тот, которого ты держишь за овощ, улаживает самые щепетильные дела Синдиката!

Она разразилась смехом: Мортимер — гангстер!..

Не без усилий заставив работать свой мозг, она через десять секунд смотрела на О'Бройна уже глазами Джимми. Вчера Мортимер опять задал ей тот же вопрос: «Ты готова?» Она ответила: «Да».

Заза отодвинула штору в сторону и посмотрела вниз через огромное, во всю стену, окно: подобно медленной реке, текла нескончаемая толпа туристов. Она всегда мечтала побывать в Нассау и пройтись по Бей-стрит. Теперь она здесь, и ей невероятно скучно. Морти возвратится не раньше чем через час. Билеты на самолет заказаны, но куда они летят, ей неизвестно. Он всячески уклоняется от ответа, ограничиваясь обещаниями. «Там, куда мы направляемся, ты будешь вроде как королева. Любая твоя прихоть будет исполняться мгновенно!» «Хочу слона», — скучным голосом сказала она. Морти уточнил восторженно детским голосом: «Полагаю, ты имеешь в виду слона из чистого золота!» Разволновавшись, она прошла в ванную комнату, подсчитывая, для поднятия настроения, количество дней,

которые ей предстоит провести вместе с Морти, прежде чем она найдет способ наложить лапу на добрую часть его капитала и сбежать к Джимми.

Противнее всего было не то, что он пользовался ее задом, а его привычка брать ее за руку и ждать от нее проявления этой мерзопакости — нежности.

* * *

Военные грузовики с солдатами выехали из Женевы, Ниона, Фрибурга, Люцерны, Цуга и Цюриха. Каждый солдат получил приказ тщательно обследовать триста метров железнодорожного полотна в радиусе десяти метров по обе стороны от путей. Хоть однажды швейцарская полиция и армия пришли к единому мнению, что человеческий труп, пусть даже с ампутированной ногой, может нарушить размеренный ритм жизни швейцарской деревни. Полиция занялась расследованием, армия — поиском. Приказ был категоричен: искать до тех пор, пока не будут найдены останки. С наступлением темноты младшие офицеры отдали распоряжение включить электрические фонари.

Найденная на обходной решетке электровоза Женева — Цюрих нога была передана следователям. На туфле стоял штамп нью-йоркского изготовителя обуви — «Биаска».

Цюрихские полицейские незамедлительно связались по телефону с нью-йоркскими коллегами, и те включились в расследование. При небольшой удаче можно будет быстро установить личность владельца туфли. В кармане штанины швейцарские инспекторы обнаружили пять тысяч долларов и железнодорожный билет, закомпостированный в Цюрихе. Это обстоятельство их сильно озадачило, потому что, по логике вещей, нога-путешественница, вместе со всем телом законного ее обладателя, должна была прибыть в Женеву...

* * *

Расслабленно откинувшись на спинку кресла, Итало Вольпоне, он же Малыш Вольпоне, внимательно наблюдал за одиннадцатью мужчинами, сидевшими за столом заседаний. Справа от него занял место Витторио Пиццу, слева — Моше Юдельман. Заняв кресло брата, он чувствовал себя спокойно и уверенно. Чтобы лучше войти в роль, он сделал над собой усилие, приказав пальцам оставить в покое авторучку из чистого золота, а глазам прекратить метаться из стороны в сторону. Он осторожно просунул два пальца во внутренний карман пиджака, чтобы на мгновение прикоснуться к колоде игральных карт, с которыми никогда не расставался.

Игра вдыхала в него жизнь, а жизнь давно превратилась в опасную игру. В путешествия он всегда брал с собой миниатюрную рулетку. Когда он запускал шарик из слоновой кости, постепенно увеличивая ставки, время для него останавливалось. Свой рекорд продолжительности игры он установил в одном частном салоне в Лас-Вегасе: три дня и четыре ночи!

Через равные промежутки времени лакеи ставили перед ним пиццу и напитки. Он машинально глотал, ни на секунду не прерывая игру. Встав из-за стола, он потянулся, чтобы размять онемевшие мышцы и... рухнул на пол, мгновенно уснув. Его перенесли в спальню,

где, ни разу не проснувшись, он проспал сорок часов.

— Наш друг О'Бройн, ваше доверенное лицо, в эту минуту вылетает из Цюриха. Все в порядке! Кстати, вот телеграмма, которую я получил от дона Дженцо.

Он вытащил из кармана мятый лист бумаги, который успел прочитать не менее ста раз, перед тем как выполнить указание брата — собрать совет и объявить новость.

Этторе Габелотти бросил быстрый взгляд и молча передал лист Симеону Ферро, который переправил его Джозефу Дотто. В то время как Кармино Кримелло, Витторио Пиццу, Анджело Барба, Винченце Брутторе, Томас Мерта, Алдо Амальфи Карло Бадалетто и Фрэнки Сабатини по очереди знакомились с содержанием телеграммы, Итало думал о том, что присутствует при рождении исторического события: мирная встреча — после двадцатилетней холодной войны, нарушаемой время от времени смертоносными взрывами — двух самых могущественных «семей» Синдиката, «семьи» Габелотти и «семьи» Вольпоне. Его взгляд скользнул по лицам присутствующих, отметив дрожь удовлетворения, которое не могли скрыть под искусным лаком масок их физиономии.

Пройдя по кругу, телеграмма снова возвратилась к Итало Вольпоне.

— И все? — нагло спросил Карло Бадалетто.

Он ненавидел Итало и использовал любой предлог, чтобы задеть его. Пять лет тому назад, когда Итало возвратился из Лондона, Бадалетто еще входил в число членов «семьи» Вольпоне. Вместо «Добро пожаловать!» он иронично бросил: «Как дела, голожопник?» За эту фразу он расплатился двойным переломом челюсти и потерей передних зубов, один из которых, после сильнейшего удара Итало головой, остался у того во лбу. На Сицилии «голожопниками» презрительно называли тех, кто уезжал из страны за границу, это слово рассматривалось как оскорбление. Но если Итало провел два года в Англии, все главы больших «семей» Нью-Йорка и Западного побережья знали, что он выполняет приказ своего брата. Дзу Дженцо Вольпоне был доном, и малейшее его слово воспринималось как изречение оракула. Даже его младший брат не мог оспаривать его решений.

— Все! — ответил Итало, испепеляя Бадалетто взглядом.

Итало хотел дать почувствовать ему свое превосходство, стать в чем-то похожим на своего брата Дженцо, который, не прибегая ни к каким ухищрениям, только своим присутствием заставлял трепетать любого... Итало был не из робких, но Дженцо обладал громадным преимуществом — его уважали! Но за мягкими манерами Дженцо, его открытой улыбкой и фантастическим даром сглаживать острые углы в конфликтных ситуациях скрывалась безжалостная и алчная натура. В противоположность брату, Итало не мог долго сдерживать в себе кипящий гнев, который постоянно и независимо от сознания переполнял его. Неконтролируемые импульсы толкали его на сиюминутное удовлетворение своих желаний, были ли они личные, чувственные или экономические. Обделенный ораторским даром, разрываемый бушующими в нем страстями, он, не будь рядом Дженцо, чаще заменял бы разговоры физической расправой. Руководители Синдиката с подозрением относились к отсутствию в Итало хладнокровия и предрасположенности к грубому и примитивному насилию. Времена Аль Капоне безвозвратно ушли в прошлое... Нет, случаев насилия не стало меньше, но техника исполнения стала гибче: человек исчезал без лишнего шума, а анонимные исполнители, подобранные через посредников, получая деньги, не знали, почему и для кого они выполняют «заказ». И ни один сыщик не выйдет на истинного заказчика, потому что это уважаемый бизнесмен, который исправно платит налоги и находится под защитой закона, а если и ведет непримиримую войну, то только с конкурентами по бизнесу.

Сегодня, с помощью армии высококвалифицированных юристов, деньги, полученные от рэкета, шантажа, продажи наркотиков, проституции, вкладываются в легальные предприятия, находящиеся вне всякого подозрения: госпитали, учебные заведения... Не являлся исключением из правил и Дзу Дженцо Вольпоне, инвестировавший огромные суммы в систему школ по изучению международного права.

— Первая фаза операции завершилась, — заговорил Моше Юдельман. — В течение трех месяцев наши деньги будут «отмыты»...

Родившись в Бронксе, нищем квартале Нью-Йорка, Юдельман получил университетское образование, раскладывая овощи по полкам и играя с «одноруким бандитом». Но Бог дал ему бесценный дар: Моше мог превзойти в быстроте принятия единственно правильного решения по той или иной финансовой операции любого директора центрального банка. Появившись на свет с цифрами в голове, как другие рождаются с голубыми глазами, он знал — не изучая, понимал — не начав размышлять и никогда не искал — всегда находил. Его острое финансовое чутье удваивалось за счет математического гения. Ни одно досье, каким бы запутанным оно ни было, не выдерживало в его руках более пяти минут. Он мгновенно выхватывал самое слабое место, находил едва заметную неточность, например отсутствующую запятую, которая в корне меняла содержание, делая легальным то, что преследовалось бы законом, и при этом не наталкивала проверяющего на недоверие к изложению и не вызывала у него сомнений. Он лучше компьютера помнил точные цифры доходов «семей»-противников, входящих в Комиссьоне, представлявшую собой высший орган ассоциации одиннадцати «семей», контролирующей мировой подпольный бизнес, в котором Дзу Дженцо Вольпоне был далеко не на последних ролях. Когда Юдельман вошел в «семью», Дженцо пришлось приложить немало усилий, чтобы Моше стали считать своим.

Сицилийцы с трудом терпели присутствие еврея в своей среде. Страстно привязанные к прародительским традициям своей древней страны, они испытывали извращенную ненависть ко всему, что было чуждо их клану, их этнической группе, сбросив в одну корзину ирландцев, негров, евреев, китайцев и протестантов.

Первое время Юдельман вел себя ниже травы, тише воды, подавая голос лишь тогда, когда интересовались его мнением. Он сохранял абсолютный нейтралитет, никогда не поддерживая чью-либо сторону, и никогда не произносил грубых, оскорбительных слов. Он просто всегда был на месте: как мебель, к которой привыкли и которой пользовались в нужный момент. Он был достаточно проницательным, чтобы быстро сделать вывод относительно негласных законов клана, сводившихся к девизу святого Франсуа Асиза: «Не пытайся изменить мир! Измени его!» К этому у него стремления не было. Невидимый мир, в котором он варился, давал ему возможность удовлетворить собственный голод власти и амбиции тайного советника. Его поразительные математические и организаторские способности обеспечивали ему все остальное.

В то время как в целях упрочения своего влияния «семьи» вели братоубийственные войны, Моше сумел не только выжить, но занял место, о котором не смел даже мечтать, став одним из влиятельных лидеров высшего эшелона мафиозной структуры. Роль личного наперсника Дзу Вольпоне, о которой знали на всех уровнях структуры Синдиката, сделала Моше при разрешении крайне щепетильных вопросов чем-то вроде единственного арбитра, за которым оставалось последнее слово. Его напряженная, ответственная работа не мешала ему создавать собственное состояние, увеличивающееся день ото дня через посредство разумных и выгодных капиталовложений и неординарных решений при игре на бирже.

Он никогда не забывал старую поговорку: чтобы не быть съеденным львом, его нужно кормить. В первые годы он все свои усилия направил на заполнение деньгами карманов своих хозяев. И только почувствовав некоторую свободу в действиях, взялся за накопление собственного состояния.

Это по его совету Дженцо согласился на временный альянс с человеком, которого всегда считал врагом номер один: Этторе Габелотти. Римская маска, тяжелые мешки под глазами. Этторе весил сто двадцать килограммов и внешне напоминал добродушного отца семейства, чьи периодические приступы гнева, правда, часто заканчивались для любого, оказавшегося в его немилости, смертельным исходом. Если человек ему не нравился или не выполнял его приказов, бесполезно было отвечать «да» или «нет», он умирал, не успев обратиться к всевышнему за помощью.

Моше потребовались чудеса дипломатии, чтобы убедить его, что, когда речь заходит о распределении доходов, его интересы пересекаются с интересами Дженцо Вольпоне, а в выигрыше остаются оба. Но сегодня договор был подписан и давал ход самой фантастической финансовой операции, когда-либо реализованной международной мафией.

Габелотти, до сих пор не произнесший ни слова, почувствовав, что Юдельман смотрит на него, метнул в его сторону проницательный взгляд и тут же смягчил его.

Моше улыбнулся и отвел глаза.

— Дайте мне телеграмму, — потребовал Габелотти.

Едва касаясь кончиков пальцев присутствующих, телеграмма перелетела на другой конец стола. Взяв ее в руку, Габелотти хохотнул и посмотрел в сторону младшего Вольпоне.

— Скажи, Малыш, твой брат не разорился, отправив этот текст?

Присутствующие оживились. Итало засмеялся вместе со всеми, когда понял, что никакого подтекста в крошечном замечании Этторе в его адрес нет. Следует сказать, что сообщение из Цюриха состояло из одного слова, составленного из трех букв: «АУТ». Эти три буквы подводили итог криминальной деятельности сидевших за столом переговоров.

Речь шла о двух миллиардах долларов!

* * *

Инес утверждала, что в детстве питалась только молоком и кровью. В ее племени мужчины достигали роста двух метров двадцати сантиметров, а женщины — метра девяноста. Когда мужчины выходили на поле брани против «нормальных» воинов, те казались просто карликами. Еще она говорила, что ее отец — король и у нее есть восемь братьев, один красивее другого. Во время церемонии посвящения в совершеннолетие они, доказывая свою неустранимость, должны были наносить себе серьезные раны в области гениталии.

Ландо, которому ничто не было чуждо в сфере гениталий, слушал ее истории, открыв рот, не улавливая границы между вымыслом и правдой.

— Ты хочешь сказать, что твои братья затачивали свои палки бритвой?

Инес протянула руку и взяла мандарин из вазы, стоявшей на полу.

— Именно так...

— Надо быть сумасшедшим, — вздохнул Ландо. — Дикари, они и есть дикари!

Он искоса посмотрел на большое тело своей любовницы. Без обуви она была

одинакового с ним роста, что позволяло ему заниматься с ней любовью стоя, без лишних ухищрений.

Он повернулся к ней и спросил:

— Какой у тебя рост?

— Сто восемьдесят пять.

— Странно... Ты не производишь впечатления жирафа...

— Все относительно, бедненький ты мой Ландо. В моей стране даже ты смотрелся бы недомерком.

Инес приехала из Бурунди, из города Бужумбура. Она часто показывала своим отполированным, покрытым красным лаком ногтем крошечную, как мушиное пятно, точку на карте между Кенией, Конго и Танзанией.

— Рядом с твоим городом протекает река, да? — спрашивал Ландо, тыкая пальцем в голубую ниточку, извивавшуюся по охристому тону карты. — Большая?

— Чуть больше ручейка... Сто метров в ширину и тысяча километров в длину. Совсем маленькая...

— Ты шутишь?

— Совсем нет.

Настоящее ее имя было Кибондо, принцесса Кибондо. Попробуй докажи, что это не так!

Она рассказала ему, что до приезда в Швейцарию работала ведущей фотомodelью в Риме и что итальянский фотохудожник дал ей это имя — Инес. Ее хорошо знали в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, где за фотосъемки ей платили сумасшедшие деньги. Ее тело было настолько совершенным, что она позволяла себе носить туфли на десятисантиметровом каблуке, ничуть при этом не уродуя свою фигуру. Не обратить на нее внимание было невозможно. Но никогда никакой иронии не было в глазах тех, кто пожирал ее взглядом. Лишь легкое восхищение, которое может вызвать вещь, прибывшая с другой планеты, и которую находят красивой, поразительно красивой, несмотря на то что она не укладывается в общепринятые эстетические рамки.

Ландо провел рукой по бесконечно длинному бедру цвета разогретой бронзы, гладкому, как камень, обработанный морскими волнами за тысячелетие, мускулистому, но мягкому, приятно обжигавшему ладонь. Ему льстило, что такое создание принадлежало ему... С тех пор как она стала заниматься проституцией, деньги и подарки посыпались на него, как из рога изобилия.

Она осторожно убрала его руку с бедра.

— Я опаздываю. В семь у меня свидание.

— Опять твой старикашка?

— Когда он стоит напротив меня, его очки находятся точно на уровне моей груди.

— А когда лежит?

— В кровати — все одинакового роста. Почти...

— Задержись, пусть немного понервничает.

— Нет, он очень пунктуален. А когда я работаю, никогда не опаздываю.

Она потянулась, как филин, изобразила похлопывание крыльями, улыбнулась... Вид широких ореолов цвета темной меди, окружавших твердые соски ее грудей, снова возбудил Ландо, и он не выдержал.

— Инес, только одну минутку... Ладно?

Она задумчиво посмотрела на него. Разве можно отказать такому красавчику!..

— Для белого ты неплох в кровати...

— Но черный все-таки лучше, да?

— Дело не в цвете, Ландо...

— В чем, в таком случае?

— В том, что находится у тебя в брюках.

Ландо напыжился. Он гордился интимной частью своего тела, которой пели дифирамбы сотни обессиленных и растерзанных женщин после его высококвалифицированных эротических заходов. Но реплики Инес выбивали у него из-под ног почву.

Она молчала, и он сам решил напроситься на комплимент.

— Тебе понравилось?

— Неплохо...

— Как это «неплохо»?.. — Он чувствовал себя утомленным и опустошенным, готовым проспать десять лет, чтобы восстановить силы.

Инес склонилась к плечу изящную головку, украшенную огромными, умными, фантастически красивыми глазами, и негромко, одними губами сказала:

— Для белого — неплохо...

Ландо никак не мог понять, как принцесса Кибондо, дочь короля, может зарабатывать себе на жизнь, — с королевской небрежностью отдавая часть денег ему, — продавая свое великолепное тело каким-то толстосумам? Несмотря на свой богатейший опыт общения с женщинами, он, как маленький мальчик, не мог проникнуть в ее тайну.

Она села на край кровати и медленно натянула высокие сапоги. В клетке зацокал клювом один из ее попугаев.

— Ты сама купила этих воробьев?

— Подарили... Любишь птичек?

Орландо Баретто встал с кровати и с удовольствием потянулся своим мощным, без единой капли жира, телом.

— Обожаю...

Ландо подошел к позолоченной клетке, открыл дверцу и запустил внутрь два пальца. Попугайчики отпрыгнули в дальний угол. Он осторожно вытащил одного из клетки, и тот неожиданно клюнул его в палец. Он уложил птичку в ладонь и струей теплого воздуха изо рта распушил перышки вокруг головки, почти касаясь губами тельца птички. Затем с улыбкой посмотрел на Инес.

— Я без ума от всех животных, — сказал он и, без всякого перехода, одним щелчком зубов обезглавил попугая.

Хомер Клоппе вежливо встал навстречу посетителю и, не обратив внимания на протянутую для приветствия руку, ограничился легким кивком. Жестом руки он указал на кожаное кресло. Гость осторожно присел на самый краешек. На отполированной до зеркального блеска поверхности рабочего стола Хомера ничего не было: ни карандашей, ни папок с документами, ничего, кроме визитной карточки посетителя, на которой было отпечатано: «Андрэ Ловен. Управляющий».

Ловен прокашлялся и едва заметно улыбнулся. Ему было около шестидесяти, ужасно элегантный, с загорелым, обрамленным прядями седых волос лицом.

Хомер скрестил пухлые руки на столе и достаточно красноречиво посмотрел на часы.

— Выражаю вам глубокую благодарность за возможность принять меня, — заговорил Ловен. — Я должен был бы заранее условиться о времени встречи, но, к сожалению, в Цюрихе я проездом, а дело, которое привело меня к вам, настолько деликатное и безотлагательное, что я решился все-таки побеспокоить вас.

Он подтянул штанину с безукоризненной складкой, пригладил ладонью темный галстук и непринужденным жестом откинул волосы назад.

— Итак! — после некоторого молчания продолжил он. — У меня с собой есть некоторая сумма денег, которые я хотел бы поместить в ваш банк.

Он машинально коснулся рукой небольшого черного чемоданчика, стоявшего на ковре подле его ног, и, не выдержав взгляда пронзительных глаз, смотревших на него из-за толстых стекол очков в тонкой золотой оправе, вытащил из кармана пиджака шелковый носовой платок и устало провел им по внезапно вспотевшему лбу.

Смущенный молчанием Хомера, Ловен заерзал в кресле, закинул ногу на ногу и положил руку на чемоданчик, ошеломленный суровостью обстановки кабинета, которая не давала ни малейшего намека на его функциональную принадлежность. Совсем не таким он представлял себе «святая святых» — директорский кабинет одного из самых «молчаливых» и мощных банков Цюриха. Стены покрывали простые бежевые обои, на полу лежал самый заурядный синтетический ковер серого цвета...

Он тяжело вздохнул и сказал:

— Речь идет о восьми миллионах французских франков.

Клоппе даже не шелохнулся. Ловен торопливо добавил:

— Это составляет миллион семьсот тысяч долларов.

Банкир безразлично кивнул головой.

— Результат моей двадцатилетней работы. Вы понимаете?.. Если со мной что-нибудь случится... я не хотел бы, чтобы это превратилось в дым в качестве наследства...

Клоппе согласно кивнул. Ловена уже понесло...

— Сейчас я вам все объясню...

Клоппе сделал резкий останавливающий жест рукой, и его лицо напряглось.

— Вы — управляющий, мистер Ловен, не так ли?

— Совершенно верно! Если вы мне позволите...

Он извлек из кармана пиджака черное портмоне из крокодиловой кожи, раскрыл его и длинными нервными пальцами достал пачку документов, подтверждающих его личность.

— Я должен был бы начать с этого, — извиняющимся тоном проговорил он.

Клоппе взял из его рук ворох бумаг и внимательно просмотрел их.

— Ваш визит — большая честь для меня, мистер Ловен. Не могли бы вы объяснить мне причины, побудившие вас выбрать именно мой банк?

— Ваш банк?.. — пробормотал Ловен, ошеломленный недоверием к человеку, обладающему восемью миллионами.

Час тому назад, спустившись по трапу самолета, он ощущал себя хозяином вселенной. Как и было оговорено заранее, перевозчик ждал его в баре, на Вассервертштрассе. За доставку ценного груза из Лиона в Цюрих Ловен заплатил ему два процента от общей суммы, то есть сто шестьдесят тысяч франков. И вот теперь, когда его должны бы чествовать как победителя, развернуть перед ним красный ковер и с уважением принять деньги, его спрашивают, почему он выбрал «Трейд Цюрих бэнк»! Ему вдруг захотелось схватить чемодан и бежать от этого ледяного человека. Город забит банками, и в любом его встретят с распростертыми объятиями.

— О вас мне рассказали мои парижские друзья, — собрав нервы в кулак, вежливо ответил он.

Брови Клоппе взлетели вверх.

— Назовите кого-нибудь из них, мистер Ловен.

— Ломбар. Эдуар Ломбар.

— Да, я знаю мистера Ломбара. Хорошо, мистер Ловен, как вы думаете использовать ваш капитал? Хотите заморозить его, покупать валюту, играть на бирже?

— Пока никаких операций. Для начала я хотел бы положить деньги на срок... три месяца. Сколько это составит?

— Заморозить на три месяца? — Клоппе нажал на кнопку интерфона и спросил: — Гарнхайм, какой процент по вкладу французских франков сроком на три месяца? Да. Спасибо. — Повернувшись к Ловену, он сказал: — Девять и двадцать пять сотых процента.

На лице управляющего отразилось разочарование.

— Мало. Я надеялся на большее.

— А вы не хотели бы конвертировать ваши деньги в другую валюту?

— Например?

— Доллары, марки, швейцарские франки...

— В этом случае процент увеличивается?

— Нет, за исключением доллара, который в настоящий момент очень нестабильный, потому что все ждут публикации финансового годового баланса.

— Сколько даст марка?

— Четыре и пять десятых процента. Естественно, необходимо учитывать нестабильность франка в связи с другими факторами. Но лучше иметь минимальный процент на валюте, чей курс растет, чем повышенные дивиденды на валюте падающего курса.

— Как бы вы поступили на моем месте, мистер Клоппе?

— Я — не на вашем месте, мистер Ловен.

— Могу я получить номерной счет?

— Как вам будет угодно. Кто еще, кроме вас, будет знать шифр?

Ловен удивленно вскинул на него глаза. Клоппе добавил:

— Все мы ходим под Богом, мистер Ловен. Кому мне следует сообщить о вкладе в случае вашего... исчезновения?

— Кстати, об этом я собирался с вами поговорить. Я женат...

Клоппе достал из ящика стола чистый лист бумаги и приготовился записывать.

— Вероятно, это будет миссис Ловен?

— О нет, нет! — затараторил Ловен. — Только не она!

Лицо Клоппе едва заметно посуровело.

— В таком случае, кто же?

— Моя крестница.

— Фамилия?

— Лили. То есть Элиан... Элиан Гурией.

— Таким образом, законным преемником вы объявляете миссис Гурней?

— Мисс Гурней. Да, именно ее.

— Ее адрес?

— Париж, улица Гренель, 118...

— Округ?

— Кажется, седьмой... но я могу ошибаться...

— Профессия?

— Секретарь.

— Родилась?

— Двадцать седьмого декабря.

— Год?

У Ловена был такой вид, словно он бросался в омут.

— Тысяча девятьсот пятьдесят третий.

Клоппе бросил на него быстрый, осуждающий взгляд.

— Фирма, где она работает?

— Мисс Гурней — моя секретарша.

— А... Я хотел бы, мистер Ловен, чтобы вы немедленно открыли общий счет с вашей...

крестницей.

— Общий?

— В таком случае мисс Гурней получит право пользоваться вашими деньгами, — терпеливо разъяснил Клоппе.

— Но если... если... — растерянно залепетал Ловен.

— Что «если», мистер Ловен?

— Если, например, мы поссоримся?.. Как избежать, чтобы она... Короче, вы же сами знаете женщин!

— Должен ли я понимать так, что мисс Гурней не пользуется вашим полным доверием?

— Не настолько, чтобы позволить ей запустить руку в восемь миллионов франков! — возмущенно воскликнул Ловен.

Хомер Клоппе резко встал.

— Тогда я не понимаю, каким образом я или мои компаньоны могут позволить ей взять самый мизерный кредит.

— Но, сэр... — смущенно начал Ловен.

— Спасибо, что вы обратились к нам, но быть вам полезными на таких условиях мы не сможем.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь принять вклад в один миллион семьсот тысяч долларов?

— Всего доброго, мистер Ловен! Вы, вне всякого сомнения, найдете другое финансовое учреждение, которое с удовольствием примет ваши деньги.

В доказательство того, что разговор закончен, он одним движением разорвал лист, на котором вел запись.

Ловен вскочил с кресла, схватил чемоданчик, в последний раз бросил взгляд на Клоппе, но то, что он прочел в его глазах, отбило у него всякое желание возобновлять диалог. Он стряхнул с лацкана пиджака несуществующую пылинку и направился к двери.

Хомер дождался, когда за ним закрылась дверь, и, подойдя к окну, облокотился на подоконник. Ревнивая любовь старых красавцев к своим секретаршам была постоянной головной болью всех истинных банкиров. Как и большинство коллег-швейцарцев, Хомер Клоппе рассматривал свою профессию, которую ставил превыше всего, не как ремесло или призвание, а как священный сан, которому он и ему подобные были верными служителями. Деньги заслуживали высочайшего почтения, о них следует говорить в самых уважительных выражениях, приглушенным голосом, словно речь идет о Боге в божественном храме. Манипулировать ими, направлять, вкладывать, считать и пересчитывать — означало священнодействовать, и этим могли заниматься только их слуги с безупречной моралью. Священные врата никогда не открывались для подозрительных капиталов, несмотря на идиотское поверье во всем мире, что Швейцария — бездонная денежная клоака, всосавшая в себя все нечестно заработанные деньги в мире.

Вчера он должен был призвать все свое хладнокровие, чтобы не дрогнуть перед невероятной цифрой капитала, который доверил ему один из его клиентов, американец итальянского происхождения — Дженцо Вольпоне. Он снова, как будто это случилось два часа назад, пережил ту сцену.

— Чем могу быть вам полезен, мистер Вольпоне?

— Открыть мне номерной счет.

— Вы решили больше не пользоваться тем, что уже имеете в нашем банке?

— Нет.

— Прекрасно.

— Менее чем через час вы получите уведомление о переводе денег из Нассау.

— О какой сумме идет речь?

— О двух миллиардах долларов.

От неожиданности Хомер снял очки, которые секунду назад протер. Его профессия приучила его к спокойному восприятию бесконечного ряда цифр, но здесь... И этой суммой владел всего лишь один человек! Дженцо Вольпоне спокойным голосом добавил:

— Я хочу, чтобы деньги «работали» в течение срока их нахождения в банке.

— Естественно.

— Что вы можете предложить?

— Все зависит от срока...

— Какой процент в ситуации «со дня на другой»? Деньги будут находиться у вас двадцать четыре часа — минимум или сорок восемь часов — максимум.

— Шесть процентов.

— Семь!

— Но такса «со дня на другой» составляет шесть процентов!

— Меня это не интересует! Я хочу семь процентов!

— Хорошо. Ваши дальнейшие указания?

— Переведете все в Панаму, в «Кэмикл интер траст». Мы оба наделены одинаковыми полномочиями.

Только теперь Хомер Клоппе обратил внимание на сорокалетнего щедедушного спутника Дженцо Вольпоне. Вольпоне представил его как Мортимера О'Бройна, финансового консультанта, доверенное лицо его компаньона. Естественно, Клоппе не задал ни одного вопроса, чтобы выяснить личность таинственного «компаньона». Он и без того знал, каким огромным авторитетом пользуется человек по имени Мортимер О'Бройн среди заправил международного теневого бизнеса. Вот только не представлял, что у финансовой знаменитости такой невзрачный вид.

— Какой пароль вы выбрали, мистер Вольпоне?

— «Мамма».

— Записываю его. Господа, не могли бы вы дать образец вашей подписи... для «маммы», так бы я сказал.

— Зачем? — удивился Вольпоне. — Все указания мы сделаем по телефону.

— Рутинная формальность, — объяснил Клоппе, протягивая Вольпоне авторучку и чистый лист бумаги.

О'Бройн и Вольпоне написали образцы своих подписей.

Клоппе с облегчением вздохнул.

— Кто из вас даст указание о переводе денег? Мистер Вольпоне или мистер О'Бройн?

Вольпоне улыбнулся.

— Я! Но какая разница? Действует ведь «мамма»!

— Вы абсолютно правы! Мне осталось только подобрать вам комбинацию цифр.

— Не стоит себя утруждать. Я составил ее уже в Нассау.

— Я могу ее записать?

— 828384.

— Чудесно.

— Наши дивиденды вы переведете на отдельный счет, естественно.

— Разумеется.

— Сколько вы хотите за свою услугу?

— Сто двадцать пять тысячных процента от общей суммы.

— Солидно... Мне бы следовало стать банкиром!

— У каждой профессии есть свои преимущества и свои недостатки, мистер Вольпоне.

— Возможно, я позвоню вам завтра.

— Всегда к вашим услугам.

Когда все встали, Хомер добавил:

— Желаю вам приятного пребывания в Швейцарии.

— Я остаюсь здесь еще на двое суток, а вот О'Бройн должен немедленно вылететь в Соединенные Штаты.

После их ухода Клоппе позвонил Эжбену Шмеельблингу, руководителю одной из самых мощных тайных финансовых организаций в мире.

Обычное, ничем не привлекающее внимание здание находилось в Шаане, недалеко от Вадуза, в Лихтенштейне. Даже на двери главного входа не висело никакой таблички, указывающей на род занятий обитателей четырехэтажного особняка. Каждый день в семнадцать часов из его дверей выходили служащие с утомленными лицами и торопливо направлялись к паркингу. Единственной их специальностью была работа с деньгами.

Именно здесь, в Шаане, находился «банк всех банков», который через сложную систему своих отделений в Нассау, Панаме, Люксембурге занимался «отмывкой» денег с большой для себя выгодой.

Клоппе мгновенно перевел деньги в Шаан, объяснив Шмеельблингу, что капитал в два миллиарда долларов будет находиться в его распоряжении на условиях «со дня на другой». Шмеельблинг запускал деньги в «работу» под процент, значительно превышающий тот, который он обещал швейцарскому банкиру.

Клоппе сделал устный подсчет: Вольпоне, настояв на семи процентах «мамма», вероятно, пребывал в тот момент в прекрасном расположении духа, получая 383 562 доллара в день. Два миллиарда долларов, переведенных Клоппе в Шаан уже под девять процентов, давали 493 150 долларов в день. Его чистая прибыль, таким образом, составляла 109 588 долларов, что было не такой уж мелочью на карманные расходы богатому банкиру. Означенный срок вклада прошел, а Вольпоне до сих пор не подал признаков жизни, что увеличило доход Клоппе еще на 109 588 долларов.

«Пусть они забудут о них еще на месяц!» — взывал он к неизвестному божеству. Он не мог прямо обратиться к Богу, когда дело касалось денег.

За его спиной резко стукнула дверь.

— Спорю, что ты сейчас думал о какой-то женщине!

Хомер вздрогнул, словно его застали на месте преступления.

— Могла бы постучать, перед тем как войти.

— Я передам твою просьбу маме.

Девушка обняла его и закружила по кабинету.

— Я только что сыграла в забавную игру!

— Расскажи... — подозрительно посмотрев на нее, сказал Хомер.

Сумасбродное поведение дочери приводило его в восторг, хотя иногда ее выкрутасы были небезопасны. Он с грустью отметил, что Рената имеет над ним полную власть и он не в силах противиться ее капризам. Возможно, это происходило потому, что она была полной противоположностью своей здравомыслящей матери. Возможно, потому, что у нее была тонкая фигура с длинными ногами — как при таком коротконогом отце она могла их иметь? — и фиолетовые глаза, которые приводили в смущение мужчин, когда ее лицо неожиданно делалось строгим, а во взгляде застывал недвусмысленный вопрос. И почему только из всех, кто за ней ухаживал, она выбрала человека не их круга? Отец Курта Хайнца, ее жениха, был кассиром в его банке. Безупречным, но все-таки кассиром, и уже в течение тридцати пяти лет.

Через неделю Хомер вынужден будет танцевать с Уттой Хайнц, не слишком представительной супругой Йозефа Хайнца. И свадьба дочери, представлявшаяся ранее ослепительным праздником, пройдет среди серых и неуклюжих родственников его зятя.

— Это дебильная и восхитительная игра! Она называется «небесная манна».

Между бровей банкира пролегла глубокая складка. Он машинально повторил:

— Небесная манна?..

— Во всем виноват Курт и его глупая теория, из которой следует, что деньги по своей сути — дерьмо, действуют разлагающе и тому подобная чепуха...

— Я не совсем понимаю...

— Мой будущий муж понимал еще меньше! Я села в самолет и пролетела над Чиавеной в самый разгар сельскохозяйственной ярмарки, сбросив на толпу крестьян пачки денег!

Видел бы ты, что там началось!

Увидев трагическое выражение на его лице, она прыснула от смеха.

— Не делай такое лицо! Надо приучать Курта к роскоши! На кой черт нам нужны все эти деньги, если не уметь немного развлечься!

* * *

В своей жизни Пьетро Бьяска сожалел только об одном: его отец умер раньше, чем увидел триумф своего сына. Именно старому Джузеппе обязан Пьетро своим успехом. Старик заставлял его до изнеможения изучать линию обуви, как изучают тело любимой женщины. «Ты еще увидишь, — говорил он, — то, что сегодня наводит на тебя скуку, станет твоим богатством».

И он оказался прав! В сорок восемь лет Пьетро был богат, что значило немало, учитывая его голодное детство. Но он имел нечто большее, чем деньги, — он был знаменит и уважаем. Свои «произведения искусства» он продавал только тем, кого считал достойным быть его клиентом. Часто приглашаемый на премьеры, вернисажи, коктейли, он стал одним из самых известных персонажей высшего света. Поп-звезды называли его по имени, финансисты дружески похлопывали по плечу как равного себе, и не так уж редко актрисы, игравшие главные роли в голливудских фильмах, удовлетворяли желание иметь его обувь, расплачиваясь своим телом...

Секрет его успеха заключался в том, что к ноге он относился с таким же уважением, как к руке. В мастерских Бьяски тачали не обувь, а шили «перчатки» для ног из кусочков мягчайшей и самой дорогой кожи. Его магазин на Седьмой авеню превратился в подобие частного клуба, членам которого и в голову не приходило обсуждать фантастические цены, которые, кстати, Пьетро никогда сам не устанавливал. Когда клиент, смущаясь, спрашивал о цене, Пьетро вел разговор так, что слово «деньги» никогда не произносилось. С ослепительной улыбкой он заявлял, что подумает... как только выдастся свободная минутка... Забавно, но то, что он никогда прямо не требовал деньги, приносило ему всегда невероятные суммы. Так, например, одна из кинозвезд, умершая от передозировки наркотиков, не успела рассчитаться с Пьетро. Каким-то образом об этом узнал ее отец и сказал, что никто не должен уходить из жизни с грузом долга на душе. Как только были улажены наследственные формальности, Пьетро «унаследовал» два подлинника Ренуара, которые теперь висели на стене примерочного салона, прямо над баром, где знаменитых заказчиков угощали деликатесами, включая черную икру и коллекционное шампанское. Обычно цены на обувь колебались от пятисот до тысячи долларов, в зависимости от фантазии клиента.

«Я — единственный сапожник в Соединенных Штатах, обладающий настоящим Ренуаром!» — не уставал шутить он.

Пьетро Бьяска вошел в учебную мастерскую. Молодой подмастерье, итальянец, тренировался снимать мерку с ноги своего товарища. Пьетро подошел ближе, вдыхая пьянящий запах кожи, наполнявший комнату, где десяток мужчин сосредоточенно занимались своим делом. Тонем оракула он произнес:

— Не забывай, что линия зависит от формы ступни и ее объема! — Он пошел вдоль стеллажей, на которых стояли муляжи ступней клиентов, сделавших более двух заказов. Он

обернулся к подмастерью: — Ты видишь эти ступни? Они говорят мне больше, чем лица их владельцев. Даже с закрытыми глазами, только прикоснувшись к ним, я могу сказать, кому они принадлежат.

В мастерскую вошла высокая светловолосая девушка в великолепно сшитом платье.

— Синьор Бьяска... (В рабочее время Пьетро требовал от своих работников обращаться к нему «синьор».)

Он вопросительно вздернул подбородок.

— Вас спрашивают два господина.

Пьетро вышел в торговый зал. Он моментально определил, что перед ним полицейские, несмотря на то что у одного из них было вполне благородное лицо.

— Господа?..

— Мистер Бьяска, — сказал «благородный», — я хотел бы задать вам один вопрос.

— Если я только смогу вам чем-то помочь, — ответил Пьетро, бросив мимолетный взгляд на документ, который в это время ему ненавязчиво предъявлял второй мужчина.

— Можете ли вы по туфле, сделанной вами, определить ее владельца?

— Если она действительно вышла из этих стен — без труда.

Полицейский развернул пакет, который все это время держал в руках, и спросил:

— Она ваша?

Бьяска даже не взял ее в руки.

— Она принадлежит моему другу, — он сделал нажим на слово «моему», — Дженцо Вольпоне.

Полицейские посмотрели друг на друга так, словно их одновременно ударило током.

— Чью фамилию вы назвали, мистер Бьяска?

— Вольпоне. Дженцо Вольпоне! — уверенно повторил Пьетро, прекрасно понимая, что это магическое имя мгновенно вырыло между ним и этими посетителями бездонную пропасть.

— Вы уверены в этом, мистер Бьяска?

— Я шью обувь для своего друга Вольпоне уже десять лет, — сказал Бьяска. — Эти туфли он приобрел у меня менее трех лет назад.

— Скажите, мистер Бьяска...

— Я запатентовал способ, который позволяет моему клиенту получить каблук в девять сантиметров высотой, но внешне он не превышает четырех... Кстати, если вы желаете, можете взглянуть на его ступни...

— Его ступни?!

— Муляж... В моей коллекции есть тысяча триста пятьдесят шесть пар ступней.

— А муляжей промежуточных у вас нет? — иронично спросил второй.

— Вы абсолютно уверены, что... — заговорил «благородный».

— Пусть мне отрубят голову! — не дал ему договорить Пьетро. — А для чего вам это?

— Большое спасибо, мистер Бьяска. Мы заглянем к вам... через час. — И они заторопились к выходу.

Что бы это могло значить? И как туфля великого Дженцо Вольпоне оказалась в руках полиции? Вдруг Пьетро вздрогнул и быстро направился к своему кабинету. Плотнo закрыв за собой дверь, бросился к телефону.

Как только минутная стрелка накрыла цифру семь, Хомер Клоппе нажал указательным пальцем на кнопку электронного прибора, находившегося у него в кармане. Дверь служебного входа автоматически открылась. Именно через эту дверь каждое утро ровно в восемь тридцать входили служащие «Трейд Цюрих бэнк». За всю историю Швейцарии в Конфедерации не был ограблен ни один банк. Дело в том, что вора́м негде спрятаться. И как им удалось бы выехать за пределы страны, опустоши они сейфы какого-нибудь банка? Практически сделать это невозможно! И тем не менее отсутствие такого прецедента не мешало финансовым учреждениям охранять свое золото, секреты и наличность с помощью самых изощренных технических средств.

В Берне, Лозанне, Женеве, Цюрихе фирмы, специализирующиеся на обеспечении безопасности банков, процветали. Специалисты фирм в действии демонстрировали самые невероятные запорные устройства, предварительно прошедшие испытания в лабораторных условиях. Несмотря на то что усовершенствования зачастую были незначительными, старое безжалостно выбрасывалось на свалку и приобреталось новое, сколько бы оно ни стоило.

Инес задержалась на какое-то мгновение в дверном проеме. Одетая в норковое манто, доходившее ей до щиколоток, из-под которого виднелись лишь носки темно-коричневых сапог, она была великолепна.

Ослепленный этим черным солнцем, Хомер Клоппе поднял голову, но, наткнувшись на холодный взгляд Инес, поспешно отступил в сторону, позволяя ей войти. Он снова нажал на кнопку дистанционного электронного «ключа», и дверь бесшумно закрылась. Одновременно были заблокированы все выходы. Он засеменил за ней по коридору, не зная, чему отдать предпочтение: ее фантастически гибкой фигуре, посадке головы или этой длинной шее, растущей из плеч, как стебель цветка...

Они прошли через центральный холл и по лестнице спустились в подвал. Следуя за Инес, Клоппе едва сдерживал себя, чтобы не дотронуться до нее. Если бы он был более решительным, он попросил бы ее поднять полы манто, задрать юбку, чтобы видеть перед собой ее подрагивающий обнаженный зад.

Наконец они остановились перед последней дверью. Электронное устройство прыгало в дрожавших руках Хомера, когда он набирал кодовое слово из пяти букв, которое позволяло войти в помещение, где стояли сейфы, и одновременно отключало всю сигнализацию.

Они вошли в комнату-сейф — прямоугольной формы хранилище размером восемь на десять метров. Потолок, стены были из толстой стали, способной выдержать даже атомный взрыв. Аромат духов Инес, казалось, наполнил эту комнату, хранившую холодный, мертвый металл, человеческим теплом.

— Постели постель! — приказала она.

Хомер Клоппе извлек из кармана два металлических ключа и вставил их в замочные скважины его личного сейфа под номером 829. Застыв, как статуя, Инес наблюдала за его действиями, чувствуя, как в ней поднимается теплая волна возбуждения.

— Доллары?.. — пробормотал банкир.

— Доллары, марки, швейцарские франки и несколько золотых слитков...

— Вы не снимете манто?

— Сниму...

Хомер запустил обе руки в сейф и вытащил охапку пачек денег. Он бросил их на пол, и Инес разровняла их носком сапога.

— Еще!

Он неловко вытащил несколько слитков золота, один из которых выскользнул из его рук и упал на пол. Хомер тут же мысленно извинился перед ним виноватым внутренним голосом. Она наблюдала за ним, как ящерица за муравьем. На полу уже возвышался полуметровый куб из денег и желтого металла. Хомер стал на колени и осторожно разровнял денежную массу. Инес небрежно помогала ему носком сапога.

Когда подобие «матраца» толщиной в двадцать сантиметров было готово, Хомер улегся на него. Инес усмехнулась.

— И чем это пахнет?

— Устраивайтесь рядом, и вы сами почувствуете... — пробормотал он.

— Позже... Раздевайтесь!

— Уже?

Она отступила на три шага назад.

— Смотри, я тебе кое-что покажу!..

Она легла на спину, задрала юбку и подняла вверх ноги.

Ошеломленный, Клоппе едва смог прошептать хриплым голосом:

— Инес!..

На этот раз ее голос прозвучал тверже.

— Раздевайся!

Хомер сел на матрац из денег и стал расстегивать брюки. На нем был строгий серый костюм, черный галстук, белая рубашка. Единственное отступление от стиля — тайна, о которой не знали ни жена, ни близкие, ни, тем более, сослуживцы, — заключалось в трусах ярко-красного цвета в белый горошек, классической длины до колен.

— Снимай их, — сказала Инес.

Он вдруг понял смысл этой сцены: деньги выступали в качестве Бога, а его собственные действия символизировали жертвоприношение. С тех пор как он начал встречаться с Инес — этим дьяволом во плоти! — этот эротический ритуал всегда повторялся.

— Раздвинь ноги, белое ничтожество! — приказала она, становясь на колени у него в ногах.

Вытянув вперед губы, она поползла вверх по его ноге, касаясь ими поросшей рыжими волосами кожи...

* * *

Холл отеля напоминал деревенскую площадь в день ярмарки, настолько разнообразно и пестро была одета толпа. Обливаясь потом, Мортимер О'Бройн прокладывал себе дорогу через орущих, смеющихся, беззаботно поглядывающих по сторонам людей. С трудом добравшись до регистрационной стойки, он обратился к портье:

— Моя фамилия Эрвин Келли, номер 879...

Не успел он закончить фразу, как мужчина метнулся к «сотам», где лежали ключи, и подал ему телеграмму.

— Вашего ключа нет, мистер Келли. Миссис Келли у себя в номере. А это для вас...

Мортимер, не глядя, сунул телеграмму в карман. С бьющимся сердцем он влетел в кабину лифта. Выйдя на восьмом этаже, сделал несколько шагов, обернулся и, убедившись, что, кроме него, никого нет, вытащил смятый прямоугольник, который, не переставая, комкал все это время в кармане.

Телеграмма была адресована Эрвину Келли, отель «Эксельсиор», Нассау, Багамские острова. Штемпель указывал, что телеграмма прибыла из Лондона. Текст был кратким: «Просьба позвонить Джудит». Лицо его исказилось, и он облегченно вздохнул. Он прошел в конец коридора и остановился перед пепельницей на высокой ножке. Щелкнув зажигалкой, поджег телеграмму, дождался, когда она сгорела, и растер пепел пальцами.

Рукавом пиджака он вытер мокрое от пота лицо и направился в 879-й номер, где его ждала Заза. Теперь пути к отступлению не было. Полученная телеграмма обрывала все связи с его прошлой жизнью. С этой минуты его больше не существовало, он мертв и только что прочел о собственных похоронах. Дальнейшее должно завершиться в течение ближайшего часа. Звонить из своего номера было опасно... Он решил, что сделает звонок из аэропорта за несколько минут до вылета. Принимая во внимание разницу во времени, в Цюрихе сейчас шестнадцать часов.

* * *

Итало Вольпоне оттолкнул от себя обнаженную девушку, мылившую ему спину. Он вытер руки о банный халат, осторожно взял лежавшую на краю раковины дымившуюся сигару, жадно затянулся и удивленным голосом бросил в трубку:

— Повтори!

Он разговаривал с Анджелой, молодой женщиной, которую вынужден был оставить одну в Нью-Йорке. Итало безумно любил ее и с такой же страстью ревновал. Если ему случалось расстаться с ней более чем на сорок восемь часов, он беспрестанно и без всякого повода звонил ей только для того, чтобы услышать ее голос. До встречи с Анджелой «ЖЕНЩИНЫ» для Итало не существовало. Но однажды Малыш Вольпоне встретил Анджелу. ЖЕНЩИНУ! И где? Там, куда он не заходил ни разу за всю свою жизнь, — в библиотеке в Лондоне. Оказался он там случайно, отрываясь от двух подонков, которые охотились за ним. Сжимая пистолет в кармане, он стоял за дверью главного входа, когда за его спиной раздался голос:

— Могу ли я вам чем-то помочь?

Несмотря на нежный голос, он вздрогнул. Еще не видя ее, только оборачиваясь, он понял, что это — ОНА. Земля могла перестать вращаться, в него могли всадить дюжину пуль, осудить на пожизненное заключение, пытаться, но ничто не смогло бы поколебать его уверенности в том, что эта женщина рождена для него и что с этой минуты они больше никогда не расстанутся. Анджела первой опустила глаза, не выдержав долгого взгляда, сказав этим все, не произнеся ни слова. И уже совсем некстати задала вопрос:

— Какую книгу вы ищете?

Она подумала, что впервые в жизни встретила мужчину такого класса: очень сильный, элегантный, с дерзким взглядом холодных глаз, он источал запах настоящего мужчины.

Ослепительно улыбнувшись, он ответил:

— Любой учебник, дающий ответ, как избавиться от двух сволочных особ.

— Здесь нет таких книг, только по философии...

— В таком случае, может, здесь есть черный ход?

Она проводила его, и, прощаясь, он взял ее за руку.

— Спасибо. — Она не торопилась высвободить руку, и он добавил: — Если вы свободны сегодня вечером, мы могли бы вместе поужинать. Я все бы вам объяснил...

Есть мгновения, которые никогда не повторяются. Надо уметь выбрать между «да» и «нет». Мгновенно!

— Да, — прошептала она.

— Я заеду за вами в восемь. Договорились?

Через пятьдесят восемь дней Итало Вольпоне женился на ней и увез из дождливого Лондона. За шесть месяцев замужества Анджела так и не поняла, чем конкретно занимается ее муж и кто он по профессии. На все ее вопросы он отвечал с улыбкой:

— Помогаю брату... Немного торгуем овощами, фруктами... Крутимся...

Но деньги, которым он не знал счета, их шикарные апартаменты на Парк-авеню заставляли ее задуматься.

— Анджела, дорогая моя, повтори... — громко сказал он, хотя слышимость между Нассау и Нью-Йорком была превосходная. Когда он удостоверился, что не ослышался, его тело от смеха заходило ходуном.

— Послушай, Итало! Они сказали, что это очень серьезно и срочно.

— Нет, ты рассмешила меня! Вызови полицию! — Эта мысль показалась ему настолько забавной, что его охватил новый приступ безудержного смеха. — Они тебе сказали, почему я должен им позвонить?

— Нет. Они ни о чем не хотели больше говорить. Ты должен немедленно связаться с управлением на Седьмой авеню.

Итало снова рассмеялся. Он, Малыш Вольпоне, должен выйти на связь с этими крестьянами в униформе!

— Ты сказала им, где я?

— Нет, нет! Я сказала, что ничего не знаю.

— Послушай, дорогая, я стою под душем... Валюсь с ног от усталости...

Отвергнутая девушка посмотрела ему в глаза и, призывно улыбаясь, приподняла в ладонях свои тяжелые груди. Итало сделал ей знак, чтобы она ждала его в спальне. Куда бы он ни приезжал, люди клана устраивали ему парад женских задниц и грудей. Ему оставалось остановить свой выбор на одной или выбрать всех сразу... В шутку его люди и он сам называли этих проституток «снотворным». Итало придерживался здорового образа жизни, и в плане строгого соблюдения гигиены «снотворное» ему было необходимо. Естественно, он не допускал мысли, что изменяет Анджеле, проведя несколько часов с одной из таких телок.

— Анджела, все, умоляю тебя!.. Мне надо еще одеться. У меня деловая встреча.

Толчком указательного пальца он запустил миниатюрную рулетку, бросил шарик и в уме загадал «девятку».

— Итало, пожалуйста! Ты должен им позвонить! Я встречалась с ними... Они очень взволнованы!

— Ты встречалась с ними? — закричал Вольпоне.

— Они приходили домой... Тебе что, жалко?

— И ты впустила их в мой дом?

— Малыш, а что мне оставалось делать?

После долгих подпрыгиваний шарик опустился в лунку с номером 31.

— Ладно, я сейчас позвоню туда, а потом перезвоню тебе.

Он резко опустил трубку на рычаг, скрипнул зубами, сделал большой глоток виски и набрал «восьмерку» — выход на телефонистку отеля.

— Говорят из 1003-го... Соедините меня с Нью-Йорком, управление на Шестой авеню.

Когда он вошел в спальню, девушка капризно надула губы. Она лежала на кровати на животе, широко разведя ноги в стороны. Он небрежно, но достаточно сильно хлопнул ладонью по ее ягодицам и с удовольствием увидел, как на нежной коже проступил розовый отпечаток его ладони.

— Ты сделал мне больно, — пожаловалась девушка.

— Как тебя зовут?

— Ты злой! Не скажу!

— Знала бы ты, как мне на это наплевать... — сказал он, наливая в стакан виски. — А сейчас, шкура, займись мной!..

Она перевернулась на спину.

— А если для начала займешься мной ты?

Зазвонил телефон. Она взяла у него из руки стакан и сделала маленький глоток.

— Управление? Откуда мне знать? Вы же сами просили мою жену, чтобы я позвонил вам... Итало Вольпоне... Да... Хорошо...

Он толкнул девушку в плечо и заставил ее взять свой член. Затем надавил рукой на ее затылок. Она поняла и присела перед ним на корточки...

— Да... Вольпоне... Что?.. Почему?.. — Внезапно его лицо исказилось, мышцы тела напряглись. — Что вы сказали? — прорычал он.

Секунд тридцать он молчал. Его губы превратились в твердую побелевшую полосу...

Уловив враждебные интонации в его голосе, девушка подняла на него глаза, не прерывая своего занятия...

Он оттолкнул ее ногой в сторону.

— Сваливай! — прошипел он, не глядя на нее.

Ей захотелось защитить свое право на уважение.

— Ты не смеешь разговаривать со мной таким тоном.

Итало с размаху вlepил ей пощечину. Оглушенная, она смотрела на него глазами, полными страха и слез. Он достал из ящика стола пачку долларов и швырнул ей в лицо.

— Закончили развлекаться, соска... Даю тебе двадцать секунд...

Она наклонилась, собирая деньги, и вид округлого зада и стройных прямых ног заставил Итало пожалеть, что не смог воспользоваться ею...

— Вылетаю первым самолетом, — бросил он в трубку и положил ее на рычаг. — Я иду в ванную, а когда выйду, чтобы тебя здесь не было, — резким тоном приказал он девушке.

Она быстро пересчитала деньги, потерла щеку и неопределенно улыбнулась. За такую сумму она была бы не прочь получить еще одну пощечину. Через три минуты она закрыла за собой дверь номера Итало Вольпоне.

Итало вызвал своих телохранителей, поручив одному ждать его внизу у машины, а второму заняться билетами на ближайший рейс до Нью-Йорка.

Затем связался со своим адвокатом и объяснил, что должен появиться в управлении на Шестой авеню, где его ждут. Наконец он приказал разыскать Мортимера О'Бройна и доставить его в аэропорт. Несмотря на то что он находился на вершине иерархической

лестницы всемогущей и неприкосновенной организации, Малыш сохранил мышление мелкого воришки. Подкупая за баснословные деньги высокопоставленных чиновников полиции, он чувствовал себя не в своей тарелке при виде регулировщика уличного движения, словно ему по-прежнему было четырнадцать лет. Нервничая, он порвал шнурок и с дрожью в теле подумал о туфле Дженцо, которую, как ему заявили эти гнилые полицейские, они нашли, не захотев объяснить ни где, ни при каких обстоятельствах. Его брат мог сделать все, но только не потерять свои туфли...

Мортимер О'Бройн отвел Зазу в бар и попросил никуда не уходить, уточнив, что через сорок минут они вылетают. На все ее расспросы — куда же, в конце концов, они летят? — он отвечал загадочной улыбкой...

Мортимер быстро затерялся в толпе пассажиров и провожающих, собираясь сделать свой предпоследний ход в этой фантастической партии в покер. Если он ему удастся, тогда он сделает последний, победный, — навсегда растворится в природе. Сердцебиение в груди усиливалось. Он нервно посмотрел на часы и подошел к телефонистке.

— Мисс, мне нужно позвонить в Швейцарию.

— Это в Соединенных Штатах?

— Европа! Рядом с Францией, Германией, Англией, Италией!..

— Номер?

— 836592, Цюрих.

— Третья кабина.

— Долго придется ждать?

— Третья кабина!..

Он плотно закрыл за собой дверь, словно боялся, что его начнут подслушивать раньше, чем он начнет разговор. Дышать было нечем. Носовой платок, как и рубашку, можно было выкручивать.

Вначале его план был не более чем игрой ума, диалектическим развлечением, перечислением причин и следствий, приятно компоновавшихся в единую, логически безукоризненную цепочку...

И однажды, к своему большому удивлению, он обнаружил, что теоретические размышления выкристаллизовались в реально осуществимое предприятие, над которым, оказывается, он бессознательно, но напряженно и серьезно работал. Его встреча с Зазой расширила, если не открыла, совершенно неизвестные ему доселе чувственные горизонты и вызвала непреодолимое отвращение к собственной жене. Где она сейчас? Вероятнее всего, наглотавшись аспирина, мокрая лежит в постели, не зная того, что давно уже для всех умерла, в том числе и для себя.

От внезапно раздавшегося телефонного звонка он вздрогнул. Сорвал трубку, и она выскользнула из его потной ладони. Женский голос что-то говорил по-немецки. Он прокашлялся в надежде укрепить голос, но сумел только с трудом промямлить на английском:

— «Трейд Цюрих бэнк»?

— Кто вам нужен?

Итак, сейчас он сыграет с жизнью в «орел или решка».

— Хомер Клоппе. По личному делу и срочно!

— Сейчас узнаю, на месте ли мистер Клоппе. Как вас представить?

Морти, с трудом проглотив застрявший в горле ком, более-менее внятно произнес два слога магического слова:

— «Мамма».

Все, что было связано с Сицилией, вызывало у капитана Кирпатрика только ненависть. Он яростно ненавидел сицилийских мужчин, женщин, домашних животных, и особенно американцев сицилийского происхождения. Он возмущался, что они имеют право быть католиками, и с удовольствием издал бы закон, запрещающий им появляться в церкви, иметь паспорта и выходить из гетто, куда навсегда сселил бы их. На каждое преступление, совершенное Синдикатом, на каждого мелкого воришку-сицилийца у него было исчерпывающее досье. Эти сволочи, не жалея денег, оплачивали целые армии адвокатов, готовых смешать небо с землей, если полиция тронет хоть волосок на голове их клиентов. Он чуть не заорал от радости, когда ему сообщили, что нога-путешественница, прибывшая в Цюрих, принадлежит, по всей вероятности, неприкасаемому Дженцо Вольпоне.

Обувщик Бьяска, ничего, кроме тошноты, у него не вызывавший, формально подтвердил принадлежность туфли гангстеру.

Это было хорошо, но, одновременно, и очень плохо. «Крестный отец» никогда не теряет ногу, чтобы за этим не последовали значительные и нежелательные события. А так как речь идет о Вольпоне, события должны потрясти землю, вызвать непредсказуемую цепкую реакцию, которая взорвет «семью» Синдиката и подбросит полиции работы на долгие годы вперед. Что предпринять, чтобы это «что-то» не начало происходить? Что? Ответить на этот вопрос Кирпатрику было не по силам. Но главное, он не мог поверить, что Дженцо Вольпоне нет больше в живых. А вдруг, по счастливой случайности, Бог все-таки забрал его к себе на небеса? Он довольно потер руку об руку и мечтательным взглядом посмотрел на своего заместителя, лейтенанта Финнегана.

— Через час на этом стуле будет сидеть Вольпоне.

— Между нами, капитан, вы действительно верите в это?

— Нет, но хочу надеяться.

— Что конкретно он сказал вам по телефону?

— Он сказал: «Я еду...»

— А если он действительно приедет?

— Один шанс из десяти, и тот нереальный.

— Предварительно он посоветуется с адвокатами... Мне кажется, он сразу направится в Швейцарию, чтобы опознать ногу.

— А вот ты мог бы опознать чью-либо ногу, а?

— Если бы она принадлежала красивой девочке...

— Кстати, у тебя все готово?

— Да.

— Как только он выйдет из этого кабинета, я хочу, чтобы наши люди не спускали с него глаз.

— Если он сюда войдет...

— Если он сюда войдет, — с тоской повторил Кирпатрик.

Он покачал головой, и его лицо неожиданно просветлело.

— Представляешь, Финнеган, мы его прижучили!.. Какой поднимется шум!.. А его приговаривают к смертной казни! Садят на электрический стул! Ладно, я хочу сказать... Я отдал бы десятилетнюю зарплату, если бы мне разрешили дернуть за ручку трансформатора...

Обычно после интимных отношений — он ограничивался одним разом в неделю — Хомер Клоппе два дня подолгу чистил зубы. Это было необходимо, как он считал, чтобы уничтожить миллиарды микробов, попавших в его ротовую полость в результате контакта его губ с нестерильной партнершей. Он ожесточенно чистил зубы восьмой раз, начиная с утра, когда раздался телефонный звонок.

— По личному вопросу и срочно, — сказала телефонистка. — Этот сэр назвал имя... «мамма». Это вы?

— Соедините!

Послышался щелчок. Две долгие секунды банкир отчетливо слышал чье-то прерывистое дыхание. Инстинктивно он насторожился: работа с деньгами выработала в нем шестое чувство.

— Алло?

— Алло?.. Мистер Клоппе?

— Да.

— Мамма.

Голос принадлежал не Дженцо Вольпоне. Это мог быть только щедушный коротышка Мортимер О'Бройн. Странно, Вольпоне сказал, что звонить будет сам.

— Слушаю вас.

— Вы узнали меня?

— Да.

— Перевод осуществите, как было условлено.

— Разумеется.

— Есть небольшое изменение.

Пальцы Клоппе сильнее сжали трубку. Неужели он не ошибся? В воздухе запахло паленым?

— Какое изменение?

— Выбрано другое место перевода денег.

— Куда следует их перевести?

— Центральный банк Женевы. И сию минуту.

— Это сложно...

— Что вы сказали?

И снова Клоппе поразило прерывистое дыхание О'Бройна. Тот, вероятно, был чем-то очень взволнован.

— Я сказал, что это сложно. Я не могу перевести деньги по этому адресу только по желанию одного из двоих, имеющих на это право.

— Что? Но у нас нет времени! Мы же обо всем договорились!

Клоппе холодно уточнил:

— Наша договоренность остается в силе по условиям первого контракта. В данном случае вы меняете предусмотренное ранее направление...

— Ясно. Что я должен сделать?

— Секундная формальность: мне нужна ваша подпись.

— Но я уже не в Швейцарии.

— Сожалею. Человек, который был с вами вместе, по-прежнему здесь?

Последовала едва заметная пауза.

— Не думаю... Он должен быть уже в пути...

Хомер понял, что адвокат врет. Основная его функция заключалась в защите и соблюдении прав клиента, но в данном случае он сомневался и, несмотря на отсутствие прямых улик, решил, что его долг — выиграть время.

— Я прекрасно понимаю ваше положение, — сказал он. — Пришлите мне пару слов, подписанных вашим именем, и я тотчас выполню ваше указание.

— Повторяю вам — это срочно! — закричал О'Бройн.

— Я смог бы получить вашу подпись в течение двух суток.

— Это невозможно долго!

Оба замолчали. О'Бройн заговорил, явно стараясь держать себя в руках:

— Послушайте, принимая во внимание срочность... Мой клиент будет недоволен...

— Верьте мне, сэр, у меня нет другого выхода.

— Хорошо, я прилечу к вам сегодня вечером.

— Сегодня вечером? Откуда вы мне звоните?

— Из Нассау.

— Который у вас час?

— Двенадцать дня.

— Знаете ли вы, сэр, что в Цюрихе уже девятнадцать часов и вы застали меня в кабинете по чистой случайности?

— Мистер Клоппе, когда речь идет о такой сумме, время теряет свой смысл.

— Я так не думаю, сэр. Более того, сегодняшней вечер у меня занят...

— Когда вы сможете меня принять?

— Банк начинает свою работу в девять утра. Даже если бы вы вылетели сию секунду, я не смогу встретиться с вами до начала работы банка.

— А ночь!.. Ночь!.. Кто мне сказал, что нужна всего лишь секунда, просто подпись?.. Я настаиваю...

— По ночам, сэр, я не занимаюсь делами. У меня железное правило ложиться спать до двадцати трех часов. Сожалею...

— Буду у вас завтра утром, — сдался О'Бройн.

— Еще раз приношу вам свои извинения. Жду вас завтра.

Хомер Клоппе положил трубку, и у него возникло непреодолимое желание еще разок почистить зубы.

* * *

Войдя в здание управления, трое адвокатов поморщились: воняло нестираными носками, прокисшими бутербродами, пивом. Два чернокожих полицейских не обратили на них никакого внимания. Один что-то печатал одним пальцем на антикварной машинке, второй, заложив руки за спину, стоял перед решеткой и с бесстрастным выражением лица слушал оскорбления какой-то проститутки в свой адрес.

— Извините, — с презрительной интонацией произнес Джонни Кифф и сделал два шага вперед.

Его коллеги Хьюберт Мердл и Честер Хенли остались стоять рядом с Вольпоне. Кифф, Мердл и Хенли считались самыми дорогими адвокатами в Нью-Йорке. В зависимости от важности персоны клиента гонорар каждого колебался от трех до пяти тысяч долларов в час. Естественно, эта деталь не касалась Синдиката, который в течение года выплачивал им такие баснословные суммы, что они в любую секунду бросали все свои дела и клиентов и сломя голову мчались выполнить любое его поручение.

— Слушаю вас, — не поднимая головы от машинки, сказал дежурный полицейский.

— Нас ждет капитан Кирпатрик, — недовольным тоном сказал Джонни Кифф.

Полицейский продолжал печатать.

— Вас? Кто вы?

Кифф сунул ему под нос свою визитную карточку. Негр взял плотный прямоугольник картона, повертел его в руках и неохотно встал со стула.

— Сейчас узнаю, — сказал он и исчез за дверью в глубине комнаты.

Через минуту он вернулся, безразлично посмотрел на адвоката и пробурчал.

— Капитан не может вас принять, на это время у него назначена встреча... Просит зайти позже или позвонить.

— Что? — возмутился Кифф. — Он срывает с отдыха моего клиента и отказывается нас принять!

— Вашего клиента? Кто ваш клиент?

— Мистер Вольпоне, — встрял Хенли. — Итало Вольпоне!

— Кто из вас Вольпоне? — спросил полицейский.

— Все, хватит! — вскипел Кифф. — Идите и доложите своему шефу!

Пока они ждали возвращения полицейского, Кифф несколько раз повторил: «Возмутительно!» Коллеги согласились с ним, молча кивнув.

— Комиссар ждет вас, — сказал негр, оставив дверь открытой.

Они шли по коридору к кабинету Кирпатрика, как быки, рвущиеся на арену. Когда они вошли, Кирпатрик встал им навстречу.

— Сожалею, метр! Я не знал, что вы будете сопровождать мистера Вольпоне. Дежурный плохо вас понял...

— Господин Хенли, господин Мердл, господин Вольпоне, — сухим тоном представил всех Джонни Кифф.

— Присаживайтесь, господа!

— Спасибо, предпочитаем выслушать вас стоя, — сказал Хьюберт Мердл.

— Как вам будет угодно, — ответил Кирпатрик, машинально проведя ладонью по своей огненной шевелюре. — Господин Вольпоне, боюсь, что с вашим братом случилось несчастье... Бьяска формально подтвердил, что туфля, которую наши швейцарские коллеги нашли на оторванной ноге, принадлежала вашему брату Дженцо. Я не могу категорически утверждать, что найденная нога — это нога вашего брата. Хочу спросить у вас... — Кирпатрик сделал секундную паузу, — находился ли ваш брат в Цюрихе последние три-четыре дня?

— Мы можем посмотреть туфлю? — прервал его Кифф.

— Одну секунду, метр. Вы можете ответить на этот вопрос, мистер Вольпоне?

— Да, — вступил в разговор Хенли, — да, действительно, в эти дни Дженцо Вольпоне находился в Швейцарии.

Капитан смотрел прямо в глаза Вольпоне, которые метались из стороны в сторону, не

зная, на чем остановиться.

— Мистер Вольпоне? — не обращая внимания на выпады адвокатов, настаивал Кирпатрик.

— Мой брат отправился в Цюрих на деловую встречу, — ответил Итало.

— Вы не обязаны вдаваться в детали, — упрекнул его Мердл.

— Туфлю! — потребовал Вольпоне.

Из ящика стола Кирпатрик достал пакет, развернул его и протянул туфлю Вольпоне.

Тот долго разглядывал ее.

— Вполне возможно, что эта обувь принадлежала моему брату.

— Вы не уверены в этом?

— Как он может быть уверен? — возмущенно пожал плечами Кифф. — Можете ли вы с полной уверенностью опознать какую-нибудь вещь, принадлежащую вашим близким?

— Комиссар, я, вероятно, чего-то недопонимаю, — язвительно сказал Хенли. — Наш клиент выехал отдохнуть два дня на Багамах, а вы выдергиваете его оттуда...

— Я всего лишь попросил его приехать, — перебил его Кирпатрик, не спуская внимательных глаз с Вольпоне. — Мистер Вольпоне мог просто проигнорировать мое приглашение. Хочу признаться, мистер Вольпоне, что не ожидал увидеть вас в окружении столь знаменитых адвокатов при выполнении такой малозначительной формальности.

— Когда была найдена нога? — спросил Итало.

— Тридцать шесть часов назад. Она была прикреплена к обходной решетке электровоза, прибывшего на вокзал в Цюрих.

— Хватит, пошли отсюда, — нервно передернул плечами Итало.

— Что касается вашего брата, я вынужден был обратиться в Интерпол. И еще, в любую минуту может потребоваться ваше свидетельство, мистер Вольпоне.

— Вы знаете, где можно найти мистера Вольпоне, — сказал Кифф.

— Мистер Вольпоне, вы не собираетесь покинуть Нью-Йорк в ближайшие дни? — спросил Кирпатрик.

— Что? — задохнулся от возмущения Мердл. — Что это значит?

— Ничего особенного, метр. Просто я хочу знать, где, в случае необходимости, я смогу найти мистера Вольпоне.

— Я вылетаю в Швейцарию первым самолетом, — буркнул Итало и огорченно опустил голову. — Если с моим братом что-то случилось, я хочу узнать — что?

— Будем надеяться, что речь идет не о нем, мистер Вольпоне. Есть еще один момент, который привел в изумление моих швейцарских коллег. В кармане штанины нашли билет Цюрих — Женева, закомпостированный в Цюрихе за двадцать минут до прибытия поезда.

— И что? — спросил Мердл.

— Метр! — укоризненно произнес Кирпатрик. — Кто-то, на данный момент нам неизвестный, садится в поезд Цюрих — Женева, а отрубленная нога этого неизвестного возвращается в Цюрих спустя двадцать минут после его отъезда.

— Дальше, капитан.

— По логике вещей, ногу должны были отрубить в Женеве, разве не так?

— И что это меняет? Так как еще не определили, кому она принадлежит...

— Уходим отсюда! — повторил Вольпоне.

— Мистер Вольпоне, если вы хоть что-нибудь узнаете о своем брате, сообщите мне, — попросил Кирпатрик. — Если что-то узнаю я, непременно дам вам знать...

Все головы почти одновременно склонились в знак прощания, и Вольпоне, сопровождаемый адвокатами, вышел из кабинета. Едва за ними закрылась дверь, появился Финнеган.

— Финнеган! — радостно завопил Кирпатрик. — Они уже нервничают! Пусть твои люди проверят, на самом ли деле этот ублюдок собирается улететь сегодня в Швейцарию. Я хочу, чтобы двое наших сидели в том же самолете. Полетят Кавано и Махоуни.

* * *

Он извивался под ней, отворачивая лицо, когда она, смеясь, хотела поцеловать его, и наконец резко сбросил ее с себя.

— Нас могут услышать!

— Ну и что? Это даже забавно!

— Я старомоден...

— Если бы ты знал, как возбуждаешь меня, делая вид, что боишься, что я тебя изнасилую. Или ты действительно боишься?

Тыльной стороной ладони Курт вытер рот, чем сильно удивил Ренату.

— Моя губная помада не пачкается! Давай попробуем еще раз!

Курт попятился от нее. Родившись в семье среднего достатка, он вырос пассивным бунтарем-революционером. Его презрение к комфорту, роскоши, деньгам и ко всей капиталистической системе в целом было не чем иным, как показным противостоянием благосостоянию...

Рената Клоппе вобрала в себя все, что он провозглашал тошнотворным: беззаботность, богатство, вызывающую красоту и полное отсутствие интереса к великим проблемам — голоду в мире, ухудшению экологии, марксизму, идеалам рабочего класса...

И к тому же Курт ненавидел своего будущего тестя.

Однажды, сидя за обеденным столом, после нескольких рюмок спиртного он откровенно высказался в адрес Клоппе:

— Даже если вы искренни в своих убеждениях, даже если вы думаете, что несете благо, все равно все ваши усилия направлены на утверждение собственной власти и разложение общества!

Хомер Клоппе посмотрел на него, как на сумасшедшего, а восхищенная Рената умирала со смеху. Она быстро увела его в спальню, и там он произнес искрометную речь, в которой доказал, что Швейцария со всеми ее банками и так называемым нейтралитетом, экологически чистой пищей повинна во всех мировых несчастьях, начиная со смерти Альенде и заканчивая нищетой в социалистических странах...

Рената пожирала его глазами и шептала:

— Да, мой дорогой Курт, да... Ты прав... Трахни меня!

Как обычно, она провоцировала, брала инициативу на себя... И он уступил, что-то недовольно бормоча себе под нос.

— Курт, помоги! У меня заело молнию платья...

Она сидела на кровати в коротеньком платьице известнейшего в мире модельера, которое стоило больше, чем колумбийский шахтер мог заработать за двадцать лет...

— У меня не получается, — смущенно сказал Курт.

— Какое счастье, что я никогда не ждала, когда ты разденешь меня! Иначе, дорогой Курт, я до сих пор ходила бы в девственницах. Мануэла!.. Мануэла! — позвала она еще раз. — Куда она подевалась? Эта сучка по уши влюблена в парня, который сколачивает состояние в Ботсване на алмазах.

— А она работает прислугой?

— Он уехал туда всего три месяца назад.

— Владеет шахтами?

— Копают... Они оба из Португалии. Прочитал объявление и сорвался отсюда. Когда он возвратится, естественно, богатым, он женится на ней, сделает одиннадцать детей и припечатает к делу... Что поделаешь, она любит своего Хулио! Когда он ее трахал, это занимало десять минут, теперь она проводит весь день перечитывая его письма, и ничего не хочет делать! Мануэла!

— Слушаю вас.

Мануэла была невысокого роста, с короткой стрижкой, но красивая, с каким-то детским, наивным взглядом темных глаз.

— Вы только что из Ботсваны, дорогая, да?

Мануэла ангельски улыбнулась. Она часто и подолгу доверительно разговаривала с молодой хозяйкой: Рената Клоппе всегда была готова выслушать сердечные трудности других. Она давала дельные советы, щедро расплачивалась в конце месяца и вообще рассматривала прислугу больше как подружку, а не как наемного работника. Мануэла обожала ее.

— Что нужно сделать?

— Курт попытался меня изнасиловать, но резко дернул за молнию, и ее заело. Посмотри...

Хихикая, Мануэла быстро все исправила. Глядя в зеркало, Рената искала взгляд Курта, но великий революционер смотрел в окно, чтобы никто не видел залившей его лицо краски.

* * *

— Эта гнилая вонючка хуже ирландского дерьма, акула — этот полицейский! Вы бы видели, как он радовался. Вольпоне в его кабинете! Дженцо никогда мне этого не простит!

Юдельман смущенно опустил глаза. Итало говорил таким тоном, словно никакой ноги не существовало. Всякий раз, когда он пытался направить разговор в это русло, младший Вольпоне тут же уходил в сторону.

— Меня это тревожит, Малыш, очень тревожит... Я приказал начать розыски в Швейцарии, но твой брат исчез, как невидимка. Понимаешь, эта нога...

— Закройся! Я тебе говорю, что это не он! Ты думаешь, что Дженцо такой дурак, чтобы прыгнуть под поезд?

Покусывая губы, Юдельман пробормотал:

— А если ему помогли?

Неожиданно Итало схватил его за лацканы пиджака и притянул к себе.

— Я же тебе сказал — это не он! Он должен был поехать в Италию к одной шкуре. Сейчас он ее трахает! Кто лучше меня знает брата?

Но Юдельман не мог спокойно смотреть на это дело, которое таило в себе большую

опасность... Ему пришлось вцепиться двумя руками в свое мужество, чтобы не дрогнуть. Он был одним из немногих, кто знал дикую, необузданную мощь слепой ярости Итало Вольпоне.

— Не злись. Малыш, лучше выслушай... Ты знаешь, что на протяжении восемнадцати лет я являюсь советником твоего брата и всей «семьи». Скажи, Дженцо хоть однажды критиковал мои советы?

— А! Прекрати!

— Ответь мне только на один вопрос, единственный.

— Рожай!

— Если речь идет действительно о ноге Дзу, ты смог бы опознать ее?

Итало взорвался.

— А какого черта я собираюсь лететь в Швейцарию? Сыры жрать?..

— У тебя есть особые приметы?

— Да, черт побери! Когда мы были пацанами, старик подарил нам велосипед, один на двоих. Он выиграл его в покер у одного пьянчуги. Дженцо захотел тут же прокатиться. Я устроился сзади, на багажнике. Короче, мы упали... Дженцо педалью рассекло ступню, и шрам остался на всю жизнь. Я хочу удостовериться, есть ли он... там...

Моше прочистил горло и осторожно спросил:

— Левая или правая ступня?

Малыш уничтожающе посмотрел на него.

— Правая! Когда мой самолет?

— Через два часа. Меня тревожит еще одно обстоятельство... Сегодня утром я должен был встретиться с О'Бройном. На встречу он не явился.

— Ну и что?

— Ничего. Я позвонил ему домой, но и там его не оказалось. Жена не видела его с тех пор, как он улетел в Нассау.

— К чему ты клонишь?

— Не торопись... У О'Бройна есть любовница — Заза Финней.

— Знаю, знаю...

— Она тоже исчезла.

Вольпоне бросил на Юдельмана недоуменный взгляд.

— Моше, что ты хочешь мне сказать?

— Мне кажется странным, что вкладчик двух миллиардов долларов, обладающий шифром счета, исчезает...

Итало изумленно посмотрел на него.

— Если О'Бройн исчез, меня это не касается. Пусть об этом беспокоится его шеф, Этторе Габелотти!

Юдельман медленно покачал головой.

— Одну секунду... Ты знаешь, почему Габелотти не полетел вместе с твоим братом в Цюрих?

— Все знают, что этот мудака дрожит за свою задницу и боится летать.

— Правильно! Поэтому он и отдал свои полномочия О'Бройну. Теперь только два человека имеют доступ к деньгам: дон Дженцо и Мортимер О'Бройн.

Итало рассмеялся фальшивым смехом.

— Говори сразу, что этот недоносок хочет смыться с деньгами Синдиката.

— Такого я тебе не говорил. Я только напоминаю тебе, что речь идет о двух миллиардах долларов.

— Мертвому не надо и трех центов!

— О'Бройн еще не мертв... его просто нигде невозможно найти, — тихо сказал Юдельман.

Итало раздраженно передернул плечами.

— О'Бройн! Этот несчастный боится собственной тени!

— С двумя миллиардами долларов никто не может считаться несчастным или трусом.

Итало подозрительно посмотрел на Юдельмана, не понимая, говорит тот серьезно или шутит. Нет, вид у Моше был очень озабоченный.

— Каким бы ты умным ни был, но кое-что упустил, — начал Итало. — Неужели ты думаешь, что Габелотти настолько простой парень, что даже не поинтересовался у О'Бройна номером счета?

— Возможно, это так, — сказал Юдельман. — Даже наверняка поинтересовался!

— Ну? Для чего тогда ты крутишь все это кино?

— Ладно. Забудем! И не злись на меня. Я всей душой хочу, чтобы эта операция удалась. Мне повсюду кажутся черти...

— Только не О'Бройн может нас поймать! У него пусто в штанах. Он никогда не осмелится! Моше!.. — Вольпоне вдруг замолчал. — А если эта свинья Габелотти?..

— Нет, нет! — прервал его Юдельман. — Габелотти от этого ничего не выиграет. Хватит, достаточно навоевались! Нет, не Габелотти. Если, не дай Бог, что-то случилось с Дженцо... Извини, я опять за свое... Этим человеком может быть только О'Бройн.

— Потому что он засел в твой черепушке, — сплюнул Итало. — Сходи и поговори на эту тему с Габелотти. Сходи, спроси у него...

— Я должен тебе признаться... Если О'Бройну стукнула моча в голову... он не успеет шевельнуть мизинцем... Я попросил, чтобы предупредили Орландо Баретто в Цюрихе... Он не даст ему и шагу сделать к банку. Здесь два человека следят за его квартирой... Еще двое наблюдают за квартирой его подстилки... Не волнуйся, Итало, отправляйся в Швейцарию и успокой меня хорошим известием о Дженцо. Пошли?

— Хочу дать тебе одно поручение, пока меня здесь не будет: ликвидируй Бьяску.

— Бьяска? Почему? — удивился Юдельман.

— Он навел на меня фараонов.

— Возможно, у него не было выбора...

— Меня это не интересует. Ликвидируй его! Прежде чем открыть пасть перед фараонами, он должен был предупредить меня.

— Ладно, посмотрим...

Итало посмотрел на него леденящим душу взглядом.

— Ты уберешь его или мне заняться этим самому?

— Не нервничай! Преподадим ему небольшой урок... Сейчас есть более неотложные дела!

— Нет! Я люблю решать свои вопросы по горячим следам.

— А наши деньги, ты думаешь о них?

— Они находятся там, где им положено быть. Ликвидируй Бьяску, остальное — моя забота...

— Хорошо, — буркнул Моше, — хорошо...

Лучше обойти Итало, а не идти на пролом. В минуту гнева он готов даже пожертвовать громадным состоянием в угоду своему капризу.

— Итало, прилетишь на место, позвони мне... Если у тебя возникнут трудности, я тут же вылечу...

Лицо Вольпоне окаменело, и Юдельман предпочел не продолжать.

— Как хочешь, — торопливо сказал он, — как хочешь... Я провожу тебя в аэропорт.

* * *

Мануэла закурила тонкую сигарету. Она позволяла себе это удовольствие четыре раза в день в свободную от работы минуту. Положив ноги на край туалетного столика, она еще раз перечитала письмо.

«Любимый Хулио!

Я могла бы наизусть пересказать твое письмо, которое прочитала с большим волнением. Я не могла даже представить, насколько опасна твоя работа. Поэтому я прошу тебя — оставь ее! (Она дважды подчеркнула слова «оставь ее».) Пропавши они пропадом, эти деньги! Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Если на то пошло, мы могли бы быть счастливыми и здесь. Важнее быть счастливым и живым, чем богатым и мертвым. Возвращайся! Мы года два еще поработаем в Цюрихе. Моя хозяйка подыщет тебе спокойную работу, потом уедем в Албуфьеру и купим магазин. И еще, Хулио, что я буду делать с ребенком, которого ношу в себе, если с его отцом случится несчастье до того, как он на мне женится? Садись в первый самолет, сколько бы ни стоил билет, и возвращайся, Хулио. Не всегда деньги — главное!.. Вчера у мистера Клоппе были гости, и хочу сказать тебе, что все эти люди, набитые деньгами, имеют противные лица и, поверь мне, редко занимаются любовью. В любом случае не так часто, как мы! Не исключение и мистер Курт с мисс Ренатой, которые женятся в следующий четверг, и об этой свадьбе говорит весь город. Мне очень тебя не хватает, Хулио. Хулио, пожалуйста, сделай так, как я тебя прошу, — возвращайся! Не спускайся больше в эту проклятую шахту и приезжай обнять свою маленькую Мануэлу. Ей этого так хочется! Я еще раз, перед сном, прочту твое письмо, хотя уверена, что ночью мне будут сниться кошмары. Мне холодно одной в кровати. Я люблю тебя! Навечно твоя — Мануэла».

Мануэла взяла со стола конверт и написала адрес своего жениха:

«Мистеру Хулио Альмейде «Вассенарз консолидейтед» Шукуду, Ботсвана (Южная Африка)».

Завтра утром она пойдет на почту.

Она легла в кровать и спросила себя, сегодня ли это произойдет. Одна из ее подружек сказала, что начиная с третьего-четвертого месяца беременности будущая мать может ощутить шевеление ребенка. Срок ее беременности был уже три с половиной месяца.

* * *

Когда трое парней вошли в магазин, Бьяска понял, что это бандиты. Они были молоды, внешне напоминали студентов, но в их глазах застыло что-то жестокое и беспощадное.

Самый высокий держал в руках футляр от скрипки. «Что в нем может быть?» — подумал Бьяска. У него не было никаких недоразумений ни с полицией, ни с кем-нибудь из влиятельных лиц нью-йоркских «семей». Кроме того, все хорошо знали о его дружеских отношениях с Дзу Дженцо Вольпоне, чтобы кто-то осмелился угрожать ему. После визита полицейских ему так и не удалось дозвониться домой к дону Вольпоне: или телефон был занят, или никто не отвечал. После двухчасового напрасного накручивания диска он попытался связаться с секретарем Вольпоне, но и там его ожидала неудача.

— Господа, чем могу быть вам полезен?

— Вы — Пьетро Бьяску?

— Да, — ответил он, вдруг ощутив свою силу в тех высоких и многочисленных знакомствах, которыми так гордился.

— Мы хотели бы заказать обувь, — сказал высокий парень с футляром.

— Этим вопросом занимается моя секретарша. Но вначале нужно сделать муляж ваших ступней.

— Пожалуйста, вот вам образец, — ответил парень.

Он резко развернул Бьяску к себе спиной и сильно ударил его ногой в зад. Клиенты, работники, находившиеся в зале, с недоумением наблюдали за нелепой сценой. Лицо Бьяски побагровело. Понимая, что на карту поставлен его авторитет, он с решительным выражением повернулся к обидчикам.

— Вы не понимаете, на кого подняли руку!

Один из бандитов вытащил из кармана «кольт» и, небрежно помахивая им, стал у входной двери. Второй рывком оборвал телефонный провод.

— Возможно, тебя устроит этот размер? — мягко сказал парень с футляром и ударил Бьяску ногой в пах.

Пьетро выдержал удар.

— Я не знаю, ни кто вы, ни какой сумасшедший вас прислал, но, клянусь, вы дорого за это заплатите!

Последовал новый удар ногой.

— Ты займешься нами, или я должен тебя изуродовать?

— Вам что-нибудь говорит имя Дзу Дженцо Вольпоне? — Бьяска выбросил козырную карту.

Тот, который оборвал шнур, подошел к Бьяске.

— Послушай, старина, я очень много ходил сегодня пешком... Видишь, туфли запылились... Почистишь...

Он подтянул к себе стул и поставил на него ногу.

— Давай, чисти!..

Бьяска продолжал неподвижно стоять. Это стоило ему удара кулаком в лицо.

— Чисти!

Чтобы придать своим словам больше ясности, он приставил к виску итальянца «харрингтон энд ричардсон» 22-го калибра. С наполненными яростью и страхом глазами, Бьяска вытащил из кармана шелковый носовой платок и провел им по туфле от носка до каблука.

— Сильнее тут! Стань на колени! Я хочу, чтобы они блестели, как новенькие.

Пьетро опустился на колени и принялся полировать кожу.

— Достаточно! — сказал тип. — А теперьними с нас мерки.

Одна из клиенток решительно направилась к выходу.

— Я уйду. Ваши дела меня не интересуют...

— Тсс... тсс, — цыкнул парень с «кольтом» и дулом оружия указал ей на к прежнее место.

— Не могли бы вы мне сказать, что вам от меня нужно? — спросил Бьяска, которого охватил настоящий, жуткий страх.

— Тебе же сказали! Туфли! Пошел, вперед!

— Эй! — крикнул парень, стоявший у входа. — Закрываемся!

Поставивший Бьяску на колени приказал кассирше:

— Задерни шторы на окнах, мымра!

Когда кассирша проходила рядом с ним, он протянул ей табличку, на которой было написано: «Закрето».

— Прикрепи так, чтобы хорошо было видно с улицы.

Бьяска грубо втокнули в мастерскую. Никто из подмастерий даже не шелохнулся, но Бьяска на всякий случай предупредил:

— Не пытайтесь меня защищать, они вооружены.

— Что это такое? — спросил бандит с футляром, показывая на полки с муляжами ступней.

— Слепки с ног моих клиентов, — ответил Бьяска. — А теперь все-таки объясните мне...

— Подай мне одну такую хреновину.

Пьетро снял с полки муляж и протянул его бандиту. Вертя в руках ступню, тот спросил:

— И много у тебя таких?

— Две тысячи семьсот, — ответил Пьетро.

— Из чего они сделаны?

— Из гипса.

— А почему здесь написано «Пол Ньюмен»?

— Это слепок с его ступни.

— Вот это да! — восхищенно присвистнул бандит. — Знатная у тебя клиентура!

Бьяска нервно передернул плечами.

— Послушайте, в какую игру вы играете?

— Ты и ты! — приказал парень, ткнув указательным пальцем в двух ближе всего к нему сидевших подмастерьев. — Возьмите палки и быстренько сбросьте всю эту дребедень на пол!

— О нет! — завопил не своим голосом Бьяска. — Вы не посмеете!

К нему подошел тот, которому он чистил туфли, и сильно ударил рукояткой пистолета по побледневшей щеке. Падая на пол, Бьяска простонал:

— Не делайте этого. Это — все мое богатство...

— Чего вы ждете? — ледяным тоном спросил парень с футляром.

Бросив беспомощный взгляд на хозяина, подмастерья начали сбрасывать гипсовые слепки с полок. Ударяясь о пол, муляжи разлетались на кусочки со звуком разбивающейся глиняной посуды.

Подмастерья старательно избегали смотреть на Бьяску, по лицу которого, смешиваясь с кровью, ручьем текли слезы.

— Теперь топчите... Превратите их в пыль... Там, на верхней полке, осталась еще одна

хреновина. Вниз ее!..

Самый старший по возрасту работник Бьяски возразил:

— Только не это... Мэрилин Монро!

— Монро? Без шуток?

— Пожалуйста!

— Ладно, оставляй свою Монро! А впрочем, там, где она сейчас, башмаки ей не понадобятся. Разбивай! Разбивай!

Закрыв лицо руками, Бьяска был не в силах смотреть, как его единомышленники, в каком-то смысле его дети, давили ногами то, что было его гордостью и богатством...

— А теперь покажи склад готовой продукции!

Бьяска кивнул в сторону двери, находившейся в глубине мастерской и едва просматривавшейся сквозь густое облако белой пыли. Он с трудом встал на ноги, успев выхватить взглядом обломок с надписью: «Генри Киссинджер». В одну секунду все потеряло для него смысл. Он открыл дверь склада, набитого готовой обувью, дорогими сортами кожи, привезенной из Италии, Англии, Испании...

Парень неторопливо открыл футляр. К удивлению Бьяски, вместо ожидаемого автомата он увидел портативный газовый резак, к которому с помощью шланга был присоединен миниатюрный баллончик с кислородом.

— Собираетесь поджечь? — безразличным голосом спросил Бьяска.

— Никакого пожара... Хочу немного поджарить недоброкачественный товар...

Он открыл вентиль и поднес к вырывающейся струе газа огонек зажигалки. Голубая струя пламени прошлась по первым рядам готовой обуви.

— Может, вам нужны деньги? — спросил Пьетро.

— Нет, никаких денег...

— Что же вам нужно?

— Ничего. Разувайся.

Бьяска машинально снял обувь. Страх прошел, все ему стало безразлично. Разве можно причинить ему еще большую боль? Его муляжи превращены в пыль, сам он публично унижен, а готовая обувь безвозвратно повреждена.

— Зачем? — отрешенно спросил он.

— У тебя есть муляжи собственных ступней?

— Нет.

— Тем лучше... Они тебе больше не понадобились бы.

— Почему?

Неожиданно пламя резака метнулось вниз, и Бьяска увидел, как оно запрыгало по его ступням, и услышал звук трескавшей под огнем кожи.

— Потому что теперь они приобретут другую форму, — вежливым тоном объяснил бандит.

Отъезжая от здания аэропорта Кеннеди, куда он только что привез Малыша Вольпоне, Моше Юдельман попросил шофера доставить его как можно быстрее домой, не нарушая при этом правил дорожного движения. Он лучше других знал, что жизнь за гранью закона требует слепого подчинения тысячам абсурдных законов, о которых обыватель зачастую не имеет никакого понятия. Несколько лет тому назад в одной итальянской газете он прочитал, как дорожная полиция остановила какого-то министра за превышение скорости. И тот, вместо извинений, пригрозил полицейским ужасными наказаниями. Глупый и дисциплинированный полицейский составил соответствующий протокол и подал его в суд. Министр задействовал все свои связи, но полицейский не хотел слушать свое начальство и рвать протокол. Он обратился в свой профсоюз, дело приобрело всеобщую огласку, и в конце концов полицейский остался полицейским, а министру пришлось подать в отставку. Грустная, но поучительная история.

Юдельман с горечью подумал, что неприятности только начинаются... Он не решился до конца высказать Итало все свои опасения. Но инстинктивно уже чувствовал запах крови... Кроме безграничной профессиональной компетенции, он не видел в О'Бройне ни одного достойного мужчины качества. Моше считал его слабохарактерным, нерешительным и уж слишком внешне добропорядочным, чтобы верить ему.

Если это действительно нога Дженцо Вольпоне, если он действительно умер в окрестностях Цюриха, случайность этого происшествия полностью исключается. Кому в таком случае на руку это преступление?

Моше сразу же исключил из возможных подозреваемых «семью» Габелотти. Ее дон Этторе не настолько идиот, чтобы нанести предательский удар до того, как будет улажен деликатный банковский вопрос, который должен был решиться в течение ближайших недель. Кроме того, проблема преемственности, вызванная исчезновением Дженцо, настолько острая, что обязательно вызовет необходимость в арбитраже всеильной Комиссьоне.

Сейчас, когда после трехлетней кровавой вражды установлен временный мир, Синдикат не простил бы Габелотти разжигания новой войны и общими усилиями стер бы его в порошок. Габелотти об этом знает. Остается О'Бройн.

У Юдельмана не укладывалось в голове, как можно протянуть руку к деньгам Синдиката, забыв о собственной шкуре. Такая попытка равнозначна пуле, пущенной собственной рукой себе в лоб.

К сожалению, именно он, Моше, убедил Вольпоне и Габелотти пойти на этот временный союз, чтобы осуществить исключительную, выходящую за рамки обычного представления, операцию. И теперь смерть дон Дженцо, у истока которой формально стоял он, может повлечь безумный и безудержный каскад человеческих смертей. Эта перспектива настолько его испугала, что он приказал шоферу изменить маршрут и немедленно отвезти его к Габелотти. А почему бы нет? Он искренне поделится с ним своими подозрениями, поинтересуется местом нахождения О'Бройна и тем, знает ли он номерной счет в Цюрихе.

Если Габелотти правильно оценит его шаг, у него хватит ума позвонить в Швейцарию и проверить, на месте ли два миллиарда долларов.

Поразмыслив несколько минут, Юдельман отказался от только что выработанного

плана. Этторе мнителен и недоверчив. Его демарш может вызвать подозрение и у Итало. Следует дождаться новостей от Малыша из Цюриха, окончательно убедиться, что с доном Дженцо случилось непоправимое несчастье.

А если деньги уже испарились из банка?

Сердце Моше сжалось, когда он подумал, что если бы Габелотти не боялся самолетов, он полетел бы с Вольпоне в Цюрих и стал бы носителем секрета. О'Бройн никогда не входил, даже теоретически, в цепочку операции «АУТ».

Когда шофер затормозил у его дома, Моше, погруженный в океан мрачных мыслей, долго сидел неподвижно, не замечая открытой перед ним дверцы.

Если предчувствия не обманывают его, ужасные неприятности скоро обрушатся на всех...

* * *

— Заходите, дорогой, прошу вас...

Хомер Клоппе энергично пожал руку посетителю. Это был сорокалетний стройный мужчина с седыми коротко подстриженными волосами.

— Путешествие было приятным?

— Очень, спасибо.

— Хотите чего-нибудь выпить? Виски?

— С удовольствием.

Хомер снял с полки два серебряных бокала.

— Присаживайтесь... Надолго в Цюрих?

— Через три часа снова улетаю в Детройт.

— Неразумно... Я надеялся вместе поужинать.

Хомер извлек из ящика рабочего стола флакон с наклейкой чернил известной фирмы «Уотерман».

Отвинтив пробку, он налил светлую жидкость в бокалы.

— Не волнуйтесь, — сказал он, улыбнувшись, — даже швейцарцы не пьют чернила. Ирландское виски, тридцать лет выдержки... Попробуйте...

Седой недоверчиво понюхал. Его звали Мелвин Бост, и он управлял административной службой «Континентл мотокарз» — автомобилестроительного завода, основанного на следующий день после окончания войны. Эдмонд-Люсьен Клоппе, отец Хомера, и он сам, праправнук Оноре Клоппе, основателя «Трейд Цюрих бэнк» финансировали первые шаги зарождающегося концерна. В то время, в 1946 году, Эдмонд-Люсьен взял в долю на паритетных началах с двадцатью процентами стартового капитала четырех партнеров: «Уньон бэнк Сюисс», «Креди Сюисс», «Чейз Манхэттен» и «Морган гаранти траст».

Десять лет спустя небольшой заводик с тремястами рабочими превратился в огромный комплекс, где уже работало шесть тысяч человек. За это время акции предприятия выросли на 1 200 процентов от первоначальной стоимости: «Чейз», «Креди», «Уньон» и «Морган» часть своих акций выгодно продали. В силу этих обстоятельств Эдмонд-Люсьен, который не притронулся к своему пакету ценных бумаг, оказался основным держателем капитала «Континентл мотокарз». К радости и горю...

— Ваш телефонный звонок удивил меня. Какой такой секрет вы хотите сообщить мне?

Лицо Мелвина Боста сразу же приняло озабоченное выражение.

— Произошла еще одна авария.

Он машинально протянул руку с бокалом Клоппе, и тот плеснул в него добрую порцию виски.

— Еще одна?

— Седьмая за шестнадцать месяцев. И все по той же причине: отказ рулевого управления.

Маленький розовый рот Хомера скривился.

— Что показало расследование?

— Причина известна: неправильная закалка стали колонки управления, как результат — облом... Из этой стали сделаны все колонки управления, которые стоят на всей серии «Бьюти гоуст Р9».

— Почему все?

— Эта деталь произведена нами. Мы купили эту сталь по дешевке...

— Замените сталь.

— Это уже сделано.

— Вы выставили санкции поставщику?

— С того дня, когда вдова того типа, который разбился на «Р9», бросила против нас армию адвокатов.

— Она выиграла?

— Выиграет... Она легко доказала, что в аварии повинен не муж, а технический брак. Но это еще не все... Родственники шести других жертв тоже атакуют нас.

— Что, по вашему мнению, следует предпринять?

— Ума не приложу, сэр. Поэтому я и прилетел сюда, чтобы посоветоваться с вами.

— Сколько «Р9» находится в эксплуатации?

— Всего в мире? 482 326.

— Вы уверены, что эти несчастные случаи не являются чистой случайностью?

— Семь смертельных исходов в результате одной причины — это не случайность, а закономерность.

Хомер глубоко вздохнул.

— Кто нам докажет, что будут новые аварии?

— Мы проиграли возможность несчастных случаев на компьютере. Результаты неутешительные: ожидается одна авария на десять тысяч машин, или сорок восемь на 482 326 «Р9», которые бегают по дорогам Европы и Америки.

— Невероятно!

— Такова статистика, сэр. Никто не может гарантировать, что это произойдет, но ЭТО МОЖЕТ случиться.

— Я не могу допустить этого! Мы должны предупредить всех владельцев «Р9»... во всем мире.

— Что вы предлагаете?

— Произвести бесплатную замену дефектной детали.

— Мы уже думали над этим, мистер Клоппе. Реализация вашего предложения превысит все мыслимые материальные затраты.

— Откуда вам знать! Ваш жест лояльности произведет такой рекламный эффект, который привлечет внимание новых покупателей.

— С моей точки зрения, сэр, не всякая реклама стоит того, чтобы в нее вложить сто пятьдесят миллионов долларов.

От неожиданности Хомер пролил на пол половину содержимого бокала.

— Что вы сказали? Какую цифру вы назвали?

— Сто пятьдесят миллионов долларов, — повторил Мелвин Бост.

Хомер чуть не задохнулся, молниеносно подсчитав в уме, что его личный вклад составит около тринадцати миллионов долларов. Кто может позволить себе выбросить на ветер такую сумму?

— Видите ли, сэр, — в спокойном тоне продолжал Мелвин Бост, — я ждал этого благородного шага с вашей стороны и должен вас предупредить, что это обернется для фирмы банкротством.

— Но я не могу оставить... рисковать жизнью еще сорока восьми человек.

— Шесть тысяч человек станут безработными, пятьсот пятьдесят инженеров и работников административного аппарата окажутся на улице... Поэтому я и не хотел принимать никаких решений, не посоветовавшись с вами.

— Я в растерянности...

— Есть от чего... Мы не можем принять половинчатое решение. Известив владельцев «Р9» о начале нашей акции, мы вынуждены будем идти до конца... до банкротства.

— Что же делать?.. Что делать?..

— Хотите знать мое мнение, мистер Клоппе? Ничего не делать! Может случиться и так, что больше не произойдет ни одной аварии. Не будь этого процесса со вдовой, мы, возможно, никогда бы не узнали причины отказа рулевого управления. Попробуем шанс...

Клоппе сурово посмотрел на него.

— Речь не о нашем шансе, Мелвин! Мы не имеем права...

— Я вам уже говорил, что из семи аварий только четыре со смертельным исходом.

Хомер горько покачал головой.

— Только!..

— В двух случаях — относительно серьезные травмы, в последнем водитель отделялся легкой контузией. Если вы согласны меня выслушать, сэр, я изложу вам свою идею. Она стоит столько, сколько стоит... Итак... Если в течение трех месяцев ничего не произойдет, я имею в виду новую аварию, мы оставляем все так, как есть... За это время я что-нибудь придумаю, чтобы спасти фирму... если снова начнутся аварии. Что вы на это скажете?

Хомер надолго погрузился в размышление. Мелвин Бост уважительно не нарушал тишину.

— В данном случае, сэр, — заговорил он после молчания, — это самое верное решение. К тому же новые «Р9», которые пойдут с конвейера через месяц, будут совершенно безопасны.

— Сделайте все, что в ваших силах, Мелвин.

* * *

Капитан Кирпатрик относился к Интерполу с таким же пренебрежением, как к своей первой паре наручников. Он доверял только тем людям, которых обучил сам. И еще он прекрасно знал, каким соблазнам подвергаются молодые инспекторы, в душе которых еще

не зажегся священный огонь. Синдикат своими умопомрачительными взятками мог коррумпировать все, что коррумповалось... Когда зарабатываешь пятьсот долларов в месяц, и тебе не всегда оплачивают расходы за общественный транспорт, как тут не заслушаться волшебным пением сирен! Поэтому его выбор пал на Патрика Махоуни и Дейва Кавано, таких же ирландцев, как и он сам: неподкупных и ревностно им выученных. В них он был уверен: такие парни не упустят Итало Вольпоне, даже если потребуется последовать за ним в ад.

В аэропорту он дал им последние наставления.

— По мере возможности старайтесь работать порознь. Он будет подозревать, что за ним следят. Будьте осторожны и начеку! Он попытается уйти от вас. Один из вас должен сидеть у него на пятках, второй подстраховывать. Никаких контактов со швейцарской полицией! Они терпеть не могут, когда чужие суют нос в их миску... Попадете в переделку, выкручивайтесь сами... Из своего кабинета я вам ничем не помогу.

Махоуни и Кавано вежливо слушали и удивлялись тому, что говорил Кирпатрик. Такие инструкции они постеснялись бы давать даже зеленому инспектору.

Они долго изучали фотографии Малыша Вольпоне, запечатлевая в памяти его живые жесткие глаза, блестящие, цвета воронова крыла волосы.

Сейчас, делая вид, что не знают друг друга, они поднимались по трапу в «Боинг-747». Кавано летел туристическим классом, Махоуни — первым: результат игры «орел или решка».

Махоуни было тридцать два года, Кавано — двадцать девять. Это были самые ответственные и дисциплинированные сыщики бригады, но, несмотря на поставленную задачу, командировку в Швейцарию они рассматривали как приятное путешествие.

Последующие события докажут, что они ошибались...

* * *

Во внешности Шилин Клоппе не было изюминки: голубые глаза, двойной подбородок, темные волосы, бледная, нежная кожа лица. Она жила размеренной жизнью по раз и навсегда определенному порядку: время чая, время приема пищи, время молитвы, время встреч с друзьями, отход ко сну... Существование, одновременно полное, как яйцо, и пустое... Она была заряжена на необходимость помочь другим, подчиняться мужу, справедливо относиться к слугам и не испытывала никакого расизма — без колебаний нанимала итальянцев, французов или португальцев, а в случае необходимости приглашала горничную метиску или кухарку арабку. Ее подруги, жены банкиров, тихо вздрагивали от такой смелости. «Надо жить в ногу со временем», — отвечала Шилин, взволнованная собственным либерализмом. Посаженная в теплый кокон, созданный Хомером, она ни к чему не испытывала страстного влечения. Имела разумное количество бриллиантов, как и все ее подруги, шофера и относительно скромный гардероб.

— Хомер, ты уже закончил ужинать?

— Я должен еще немного поработать перед сном. Извини...

— Тебе прислать чай в спальню?

— Лучше кофе.

— Это неразумно. Уже половина десятого.

— Нужно прочесть массу документов к завтрашнему дню. Где Рената?

— Кажется, с Куртом.

Лицо Хомера Клоппе едва заметно перекопилось. Шилин сделала вид, что не заметила перемены в его настроении. Они сотни раз обсуждали личность будущего зятя. Шилин отстаивала кандидатуру Курта перед Хомером и своими друзьями, которые называли ее прогрессивной, и она таяла, очарованная этим словом. Хомер списывал ее прогрессивность на инфантильность, нереальное восприятие окружающего ее мира, на эмоциональное отрицание происходящего вокруг нее. Его преподавательская деятельность где-то в глубине души импонировала ему.

— Спокойной ночи, — сказала Шилин с улыбкой любящей супруги и добавила: — Ты слишком много работаешь, Хомер... Я увижу тебя завтра за завтраком? Хотелось бы посвятить тебя в последние приготовления перед церемонией...

Клоппе бросил на нее пронзительный взгляд. Она сделала вид, что не заметила его.

— И не забудь — завтра четверг! — не поднимая глаз, напомнила она.

— Разве можно забыть! — пробормотал Клоппе. — Спокойной ночи.

Глядя ему вслед, она подумала, что он хороший муж, примерный христианин, добропорядочный гражданин, любящий отец и что только он, при его положении в обществе, мог решиться пойти навстречу капризу дочери, задумавшей устроить свою свадьбу шиворот-навыворот.

Хомер никогда не забывал день рождения жены и в этот день никогда не опаздывал к ужину. Даже в те далекие времена, когда он был интересным, он никогда не поднимал глаз на другую женщину в ее присутствии.

Однажды она даже спросила у самой себя, позволительно ли ей спросить у него о фотографиях, которые, по невероятной случайности, она нашла в кармане его плаща, когда вешала его в шкаф. На всех фотографиях была изображена, в одних микроскопических трусиках, очень высокая негритянка во всевозможных позах. Шилин посчитала, что такого роста женщина может работать только в цирке.

* * *

Несмотря на протесты младшего Вольпоне, Юдельман убедил его взять с собой в Швейцарию двух телохранителей, для «прикрытия». По многим и разным причинам его полным доверием пользовались Фолько Мори и Пьетро Беллинцона. Оставаясь обычным убийцей, Мори, несмотря на незаурядные качества, казалось, находил удовольствие в своем положении, хотя живостью ума, презрением к опасности и необузданностью мог добиться более высокого положения. К несчастью, именно его способности, к которым добавлялось уникальное умение владеть ножом, заставляли его шефов побаиваться его и несправедливо держать в тени.

Пьетро Беллинцона был проще: самые деликатные поручения он выполнял без излишнего шума, никогда не вникая, кому и для чего это нужно. В свои пятьдесят лет он ежедневно выпивал бутылку виски, что никак не мешало ему простреливать черный кружок мишени. Он был невероятно сильным и в такой же степени невозмутимым. Находясь на службе у Вольпоне более двадцати лет, он был доволен судьбой и по-своему наслаждался жизнью, находя радость в исполнении отдаваемых ему приказов. Моше Юдельман поручил

ему ни на шаг не отходить от Итало Малья. Фолько Мори, наоборот, должен был находиться в отдалении и вмешиваться в ход событий только в случае необходимости. Жаль...

Пьетро Беллинцона обожал компанию Фолько. Они часто работали бок о бок. Выполняя задания, Мори всегда действовал артистически. Кто не видел, как он одним ударом бейсбольной биты ломает ногу упрямому неплательщику, ничего не видел. Беллинцона обожал такую филигранную работу. Его внутренние ощущения обострялись быстрее от мгновенного разрушения и уничтожения и не были рассчитаны на долгое удовольствие.

Он прошел вслед за Вольпоне через паспортный контроль и вовремя спохватился, собравшись было подмигнуть Фолько, который увлеченно читал экономический журнал. Пьетро с грустью вспомнил о своем любимом «кольте», оставленном в теплой квартире на Манхэттене. Юдельман строго-настрого запретил брать с собой оружие, предупредив, что все пассажиры проходят через детекторное устройство. Да, прошли те времена... Сумасшедшие всех мастей стали поворачивать самолеты с курсов, угрожая разнести их вдребезги, но при этом не требовали денег... Беллинцона, глубоко почитавший порядок, никак не мог понять, почему нервные любители извращают ремесло ради каких-то вшивых политических амбиций.

Он успокоил себя мыслью, что по прибытии на место их снабдят оружием.

Краем глаза он наблюдал за Фолько Мори, который по-прежнему не поднимал головы от журнала. Патрон оставался для него загадкой. Он не только не перебросился с ним словами, но даже не скользнул по нему взглядом. Глядя, как Итало Вольпоне поднимается по трапу самолета, жестко ставя ногу на ступеньку, Пьетро Беллинцона подумал, что он напоминает накачанного допингом боксера, выходящего на ринг.

* * *

Первый глоток любимого пунша показался ему горьким. Второй — тоже. Хомер с отвращением раздавил сигару в пепельнице. Встреча с Мелвином Бостом основательно расстроила его. Он искал и не находил ответа на волнующий его вопрос: как согласовать мораль с успешным ходом дела? Может, лучше пойти на неопределенный риск, чем оставить без работы шесть тысяч человек? Он с грустью подумал, что в этой внутренней борьбе с самим собой побеждать некого. Его жена и дочь считали, что управление банком — рутинная работа раз и навсегда отлаженного механизма. Рената, никогда ни в чем не нуждавшаяся, демонстрировала полное безразличие к деньгам, а Курт, у которого за душой не было ни гроша, мог позволить себе критиковать богатство других... Хомер мысленно, со злорадством, пожелал ему стать богатым... Шилин, посвящавшей свое время чаепитию и тысяче других ничтожных дел, деятельность мужа казалась естественной: всякий мужчина, вышедший из хорошей семьи, мог быть только банкиром. Основная его задача — холить и лелеять свою супругу. И никого не интересовало, а возможно, они даже об этом не подозревали, что зачастую ему приходится балансировать одной ногой над пропастью.

В дополнение к неприятностям с «Континентл мотокарз» сегодня утром новая проблема свалилась ему на голову в виде телекса с пометкой «совершенно секретно», полученного из Южной Америки.

«Вызывает беспокойство безопасность работы в шахте. Опасность забастовки рабочих. Длительность работ по укреплению стволов шахты — 8 месяцев, необходимые для этого ассигнования — 4 миллиона долларов. Ждем срочных указаний дальнейшим нашим действиям».

Под текстом стояла подпись: «Эрик Морталд, директор «Вассенарз консолидейтед», Шукуду, Ботсвана».

А ведь до сегодняшнего дня «Вассенарз консолидейтед» представлялась как благополучное предприятие!

Геологи голландской фирмы «Вассенарз» обнаружили в Южной Африке, в труднодоступном уголке Ботсваны, алмазные жилы. Не имея достаточных средств для их разработки, «Вассенарз» обратился за финансовой поддержкой в «Трейд Цюрих бэнк», который инвестировал десять миллионов долларов в это мероприятие. Было оговорено условие, по которому банк оставлял за собой право на все добытые алмазы вплоть до того момента, пока не будет погашена задолженность, и в дальнейшем получал право на 14,7 процента от объема ежегодной добычи.

Первые шаги дали более чем обнадеживающие результаты. И вот теперь все поставлено на карту этой чертовой телеграммой: «Вызывает беспокойство безопасность...» Для кого? Для рабочих или банкира? У Клоппе мелькнуло подозрение: не собирается ли Эрик выжать из него деньги, играя на чувствительных струнах? Просто невыносимо, чтобы десять миллионов долларов, выделенные банком, были промотаны в диких джунглях Южной Африки! Пока не будет покрыта задолженность, ни о каких новых миллионах не может быть и речи... А дальше он посмотрит, что можно предпринять для общего блага сторон контракта. Из уважения к своим клиентам, деньгами которых он воспользовался, Хомер не мог закрыть шахту, а тем более дать еще четыре миллиона, не увидев цвета алмазов. Ну, это так, для красного словца?

Цвет алмазов из Шукуду он знал прекрасно. Он прошел в угол комнаты, отвернул ковер и открыл сейф, вделанный в пол. Хомер взял мешок из мягкой черной ткани и вытряхнул на ладонь белоголубое великолепие. Камень был чистой воды, без единой заметной глазу примеси. Он вложил его в мешочек и взял в руку авторучку.

«В настоящее время не представляется возможным удовлетворить вашу просьбу. Советую продолжать работы до тех пор, пока результаты не позволят перевести вам требуемую сумму».

Он прошел в ванную и в течение десяти минут чистил зубы. Впечатление, произведенное на него алмазом — первенцем из шахты Шукуду, чуть не выбило у него из головы встречу с этим подозрительным человеком по имени Мортимер О'Бройн, которая должна состояться через несколько часов.

Он стал думать, как, чтобы это выглядело достаточно легально, отказать О'Бройну и дожидаться личного указания Дженцо Вольпоне о переводе двух миллиардов долларов.

* * *

— В принципе Дзу Дженцо — честный парень, но его брат — гнида! — сказал Карло Бадалетто, машинально проводя кончиками пальцев по тому месту, где от удара головой Итало у него не осталось ни одного переднего зуба. — Ты можешь мне сказать, с какой

целью этот сучий Малыш отправился в Швейцарию? И почему это произошло сразу же после его визита к Кирпатрику в сопровождении орды адвокатов?

Этторе Габелотти по-отечески мягко на него посмотрел и ответил:

— Не нервничай, сынок! Почему нас должны интересовать перемещения Итало Вольпоне? Что касается полицейских, возможно, его предупредили о неуплате штрафа за парковку в запрещенном месте.

Шутка из его уст была такой редкостью и прозвучала так неожиданно, что Карло рассмеялся. Но оказался не прав. Этторе взорвался:

— Постерегись, придурок! Если эта тварь Итало хоть на полпальца обведет меня, отвечать будешь ты!

Вот уже несколько дней Габелотти пребывал в состоянии неожиданных, беспричинных взрывов ярости. Его врач, покритиковав сто двадцать килограммов веса Этторе, прописал ему строгую диету, исключив любимую пиццу и спагетти, не говоря уже о вине, дозу которого этот недоумок уменьшил до одного литра в день, когда обычно он выпивал до пяти литров, не считая всякого алкогольного дерьма, поглощаемого во время деловых встреч. Подозрение удивило его, хотя в глубине души он его разделял и с подачи своего советника вызвал в Нью-Йорк Рико Гатто. Парня в городе никто не знал, и он мог относительно спокойно следить за Вольпоне. Через человека Синдиката, работающего в аэропорту Кеннеди, он узнал, что Малыш Вольпоне взял билет на свое имя на 311-й рейс Нью-Йорк — Цюрих. Рико Гатто должен был держать Габелотти в курсе всех перемещений Итало по Швейцарии. Узнав, какую мерзкую миссию ему предстоит осуществить, Рико очень расстроился. Обычно такие поручения заканчивались моргом... Вознаграждение зависело от «качества» клиента и количества жертв... Будучи в душе артистом, Рико любил импровизировать и редко использовал один и тот же прием для убийства. Перед исполнением каждого контракта он испытывал легкий мандраж, как артист перед выходом на сцену.

— Главное, чтобы Рико не засветился, — хрустнув суставами пальцев, сказал Бадалетто.

— Успокойся, его никто не знает, а в случае... он всегда сможет за себя постоять.

Габелотти нравилось, что Карло нервничает. Бадалетто хотелось бы самому «пасти» своего ненавистного врага.

* * *

Рико Гатто отстегнул ремень безопасности и приподнялся с кресла, чтобы «прокатиться» поверх голов, а заодно достать пачку «Кэмел» из кармана плаща. Он заметил мощный затылок Итало Вольпоне, достал сигареты и снова опустился в кресло, успев окинуть взглядом весь салон первого класса «Боинга-747».

Его острый, наметанный глаз охотника моментально выделил блондина лет тридцати. Внешне парень не был похож ни на бизнесмена, ни, тем более, на жиголо — единственно способного приобрести билет первого класса на самолет, летевший в такой далекий рейс. Этим человеком мог быть либо телохранитель Вольпоне, либо полицейский. Они его не интересовали... Он развалился в кресле, с наслаждением вытянул ноги и пообещал себе сходить перед ужином в бар, который располагался на втором ярусе гигантского лайнера, и пропустить стаканчик. Отсюда Вольпоне деваться некуда! В ожидании ужина Рико

погрузился в чтение Ветхого Завета. Количество преступлений, проходивших через святое писание, было столь впечатляющим, что его собственные злодеяния казались сущим пустяком.

* * *

— Падроне, не хотите немного шампанского?

— Что?

Итало Вольпоне встряхнулся, словно уходя от обуревавших его мыслей. Пьетро Беллинцона повторил:

— Шампанского?

— Нет, — буркнул Итало.

Все-таки Моше Юдельман убедил его в том, что О'Бройн пытается надуть их. Итало поклялся вытянуть из него все жилы по одной, прежде чем собственной рукой пристрелит его. Он все припомнит ему: и высокомерное отношение, и вялые, неохотные ответы на его вопросы, и небрежное пожатие руки, и... все! От приступа накатившей на него злобы, ему захотелось разрядиться на Беллинцоне, этом жирном куске мяса. Отослать бы его куда-нибудь. Но куда? И он должен терпеть это омерзительное соседство весь полет, долгие часы! Неповторимый в насильственных акциях, в свободное время Беллинцона представлял собой тяжелую, ленивую массу. Полной противоположностью был Фолько Мори, которого Юдельман специально посадил в туристический класс, как прикрытие. В рядах «солдат» «семьи» Вольпоне он оказался совершенно случайно. Работая в цирке, купаясь в лучах прожекторов и славы, он допустил профессиональную ошибку и навсегда был изгнан с цирковой арены. Официально нож, который он метнул в мишень, вместо того чтобы вонзиться рядышком с партнершей по номеру, случайно попал ей в горло. Несмотря на моментально оказанную медицинскую помощь, она умерла на пути в госпиталь, не произнеся ни слова. Драма, разыгравшаяся на глазах двух тысяч зрителей, ни у одного из них не вызвала подозрения, что они присутствовали при хладнокровном убийстве.

Дирекция цирка разорвала с ним контракт уже на следующий день, и Фолько оказался безработным. Цирк — это большая семья, члены которой, живя на разных континентах, знают друг о друге все и вся. Новость о дисквалификации Фолько Мори мгновенно облетела земной шар, закрыв перед ним выход на арену. Будучи сицилийцем, он постучал в дверь дома Дженцо Вольпоне и попросил работу. Дон осторожно навел справки о циркаче, которыми никогда ни с кем не делился, и по-своему оценил новобранца. В действительности в тот вечер Фолько ужасно разругался со своей партнершей. Канатоходец, проходя мимо артистической уборной двух звезд, слышал, как Фолько называл партнершу «стервой» и обвинял в измене.

С тех пор Фолько пунктуально выполнял все приказы, отдаваемые гангстером. Несмотря на его небольшой рост, тонкое, гибкое тело, даже Итало Вольпоне в глубине души побаивался Фолько.

В его глазах было что-то такое, что человек, взглянувший в них, мгновенно понимал — этот никогда ничего не прощает.

— Беллинцона!

— Слушаю, падроне!

— Сходи пописай.

— Что вы сказали?

— Я сказал, иди пописай!

— Но, падроне... Я только что писал!

— Закройся! Иди в туалет, в самый конец самолета, и посмотри, что там делает Фолько!

Пьетро Беллинцона тяжело поднялся и направился в салон туристического класса, провожаемый взглядами Рико Гатто и Патрика Махоуни, сидевших в глубине салона. Впервые в жизни Махоуни прикоснулся к реальной роскоши. Его инспекторская работа позволяла ему наблюдать за этой стороной жизни, только листая иллюстрированные журналы. Его уделом были драки всех мыслимых видов, синяки, раны и шишки. После двенадцати лет службы в полиции под руководством капитана Кирпатрика он и сегодня проводил по несколько часов в тире, снискав славу непревзойденного снайпера. Но метко стрелять он мог не только в мишень! Ему ничего не стоило сбить муху с ноги бегущего человека с расстояния в пятьдесят метров, что он неоднократно проделывал.

Его сослуживец Кавано, или, как его называли, Большой Дейв, немного уступая ему в стрельбе, превосходил его в рукопашной борьбе.

Патрик Махоуни упивался мгновением... Стюардесса уже наполняла его бокал шампанским, хотя он даже не смел ее об этом попросить. Да, салон первого класса — высший класс обслуживания! До чего же все-таки прекрасна жизнь!

Он с нежностью вспомнил о жене Мэри, которая, покормив двоих детей, сама готовится ко сну. Только от прочитанных в меню блюд у него потекли слюнки. Неужели все эти деликатесы входят в стоимость билета и полагаются ему?

Фолько Мори заметил, как несколько человек повернулись и смотрят в спину идущему по проходу Пьетро. Пьетро Беллинцона был похож на циркового Геркулеса, который всегда выступал перед его номером, пока он в последний раз проверял острие ножей и отсутствие дрожи в руках. Ему не хватало этого усыпанного опилками круга, напряженной тишины, когда его ножи, как стрелы, летели к стоявшей в десяти метрах от него Рите, впиваясь в дерево рядышком с ее шеей.

Почему Рита изменила ему с этим напыщенным воздушным гимнастом? Сплошные мышцы и ничего в голове. И где сейчас его мышцы, когда спустя три месяца оборвался лямбда трапеции, смоченный тремя каплями кислоты? Он разбился, как горшок, упав на арену с высоты четырнадцать метров. Ни цветов, ни почестей собаке! У паршивца не оказалось даже ни одного родственника. Когда произошел этот «несчастный» случай, Фолько уже был членом «семьи» Вольпоне. Все счета были сведены... Он закончил артистическую карьеру, отдав свой талант более незаметной, но много лучше оплачиваемой работе.

Проходя мимо, этот кретин Беллинцона не смог удержаться, чтобы не скользнуть кулаком по его плечу. Но Дейв Кавано, сидевший тремя рядами впереди, этого не мог видеть.

Из динамиков раздался голос:

— Просим пассажиров занять свои места. Сейчас вам подадут ужин. Мы летим на высоте одиннадцать тысяч метров и прибываем в Цюрих через пять часов.

Заза и Мортимер вылетели из Нассау в Цюрих на три часа раньше, чем «боинг» с Вольпоне на борту, взявший курс из Нью-Йорка в том же направлении.

Их воздушное путешествие превратилось в сплошную перепалку. Не зная конечного пункта их бегства из Нью-Йорка, Заза ужасно нервничала.

— Куда мы направимся после Цюриха?

— Не волнуйся, дорогая, для тебя это будет приятный сюрприз.

Она смутно чувствовала, что какая-то песчинка заблокировала механизм прежней самоуверенности ее любовника. Уже в Нассау, когда он возвратился за ней в бар, чтобы сообщить об отлете в Швейцарию, она поняла по напряженному выражению его лоснящегося от пота лица, что у него возникли непредвиденные проблемы. Несмотря на ее настойчивые расспросы, он не сказал ей ни слова, но предательский страх проступал на его лице, как капля масла на светлом костюме.

Заза начала сомневаться: уж не сделала ли она глупость, последовав за ним? Кто убедит ее в том, что тайна, в которую он ее не посвящает, не обернется для нее какой-нибудь опасной неожиданностью? Она дала клятву, что в Цюрихе не отстанет от него ни на шаг и в случае неблагоприятного развития событий тут же улетит в Нью-Йорк.

Едва они успели пройти паспортный контроль, как Мортимер попросил подождать его... Она взорвалась:

— И речи быть не может! Мне осточертели бары в аэропортах!

— Хочешь, я отвезу тебя в отель? Через час-два я возвращусь.

— Чтобы на меня смотрели, как на проститутку? Я еду с тобой!

— Заза, будь умницей... Это деловая встреча... Тебе будет скучно.

— Какая встреча? Я хочу знать!

— Потерпи еще один день.

— Я достаточно натерпелась! Я хочу знать, куда ты собираешься тащить меня дальше?

Он устало пожал плечами.

— Ты мне не веришь...

— Верю, но начинаю сомневаться.

— Послушай, Заза... Я должен заехать в банк за деньгами. Я выйду из него ровно через пять минут.

— Я еду с тобой!

Он огорченно покачал головой. Бессонная ночь на борту самолета еще больше утомила его. При дневном освещении она лучше рассмотрела тяжелые мешки у него под глазами, болезненную бледность кожи, непрекращающийся тик, дергавший его щеки, и этот взгляд, в котором ничего, кроме страха, она не видела.

— В отеле тебе будет лучше.

Неожиданно ее охватила паника: а вдруг он просто решил отделаться от нее, бросив в этой чужой стране без цента в кармане? Тем более нельзя оставлять его ни на секунду!

Она изобразила подобие улыбки и взяла его под руку.

— Я хочу быть все время рядом с тобой, Мортимер.

— Да?

— Куда мы направимся из Швейцарии?

— Не знаю, — глухим голосом ответил он.

Уголки ее рта опустились, и она бросила на него подозрительный взгляд.

— Ты не знаешь?!

— Да нет же, знаю... Но, возможно, случится так, что нам потребуется еще один промежуточный перелет.

Чтобы окончательно запутать следы после этого опасного, изнурительного возвращения в Цюрих, он решил, что сразу же после того как отдаст распоряжение этому проклятому Клоппе, сядет в первый самолет и улетит в любом направлении, лишь бы подальше от Цюриха. Три-четыре зигзага по разным континентам — и финальная часть его замысла решена.

Когда они подходили к стоянке такси, она сделала невероятное усилие и с трагическим выражением шепнула ему на ухо:

— Мортимер, то, что я делаю для тебя, я бы не сделала ни для одного мужчины.

Ему показалось, что он стал весить на тридцать килограммов больше и вырос на несколько сантиметров.

* * *

Когда в дверь раздался звонок, Орландо Баретто был уже в плаще. Рука автоматически ушла под пиджак, где в кобуре под мышкой находился «маузер». Он посмотрел в глазок. Инес! Сбросив цепочку, он впустил ее в квартиру.

— Позже прийти не могла? Еще секунда, и я бы смылся.

Вместе с Инес в комнату влетело ароматное облачко ее духов. На ней было потрясающее манто из натурального меха цвета карамели, доходившее ей до щиколоток.

— Я не привыкла выпрыгивать из постели в семь утра, — сказала она, подавив зевок.

— Привыкай...

— Зачем позвал?

— Как зовут... этого... твоего банкира?

— Почему тебя это интересует?

— Не твое дело! Фамилия?

— Клоппе. Хомер Клоппе.

— «Трейд Цюрих бэнк»?

— Да. А в чем, собственно, дело?

Он похлопал ее по твердым, как кусок бифштекса, ягодицам.

— Возможно, собираюсь положить туда кое-какие сбережения. Это серьезная контора?

На лице Инес появилась лукавая улыбка. Она вспомнила стальной подвал с рядами сейфов вдоль стен, где раз в неделю трахала розовенького рыжего банкира на ковре из банковских билетов.

— Очень серьезная.

— А что представляет собой этот Клоппе?

— Пастеризованный... холеный... Пятьдесят лет. Для белого засранца у него прекрасные зубы.

— Искусственные?

— Настоящие. Самые настоящие... Я дергала за них...

От удивления у Ландо отвисла челюсть.

— А мои? Они что, из дерьма?

— Вполне сгодятся для белого засранца.

Он хозяйским, уверенным движением руки забрался ей под меха и бесцеремонно сжал промежность.

— Я сваливаю...

— И это все... что ты хотел от меня?

— На сей момент, да.

— Вечером увидимся?

— Не знаю. Сиди дома. А теперь, принцесса, уходи первой. Не хочу, чтобы нас видели вместе крысы этой паскудной дыры.

Она ушла, а вместе с ней исчезло ароматное облачко. Если бы он смог встретиться с ней сегодня вечером, он бы ей задал... Но когда Ландо поручалось дело, он своим временем уже не распоряжался. Ему платили за год вперед, и к выполнению приказов он должен был быть готов в любое время суток. Его патрон, дон Дзу Дженцо Вольпоне, был великодушно щедр. Любая удачная работа вознаграждалась дополнительно, и не только деньгами. Во время своего недавнего пребывания в Цюрихе Дзу Дженцо пригласил его выпить с ним по стаканчику, что само по себе было невероятно! Но этим все не закончилось. Он подарил ему его мечту — сверкающую лаком «Бьюти гоуст Р9» с откидным верхом, одну из самых престижных моделей, выпускаемых американской фирмой «Континентл мотокарз». И сделал это лишь потому, что заметил, каким жадным взглядом Ландо посмотрел на нее, проходя мимо витрины.

— Она тебе нравится? Она — твоя!

Дзу Дженцо в течение десяти минут оформил покупку, несмотря на протесты Ландо, и лично вручил ему ключи от машины.

— Теперь ты сможешь отвезти меня на вокзал.

От избытка нахлынувших на него чувств благодарности и уважения он буквально рыдал, целуя руки дону Вольпоне.

— Падроне... За что?.. За что?..

— Мы довольны тобой, Ландо. А эта машина — дружеский знак.

— Я не заслужил ее, патрон!..

— Не думай так. Если не сегодня, ты заслужил бы ее завтра...

Когда дон распрощался с ним теплым рукопожатием, Орландо показалось, что он расстался с родным отцом. Через два дня, в три часа утра, раздался телефонный звонок из Милана.

— Орландо, ты знаешь О'Бройна? Мортимера О'Бройна, адвоката?

— Знаю, что есть такой.

— Ты его когда-нибудь видел?

— Однажды...

— Сможешь его узнать?

— Да.

Голос, который столько раз отдавал ему приказы, продолжал:

— Он может объявиться в твоих краях. Прищечи его!

— Где его искать?

— «Трейд Цюрих бэнк». Знаешь такой?

— Слышал.

— Он не должен войти в здание банка. Ты понимаешь?

— Да.

— Дежурь у банка начиная с сегодняшнего дня. С открытия и до закрытия.

— Понял.

— Увидишь его — задержи.

— Что с ним делать дальше?

— Спрячь где-нибудь и позвони мне.

— Хорошо. Где спрятать?

— Это твои проблемы.

Смешное и странное совпадение, которое минуту назад ему подтвердила Инес: он получил приказ охранять банк, хозяином которого был не кто иной, как любовник его любовницы! Через пять минут после ухода Инес он спустился в гараж, не переставая радоваться блестящему лаком подарку Вольпоне, и отправился на место дежурства, на Штамфенбахштрассе.

«Лейтенанты» босса могли не беспокоиться: О'Бройн сможет попасть в «Трейд Цюрих бэнк» только в кремированном виде...

* * *

«Боинг-747» коснулся колесами посадочной полосы и завибрировал от включения реверса турбин.

— Мы приземлились в Цюрихе. Надеемся, что полет был для вас приятным и мы еще встретимся на наших авиалиниях... — послышался голос стюардессы.

Итало Вольпоне с презрением посмотрел на своего обмякшего телохранителя: Пьетро Беллинцона спал сном праведника, развалясь в кресле, и тихо похрапывал.

Перед отлетом из Нью-Йорка Моше Юдельман был категоричен.

— Как только ступишь на швейцарскую землю, прежде чем звонить жене, езжай в морг. Фолько Мори обеспечит тебе охрану от любопытных.

Итало вспомнил эти слова, отстегивая ремень безопасности. То, что он не сможет сразу позвонить жене, удручало его. Предрассудок или старая традиция «семьи», но жена капо должна быть спокойна за судьбу своего мужа, несмотря на то что она ничего не знает о его делах и причинах его путешествий.

— Просыпайся, корова! Прибыли!

Беллинцона сладко потянулся и чуть охрипшим голосом сказал:

— Все пересохло во рту...

Он уснул через два часа после взлета, выпив в одиночку две бутылки шампанского.

— Забыл, где находишься? — зло бросил Итало. — О пивной мечтаешь? Думаешь, я привез тебя сюда опохмелиться?

— Извините, падроне... Извините... Это я со сна...

— Мудак!

Беллинцона встал с кресла, не замечая, что за ним через полусмеженные веки наблюдает Патрик Махоуни. С этой минуты Махоуни должен временно передать наблюдение за гангстером Дейву Кавано. Такой была установка Кирпатрика. Он взял

салфетку, в которую был завернут пистолет, и незаметно переложил его в кобуру под мышкой. В Нью-Йорке, предупрежденные начальством, таможенники стыдливо отвели глаза от их багажа. Махоуни надел плащ и с безразличным видом направился к люку рядом с фюзеляжем, не взглянув даже мельком ни на Вольпоне, ни на Беллинцону. В это время Дейв Кавано рвался вперед, чтобы первым сойти по трапу. Его суетливость привлекла внимание Фолько Мори. Пока змейка пассажиров двигалась к зданию аэропорта, Мори, выйдя последним, отыскал глазами парня в черном непромокаемом плаще. Что-то в его фигуре, манере держаться, видеть все вокруг, никого и ничего не рассматривая, натолкнуло Мори на мысль, что появление этого человека в Цюрихе имеет непосредственное отношение к их путешествию. Все проанализировав, Мори пришел к выводу, что имеет дело с таким же профессионалом, как и он сам. Своим высоким ростом Дейв Кавано тоже резко выделялся из толпы пассажиров. Он упорно старался не смотреть в спину Вольпоне, чтобы случайно не встретиться с ним взглядом, если тот вдруг обернется.

Когда Малыш Вольпоне и его телохранитель Беллинцона сели в такси, ситуация сложилась следующая: Дейв Кавано «висел» на пятках у Вольпоне и Пьетро. За ним с ехидной улыбкой наблюдал Рико Гатто, которого, в свою очередь, «пас» Фолько Мори.

— В морг, — бросил Вольпоне шоферу.

В ближайшее время это заведение станет самым посещаемым местом в городе...

* * *

Ландо без устали «утюжил» тротуар на Штамфенбахштрассе, ни на секунду не упуская из виду вход в банк. Он дважды прошелся мимо еще закрытых для посетителей дверей банка и остановился перед витриной магазина, торговавшего снаряжением для подводной охоты, делая вид, что увлечен рассматриванием гарпунов, ластов, подводных пистолетов, ярких комбинезонов для подводного плавания...

Часы показывали без пяти минут девять.

Проходя в очередной раз мимо уютного итальянского бистро, он бросил рассеянный взгляд в зал через окно. Его внимание привлекла великолепная грива светлых волос сидевшей к нему спиной девушки. Водопад волос, стекая на бежевое манто, разметался по ее плечам. Мужчина, сидевший напротив девушки и что-то горячо ей говоривший, показался ему знакомым. Мама миа! Сердце Ландо бешено застучало. Это был Мортимер О'Бройн! Ландо быстро отступил от окна и укрылся в ближайшей арке, метрах в десяти от входа в бистро. Но какая неожиданность! Его миланский корреспондент ничего не сказал относительно спутницы О'Бройна. А если девушка потащится вместе с ним в банк? Ландо проклял себя за то, что пошел на задание один. Как сейчас быть? Зайти в бистро? Вряд ли О'Бройн узнает его по прошествии двух лет, после мимолетной встречи. Войти, непринужденно приставить дуло «маузера» к печени и тихо вывести на свежий воздух...

Звук открывшейся двери бистро заставил Ландо выглянуть из арки. О'Бройн неторопливо шел в сторону банка. Ландо пошел следом за ним, ускорил шаг и вскоре обогнал его. Теперь, естественно, все варианты отпадали. Ландо был впереди О'Бройна метров на пять и уже стоял на первой из пяти ступеней, ведущих ко все еще закрытым дверям банка. Он машинально посмотрел на часы: ровно девять. За стеклянной дверью мелькнул чей-то силуэт, щелкнули запоры замка... Ландо повернулся. Мортимеру О'Бройну

оставалось преодолеть последние две ступени.

— Мистер О'Бройн?

— Что вы сказали?

— Я ваш друг, мистер О'Бройн. Пройдемте, пожалуйста, со мной.

— Куда? Кто вы такой? Не задерживайте меня!

Не успел Ландо шевельнуть мизинцем, как О'Бройн развернулся на сто восемьдесят градусов и во всю прыть своих коротких ножек засеменял обратно в бистро. Поток адреналина хлынул к сердцу Ландо. В его ремесле успех — это жизнь, неудача — морг. В три прыжка он оказался рядом с О'Бройном. Редкие прохожие с удивлением оглядывались на них. В Цюрихе, не говоря уже о Женеве или Лозанне, хорошо воспитанные люди по улицам не бегают. Подножка Ландо была настолько незаметной, что ни один свидетель не смог бы указать причину падения О'Бройна. Адвокат всем телом рухнул на асфальт и остался неподвижно лежать. Ландо присел рядом, подхватил его под мышки и успокаивающе улыбнулся остановившимся прохожим. Решив разыграть комедию до конца, он сморщил нос, давая понять зевакам, до какой степени пьян его приятель. Затем, подняв его, как сноп соломы, он быстро потащил Мортимера к своей машине, оставленной за углом.

— Эй, вы! Что вы делаете?

Ландо обернулся. Перед ним стояла блондинка из бистро.

— Что происходит? — пронзительным голосом, в котором звучал страх, закричала она.

— Ему стало плохо, — пробормотал Ландо. — Неужели вы не видите, что он в стельку пьян?

— Что вы такое говорите? Пьян? Да мы не выпили даже по чашке кофе!

— Зачем вы шумите? Помогите мне его увести...

Но девушка не сдвинулась с места. Она смотрела на него глазами, полными страха. Когда Мортимер вышел из бистро, она наблюдала за ним из окна. Заза была зла. Мортимер так и не согласился, чтобы она пошла с ним в банк. Мысль, что он может от нее улизнуть, сорвала ее с места, и она вышла на улицу. Весь путь от столика до выхода занял три секунды, но этого времени оказалось достаточно, чтобы найти Мортимера лежащим на тротуаре без сознания.

— Куда увести? — с надрывом спросила она. — Что вы собираетесь с ним сделать?

Ландо почувствовал, как его охватывает паника. Мало того, что этой красотки не было в его задании, так она еще готовится закатить истерику прямо на улице. А Цюрих — это не Чикаго! Здесь полицейские строго стоят на страже закона, а жители охотно превращаются в полицейских, чтобы поддержать общественный порядок. С ней надо было разобраться...

— Подойдите поближе, я хочу кое-что вам показать.

Он прижался к ней и незаметно для нескольких зевак, стоявших в пяти — семи метрах от них, ткнул ствол «маузера» ей в живот.

— Или вы молча идете со мной, или я продырявлю вам внутренности.

Если она закричит, все пропало... Ее огромные голубые глаза стали еще больше, она до крови закусил губу, но обняла Мортимера за плечи и громко сказала:

— Да он совершенно пьян!

— Сюда, — сказал Ландо.

Прохожие разошлись. Общественный порядок нарушен не был.

Машина Ландо стояла сразу же за углом.

— Откройте дверцу, — приказал Ландо.

Девушка безропотно подчинилась. Ландо затолкнул Мортимера на заднее сиденье и устроился рядом.

— А вы садитесь за руль!

Заза повернула ключ зажигания, и мотор мягко заурчал. Случалось, что дружки могли вклеить ей пощечину, но чтобы дуло пистолета в живот!.. Такого с ней еще никогда не было! Мало того, этот высокий, стройный парень, как ей показалось, совсем не шутил. Не понимала она одного: почему Мортимера взяли, когда он шел в банк, а не тогда, когда он выходил бы из него с деньгами?

— Вы собираетесь трогаться с места?

— Куда ехать?

— Пока вперед...

Какая ей разница, куда ехать? В Европе она впервые, а города тем более не знала. Ей казалось, что они кружат вокруг одного и того же места, пока не въехали в узенькую улочку с непроизносимым названием: Эшвизенштрассе.

— В конце улицы, справа, вы увидите гараж. Въедете на подземную стоянку.

У въезда в гараж стоял полицейский «пontiак». Два фараона о чем-то мирно беседовали с лысым, невысокого роста мужчиной.

— Налево и без остановки, — твердым, угрожающим голосом приказал Ландо.

Станция техобслуживания и гараж принадлежали его другу, такому же, как и он, сицилийцу.

Какого черта понадобилось здесь полицейским в такой неподходящий момент? В подземном гараже, в самом дальнем углу, была металлическая дверь, всегда запертая на ключ. За ней находилось помещение размером три на четыре метра. Именно там Ландо планировал спрятать О'Бройна до тех пор, пока за ним не приедут заинтересованные в нем люди.

— Все время прямо?

— Закройся и рули!

Ему нужно было время, чтобы подумать. В этот тайник соваться уже не стоит, следует срочно подыскать другое место. Зашевелился О'Бройн. Он удивленно вращал глазами, глядя на ствол «маузера», упирившегося ему в печень.

— Что вам от меня нужно?

— Закрой пасть!

— Заза, что происходит?

Не отрывая глаз от дороги, Заза ответила:

— А то, что ты втянул меня в дерьмо.

— Вам нужны деньги? — спросил Мортимер у Ландо.

Это была его последняя надежда, но она рассыпалась, как карточный домик... Он быстро понял, что этот парень — человек Синдиката и, следовательно, его обман раскрыт. Как же им удалось так быстро обо всем узнать?

— Заза, умоляю, верь мне... Я не понимаю... ничего не понимаю...

— Сейчас свернешь налево, — сказал Ландо.

— Если вы немедленно не скажете мне, что вам нужно, я выпрыгну из машины! — пригрозил Мортимер.

— Да закроешься ты наконец или тебя пристукнуть? — взревел Ландо. — А ты, блондинка, на перекрестке свернешь направо.

В принципе, если того требовали обстоятельства, Ландо умел быть с женщиной деликатным, но эта блондинистая курица, должно быть, крупная стерва, если позарилась на такого плюгавого мужика, как О'Бройн.

— Когда проедешь мост, дуй все время прямо!

Теперь он знал, куда их везти. Место тихое и вне всяких подозрений: квартира Инес!

* * *

Сердце Итало Вольпоне сжималось от недобрых предчувствий. Мрачно глядя себе под ноги, он шел по длинному коридору позади мужчины, одетого во все черное. Когда Вольпоне вошел в морг, его удивил не холод, а отсутствие какого-либо запаха: ни резкого тяжелого запаха формалина, обязательного для таких мест, ни сладковатого, дурманящего голову запаха смерти.

— Будьте любезны, подождите секунду, — вежливо попросил мужчина и начал листать журнал регистрации.

Итало казалось, что он борется с каким-то кошмаром. Несмотря на отцовское отношение к нему, Дженцо как старший брат был с ним строг, но справедлив и щедр. Всем, чем обладал Итало, он был обязан ему. Два раза Дженцо даже спас ему жизнь. Малыш крепко сжал зубы, пытаясь справиться с рвущимися из него эмоциями.

Служащий морга подошел к стене и выдвинул длинный стальной ящик. Затем сделал два шага в сторону и замер.

Неожиданно Вольпоне-младшему стало страшно. Теперь, когда он мог узнать правду, он не хотел этого. Он боялся...

— Вот... — после долгого молчания сказал человек в черном.

Итало сделал несколько шагов вперед, заставляя себя держать глаза открытыми. В металлическом ящике, рассчитанном на покойника нормальных размеров, нога казалась маленькой и в то же время огромной. Он мгновенно узнал ее и понял, что никогда больше не увидит своего брата. Собравшись с силами, задыхаясь от спазмы, перехватившей горло, он наклонился, чтобы рассмотреть то, в чем хотел убедиться: тоненький шрам едва заметной ниточкой проходил по посиневшей коже.

Когда они упали с велосипеда и Итало увидел кровь, сочившуюся из ноги брата, он заплакал. Дженцо тогда улыбнулся и сказал:

— Ерунда, Малыш, мне не больно.

Малыш... Именно Дженцо первым так ласково назвал его. Тогда это имя вызывало у домашних добрую улыбку, теперь люди дрожали от страха, произнося его.

— Мистер Вольпоне, вы узнали?

— Убирайтесь! Я хочу побыть один.

— Позовите меня... Я жду в коридоре.

Кто мог сделать такое с Дженцо? Кто? Где тело? Слезы хлынули у него из глаз, и он зарыдал. Как сообщить эту ужасную новость Франческе, его свояченице, и двум его племянникам?

А вдруг Дженцо жив? Вдруг он выжил и где-то лежит раненый? Пусть он только будет жив, пусть будет жив!..

Он с такой яростью сжал кулаки, что ногти глубоко впились в ладони. Итало разжал

пальцы. Они были в крови. Его затрясло, и он забормотал быстро и тихо, протянув руку над ящиком:

— Дженцо... Дженцо!.. Брат мой! Я не знаю, кто это сделал... Но я тебе клянусь, клянусь именем и памятью нашей святой мамы, я узнаю! Даже если на это уйдет вся моя жизнь! И в тот день не хватит крови на земле, чтобы смыть ту боль, которую тебе причинили! Кто бы он ни был, где бы ни скрывался, я найду его и убью собственной рукой! Убью его и всех его родных, вырежу до последнего все его племя!..

Переполненный ненавистью, он вихрем вылетел из траурного помещения, не обращая внимания на слезы, стекавшие по лицу.

Теперь его ожидает священная миссия: заменить дона Дженцо во главе клана и завершить дело, начатое братом. Скоро все узнают, кто он есть — Итало Вольпоне, Мальш Вольпоне! Ему было только тридцать восемь лет.

Свои новые обязанности дона он решил начать исполнять с посещения банка.

* * *

Он был немцем, и его звали Эрнст Флюгге. Двухметровый гигант весом сто двадцать килограммов. Один раз в месяц он прилетал по делам из Гамбурга в Цюрих. И раз в месяц проводил два часа в обществе Инес.

Вначале, когда он встретился с ней по рекомендации своего швейцарского друга, он был настолько поражен ее красотой, что едва справился со своими мужскими обязанностями. Совершенство тела негритянки вызвало в нем бурю, связанную с представлением о собственной неуклюжести. Обычно проститутки не смущали его. Вместе с деньгами, которыми он расплачивался за удовольствие, исчезала и его болезненная застенчивость. Но здесь, несмотря на то что Инес была обыкновенной проституткой, пусть даже очень дорогой — два часа забвения с ней обходились ему в две тысячи долларов, — она так умело сохраняла дистанцию, что при расставании, когда она прятала деньги в сумочку, ему хотелось сказать: «Благодарю вас, мисс!» И никогда Эрнст не чувствовал себя обворованным, как это зачастую случалось после встреч с другими жрицами любви.

Сейчас он лежал на полу с закрытыми глазами и прерывисто дышал... С помощью кисточки Инес наносила на тело гиганта длинные мазки меда, тщательно прорабатывая каждый сантиметр кожи, начиная с пальцев ног и вплоть до корней волос на голове. Потом она начнет его слизывать...

— Ты знаешь, сколько стоит килограмм меда, птенчик?

— Только не останавливайся, умоляю тебя!

— Дорого, очень дорого!

— Я заплачу.

— Ты никогда не сможешь расплатиться...

— Да, да... я знаю... Никогда не расплачусь, — бормотал Эрнст, ослепленный обещаниями невероятно восставшей плоти.

Он протянул руку и погладил ее по бедру. Неожиданно в дверь позвонили. Эрнст вздрогнул, открыл глаза и встретился с недоуменным взглядом Инес.

— Ты кого-нибудь ждешь?

Она молча прижала указательный палец к своим губам. На ней был только розовый

пеньюар, открывавший все великолепие ее тела. Эрнст хотел встать, но она силой удержала его. Новый звонок, и тут же последовал стук в дверь.

— Не следует, чтобы меня здесь видели.

Она сделала успокаивающий жест рукой и направилась к двери. Несмотря на природное хладнокровие, она вздрогнула, увидев в глазок Ландо, какого-то мужчину и молоденькую блондинку. Орландо никогда не приходил к ней, не предупредив заранее о своем визите. А сейчас он был даже не один, а с двумя незнакомыми людьми.

Из-за двери раздался его раздраженный голос:

— Откроешь ты наконец?! Я знаю, что ты там!

— Я не одна. Приходи позже.

— Нельзя, — закричал Ландо. — Открой!

— Не открывай! — застонал Эрнст, оставаясь лежать на ковре и прикрывая руками свои мужские прелести, которые уже приняли более скромные размеры. Он не знал, что делать: бежать под душ и смыть медовое покрытие или удалиться в другую комнату и подождать, когда Инес уладит это недоразумение.

Он с ужасом увидел, что она отодвигает задвижку.

— Это мой брат, — объяснила она. — Мне очень неприятно...

Эрнст ожидал увидеть чернокожего воина под три метра ростом, но им оказалась миниатюрная блондинка, у которой глаза вылезли из орбит от необычного зрелища. За ней вошли тщедушный мужчина и высокий брюнет, типичный метис, которых Флюгге почему-то больше всего боялся. Он вскочил на ноги и бросился в ванную.

— Кто это? — спросил Ландо.

— Кто позволил тебе прийти сюда? — вопросом на вопрос ответила Инес ледяным тоном.

Только теперь она заметила пистолет в опущенной руке Ландо.

— Ты сошел с ума! Убирайся отсюда!

Он зло посмотрел на нее и медленно произнес угрожающим тоном:

— Заткнись! Выставь за дверь этого мудака и приготовь кофе для моих друзей.

— Приготовь сам и убирайся!

От резкой пощечины ее голова дернулась, как шарик пинг-понга. Ошарашенная, она машинально подняла руку к лицу: никогда раньше Ландо не бил ее. Разочарованным голосом она сказала:

— Ты не прав, Ландо.

— Свари кофе!

Она направилась в кухню. Проходя мимо телефона, Инес спокойным, естественным движением сняла трубку. Указательный палец запрыгал по кнопкам. Ландо медленно поднял руку с пистолетом в ее сторону.

— Положи трубку. Я пью кофе с двумя кусочками сахара.

Мгновение Инес колебалась, но выражение глаз мужчины, стоявшего перед ней, не имело ничего общего с Ландо, которого она знала.

— Я не знаю ни что тебе нужно, ни почему ты так себя ведешь, но когда ты выйдешь за порог этой квартиры, ты никогда больше сюда не возвратишься.

Ландо повернулся к О'Бройну и Зазе, окаменевшим возле двери.

— Вам сколько?

— Что? — вздрогнул О'Бройн.

— Сколько сахара? — терпеливо повторил Ландо.

— Без сахара...

— А вам?

— Какой кофе! — гневно сверкнула глазами Заза.

Из ванной донесся жалобный голос Флюгге:

— Инес... Инес...

Она сделала шаг, но Ландо жестом руки остановил ее и, подойдя к ванной комнате, настежь распахнул дверь. Эрнст Флюгге, двухметровый колосс, с жалким видом стоял в душевой кабинке и пытался отвернуть краны.

— Чем могу быть вам полезен? — вежливо спросил Ландо.

— Извините, — пробормотал гигант, — не могли бы вы подать мне одежду... пожалуйста... она в гостиной.

Ландо сделал два шага вперед, резко схватил его за руку и, потянув на себя, развернул лицом к двери. Затем сильным толчком катапультировал его в комнату.

— Возьми сам и вон отсюда! — Он с отвращением посмотрел на свои испачканные руки. — Да он же липнет, эта жирная свинья!

— Это мед, — спокойным голосом сказала Инес. — Или ты не любишь мед?

Озадаченный, Ландо посмотрел недоуменным взглядом на присутствующих.

— Не любишь что?

— Эрнст платит мне за то, что я намазываю его медом. Если это ему нравится, то какое тебе до этого дело?

Ландо рассмеялся. Вначале никто ничего не понял. Не выдержали нервы у О'Бройна: он издал глухой хохоток, перешедший скоро в безудержный смех. Отчаянно покусывая губы, пробовала сдержать себя Заза, но и она затряслась в приступе охватившего ее смеха. Сцена была гротескной! Флюгге безуспешно пытался надеть рубашку. Стоило материи раз прикоснуться к телу, как она превращалась в клейкую ленту.

Когда немец начал натягивать носки, Инес, которая до сих пор сохраняла серьезность, поддавалась общему настроению и сквозь смех, с трудом произнося слова, сказала:

— Не злитесь на меня, Эрнст... Не злитесь! Это — подонок! Он заплатит мне за свое хамство...

Когда Флюгге, держа туфли в руках, вышел из квартиры, довольный, что все так благополучно для него завершилось. Мортимер затравленным взглядом посмотрел на Ландо.

— Скажите, вы долго намереваетесь нас здесь держать?

Ландо резко оборвал смех. Его губы плотно сжались в горизонтальную линию. Он снял трубку телефона и сказал:

— Ты узнаешь об этом через несколько секунд.

* * *

В Нью-Йорке Моше Юдельман отвел Фолько Мори в сторону и дал последние конфиденциальные инструкции:

— Итало — человек нервный и импульсивный. Может случиться так, что за ним будут следить, и он этого даже не заметит. Никому не позволяй за ним шпионить. Если только кого-нибудь заподозришь, ликвидируй!

— Ликвидировать?

— А ты хочешь нарисовать его портрет?

Проще говоря, следовало убивать всех, кто проявит нездоровый интерес к персоне Малыша Вольпоне. Патроны парят в облаках... Их приказы должны претворяться в жизнь, но способ их осуществления они предлагают найти тебе самому...

Сидя в машине, взятой напрокат, в ста метрах от морга, Фолько Мори почувствовал легкое покалывание в позвоночнике, узнав высокого блондина, которого «выловил» еще в аэропорту.

Из аэропорта этот тип поехал в такси следом за Итало, не подозревая, что сам находится на крючке у Фолько. Теперь он делал вид, что интересуется магазинами, прохаживаясь вдоль витрин, в то время как шофер, сидя в своей развалюхе, читал «Сюисс». А Пьетро Беллинцона, которого Вольпоне тормознул у входа в морг резким движением руки, казалось, понятия не имеет, что находится под наблюдением. Едва Итало скрылся за дверью, как Пьетро метнулся в кондитерскую лавку и выскочил оттуда с огромным пакетом пирожных, которые начал поглощать с такой поспешностью, словно боялся, что через секунду-другую их у него отберут.

Рассчитывать на него Фолько не приходилось. Итак, если визит Итало в морг имеет какое-то значение, значит, парниша не должен никому об этом говорить. Фолько машинально почесал спину и ощутил успокаивающее присутствие ножа в футляре, закрепленного высоко между лопатками. Ему достаточно было доли секунды, чтобы выдернуть его и поразить цель. К сожалению, он был не в цирке и не в ночном Нью-Йорке, а в Цюрихе, таком чистом городе, что неудобно было даже плюнуть на тротуар. Об убийстве, которое выглядело бы как насильственная смерть и повлекло за собой ненужные осложнения, не могло быть и речи. Только «несчастный» случай... Над этим надо было поразмышлять...

Опасаясь не выполнить указаний Юдельмана, он прокручивал в голове все новые и новые способы ликвидации блондина, но ничего, кроме насилия, не вырисовывалось. Фолько вышел из машины, решив довериться интуиции и своему дару импровизатора. Небрежной походкой он направился в сторону такси, взывая к Богу, чтобы Беллинцона, стоявший в этот момент к нему спиной, не заговорил с ним, если вдруг обернется. Малейшая ошибка, и тип, который не спускает с Пьетро глаз, раскусит их. Не доходя трех шагов до своего напарника, Фолько сказал тихим, но четким голосом:

— Пьетро, это Фолько. Не оборачивайся, не смотри на меня.

Беллинцона так великолепно сыграл свою роль, что Фолько засомневался, услышал ли он его. Когда Фолько поравнялся с ним, Беллинцона смял бумажный пакет в комок, поискал глазами, куда бы бросить, и, не найдя урну, сунул его в карман пиджака.

Фолько прошел мимо, продолжая свой путь. В какой-то миг он готов был пойти блондину навстречу и просто сунуть ему нож в живот. Он отчаянно искал возможность избавиться от «топтуна». Избавиться от него можно будет при более благоприятных условиях, а пока надо помешать ему продолжать следить за Итало.

Небольшое дорожное происшествие должно разрешить эту задачу... Но никто из них не подозревал о присутствии Рико Гатто, который тоже попадет в ловушку, подстроенную Фолько...

— У вас назначена встреча?

— Нет.

— Не знаю даже, на месте ли мистер Клоппе.

Мужчина в черном, не мигая, сверлил ее взглядом. Смутившись, секретарша поспешно добавила:

— Не могли бы вы назвать свою фамилию?

— Вольпоне, — ответил он, в упор рассматривая ее.

Она покраснела и исчезла за дверью кабинета, облегченно вздохнув, что ушла от этого странного типа, растревожившего ее. Странное, непроницаемое, как маска, лицо... И этот непрекращающийся тик, от которого приподнимались уголки рта в неестественной и пугающей улыбке. И угнетающий траурный вид: черный костюм, такого же цвета галстук, черные носки. Ангел смерти!..

— Мистер Клоппе, к вам посетитель.

— Кто, Марджори?

— Говорит, что его фамилия Вольпоне.

Клоппе удивленно поднял голову: он ждал О'Бройна, а пришел Вольпоне. А ведь этот врунишка адвокат сказал, что Вольпоне уже в Соединенных Штатах. Прекрасная возможность прояснить ситуацию!

— Скажите мистеру Вольпоне, что я приму его. Через минуту я освобожусь.

Марджори вышла, и на лице Клоппе появилось выражение полуразочарования... С одной стороны, он может предупредить Дженцо Вольпоне о нечистоплотном маневре О'Бройна, а с другой... Ему было жаль расставаться с деньгами, которые с пользой для него могли бы еще полежать день-другой в Шаане, у его друга Эжьюна Шмеельблинга, «банкира всех банкиров». За три полных дня его доход составит 328 764 доллара, не говоря о 0,125 процента от двух — двух с половиной миллиардов долларов! «Аллилуйя!» — прошептал он. — Мистер Вольпоне, — доложила Марджори.

Хомер встал, чтобы встретить того, кто три дня назад доверил ему «общак» сицилийской мафии. Вытянув руку вперед для приветствия, он шагнул к двери. Каково же было его удивление, когда перед ним возник незнакомец. Слишком поздно, чтобы дать незваному гостю от ворот поворот: эта дурочка Марджори уже закрыла тяжелую дверь, обитую натуральной коричневой кожей.

— Вы — Хомер Клоппе? — спросил незнакомец.

— Да, — холодно ответил Клоппе. — Мне кажется, произошла ошибка. Вероятно, моя секретарша назвала не ту фамилию.

— Моя фамилия Вольпоне, Итало Вольпоне.

Скрывая свое удивление, Хомер всматривался в это трагическое, замкнутое лицо, ощущая неясную, магнетическую силу угрозы, исходившую от иностранца.

— Я младший брат Дженцо Вольпоне, — добавил Итало. Он быстро сунул руку во внутренний карман пиджака. — Удостоверьтесь, это мой паспорт.

Банкир внимательно просмотрел документ.

— Все в порядке? — спросил Вольпоне.

— Не желаете ли присесть, мистер Вольпоне?

Итало не шелохнулся.

— Предполагаю, что вы в курсе ужасной новости.

Брови Хомера взлетели вверх. Он сел в кресло и принял позу внимательного слушателя. Адамово яблоко Вольпоне безостановочно бегало вверх-вниз, словно он никак не мог проглотить слюну. Наконец с невероятным усилием он произнес:

— Мой брат мертв.

Клоппе непроизвольно напрягся.

— Его убили! — с ненавистью сказал Вольпоне. — Вы встречались с О'Бройном в один из этих трех дней?

— О'Бройн?

— Мортимер О'Бройн! Так он должен был представиться. Он пытался связаться с вами?

Клоппе покусывал губы и нервно перебирал пальцами авторучку.

— Я жду вашего ответа, — не выдержал Итало.

— Как произошло это несчастье с вашим братом? — сочувственно спросил Клоппе.

— Вы читаете газеты?

— Гмм... преимущественно финансовые.

— Спустя три дня после вашей встречи с Дженцо на оградительной решетке поезда, прибывшего в Цюрих... — И опять быстро-быстро забегал кадык, а в уголках глаз Вольпоне появились слезы, — ...нашли оторванную ногу моего брата...

— Это ужасно! — искренне воскликнул Клоппе. — Его ногу?..

— Да.

— Но... мистер Вольпоне, как вы можете утверждать, если не видели тела?

— Я только что приехал из морга! — резко оборвал его Итало. — Я заявляю!.. Я заявляю, что мой брат мертв! Я утверждаю, что ему помогли умереть! Я клянусь, что О'Бройн заплатит своей жизнью за это убийство!

Клоппе вдруг почувствовал, что его трясет.

— Послушайте, мистер Клоппе! Находясь в Нью-Йорке, я лично получил телеграмму, в которой он сообщил, что доверил вам деньги! Сейчас моего брата нет в живых, а О'Бройн исчез!

Опустив голову, Клоппе продолжал поигрывать авторучкой. Вольпоне глубоко вздохнул.

— Не беспокойтесь, мы разыщем эту вонючку. Это всего лишь вопрос времени! Для вас ничего не изменилось. Я прошу вас перевести деньги согласно указаниям моего брата.

Клоппе осторожно кашлянул и поднял глаза на собеседника.

— О каких деньгах вы говорите?

Итало показалось, что он ослышался.

— Что вы сказали?

— Я спрашиваю вас, о каких деньгах вы говорите?

Это было так неожиданно, что на какое-то мгновение Итало лишился дара речи. Он смотрел на банкира, как на марсианина.

— Как «о каких деньгах»? О наших! О двух миллиардах долларов, которые мой брат временно перевел в ваш банк!

Авторучка замерла в пальцах Клоппе. Не дрогнув ни одной ресницей, он сказал абсолютно ровным голосом:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Что вы не понимаете? — побагровел Вольпоне. — Три дня тому назад вы принимали

здесь моего брата Дженцо и вонючего ублюдка О'Бройна. Или такой встречи не было?

— Я встречался здесь с двумя мужчинами.

— Ну вот! — прибодрился Вольпоне. — Я не прошу вас о невозможном, только переведите деньги, два миллиарда долларов, по известному вам адресу!

Клоппе беспомощно развел руки в стороны.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Что-о-о? — задохнулся Вольпоне.

— Я совершенно не понимаю, на что вы намекаете?

Итало шагнул к столу. Хомер быстро встал и поджал губы.

— Повторите! — безразличным голосом попросил Вольпоне.

— Я не понимаю, что вы пытаетесь мне сказать! — отрубил Клоппе.

— Издеваетесь?.. — скрипнул зубами Итало.

— Мистер Вольпоне, примите мои соболезнования относительно трагической смерти вашего брата, но я больше не намерен терпеть ваше хамство!

По лицу Вольпоне прошла вся цветовая гамма радуги. Все его ощущения и желания слились в единое целое — убить!

— Спрашиваю вас в последний раз: где деньги?

— Попрошу вас выйти из кабинета.

Итало жадно пожирал глазами толстенького, холодного человечка, который осмелился поднять руку на Синдикат в его лице, в лице Малыша Вольпоне!

— Вы знаете, кто я? — зловеще прошипел Итало.

Клоппе даже не моргнул.

— Выйдите отсюда! — холодно сказал он.

Перед глазами Вольпоне поплыли разноцветные круги.

— Послушайте!.. Внимательно слушайте!.. Я не знаю, какую игру вы затеяли со мной, но я торжественно вас предупреждаю: деньги, два миллиарда долларов, вы должны перевести завтра до полудня! Это крайний срок! Если это не будет сделано до этого часа, вы — труп!

— Еще одно слово, и вас депортируют из Швейцарии!

— Это вас не спасет! — отрезал Вольпоне. Уже стоя на пороге кабинета, он обернулся и ткнул в сторону Клоппе указательным пальцем. — Вы уже воняете!..

* * *

Пьетро Беллинцона с недоуменным видом потирал щеку.

— До сегодняшнего дня я ни от кого не получал пощечин.

— Как видишь, дождался, — лаконично прокомментировал Фолько Мори.

— Морду били, стреляли... Ничего не имею против... Но такое!.. Это... это...

— ...унизительно, — подсказал Мори.

— Вот именно! Унизительно. Ты бы позволил такое?

— Мне пощечин не давали, — спокойно ответил Мори, глядя в пустоту.

Он лежал, вытянувшись во весь рост, на кровати, одетый в черный костюм, с безукоризненно завязанным галстуком, положив ноги в дорогих туфлях на белоснежную наволочку подушки.

— Я должен был ему ответить!

— Так в чем дело? Поскромничал?

Беллинцона яростно передернул плечами.

— Это был Вольпоне!

— С чего бы это он начал отвешивать тебе пощечины? — лениво спросил Фолько.

— Если бы я знал! Тебе смешно, да?

— Я не смеюсь, улыбаюсь...

— А что бы ты сделал на моем месте?

— Подставил бы вторую...

— Почему он разозлился на меня?

— Спроси у него.

— Дерьмо, дерьмо и еще раз дерьмо! — ругался Беллинцона, ударяя своим огромным кулаком правой руки по ладони левой...

* * *

Спустя три часа после прибытия в Цюрих он уже успел испытать на себе разрушительное настроение своего патрона. Внезапно он ощутил свою ненужность... Обычно он всегда, в большей или меньшей степени, был в курсе предстоящего дела. Даже сам Дженцо Вольпоне, у которого он не раз бывал в роли телохранителя, доверял ему какой-нибудь маленький секрет или находил доброе слово. Но Итало! Тот не разрешил даже сопровождать его в морг. А когда он, словно ошпаренный, выскочил из морга, чуть не сбив его с ног, и Пьетро поинтересовался, все ли в порядке, Итало рывкнул: «Заткни пасть, мешок с дерьмом!» Эти слова обидели Пьетро больше, чем разозлили... Никто с ним еще так не обращался. Нет, один-два раза что-то подобное уже было, но обидчики после этого долго не прожили... Ну, а пощечина!..

Весь путь до отеля Итало сидел, не разжимая губ. Беллинцона зашел с ним в кабину лифта, а затем эскортировал Итало до дверей его номера. Вольпоне достал из кармана ключ и только тогда сделал вид, что заметил присутствие своего телохранителя.

— Что ты здесь делаешь?

Пьетро не знал, что ответить. Малыш злобно посмотрел на него и повторил:

— Ну? Что ты здесь делаешь?

Удивленный бледным цветом лица Итало, его сверкающими ненавистью глазами и сильным нервным тиком, обезображивающим его лицо, Беллинцона пробормотал:

— Моше сказал мне...

Пощечина оборвала фразу.

— Сваливай отсюда!

— Но, падроне... в чем я виноват?

Вольпоне ответил мгновенно:

— Ты слишком приметный! — и захлопнул перед ним дверь.

* * *

— Хочу тебе сказать, Фолько, что все это мне не нравится. Я чувствую себя оскорбленным.

— Забудь об этом, — сказал Фолько. — Ты ничего подозрительного не заметил, когда стоял у морга?

— Нет.

— За нами следили два типа.

— Черт!

— Странно то, что они работали каждый сам по себе.

— И куда они нас «довели»?

— Никуда! До морга и все...

— Как же ты их тормознул?

— Выкатил машину поперек улицы... Им ничего не оставалось, как «поцеловаться» с ней...

— Малыш в курсе?

— Забудь его! Мы здесь для того, чтобы обеспечить ему покой, а не расстраивать.

— Ты чокнулся! За кого он меня снова примет?

— Оставь его в покое! Мы достаточно взрослые, чтобы самим решать такие проблемы.

Я знаю, как одного из них можно убрать прямо сейчас.

— Он в отеле? — спросил Беллинцона, и его взгляд стал жестким и заинтересованным.

— Да. Второй — тоже здесь.

— Швейцарец?

— Такой же швейцарец, как ты ариец! Они прилетели из Нью-Йорка тем же рейсом... вместе с нами.

Пьетро жадно провел языком по верхней губе, напрочь забыв о своем унижении.

— Полицейские?

— Не знаю. Мне кажется, что они не из одной команды, но это только личное впечатление.

— Что ты собираешься сделать?

— Заняться первым. Он живет на нашем этаже, в 647-м.

— У тебя есть идея?

— Да. Забавная... А теперь слушай, что надо делать.

* * *

Когда Итало вошел в номер, его ярость была такой, что он не в силах был сдержать ее напор, поэтому он занялся тем, что Дженцо назвал бы «мальчишеством». Не смея стрелять по предметам обстановки номера, он прошел в ванную и взял опасную бритву, которой брился каждое утро. Он сам затачивал лезвие, доводя его до состояния, когда оно могло разрезать волос на лету. Итало встал напротив кровати, ожидая, когда волна ненависти достигнет своего апогея. Он начал шептать ругательства на сицилийском диалекте, среди которых часто произносилось слово «Клоппе». Очень скоро эта фамилия вытеснила все другие слова. В уголках рта появились пузырьки пены, рука, сжимавшая бритву, напряглась, побелели костяшки пальцев...

Вдруг, издав нечеловеческий крик, он бросился к кровати и начал резать одеяло налево

и направо, широко взмахивая бритвой и представляя себе, что перед ним находится тело Клоппе.

— Тварь!.. Такую твою мать! Грязная свинья!

Итало катался по постели, прижав к себе подушку, и резал ее до тех пор, пока в руках не остались лохмотья наволочки. Только тогда он замер. Тяжело дыша, хватая воздух широко открытым ртом, он невидящими глазами смотрел в потолок, обливаясь потом. Постепенно его дыхание успокоилось, бритва выскользнула из расслабленных пальцев. Он с трудом встал. Ему казалось, что его тело весит десять тонн. Он прошел в ванную, открыл кран с холодной водой и три минуты охлаждал горевшее лицо.

Насухо вытерев лицо полотенцем, он окончательно пришел в себя; хотел позвонить Юдельману, но его палец жил собственной жизнью, набирая свой домашний номер телефона.

После шестого сигнала трубку сняла жена.

— Анджела...

Голос Анджелы звучал так чисто и близко, что ему показалось, будто она где-то рядом, в комнате.

— Итало...

— Чем занимаешься?

— Я спала. — В Америке было шесть часов утра. — Итало? — голосом, в котором чувствовались тревога и нетерпение, вопросительно сказала она.

— Да...

— Дженцо?!

Вольпоне проглотил застрявший в горле комок.

— Да...

— Итало... Ты уверен...

— Да. Я видел.

Он знал, что сейчас она едва сдерживает себя, чтобы не разрыдаться. Возможно, не столько из-за смерти Дженцо, которого она знала всего лишь шесть месяцев, сколько из-за жалости к нему.

— Трудно в это поверить, — сказала она после долгого молчания. — Это ужасно!

— Сообщи Франческе.

— Да.

— Скажи ей, что я обо всем позабочусь.

— Да.

Теперь он отчетливо слышал, что она плачет. Он почувствовал, как у него самого защипало глаза от слез.

— Я еще позвоню тебе днем.

— Итало?

— Слушаю.

— Нет, ничего...

Итало бережно положил трубку на рычаг, провел тыльной стороной ладони по глазам и набрал второй номер.

Когда в трубке послышался заспанный голос Юдельмана, он сказал:

— Это я...

Даже если бы он позвонил президенту Соединенных Штатов, он не представился бы

иначе. Кем бы ни был его собеседник, по телефону он всегда говорил одинаково: «Это я!»

— Дженцо?.. — сразу же спросил Юдельман, и Вольпоне был ему за это благодарен. — Дженцо? — повторил Юдельман.

— Да, — обронил Итало.

— Господи, Господи!.. — закричал Юдельман. — А тело?

— Пока нет.

— Господи!.. Это катастрофа.

— Да.

— А может, есть шанс, что...

— Никакого! И не спрашивай почему... Я чувствую это... Я знаю... Все!

— Что ты решил?

— Я заступаю на его место.

Наступившая в трубке тишина обеспокоила Итало. Ему показалось, что нарушилась связь.

— Моше, ты слышишь меня?

— Да... да...

— Я сказал тебе, что заступаю на место Дженцо.

— Я слышал.

Голос Юдельмана показался ему странным, не его голосом.

— Ты против?

— Нет, нет!

— Чем ты тогда недоволен?

— Нет, нет... Все так неожиданно...

— Я только что приехал из банка.

— Что-о-о?

— Говорю тебе, что только что приехал из банка! Ты глухой? У нас неприятность!

— Итало! Какая неприятность? — трагическим голосом спросил Моше.

— Этот прохвост банкир прикинулся, что ничего не знает. Несмотря на страх, который ему внушали необузданные поступки Итало Вольпоне, Юдельман запротестовал:

— Зачем ты это сделал? Если Габелотти узнает о твоём демарше, он может подумать... он может подумать...

— Что он может подумать?

— Я не знаю... Ты торопишь события... Действуя таким образом, можно лишиться всего!

— Моше!

— Да?

— Ты со мной или против меня?

— Пойми же, Итало! Попытайся понять!

— Со мной или против? — грубо оборвал его Вольпоне.

— Если бы я был против, я не мешал бы тебе делать глупости! — обиженным тоном произнес Юдельман. — Неужели ты мог подумать, что швейцарский банкир «рассыплется» перед тобой бисером, если ты не знаешь номер счета?

— Плевал я на номер, — буркнул Итало. — Я дал ему время до завтрашнего полудня.

— Господи! — застонал Моше.

— Это наши деньги, нет? Из-за них умер мой брат! Ты хочешь, чтобы я отступил?

— Но у тебя ничего не получится...

— Я не собираюсь с ним церемониться!

— Итало! Послушай меня! Умоляю, выслушай! Это очень серьезно... Сиди на месте и жди, я вылетаю. Я сейчас же найму самолет и вылетаю!

— Ты держишь меня за мальчишку? — рассвирепел Вольпоне.

— Итало! У меня есть опыт в подобного рода делах. Я знаю, как надо себя вести в таких ситуациях...

— Я тоже.

— Итало, разреши мне приехать!

— Если в этом будет необходимость, я тебе позвоню.

— И все-таки я вылетаю!

— Попробуй только появиться в Цюрихе без моего согласия! Даю слово, я убью тебя!

— Итало, мы идем к катастрофе...

— Ладно, не лезь в это дело!

— Позволь мне предупредить Габелотти. Иначе он подумает, что мы затеяли за его спиной что-то скверное...

— Забудь эту бочку с прогорклым жиром! Когда я закончу с банкиром, займусь им. Я не такой терпеливый, как Дженцо!

— Итало! В последний раз...

— Закрой пасть!

— Не клади трубку, Итало! Я делаю тебе последнее предложение... Ты доверяешь мне? У меня в Цюрихе есть друг, очень хороший друг... Он уже оказывал Дженцо солидные услуги. Его зовут Карл Дойтш... Он часто работает на нас. Из уважения к памяти твоего брата позволь мне предупредить его... Он очень хорошо знает банкира. Доверься ему. Я сейчас же его попрошу, чтобы он связался с ним...

— Можешь послать к нему хоть папу римского, мне наплевать! Но если завтра в полдень у меня не будет того, что нужно, я все решу по-своему.

— Плохо!.. Плохо! Силой ты ничего не добьешься!

— Это все, что ты хотел мне сказать? — угрожающе произнес Вольпоне.

— Нет!.. О'Бройн?

— Глухо!

— Он единственный, кто мог... Итало!.. Швейцарцы очень упрямые!.. Ты проиграешь...

— Моше...

— Действовать надо осмотрительно.

— Моше!

— Да?

— Ты мне осточертел!

Итало резко бросил трубку, охваченный новым приступом ярости. Он обвел глазами комнату, выбирая, что можно было бы еще разнести вдребезги.

И в этот момент раздался телефонный звонок.

* * *

Дейв Кавано швырнул пиджак на стул и направился в ванную. Отвернув до отказа кран

над раковиной, он подставил лицо под мощную струю холодной воды. Он был невероятно зол. Из-за какого-то кретина, который плохо поставил машину на ручной тормоз, — «мерседес» неожиданно выкатился на середину улицы, и таксист не успел затормозить, — он потерял след Вольпоне. Ему ничего не оставалось делать, как возвратиться в отель.

В холле отеля «Сордис» он заметил Патрика Махоуни, внешне погруженного в чтение журнала. Махоуни незаметно поднял глаза и несколько раз моргнул, давая понять, что «дичь» возвратилась в свое гнездо. Новость, естественно, хорошая — далеко этот подонок не ушел, — но где Вольпоне был все это время и с кем встречался?

Те полчаса, которые Дейв потратил, чтобы добраться до отеля, гангстер явно ходил не по музеям. Куда ездил? Что делал? С кем встречался? Капитан Кирпатрик терпеть не мог вопросов, на которые невозможно было ответить. Кавано вынужден был признать, что ответами на эти вопросы не располагает. Он возвратился в комнату.

За все время пребывания в Швейцарии Дейв всего лишь два раза накоротке переговорил с Махоуни да несколько раз они перемигнулись. Он машинально достал «кольт», собираясь почистить его, в силу многолетней привычки, и тут зазвонил телефон. Дейв подумал, что Патрик нашел возможность позвонить ему из холла. Бросив «кольт» на кровать, он снял трубку.

— Слушаю!

Он с удивлением услышал испуганный голос торопливо говорившего человека:

— Это швейцар! Откройте окно и посмотрите вниз. Только что произошло нечто ужасное!

Первой мыслью Дейва было: Махоуни! Он бросился к окну, открыл его и выглянул наружу.

Порыв ветра бросил тонкую ткань гардины ему в лицо, и он тут же почувствовал, что позади него кто-то есть. Очень близко. Освобождая лицо от невесомой ткани, он с ужасом ощутил, как чьи-то сильные руки сжали его лодыжки. Напрасно пытался он ухватиться за бетонный край подоконника... Непреодолимая сила оторвала от пола девяносто килограммов его тела, и, ломая ногти о бетон, за который судорожно цеплялись его пальцы, он полетел в пустоту. Перед его глазами промелькнула жена с младшей дочерью на руках, и он услышал слова, сказанные Кирпатриком в шутку: «Кавано, хотя вы работаете в полиции, для них вы — простой смертный?» Когда он понял, что падает, как камень, вдоль фасада здания и никакое чудо не прервет этот смертельный, кошмарный полет, его последней осознанной мыслью был вопрос, на который, как и на многие другие, он никогда не узнает ответа: «Будет ли мне больно?..»

Фолько Мори быстро перекрестился — старая христианская привычка, к которой он прибегал всякий раз, когда отправлял своих врагов к праотцам. Даже не посмотрев вниз, он отошел от окна и торопливо обыскал пиджак своей жертвы. Первый документ, который он извлек из портмоне, сказал ему о том, что он хотел знать: «Дейв Кавано. Муниципальная полиция города Нью-Йорка».

Итак, только что он прикончил фараона. «Не первого за свою жизнь, — подумал Мори и саркастически улыбнулся. — И не последнего!» Он положил портмоне на место и взглядом профессионала оценил лежавший на кровати револьвер. Прикоснуться к нему он не решился. Фолько осторожно выглянул в коридор. Никого. Только у открытой двери 609-го номера стояла тележка со стопками чистого постельного белья. Неслышно ступая, он преодолел двадцать метров до 609-го номера и заглянул внутрь. Горничная по-прежнему

пылесосила ковер, стоя к нему спиной. Он спокойно вставил в замочную скважину служебную отмычку, которой воспользовался минуту назад, чтобы проникнуть в комнату сыщика. Из-за приоткрытой двери за ним наблюдал Пьетро Беллинцона. Фолько утвердительно кивнул ему головой. Беллинцона поднял вверх большой палец. Может, у него и придурковатый вид, но с ролью швейцара по телефону он справился великолепно.

Если у выброшенного из окна полицейского есть сообщник, значит, произойдет еще один несчастный случай.

* * *

— Хомер, ты совсем ничего не ешь! — удивленным голосом упрекнула Шилин и повернулась к Ренате. — Скажи отцу, чтобы он что-нибудь съел. Тебе не нравится суфле, Хомер?

— Нет, почему же... Извини, но я еще не голоден, — ответил Клоппе.

— Ты не заболел? И вчера вечером ты едва притронулся к еде...

— Сэр, вам подать что-нибудь другое? — спросила Мануэла.

— Нет, спасибо...

Окна большой гостиной выходили на прозрачные воды Циммы. Шилин настояла, чтобы комната была меблирована в стиле эпохи Луи XV. Ей казалось смелым соединить этот стиль с подлинниками Ренуара, Мане и Писсарро, украшавшими стены.

— Не волнуйся, мама... Это на него действует весна!

— Рената...

— А почему бы и нет? На меня, например, очень действует!

— Рената! — возмущенно воскликнула мать. — Никогда бы не сказала, что через три дня ты выходишь замуж!

— Поэтому я и выхожу замуж... Только поэтому...

— Мисс Рената, вам положить еще суфле?

— Мануэла, скажи, только честно, на тебя действует весна?.. Без Хулио...

— Нет, Рената, это уж слишком! — сказала Шилин, поджав губы.

Это был обычный обед в семье Клоппе, разве что с небольшим нюансом в настроении хозяина: два часа тому назад — такое случилось с ним впервые в жизни — ему угрожали смертью. Ярость и возмущение, клокотавшие в нем, отбили весь аппетит. О том, чтобы обратиться в полицию, не могло быть и речи. В Швейцарии менее, чем в любой другой стране, «банк» рифмуется с «полицией».

Хомер не собирался прощать подонку нанесенного ему оскорбления. Существовало множество легальных путей, чтобы сполна с ним рассчитаться. Он чувствовал, что Вольпоне торопится, нервничает, но в итоге так ничего и не получит. Если не объявится Дженцо Вольпоне или, на худой конец, Мортимер О'Бройн, два миллиарда долларов будут продолжать приносить ему доход, оставаясь в Шаане у его друга Шмеельблинга.

Теперь, если Дженцо Вольпоне действительно убит, как заявил его брат, — хотя можно ли на протяжении одной ночи с достаточной уверенностью определить личность несуществующего трупа? — Хомер мог бы скрепя сердце выполнить указание О'Бройна или любого другого, назвавшего цифровую комбинацию и слово — пароль счета. Если смотреть в ближайшее будущее, предположив, что О'Бройн не явится, у Италю Вольпоне есть только

один способ завладеть деньгами: обратиться в суд. Как правило, расследование длится долгие годы, растягиваясь иногда на двадцать лет. А по прошествии этих лет сколько воды утечет!.. Если этот маленький идиот будет продолжать ему угрожать, Хомер обратится к своему старому другу, влиятельному политику, и все выложит ему начистоту. Итало Вольпоне ничего не успеет понять, как окажется за пределами Швейцарской Конфедерации. Так было уже со многими, которые, чувствуя себя всемогущими, повышали голос в стране, где тишина ценится так же высоко, как и добродетель. Что он сказал ему, покидая кабинет? «Вы уже воняете!»

— Папа, если ты честно скажешь, о чем думаешь, я поцелую тебя.

— О ноге, — машинально ответил Хомер и тут же смутился.

— Ну, что? — победоносно воскликнула Рената. — Кто был прав? На него действует весна!

Банкир улыбнулся.

— Мануэла, я с удовольствием попробовал бы суфле.

Шилин расцвела в улыбке. Когда Хомер принимался за еду, она мысленно взлетала до небес.

* * *

— Оттавио, — представился голос.

— Это я! — сказал Итало.

Оттавио был «управляющим» клана Вольпоне по Средиземноморскому побережью.

У него были квартиры и виллы в Риме, Неаполе и Милане, и где бы он ни находился, его шефы всегда знали, как с ним связаться. В противоположность тем, кто всю жизнь горбатится за право умереть в собственной постели, жизнь тех, кто существует в тайном мире, зависит от скорости получения информации. Дженцо Вольпоне так «соткал» сеть своей организации, что мог в одночасье с разных концов планеты получить предупреждение об опасности, грозящей его делам. Не было ни одного более-менее значительного города, где не находились бы его люди, и не было деревеньки, где бы у этих людей не имелись свои информаторы. Такая информационная структура стоила больших денег, но это было каплей в море по сравнению с тем, что она приносила.

— Нашли твоего типа...

Радостная дрожь пробежала по телу Вольпоне.

— Живого?

— Абсолютно!

— Где он?

— Он не один.

— Что прикажешь мне теперь делать? Где он?

— С Ландо. Угол Университетштрассе и Валденвахштрассе. Кажется, это недалеко от того места, где ты находишься. Можешь отправляться туда прямо сейчас.

— Ясно.

— Университетштрассе, 7, третий этаж. Он ждет тебя, я его предупредил.

— Оттавио!

— Да.

— Спасибо!

Итало Вольпоне положил трубку и хрустнул пальцами, ослабившись в свирепой улыбке.

Итак, эта мразь Мортимер О'Бройн — у него в руках! Теперь-то Итало узнает, что случилось с его братом! Узнает и номер счета, на котором «спят» два миллиарда долларов! Когда все узнает, изрубит О'Бройна на куски собственной рукой.

Он снял трубку и позвонил в номер Беллинцони.

— Пьетро, зайди за Фолько и тащите свои задницы в холл, уезжаем...

* * *

Патрик Махоуни с интересом наблюдал, как портье и люди, толпившиеся в холле, бросились к выходу. Он поднялся с кресла, держа в руке помятый журнал, который уже знал наизусть. Мимо него быстро пробежал портье, возвратившийся с улицы, направляясь к главной лестнице. Махоуни инстинктивно последовал за ним, не понимая, какая причина им движет, но хорошо помня, что ничем не должен себя выдать. В то же время он прекрасно знал, что, если его мышцы начинают реагировать помимо его воли, это неспроста. И похоже это на животный инстинкт, который помогает полицейским добиться успеха в их ремесле.

Махоуни поднялся на второй этаж, где размещались бар, танцевальный зал, небольшой ресторан и переговорный пункт. Он увидел, как портье выбежал на террасу, перегнулся через балюстраду, посмотрел вниз и отпрянул назад, поднеся руку ко рту, с гримасой отвращения на лице. Махоуни подошел к нему и тоже посмотрел вниз. Его чуть не стошнило: среди зеленых кустов, в луже крови, в забрызганной кусочками мозга белой рубашке лежал его друг Дейв Кавано. Он был без пиджака. Странно, но одна из его туфель стояла рядом с раздробленной головой, образуя нереально прямой угол по отношению к шее. Несмотря на то что тело Дейва лежало на животе, его широко распахнутые глаза смотрели в небо...

Кавано не тот человек, чтобы банально выпасть из окна. Его выбросили! Махоуни влетел в кабину лифта и нажал кнопку с цифрой «шесть». Дейву он уже ничем не поможет, а при микроскопической удаче, возможно, поймает отребье, которое сбросило его товарища вниз. Как он мог это допустить? Махоуни вышел в коридор и в спринтерском темпе добежал до 647-го номера. Дверь была закрыта на ключ. Он окликнул горничную, мимо которой только что пробежал, не заметив ее, и которая удивленно наблюдала за ним.

— У вас есть универсальный ключ? Только что произошел несчастный случай! Откройте 647-й!

В номере никого не было. На кровати лежал револьвер. Пиджак Дейва висел на спинке стула. Окно было открыто.

— Что произошло? — спросила женщина.

— Из окна выпал человек... Вы видели кого-нибудь в коридоре?

— Никого.

— И ничего не заметили?

— Нет.

— Никто не проходил?

— Я же вам уже сказала! — удивилась горничная.

— Оставайтесь здесь. Скоро сюда приедет полиция.

Махоуни медленно пошел вниз по лестнице к себе в номер. В коридоре открылись две двери. Фолько Мори и Пьетро Беллинцона одновременно в победном жесте подняли большие пальцы: теперь они точно знали, кто их очередная жертва!

Махоуни подошел к окну и бросил взгляд вниз. Он должен отомстить за смерть Дейва, отомстить, чего бы это ему ни стоило! И горе Вольпоне, если он приложил к этому руку!

В этот момент из-под козырька входа в отель вышли Вольпоне и Беллинцона. Погруженный в мрачные мысли, Махоуни потерял секунду, прежде чем осознал, что гангстеры уходят у него из-под носа. Схватив плащ, он метнулся к двери, привычно проведя рукой под мышкой, где в кобуре находился «Магнум-359», которым он надеялся в скором времени воспользоваться.

Звонок в дверь прозвучал так неожиданно, что все вздрогнули. Нарочито расслабленной походкой Инес направилась к двери. Едва щелкнул замок, как дверь резко распахнулась, отбросив ее к стене.

Орландо Баретто шагнул навстречу Вольпоне. Но Итало не видел его, он не видел никого, кроме Мортимера О'Бройна, расстреливая его леденящим душу взглядом.

— Итало, объясни мне!.. — выпалил О'Бройн.

Молниеносным движением Вольпоне схватил его одной рукой за лацканы пиджака, оторвал от пола и свободной рукой ударил в лицо. Затем затащил в ванную комнату и начал бить головой о край биде.

Не успел О'Бройн застонать, как ему в шею уперлось дуло «маузера».

— Два вопроса! — прорычал Вольпоне, глядя на него безумными глазами. — Первый: как и с кем ты убил моего брата?

— Итало... — залепетал О'Бройн, умирая от страха.

— Второй! Номер счета! У тебя есть пять секунд. — Он силой раздвинул О'Бройну челюсти и вставил дуло «маузера» в рот до самой глотки. — Раз!.. Два!..

В промежутках между «раз» и «три» затерроризированный мозг О'Бройна подсказал ему, что брат Дженцо не убьет его до тех пор, пока не узнает номер счета операции «АУТ». Но если он сообщит шифр кому-нибудь третьему, пусть им окажется даже брат Дженцо, этим самым он подтвердит, что знает о смерти дона. Другими словами, признается, что собственными руками «убрал» его. Заговорить — значит подписать себе смертный приговор! Молчать — жить! Пусть несколько минут, но продолжать дышать...

— Четыре! — глухим голосом отсчитывал Вольпоне.

Какого черта он считает? По его взгляду О'Бройн понял, что при счете «пять» этот сумасшедший выстрелит, как пообещал. И плевать ему на два миллиарда!

— Патрон! — вмешался Пьетро Беллинцона. — Только не здесь! Умоляю вас!

— Пять, — сказал Вольпоне, еще глубже засовывая ствол «маузера» в рот О'Бройну.

Беллинцона осмелился на жест, оскорбляющий его величество: спокойно, но настойчиво, с силой бульдозера он вырвал из рук Итало оружие.

— Патрон, мы переполошим весь город. Мы не сможем выйти из дома, если вы пристрелите его здесь.

— Он прав, — сказал Ландо, выбитый из колеи ошеломляющей скоростью происходящего. — Он прав! — На всякий случай он схватил руку Вольпоне и поднес ее к своим губам.

— Кто эта блондинистая сучка? — спросил Итало, высвободив руку и кивнув в сторону Зазы.

— Она с ним, — ответил Ландо.

— А негритянка?

— Моя... Она живет в этой квартире.

— У тебя есть машина?

— Да.

— Всех увозим.

— Куда? — от удивления глаза Ландо округлились.

— Послушайте! — взвизгнула Заза. — Все, что здесь происходит, меня не касается. Я хочу уйти...

— Заткнись! — оборвал ее Вольпоне.

— Смею заметить, что вы находитесь в моей квартире, — сказала Инес.

Итало презрительно посмотрел на нее. Повернувшись к Ландо, он сказал:

— Завези нас в тихое местечко. В деревню, например... Блондинку возьмешь в свою машину и посадишь рядом с собой. Пьетро и это дерьмо сядут сзади. Я беру негритянку и еду следом за тобой. — Заметив, что Ландо не торопится к выходу, Итало резким тоном добавил: — Ты не слышал меня? Вперед!

— Патрон! — подал голос Беллинцона. — Его нельзя выводить из дома в таком виде. У него вся рожа в крови.

— Оботри его.

Пьетро схватил первую попавшуюся материю, которая оказалась у него под рукой: пеньюар, в котором была Инес.

— Убери лапы! — крикнула она.

— Ты, шкура, закрой свой рот! — выругался Вольпоне. — Или я оторву тебе сиськи рукояткой пистолета.

Вмешаться Ландо не решился. Беллинцона рванул пеньюар, и Инес оказалась совершенно голой в своей вызывающей неземной красоте.

Пьетро протянул пеньюар Зазе.

— Вытри своего плюгавого!

Заза сделала шаг назад и отрицательно покачала головой.

— Сука! — с сожалением сказал Пьетро. — Для постели ты еще годишься, но для серьезных дел...

Он смял пеньюар в ком и вытер лицо неподвижно стоявшему ошарашенному О'Бройну.

— Уходим! — сказал Вольпоне.

Беллинцона скривил губы, разглядывая обнаженную Инес.

— В этом наряде ее не повезешь.

— Мы теряем время, — занервничал Вольпоне. — Набрось ей на задницу шубу и убираемся!

Инес с укором посмотрела на Ландо, и он отвел глаза. Из шкафа она достала шикарное манто из черного меха и неторопливо надела на себя.

— Пьетро, первому, кто дернется, прострели колено, — сказал Вольпоне. — В дорогу!

Последним из квартиры Инес вышел Ландо и запер дверь на ключ.

* * *

Мгновенное расслабление, и он снова потерял их след. Вместе с другими постояльцами отеля он поднялся на второй этаж и вышел на террасу. Каково же было его удивление, когда он узнал в парне, лежавшем в луже крови, блондина, который привлек его внимание в аэропорту. И было это всего лишь несколько часов назад...

Не торопясь с выводами, Рико Гатто поднялся к себе в номер, чтобы поделиться своими соображениями с Габелотти. Десять минут он накручивал диск телефона, но так и не дозвонился до Нью-Йорка.

Он спустился в холл, чтобы снова не упустить Вольпоне. Через пять минут решил проверить, на месте ли его «подопечные». Из телефонной кабинки, позволявшей видеть вход в отель «Сордис», он поочередно позвонил в номера Итало Вольпоне и Пьетро Беллинцона. В номерах никто не ответил. Он с огорчением понял, что и на этот раз оказался не на высоте. В данный момент он располагал единственным достоверным фактом: Вольпоне посетил морг. Рико поднялся в номер и устроился у окна, чтобы не прозевать возвращения Малыша Вольпоне.

Вольпоне и неотступно следовавший за ним Беллинцона появились через сорок пять минут.

С точки зрения Рико Гатто, ему поручили непосильную для него миссию. Понятное дело, если бы ему приказали следить за людьми, которых в итоге нужно было прикончить. Но здесь!.. В качестве умственной зарядки он с самого утра прорабатывал возможные варианты уничтожения Вольпоне, лелея надежду, что Габелотти даст ему зеленый свет.

Рико снял трубку телефона и заказал Нью-Йорк через телефонистку. Надо сообщить Габелотти, что Вольпоне посетил морг в Цюрихе. Докладывать, что он дважды терял его след, нет необходимости. «Опустить» одну-две детали — не значило соврать.

* * *

Едва Патрик Махоуни успел закрыть за собой дверь номера, как раздался телефонный звонок. Вероятно, ему давали Нью-Йорк. На мгновение он заколебался: предупредить начальство о смерти Кавано или потерять след Вольпоне. Он не успел ответить себе ни на один вопрос, так как уже спускался по лестнице. Когда завелся мотор его машины, габаритные огни «форда» Итало были уже далеко.

Махоуни заметил, что водитель «форда», всякий раз оказавшись на перекрестке, колеблется в выборе дальнейшего маршрута. В конце концов он остановился на Университетштрассе перед четырехэтажным зданием, позади вызывающе новой «Бьюти гоуст Р9» серого цвета.

Итало и его телохранитель быстро вышли из «форда» и скрылись в подъезде. Махоуни повезло: он загнал свою машину между двумя огромными грузовиками двадцатью метрами дальше. Место для наблюдения было почти идеальное. Он закурил. Ужасная картина разбившегося о бетон Кавано навязчиво преследовала его. Ничто не указывало на то, что Вольпоне или его телохранитель виновны в падении Кавано. Логического намека на это не было. Но Махоуни готов был дать отсечь себе правую руку, что это не так.

Ему вспомнились слова Кавано, сказанные им в кабинете Кирпатрика. Тогда, улыбаясь во весь рот, он радостно сказал: «Ты только представь себе, мы летим в Цюрих! Приятный отдых!» Он с горечью подумал, что уже спустя двадцать часов все встало с ног на голову... А внешне задача, поставленная Кирпатриком, представлялась обычной рутинной: узнать, что делал Дженцо Вольпоне в Цюрихе, каким образом потерял ногу, — предположив, что нога действительно принадлежала ему, — и где его останки?

Махоуни прикуривал от окурка третью сигарету, когда увидел Вольпоне. Гангстер решительным шагом направлялся к «форду». Рядом с ним шла высокая, выше его на целую голову, негритянка. Куда он собирается ее везти? Из подъезда вышел телохранитель и отступил в сторону, пропуская белокурую молодую женщину, которую держал под руку

высокий, широкоплечий мужчина итальянского типа. Последним вышел невысокий, щедушный человек. Телохранитель дружески обнял его за плечи, подвел к «бьюти гоуст» и буквально вбросил внутрь машины. В голове Махоуни раздался сигнал тревоги: он уже где-то видел этого коротышку. Где? Когда? При каких обстоятельствах? В памяти замелькали лица, зазвучали голоса... Широкоплечий брюнет сел за руль «Р9». «Прекрасный образчик сутенера», — подумал Махоуни. Рядом с ним села блондинка. На заднем сиденье устроились «горилла» и хлюпик. «Бьюти гоуст» мягко съехала с тротуара, «форд» Вольпоне поехал следом.

Махоуни нажал на стартер и тут же вспомнил: невысокий мужчина был Мортимером О'Бройном, одним из самых известных финансовых адвокатов Соединенных Штатов!

* * *

Невероятно! Огромные синие мухи, носившиеся по бараку, осмеливались садиться чуть ли не на острие пера его ручки. Пот проступал на лбу крупными каплями и падал на мятый лист бумаги, лежавший перед ним. И все-таки, несмотря на сорока пятиградусную жару, частые проливные дожди, отвратительную пищу и невыносимые условия работы, Хулио Альмейда привык к Ботсване.

Шахта располагалась в двадцати километрах от Шукуду. Работали там в своем большинстве негры. Каждый вечер после сигнала сирены, оповещавшего об окончании рабочего дня, все поднимались на поверхность и подверглись тщательному обыску. Три месяца назад, чуть ли не в день приезда, он хотел возвратиться в Швейцарию. Но высокая заработная плата, щедрые премиальные за «риск» оказались убедительными аргументами, и он остался. Постепенно ему стала нравиться эта примитивная жизнь, радость выживания, потоки воды с неба, красноватого цвета почва, мужская община и этот грузовичок, на котором раз в неделю в лагерь привозили чернокожих проституток, которых трахали прямо на соломе под тентом-шапито, возведенном специально для этих целей. И надо же такому случиться! То, что несколько недель назад он принял бы как освобождение, сегодня представлялось катастрофой. Как об этом сообщить Мануэле?

Он раздавил муху кончиком пера и начал писать адрес на конверте:

«Мисс Мануэле Родригес, проживающей у мисс Ренаты Клоппе, Беллеривштрассе, Цюрих, Швейцария».

Затем, забыв о жаре, поте и мухах, принялся писать.

«Моя дорогая Мануэла!

Хочу сообщить тебе о плохой новости и не знаю, с чего начать. Эта плохая новость обрадует тебя, но ты не права. У нас ходят слухи, что собираются закрыть шахту по причине малой эффективности. Они говорят, что есть другие, богатые жилы, но до них трудно добраться, не подвергая жизнь людей риску... Они не могут больше гарантировать безопасность. За три месяца я видел шесть трупов, но это негры, так что не волнуйся.

В Европе нельзя заработать и половины того, что я получаю здесь. Короче говоря, я ничего не знаю, но такие слухи ходят. Признаюсь, я расстроен, и мне не хочется возвращаться в Цюрих, не скопив денег на магазин.

Я прочитал твое письмо и должен сказать, что твоя хозяйка — просто класс! Подарить тебе свои платья!.. У нее по-прежнему все хорошо с Куртом? Я буду писать

тебе еще завтра, но вряд ли что-либо проясню относительно сегодняшней ситуации. Целую тебя, моя дорогая женоушка!»

Написав внизу листа «Хулио», он вложил его в конверт.

Неожиданный шум голосов и радостные возгласы вернули его к реальности. Сегодня четверг, день приезда проституток. Обычно он первым врывается под купол шапито.

* * *

Мортимер О'Бройн начал заживо умирать, когда машина, проскочив пригород, понеслась дальше. Десять раз он хотел выпрыгнуть и десять раз ему не хватило смелости. А такая возможность была... Беллинцона, казалось, дремал, не обращая на него никакого внимания. Парень за рулем был занят управлением и не успел бы среагировать. Неподвижно сидевшая рядом с ним Заза напоминала статую. Мортимер задумался над судьбой своей любовницы: выживет ли она в этом путешествии, из которого, судя по всему, нет возврата?

Но главное, каким образом Вольпоне узнал о смерти брата? И как ему удалось так быстро наложить на него лапу? Выявить двух «солдат», которым он поручил убрать Дженцо, ни теоретически, ни практически невозможно. У него хватило ума проявить осторожность и обойтись без посредника, встретился с ними сам. В Нью-Йорке их не знают. Никаких неожиданностей преподнести ему они не могли, потому что не знали личности заказчика.

Два года тому назад Мортимер О'Бройн спас от электрического стула американца польского происхождения, обвиненного в тройном убийстве. Его звали Этьен Кац. В знак благодарности Кац дал ему имена двух своих друзей из Неаполя и сказал: «Метр, если однажды вам что-нибудь понадобится... Не торопитесь отказываться, мало ли что может случиться. Позвоните им от моего имени, и они сделают для вас все. Все!»

Тогда О'Бройн недоуменно пожал плечами, однако оставил в уголке своей памяти номер телефона, который назвал ему Кац. Он подумал, вдруг придется им когда-нибудь воспользоваться.

Через три недели Кац был задушен в своей камере кем-то из заключенных и навсегда унес в могилу все свои секреты и мечты. Возможно, не встретить он Зазу, идея убийства никогда бы не пришла ему в голову. Желая покорить молодую женщину, он завалил ее дорогими подарками, в то время как основной его капитал был основательно потрепан в результате неудачных финансовых махинаций. Конечно, Мортимер имел счет в швейцарском банке... Но цифра вклада его не радовала.

Во время одной из бесед Этторе Габелотти сообщил ему под большим секретом о перемирии с «семьей» Вольпоне. Речь шла о беспрецедентной операции: «отмыть» одним заходом два миллиарда долларов!

И надо же было такому случиться, что в этот момент Заза закапризничала, стала требовать бриллианты, а Джудит, жена Мортимера, стала подозревать и упрекать его в непомерных расходах.

Однажды ночью он проснулся от внутреннего толчка: если Дженцо Вольпоне умрет, он, Мортимер О'Бройн, — доверенное лицо Габелотти — может завладеть двумя миллиардами долларов! Слов нет, эта мысль была кошмаром, абсурдом и абсолютно нереализуемой затеей. Никто не мог рассчитывать, что спасет свою жизнь, решив сыграть в такую игру с Синдикатом. Все, кто отваживался на подобные попытки, закончили жизнь в страшных

мучениях под пытками. Не существует на земле такого места, где можно было бы спокойно жить, не опасаясь возмездия Синдиката.

Первое время Мортимер противился этой мысли, испугавшись уже того, что она у него возникла. Затем, увлекшись диалектической игрой «а что из этого могло бы получиться?», он развил ее в нескольких продолжениях, рассматривая каждое с точки зрения возможных последствий, отсекая непредвиденные, предугадывая реакцию противника, просчитывая, как компьютер, возможность неудачи. К своему большому удивлению, он вскоре пришел к заключению, что его задумка выглядит не так уж безнадежно, хотя определенный риск несколько омрачает сверкающие перспективы финала. Но два миллиарда долларов затмевали достаточно реальные и, увы, небезопасные для жизни неприятности.

Движимый желанием взять реванш у жизни, которая сделала его бесцветным там, где он хотел блистать, маленьким, где ему хотелось быть большим, он принял решение убить Дженцо Вольпоне. С этого момента детали предстоящей операции стали накапливаться у него в голове в арифметической прогрессии. Он связался по телефону с двумя подонками из Неаполя. Не называя себя, представился от имени Каца и поблагодарил Бога, что они в полном здравии и готовы выполнить часть его проекта. Опасаясь их спугнуть, он умышленно не назвал имя человека, которого им предстояло убить. Не имея твердой гарантии выполнения контракта, он тем не менее перевел им в Италию пятьдесят тысяч долларов. И машина пришла в движение. За два дня до своего появления вместе с Вольпоне в Цюрихе он предупредил убийц о дне приезда их жертвы, с удовлетворением отметив, что они готовы выполнить свои обязательства до конца...

Он дал им описание внешности Дженцо, сообщил адрес отеля, где он остановится, и снабдил расписанием его распорядка дня. Остальное было за ними... Как они это сделают, Мортимера не интересовало. В самолете, летевшем из Цюриха в Нью-Йорк, — сразу же после встречи с Клоппе — у Мортимера наступило просветление. Слишком поздно! Слишком поздно он понял, что его невероятный набор в покер не выигрывает. Ему оставалось надеяться, что друзья Каца «подведут» его и не выполнят контракт.

Но едва прибыв в Нассау, он получил обратное тому подтверждение: «Просьба позвонить Джудит». Условленный текст телеграммы означал, что непоправимое свершилось: Дзу Дженцо Вольпоне мертв!

Хотел он теперь этого или нет, но безжалостный механизм реализации проекта, созданный им самим, вынуждал его сделать очередной шаг, и он подчинился.

Возвратившись в Нью-Йорк, он отчитался перед доном Габелотти. Перед тем как встретиться с ним, О'Бройн отметил, что предстоящая ложь претит ему больше, чем организованное им убийство.

— Номер? — после невнятного приветствия потребовал Этторе.

— 21877.

Габелотти записал цифры в блокнот.

— Слово-пароль?

— «Год».

— Прекрасно!

Мортимер был взволнован: впервые за время своей блестящей профессиональной карьеры он не сказал клиенту правду!

Теперь Мортимеру оставалось только перевести деньги в другой банк и исчезнуть вместе с Зазой. Он обласкал взглядом ее затылок.

Предательство, которое она проявила по отношению к нему в квартире Инес, не удивило его. Она была слабовольна, расчетлива, порочна, холодна, идиотична и эгоистична. Но он любил ее, любил как единственную женщину, давшую ему почувствовать себя мужчиной.

Вот только выживет ли она? У Итало нет ни одного доказательства, что убийство организовано им, Мортимером О'Бройном. Может ли он взять на себя безрассудный риск убить его раньше, чем получит доступ к деньгам? «Трейд Цюрих бэнк» никогда не отдаст вклад, если не будут соблюдены легальные условия его получения. А обеспечить их мог только он.

Машина резко свернула вправо, и Мортимера бросило на Беллинцону. Тот недовольно выругался и отшвырнул О'Бройна к противоположной дверце.

* * *

Поворачивая за угол, Фолько Мори увидел позади себя темносиний «фиат» полицейского, которого он час назад выбросил из окна. Теперь за рулем сидел его напарник. Откровенно говоря, Фолько Мори предпочел бы поменяться с ним позициями. Тому уже ничто не поможет. Ему не дожить до захода солнца и никогда не сообщить Кирпатрику, что Итало Вольпоне увез О'Бройна и его любовницу в безвозвратное путешествие в швейцарские горы. И все-таки успел ли он сообщить в Нью-Йорк о смерти Кавано?

Когда Вольпоне и Беллинцона вышли из отеля «Сордис», Мори находился в засаде, сидя в своем «фольксвагене». Он видел, как полицейский поехал следом за ними, неопределенно надеясь, что второй, неустановленный, преследователь вскоре выдаст себя. Но, к сожалению, его не было видно. Фолько изнывал от желания узнать, с кем имеет дело, перед тем как «завалить» их обоих.

Он сделал краткое резюме: в аэропорту на пятках Вольпоне «сидело» трое. Двое были полицейские и работали командой, хоть и делали вид, что незнакомы. Один уже мертв. Вторым катит за ним в синем «фиате». Третий остается неизвестным и действует в одиночку. Он может принадлежать к какой-нибудь параллельной полиции государственной службе или... быть «акулой» противоборствующей «семьи». В таком случае им может оказаться только человек Этторе Габелотти...

Что касается полицейского номер два, не стоит ломать голову, чтобы закамуфлировать его убийство под несчастный случай. Дикий пейзаж, раскинувшийся по обе стороны дороги, удаленность от населенных пунктов просто «предлагают» избавиться от ненужного человеческого дерьма.

Пока обнаружат труп, Фолько будет уже далеко.

* * *

— Я секретарь мистера Вольпоне, — сказал Рико Гатто.

— А... — безразлично отреагировал сторож морга.

— Понимаете... Сегодня утром мой шеф был здесь и, вероятнее всего, именно здесь случайно обронил одну вещь... Мне поручено поискать ее и забрать.

— Какую вещь?

— Часы.

— Где он их обронил?

— Я хотел бы посмотреть...

— Но где?

— Там, где он был.

— Я не могу вас пропустить.

— Почему?

— Войти сюда могут только члены семьи. Пусть приходит сам...

— Мистер Вольпоне уже уехал из Цюриха, — врал Рико Гатто, доставая из кармана пачку долларов.

Сторож сделал вид, что не замечает деньги. В Соединенных Штатах этот жест мгновенно открыл бы все двери, а если бы понадобилось, были бы сорваны крышки со всех гробов согласно представленному списку. Но в Швейцарии!..

— Возьмите, — сказал Рико, протягивая доллары.

— Зачем? — с искренним удивлением спросил сторож.

— За причиненное вам беспокойство.

— Какое беспокойство? Это моя работа, и за нее мне платят.

— В таком случае, проводите меня, — теряя терпение, сказал Рико.

— Я уже сказал вам, что для посетителей морг закрыт!

— Что я должен сделать, чтобы войти?

— Как и все, подождать, пока не умрет кто-нибудь из ваших близких...

Красивой концовкой этого разговора могла быть только пуля, пущенная в череп этого страшилища.

Эторе Габелотти задохнулся от ярости, когда, разговаривая с ним по телефону, узнал, что Рико не может назвать фамилию покойника, которого навестил Вольпоне.

— Не мог ли мистер Вольпоне уронить часы в гроб? — хитрил Гатто.

— Господи... Я сам закрывал ящик и ничего там не видел.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Не думаете же вы, что я мог перепутать их с ногой!

— Как с ногой?

Сторож внимательно посмотрел на Рико.

— Ну да... Нога...

Рико был настолько ошеломлен, что допустил оплошность, задав неосторожный вопрос.

— Мистер Вольпоне приходил смотреть ногу? Чью ногу?

— Как, вы сказали, вас зовут? — забеспокоившись, спросил сторож.

— Посмотрите еще раз... Перед закрытием я зайду...

Он направился к машине, провожаемый подозрительным взглядом служащего морга. Теперь Габелотти не в чем будет его упрекнуть. Как можно узнать, чья нога лежит в морге?..

* * *

Теперь Патрик Махоуни знал, как умер Дейв Кавано. Ни о каком несчастном случае не могло быть и речи, хотя внешне это выглядело именно так. Это было убийство:

хладнокровное, безжалостное, спланированное...

Как только «Р9», а следом за ней и «форд» съехали на горную дорогу, Махоуни заметил, что за ним неотступно следует «фольксваген» бежевого цвета.

Фолько решил поменяться с Махоуни местами и еще в городе свернул в узкий переулок, пропустив полицейского вперед. «Полдела сделано», — подумал он, выезжая из переулочка. Махоуни проклинал себя за то, что не подумал о человеке Вольпоне, который мог следить за ним из засады. В силу необъяснимой причины Дейва Кавано подтащили к окну и сбросили вниз. Он весь задрожал от животной радости, подумав, что проделает то же самое с убийцей Дейва. Его рука ласково прошлась по рукоятке «магнума». Он — предполагаемая дичь — убьет охотника!

Неожиданно он осознал, что даже внутренне он произнес слово не «арестует», а «убьет»! Он, словно забыв свои обязанности полицейского и задание, которое получил от капитана Кирпатрика, торопился собственными руками отомстить за Кавано. Он мог придумать тысячу причин, чтобы оправдать убийство, которое собирался совершить, но было достаточно одной — самооборона.

Вначале он заставит своего преследователя говорить, а когда все узнает, будет вгонять в него пули до тех пор, пока не выплеснет наружу всю свою ярость.

По мере того как они поднимались вверх, снега становилось все больше. «Фиат» с трудом преодолевал очередной подъем. Едва машина выкатилась на вершину подъема, как тут же сорвалась с головокружительного спуска длиной метров тридцать. От неожиданности Махоуни резко нажал на педаль тормоза, заблокировав колеса. Машину развернуло поперек дороги, и она начала съезжать вниз, к повороту, где, словно специально высаженные для таких случаев, росли густые кусты какой-то вечнозеленой растительности.

Махоуни инстинктивно понял, что это должно произойти здесь и сейчас. Он выпрыгнул из машины в ту секунду, когда она остановилась, развернувшись, поперек дороги и закрыла собой поворот. Быстро вскарабкавшись на четвереньках по склону, он спрятался за деревом, сжимая в руке оружие. Звук мотора приближающегося «фольксвагена» вызвал у него на лице злую улыбку. Вначале показались два передние колеса, затем капот, и «фольксваген» скользнул вниз. Когда Фолько увидел стоявший поперек дороги «фиат», что-либо предпринимать было уже поздно.

Махоуни в три прыжка оказался рядом с дверцей и резко распахнул ее. Он одной рукой схватил человека, сидевшего за рулем, и выбросил его из машины.

Ошеломленный Фолько Мори увидел в двух сантиметрах от своего правого глаза угрожающее отверстие дула пистолета. Он поднял голову и тут же получил удар рукояткой в шею. Задыхаясь, он схватился руками за горло, перевернулся и уткнулся лицом в снег.

Махоуни быстро обыскал его, и в его руках оказалось портмоне. Он сделал два шага назад, держа Фолько под прицелом пистолета.

— Чем ты собираешься здесь торговать? — ледяным тоном спросил Махоуни.

Фолько стонал, харкая слюной с желчью. Он не торопился отвечать, разглядывая своего противника. Тот листал его паспорт, в котором стояла отметка «коммерческая поездка». Судя по тому, как он его обыскивал, по его поведению и нарочитому спокойствию, Фолько не сомневался, что этот фараон, не раздумывая, выстрелит ему в голову.

Ну вот — конец путешествию... Придется завсе расплатиться. Умереть ему было не страшно, страшно перестать жить, где-то гнить, когда другие будут продолжать наслаждаться жизнью, трахаться, загорать под солнышком... Иногда он с безразличием

думал: где это может произойти?.. Теперь этот вопрос решен: лес, где так хорошо дышится, пушистый сугроб, апрель месяц...

— Как ты убил моего друга? — спросил Махоуни.

По произношению Фолько распознал в нем такого же выходца из Бронкса, как и он сам.

— Ты понимаешь, о чем я тебя спрашиваю? — зарычал Махоуни, и его лицо исказилось от ярости.

Опираясь на руки, Мори встал на ноги, не в силах справиться с прерывистым дыханием.

— Какой смысл мне отвечать?

— У тебя есть три секунды! — предупредил Махоуни. — Как ты убил моего друга?

Мори увидел, как побелел его палец на спусковом крючке «магнума». Он покачал головой и отступил на три шага назад.

— Зачем тебе знать? — Он безразлично пожал плечами.

Так или иначе, но признание состоялось.

Ствол «магнума» дрогнул и поднялся вверх. Он выстрелит, когда Фолько сделает движение рукой к карману.

— Руки за голову! — приказал Махоуни, следуя профессиональному рефлексу.

Мори послушно выполнил приказание. Они стояли друг против друга на расстоянии десяти метров: Фолько — держа руки за головой, Махоуни — с оружием в руке на уровне бедра.

Дальше произошло что-то странное. Махоуни увидел, как Фолько вытянул руку в его направлении, а сам бросился на снег. На что эта сволочь надеялась? Попытается уйти от предназначенной ему пули? Махоуни хотел рассмеяться, но вместо этого из горла хлынул поток теплой жидкости, и он увидел, как три или четыре Мори бросились в разные стороны. Деревья заплясали над ним джигу, а небо становилось то черным, то пурпурным. Он опустил голову и увидел, что «магнум» валяется почему-то у его ног.

Он машинально поднес отяжелевшую руку к горлу, и его пальцы наткнулись на рукоятку ножа, пронзившего его горла Махоуни с беспокойством подумал: «Только бы не была задета сонная артерия...»

Это была его последняя осознанная мысль перед тем, как вечная ночь и смерть втянули его к себе...

В четыре часа дня Карл Дойтш вошел в кабинет Хомера Клоппе. Банкир встал и вышел из-за стола навстречу «доктору». После двух ничего не значащих фраз вежливости мужчины сразу перешли к делу.

— Прошу извинить меня за беспокойство, — сказал Дойтш.

Хомер сделал великодушный жест рукой.

— Не хотите ли виски? — спросил Клоппе, доставая гигантскую бутылку «Уотерман».

Они были знакомы уже лет десять и испытывали друг к другу взаимное уважение. Выходец из Австрии, Карл Дойтш приложил колоссальные усилия, чтобы в швейцарских финансовых кругах забыли о его национальности. Несмотря на лингвистическое родство, он долгое время считался «чужим». Однако его высокопрофессиональные качества посредника, врожденное желание оказывать услуги, а также обширные, на высоком уровне, международные связи убедили местных снобов, что он равный среди равных.

Достаточно часто к нему обращались директора банков с просьбой высказать свое мнение о клиентах, с которыми они собирались заключать многомиллионные сделки. Карл Дойтш, как в сказке, бескорыстно и молниеносно предоставлял им необходимую информацию. И ни один из его диагнозов не оказался ошибочным вплоть до сегодняшнего дня. Поэтому ему почти прощалось его не слишком серьезное отношение к протестантской религии. И напротив, его глубоко уважали за то, что он постоянно «тащил» в Конфедерацию иностранные капиталы, распределял их по своему усмотрению в различных банках Цюриха, Женевы или Лозанны и умел при этом извлечь для себя соответствующую выгоду. Ни одна крупная операция в стране не проходила без его участия. Он знал все секреты и был вхож во все двери. К его посредническим услугам прибегали как отдельные мультимиллионеры, так и иностранные банки, трансконтинентальные компании и правительства некоторых стран, испытывающие нужду в деньгах для проведения краткосрочных, выгодных финансовых операций. Дойтш играл на курсе валюты, зная раньше всех точный день, когда должна подняться или опуститься стоимость той или иной денежной единицы. Дойтш мог бы дать вам адрес, куда можно было бы продать, если вы это имели в наличии: сто танков «тигр», десять тысяч винтовок «мас», сто легких пулеметов «штейн». Он имел дело даже с Советским Союзом, когда тому необходимо было продать несколько сот тонн золота. Он с одинаковой легкостью конвертировал его в зерно или доллары.

Его гений заключался в том, что он умел найти в дебрях международных ограничений щель, через которую легально обходил закон. Само собой разумеется, что его талант не мог пройти незамеченным финансистами Синдиката. Карлу Дойтшу приходилось неоднократно «отмывать» громадные суммы денег, совершенно не интересуясь ни их происхождением, ни кому они принадлежат.

— Ваше здоровье! — сказал Клоппе, поднимая бокал.

— Ваше здоровье! — эхом ответил Дойтш, выпив все до последней капли.

Хомер тут же налил ему еще.

— Итак, — сказал Дойтш, глубоко вздохнув, — я глубоко и искренне вас уважаю, мистер Клоппе. Я прошу вас не комментировать то, что вы сейчас услышите от меня. А когда я уйду, вы вольны поступать по своему усмотрению. Речь пойдет об одной истории, которая, естественно, не имеет ничего общего с реальностью...

— Естественно, — сказал несколько озадаченный Клоппе.

— Рассказывая эту историю вам, я имею намерение оказать вам, в некотором роде, определенную услугу... Судить об этом вам!.. Итак, предположим, я повторяю, предположим, что какому-то банку города был доверен огромный капитал под номерной счет. — Дойтш увидел, как нахмурилось лицо Клоппе. — Предположим еще, — продолжал он, — что этот капитал... скажем, транзитного характера... и принадлежит какой-то крупной организации, не швейцарской, конечно... скажем, иностранной... например, американской... мораль которой чувствительно отличается от наших о ней представлений. Я хочу сказать, что в их глазах документы имеют меньшее значение, чем слово джентльмена...

Клоппе аккуратно поставил бутылку с виски в ящик стола. Он все мог представить себе относительно Карла Дойтша, за исключением того, что тот уполномочен представлять интересы Вольпоне.

— Теперь предположим, что те, кто знает шифр, не могут по каким-то причинам прийти сами за вкладом. Профессиональный долг банкира состоит в том, чтобы никогда и никому не говорить, что деньги находятся у него... даже тем, кто имеет на них право, но не знает кода. И все это понимают... — Карл Дойтш прокашлялся и продолжил — ...за исключением или, это, пожалуй, будет точнее, если вкладчиками являются преступники или сумасшедшие, которые не остановятся ни перед чем, чтобы завладеть деньгами. В данном случае, я подчеркиваю, именно в данном случае здравый смысл должен восторжествовать над чувством долга...

— Вы получили приглашение на свадьбу моей дочери? — спросил Клоппе.

— Разумеется.

— Собираетесь прийти?

— Конечно.

Клоппе встал.

— Думаю, будет лучше, если вы не сможете прийти. Забудьте о приглашении, как я уже забыл о только что сделанном мне предложении, из которого я ничего не понял.

Лицо Карла Дойтша побледнело, и он вскочил на ноги.

— Сожалею, мистер Клоппе, глубоко сожалею. Я надеялся, что вы отнесетесь к этому как к доброжелательной дружеской подсказке.

— До свидания, доктор, — сказал Клоппе.

— До свидания, мистер Клоппе.

Направляясь к двери, Дойтш чувствовал, как за эти десять минут постарел на несколько лет.

И все-таки он сделал все возможное, чтобы избежать худшего...

* * *

Остановившись на лестничной площадке, Анджела Вольпоне не решалась нажать на кнопку звонка. Сердце громко билось в ее груди, и ей ужасно хотелось броситься вниз по лестнице, убежать отсюда. Полчаса назад она позвонила Франческе и сказала, что придет к ней. Теперь, стоя перед дверью, она не знала, хватит ли у нее сил сказать своей свояченице, что ее муж, дон Дженцо Вольпоне, мертв.

Она подняла руку и нажала на кнопку.

Дверь открыла сама Франческа. Ей было около пятидесяти лет, но выглядела она гораздо старше. За все время своей супружеской жизни с Итало Анджела встречалась с Франческой не более трех-четырёх раз. И ни разу у них не было случая поговорить по душам, слишком многое их разделяло... Даже то, что они были замужем за родными братьями, не сближало их. Со своей жаждой к жизни, Анджела чувствовала себя неловко в присутствии этой спокойной, безропотной женщины. Что же ей пришлось испытать, чтобы с таким покорным, безысходным видом воспринимать происходящее вокруг?..

— Входите же, Анджела... Добро пожаловать...

Внутреннее убранство квартиры, несмотря на огромные комнаты, было таким же тусклым, безликим, как и сама хозяйка. Все было выдержано в серых тонах, несколько грустных, не совсем соответствующих духу времени...

— Хотите кофе?

Анджела покачала головой. Они подошли к окну и сели в кресла.

— Вот... — неуверенно начала Анджела. — Только что мне позвонил Итало... из Цюриха... Я принесла вам плохую новость...

Франческа непроизвольно напряглась.

— Речь идет о вашем муже... доне Дженцо. С ним случилось несчастье...

Не в силах выдержать пожиравший ее взгляд, Анджела опустила глаза.

— Несчастье? — повторила Франческа. — Но он... но он... — Франческа встала. Ее руки мелко дрожали.

Анджела закусил губы и еще ниже опустила голову. Затем она одним движением оказалась на ногах и бросилась на грудь Франческе. По вздрагиванию ее тела Анджела поняла, что та плачет. Франческа плакала без слез.

— Где он? — спросила она изменившимся голосом, отстраняясь от Анджелы.

Анджела не знала, что ответить. Только сейчас она поняла, что Итало ничего больше ей не сказал.

— Я спрашиваю вас, где мой муж? — повторила Франческа. — Что с ним случилось?

— Я не знаю, — сквозь рыдания ответила Анджела. — Итало должен мне еще позвонить... Он ничего больше не сказал. Он обо всем позаботится...

Франческа упала на диван, зарылась лицом в подушку и, стуча по ней кулаками, истошно закричала:

— Я знала, что они убьют его. Я это знала. А теперь они убьют Итало.

Чтобы не закричать от страшного смысла слов Франчески, Анджела впиалась зубами в свои сжатые в кулаки руки.

* * *

Съехав на проселочную дорогу, машина Ландо направилась к каким-то строениям, стоявшим в пятистах метрах от горной трассы.

Ландо остановился у большого ангара и заглушил мотор. Он подождал, пока подъедет «форд», и поспешно открыл дверцу Вольпоне, избегая смотреть на сидевшую рядом с ним Инес.

— Это место вам подойдет?

— Проверь, нет ли здесь кого-нибудь, — сказал Вольпоне, не выходя из машины.

Проваливаясь по колена в снег, Ландо пошел к ангару. Все было закрыто и, казалось, вымерло. На всякий случай он постучал в дверь. Никого. Никакого движения внутри. Он обошел здание, снова подошел к двери и толкнул ее. Заскрипев заржавевшими петлями, дверь открылась.

Глинобитный пол был покрыт толстым слоем опилок. У противоположной стены стоял всевозможный сельскохозяйственный инвентарь. Центр помещения занимала стационарная электропила. Ландо провел пальцем по покрытому ржавчиной и пылью диску пилы.

Вероятно, с осени здесь никто не появлялся.

Он вышел наружу.

— Что там? — спросил Вольпоне.

— Все в порядке.

— Вытаскивай этих мерзавцев!

Ландо подал знак Пьетро Беллинцоне. Вольпоне вышел из машины и встал позади Инес. На секунду все замерли. Стояла пронзительная тишина, которая обычно предшествует смертной казни. Лица у всех были бледные, напряженные, глаза опустошенные...

Когда послышался звук мотора приближающейся машины, Вольпоне поднял руку вверх и никто не сдвинулся с места. Из-за поворота показался «фольксваген» Фолько Мори. Он встал в линию за двумя машинами, выключил мотор, потянул за рукоятку ручного тормоза и, захлопнув дверцу, подошел к остальным.

— Откуда ты появился? — спросил Вольпоне.

— Ехал за вами...

— Мы тебя не видели, — забеспокоился Беллинцона.

— Вынужден был остановиться.

— Зачем? — не унимался Беллинцона.

— Просто так...

Вольпоне кивнул головой, и все направились к строению. У входа он остановился и, обращаясь к Пьетро и Мори, сказал:

— Всех загоните внутрь, а ты, — он указал пальцем на Ландо, — останешься со мной.

Когда Заза, Инес, Мортимер, Фолько и Беллинцона вошли внутрь, Итало, ковыряя носком туфли снег и не глядя на Ландо, спросил:

— Ты знал моего брата?

— Да. Встречался с ним три дня назад.

— Где?

— В городе. Он пригласил меня в бар «Континенталь».

— Зачем?

— Дон Дженцо хотел, чтобы я проводил его на вокзал.

— Ты проводил?

— Да.

— Рассказывай.

Ландо растерянно посмотрел на него.

— Что рассказывать?

— Вы поехали на вокзал в такси?

— Нет, — он показал на «Р9», — на ней.

— Твоя?

— Ее подарил мне дон Дженцо.

— Когда?

— В день отъезда. Мы проходили мимо автомагазина, и ему захотелось сделать мне подарок.

— Ты проводил его до вагона?

— Он не разрешил. Мы расстались у входа в здание вокзала.

— Ты не проводил его даже до касс?

— Он приказал мне уехать.

— Ты не знаешь, куда он собирался отправиться?

— Нет.

— Какое у него было настроение?

— У кого?

— У моего брата, — занервничал Вольпоне.

— Хорошее... Спокойное...

— За вами следили?

На лице Ландо появилось удивление.

— Следили? Кто? Я не заметил.

— Ты знаешь типа, которого умыкнул?

— Мортимер О'Бройн, адвокат.

— Ты видел его вместе с моим братом?

— Нет. Когда я встретился с доном Дженцо, он был один.

— Твоя фамилия Баретто?

— Орландо Баретто. Ландо.

— Сколько лет ты в «семье»?

— Девятый год...

— Заработком доволен?

— Вполне.

— С сегодняшнего дня ты будешь получать в два раза больше.

— Но, патрон... — засмутился Ландо.

— Возражаешь?

— Нет, нет! — живо ответил Ландо. — Но...

— Возьми это! — приказным тоном сказал Вольпоне, сунув ему в руку пачку денег. —

Десять тысяч долларов.

— Святая Мадонна!

— Это аванс. Ты любил моего брата?

Ландо энергично закивал головой.

— Он мертв, — сказал Итало. — Ты знаешь, кто его убил?

Глаза Ландо расширились, зубы не хотели разжиматься.

— Убил?..

— Эта сука О'Бройн убил его. Слушай меня! Мне нужно задать ему один-два вопроса, после чего он не должен возвратиться в Цюрих. Ты понимаешь?

— Да, — ответил Ландо, все успев понять.

— Блондинка... вместе с ним... Готов мне помочь?

— Да.

— Кто эта негритоска?

— Она со мной.

— Она тебе нужна?

— Как сказать? — выдавил из себя Ландо, удивляясь своему вдруг осипшему голосу.

— Она тоже не должна возвратиться в Цюрих.

— Но, патрон...

— Я тебе возьму...

— Она здесь совершенно ни при чем! Ничего не знает...

— Возможно... Просто ей не повезло.

— Но...

— Мне не нужны свидетели. Найдешь себе другую. Слава Богу, проституток хватает.

— Послушайте, патрон...

Вольпоне сверкнул глазами.

— Я же тебе сказал — возьму!

— Знаю, патрон, знаю! Дело не в этом. Ее исчезновение не пройдет незамеченным...

Она трахается со многими финансистами города, влиятельными людьми... Туда, куда вы направили меня за О'Бройном... этот банк...

— Какой банк?

— «Трейд Цюрих бэнк». Она встречается с банкиром.

— Кто?

— Инес.

— С Клоппе?

— Да, — торопливо подтвердил Ландо. — Он без ума от нее.

Мозг Вольпоне заработал с молниеносной быстротой.

— Так ты говоришь, что твоя негритоска трахается с Хомером Клоппе?

— Да! Клоппе... Это он...

— Ты хотел бы, чтобы она дышала?

— Она честная!

— И хотел бы привезти ее в Цюрих живой и невредимой?

— Пусть только откроет рот, я сам сниму с нее шкуру.

Вольпоне пристально посмотрел на него.

— Доверяешь ей?

Ландо колебался мгновение.

— Ей — да!

— А я — нет! По крайней мере до тех пор, пока она не будет мертвой. Послушай, Баретто! Если она расколется, ответишь собственной головой. Согласен?

— Согласен.

Вольпоне легко хлопнул его по плечу.

— Не волнуйся, если я разок ей врежу... Так, для порядка... Ради шутки, — сказал он и шагнул через порог. Ландо последовал за ним.

* * *

Когда родители Курта узнали, что он женится на девушке, чьи родители находятся на вершине социальной иерархической лестницы и являются обладателями огромного состояния, их охватил ужас. Они отговаривали его в два голоса, предупредив о

неприятностях, которые его поджидают в этом неравном браке. Курт смотрел на их растерянные лица, и это его злило.

Словно отвечая на свои тайные мысли, отец сказал:

— Вот и все... Свершилось... и свершилось... Но не думай, что мне это приятно.

— Ты преподаватель, Курт, — решила сказать свое последнее слово мать. — Если вы сделаете все так, как задумали, у тебя появится много недоброжелателей...

Курт раздраженно пожал плечами. Переубедить Ренату отказаться от сумасбродной идеи, приводившей ее в восторг, он не мог.

— У тебя совершенно отсутствует воображение, — говорила она. — Но страшнее всего то, что ты слишком мелочен, чтобы воплотить в жизнь свои мечты. Тебе не хватает немного безумия, мой бедный Курт! Ты знаешь, что сказал мне однажды Дали? Он хочет организовать корриду, а затем поднять с арены в небо поверженных быков и победителей на задрапированных красной тафтой вертолетах.

— Ну и что?

— Ничего. Чтобы придумать такое, надо иметь мозги.

— Дебильные.

— Ты никогда не поднимешь меня на вертолете!

— А почему бы не попробовать? В день нашей свадьбы...

Глаза Ренаты сверкнули, она оживилась.

— Ты всегда говорил, что презираешь заживевших буржуа в нашем городе. Докажи! Не сдрейфишь?

— Я?

Вот так и совершаются глупости, играючи, слово за слово...

Они на полном серьезе разработали сценарий собственной свадьбы, который должен был максимально шокировать приглашенных гостей. Главная тема церемонии бракосочетания была определена — все наоборот.

За три дня до свадьбы ни о каких изменениях не может быть и речи...

Курту становилось не по себе, когда он представлял, как вертолет поднимает их в ночное небо в корзине, украшенной цветами. Возможно, на это представление, о котором раструбила вся местная пресса, сбегутся и его студенты... После такого скандального спектакля ему останется одно — подать в отставку. Что его ждет в таком случае впереди?... Этого он не знал.

— Курт, — сказал Йозеф Хайнц, — ты впутываешь меня и мать в грязную историю.

— У вас нет чувства юмора, — скрипнул зубами Курт.

— А если лопнет трос? — обеспокоенно спросила Утта.

— Вы не в состоянии понять... — сказал Курт. — Рената — жизнерадостный человек.

— Я боюсь, что ты потеряешь работу, — пробормотала Утта, опустив глаза.

— Я тоже так думаю, — поддержал жену Йозеф.

— Мы столько в тебя вложили, — заплакала Утта. — Так надеялись... Хотели... Отец и я...

— Чего хотели?

Он чуть не крикнул: «Хотели, чтобы я был похож на вас?» Но вовремя сжал губы, поняв по тяжелому вздоху отца, что тот догадался... Они — другая планета, другое измерение... Добавить нечего!

— Ну, все! Я должен идти. Твое платье готово, мама?

Она утвердительно кивнула.

— Вот увидишь, ты будешь самая красивая. До свидания, папа...

Он коснулся губами гладко выбритой щеки этого старого, уязвимого ребенка, который так и не стал мужчиной.

А он, Курт, разве он мужчина? Но самая богатая наследница в городе выбрала его в мужа. Он, не торопясь, пошел вниз по лестнице. Когда-то, в детстве, он сидел на поручень и со счастливым визгом скатывался вниз...

* * *

При виде входившего Вольпоне ему ужасно захотелось раствориться, стать невидимкой. Однако наэлектризованный, уверенный в неизбежности своей смерти и предшествующих ей мучений, Мортимер О'Бройн неожиданно сделал шаг навстречу своему палачу.

— Итало! Клянусь жизнью, я не понимаю вашего ко мне отношения. Здесь какое-то вопиющее недоразумение!

Итало задумчиво осмотрелся вокруг, задержал взгляд на пиле, стенах, покрытых паутиной, толстых балках перекрытия. Рядом с пилой на глинобитном полу лежала прямоугольная металлическая пластина. Вольпоне сделал знак рукой и Беллинцона поднял ее, открыв яму размером два на один метр и восемьдесят сантиметров глубиной. В ней находились электромотор и рубильник.

— Оставь так! — приказал он Пьетро.

— Итало! — закричал О'Бройн. — Я требую объяснений.

Вольпоне повернулся к нему с таким видом, словно видел его первый раз в жизни.

— Сейчас ты их получишь, — мягким голосом сказал он, затем взял его под руку и отвел в сторону. — Значит, так, — спокойно начал Итало, — мой брат убит.

О'Бройн собрал остатки сил, чтобы выдержать взгляд Вольпоне.

— Да что вы такое говорите? — выдохнул он.

— Закройся! — прорычал Вольпоне. — Говорю я! Сейчас ты скажешь мне цифровую комбинацию, под которой зарегистрирован вклад...

— Итало! Я не могу! Это же предательство по отношению к Дженцо!

Чтобы тут же не разорвать его на куски, Вольпоне закрыл глаза, обхватил голову руками и изо всех сил сжал ее.

— Слушай, гниль, слушай меня внимательно! Перед тем как я тебя убью, я предлагаю тебе сделку. Если ты сейчас же скажешь, что мне требуется, я убью тебя как человека — пушу пулю в лоб. И даю тебе слово, что с головы твоей подружки не слетит ни один волос...

— Что? Вы хотите...

— Если заупрямишься... все равно ты заговоришь. Я буду сдирать с тебя кожу сантиметр за сантиметром... Выбирай!

— Итало! Клянусь... вы ошибаетесь! Клянусь...

— Пьетро! Закрой дыру и поставь на пластину блондинку.

— Не-е-е-т... Я не хочу! — запротестовала Заза. — Какое я имею отношение к вашим делам? Я почти с ним незнакома...

Беллинцона завел ей руки за спину и толкнул на плиту.

— Что делать теперь? — спросил он.

— Повесишь ее, — спокойно ответил Вольпоне.

— Сволочи! — завопила Заза.

Инес отреагировала на происходящее неожиданно:

— И долго будет продолжаться это кино? Я замерзла и хочу домой.

— А ты спроси у этого ублюдка, — подсказал Мори и кивнул в сторону О'Бройна.

— Я не знаю, что они хотят от вас, — сказала Инес, глядя на Мортимера, — но скажите все, что знаете. Неужели вы не понимаете, что из-за вашего упрямства все мы оказались в дерьме.

Выполняя немой приказ глаз Вольпоне, Фолько Мори взял лежавший у стены моток веревки и протянул его Ландо. Один конец веревки Ландо перебросил через балку. Затем под любопытным взглядом Беллинцона сделал петлю.

— На шею, — приказал Вольпоне.

С вылезшими из орбит от ужаса глазами, с выражением недоумения на лице Заза искала взглядом чьей-нибудь помощи.

— Мортимер! — закричала она. — Мортимер!

— Оставьте ее! — заорал О'Бройн. — Оставьте ее!

Беллинцона одним движением заломил руки Зазы за спину, в то время как Ландо привязывал другой конец веревки к кольцу, прикрепленному к стене.

— Мортимер! — во всю силу своих легких крикнула Заза.

Она увидела, как он сделал жалкую попытку вырваться из рук Фолько Мори.

— Пластину! — приказал Итало.

Беллинцона ухватился двумя руками за ее края и потянул на себя. Лишившись опоры, Заза повисла над пустотой.

— Омерзительно! — выкрикнула Инес.

— Пьетро! Возьми негритоску и развлекись, — резким тоном сказал Итало.

Беллинцона искоса посмотрел на Ландо. Мертвенно-бледный, сжав кулаки, Ландо смотрел на Вольпоне, в руке которого неожиданно оказался «маузер».

— Баретто! — спокойно сказал Вольпоне. — Запусти пилу.

Но в его голосе слышалась такая угроза, что Ландо даже не шелохнулся, когда Беллинцона, схватив Инес за рукав манти, потащил ее за штабель досок.

— Баретто! — повторил Итало. — Я кому сказал?

Тяжело ступая, Ландо подошел к краю ямы и спрыгнул вниз, коснувшись тела Зазы. Ему пришлось развести ей ноги, чтобы добраться до рукоятки рубильника. Диск пилы начал медленно вращаться, быстро набирая обороты.

Чтобы не слышать, что происходит за штабелем досок, Ландо взял толстый брус и подставил его под пилу. Он был разрезан мгновенно, словно спичка.

— Тащи его к пиле, — сказал Итало Мори.

Из-за штабеля к самой крыше взметнулся нечеловеческий стон Инес. Ландо застыл. Вольпоне сделал вид, что ничего не случилось. Послышался голос Беллинцона: «Сука!» Последовали глухие удары и шум борьбы.

— Баретто, положи его перпендикулярно пиле и держи.

О'Бройн, ничего уже почти не соображая, пытался что-то сказать, но ни единого звука не вылетало у него изо рта. В десяти сантиметрах с бешеной скоростью вращался зубчатый диск.

Вольпоне схватил его за волосы.

— Я слушаю тебя!

Изрыгнув порцию желчи, Мортимер, который хотел жить, собрался с силами и выдавил из себя два слога заветного слова, придуманного Дженцо:

— Мама! Мама!

Но Итало не понял, что он услышал половину ответа, которого добивался. Он подумал, что слово, вырвавшееся из недр души О'Бройна, всего лишь последний крик о помощи и окончательный отказ. Внутри у Итало все перевернулось. В долю секунды его лицо покрылось потом, перед глазами мелькнули длинные ослепительные полосы, повлекшие за собой быстро сменяющиеся картины воспоминаний... Его брат, его слова: «Не трусь... Это не больна...» И Анджела, его жена... Ему показалось, что он ощущает на кончике своего языка вкус соска ее груди... И Дженцо... живой... мертвый... его нога...

— Мразь! Сука! — заорал он, забыв вдруг, кто он есть, почему он здесь, что должен делать...

Когда световые, пульсирующие полосы исчезли, он увидел, что по-прежнему держит голову Мортимера за волосы. Он поднял глаза и уставился сумасшедшим взглядом на Фолько и Ландо, которые смущенно отвернулись в сторону.

Он увидел, что их одежда забрызгана кровью. Только сейчас он заметил, что ничто не связывает голову, которую он держал в руке, с телом Мортимера О'Бройна.

Вместе с ней он отсек одновременно последнюю связь с двумя миллиардами долларов...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТУПИК

Рената Клоппе позвонила Мануэле и заказала себе завтрак: крепкий черный кофе, охлажденный сок грейпфрута, клубничный джем и яичницу с беконом.

Тяжело вздохнув, она встала, подошла к платянному шкафу и открыла его. На внутренней стороне дверцы были нанесены три небольшие черточки.

— Остается две, — сказала она, стирая пальцем крайнюю слева.

В тот день, когда они с Куртом определили дату свадьбы, она нанесла мелом сто двадцать пять черточек, как это делают заключенные, считая последние дни перед выходом из тюрьмы. Она до сих пор не понимала, почему решила выйти замуж за Курта. Он представлял собой полную противоположность тем, кто обычно ей нравился. А нравились ей красивые, светловолосые, высокого роста парни с непринужденными манерами, ленивые и беззаботные.

Курт был среднего роста, темноволосый, всегда чем-то озабоченный... И что в нем больше всего ее раздражало — она всеми силами противилась этому слову — он был трудолюбив.

Всегда собранный, неспособный отвлечься от реальности или совершить маленькое безумие, он до конца своих дней был обречен тащить на плечах груз мировых забот, бросаясь с закрытыми глазами в разрешение коллективных проблем, лишь бы не решать свои личные.

— Доброе утро, мисс! Как спали? Осталось всего лишь два дня?

— Доброе утро, Мануэла! Вы забыли перец.

— Сейчас принесу.

— Мануэла, вопрос на тысячу франков... Почему я выхожу за него замуж?

— Потому что любите...

— Проиграла!

— Я пошла за перцем, а вы посмотрите меню...

— Где оно?

— На подносе.

Рената взяла прямоугольной формы карточку из шикарного бристольского картона, на котором готическим шрифтом был напечатан перечень блюд праздничного вечера 26 апреля 1970 г.

Коллекционное шампанское, 1936 г. Кофе. Рыбное суфле. Шарлотка в шоколаде. Сыры. Провансальская баранья ножка. Бутерброды в ассортименте. Гусиная печенка. Устрицы. Аперитив. Дом Периньон, 1961. Клико, розовое, 1929.

Луи Филиппон, знаменитый французский шеф-повар, прибывающий послезавтра к Клоппе с полным составом своих подручных, без всяких комментариев отверг меню, предложенное Ренатой. Это «все наоборот» не произвело на непроницаемого сноба никакого впечатления. Под предлогом того, что застолье состоится в три часа утра, он запросил двойной гонорар. «Ночной тариф», — без улыбки уточнил он. Рената спрашивала себя, как далеко она может зайти, не дойдя до крайности... Она поддразнивала Курта, чтобы узнать его собственные границы абсурда. Но одно ее предложение он категорически отверг: когда она попросила его нарядиться в ее муслиновое платье, а себе решила взять его смокинг. Она чуть не возненавидела его, обвинив в нарушении договоренности. Но он твердо стоял на своем и с самым серьезным видом клялся, что отказывается не из-за своей

прихоти, а просто не хочет срамиться перед студентами. Чему может научить молодежь такой придурок?

— Пожалуйста, перец, мисс...

— Мануэла, я поняла! Я знаю, почему выхожу за него замуж! Мне нужен человек, над которым я могла бы издеваться в течение целого дня.

— До того дня, когда он не займется этим сам, — не без лукавства сказала горничная. — Я приготовила для вас бежевый костюм.

— Спасибо. Но... Я надена небесно-голубой.

— Мимо! Он тоже готов!

Рената рассмеялась. Она обожала Мануэлу и во всем старалась ее поддержать. Когда ей было по-настоящему весело, а такое случалось часто, она дарила ей свои платья. Курта это приводило в бешенство.

— Ты унижаешь ее этим, обращаешься с ней как со служанкой!

— Мануэла, мой жених считает, что я обращаюсь с вами как со служанкой.

— Но я и есть служанка! — смеялась Мануэла.

Но одно качество Курта Рената ценила высоко: абсолютная пассивность в кровати. Она пользовалась им как предметом, безропотно и добросовестно выполнявшим все ее безумные сексуальные фантазии. Рената много путешествовала и нередко встречала уверенных в себе фаллократов, которые, как показал опыт, оставляли ее неудовлетворенной.

Она поклялась не изменять мужу после свадьбы. Но перед тем как погрузиться в скучную и монотонную супружескую жизнь, она совершит последний безумный поступок: выйдет на улицу в ночь перед бракосочетанием, выберет первого понравившегося ей мужчину и отдастся ему.

* * *

Через равные промежутки времени с неприятным гудением пила снова и снова наплывала на него, отрезая очередной кусок плоти. Итало изгибался, пытался уклониться от ее укусов, вскрикнул... и открыл глаза. Свет волнами проникал в комнату через опущенные жалюзи. Он весь был покрыт холодным потом. Снял трубку телефона, неизвестно сколько времени уже трезвонившего, и, не поинтересовавшись абонентом, бросил в трубку: «Секунду!» Пошатываясь, направился в ванную. Освежая лицо холодной водой, он одновременно мочился в раковину.

Какое отвратительное пробуждение! Он спал не более двух часов, проведя ночь за своей мини-рулеткой, которая не принесла ему успокоения: ни один из задуманных номеров не выпал... Он сто восемь раз ставил на «ноль» и в итоге — ноль. Когда он решил поставить на «одиннадцать», шарик трижды падал в лунку «ноль». Ему никак не удавалось сконцентрироваться, мысли постоянно возвращались к окровавленной голове О'Бройна.

Почему он позволил ему так быстро и легко умереть? Он должен был пытаться его и пытаться, чтобы мерзавец сполна заплатил за смерть брата. Но вначале следовало вырвать секретную комбинацию цифр. Умерев, это подобие человека сыграло с ним злую шутку...

Дженцо — мертв, О'Бройн — обезглавлен, нить оборвана. Два миллиарда долларов, принадлежащие «семьям» Вольпоне и Габелотти, могут обрести своих хозяев только по желанию банкира.

Но Итало уже успел познакомиться с его проявлением доброй воли.

Он взял с кровати трубку.

— Алло, — громко сказал он.

— Итало?

Он узнал голос Моше и подумал, что этот моралист сейчас опять примется за свое.

— Итало? Ты меня слышишь?

— Не кричи, Моше.

— Какие новости?

— Никаких.

— Плохо. Послушай... Все очень плохо... Карл Дойтш заходил к твоему парню в банк...

— И что?

— Тот выставил его за дверь.

Горло Вольпоне сжалось. Еще одной возможностью стало меньше.

— Там полный мрак! Ничего не получится... — добавил Юдельман. — Плохо! Плохо!

— А чего-нибудь посмешнее ты не можешь мне сказать?

— Нет. Габелотти срочно вызывает меня к себе.

— Что?

— Вызывает к себе...

— И ты собираешься туда идти? — рявкнул Итало. — С каких это пор эта жирная свинья начала приказывать тебе?

— Не забывай, сейчас мы — компаньоны. Он имеет право.

— Не ходи!

— Ты считаешь, что у нас недостаточно неприятностей? Хочешь еще решить и проблему Габелотти?

— Потяни время. К полудню я все решу.

— Итало! Будь жив Дженцо, он сказал бы тебе то же самое: своими методами ты ничего не добьешься!

— Но я не вижу, чтобы штучки твоего Карла Дойтша оказались эффективнее, — зло бросил Вольпоне.

— Единственная наша возможность достойно выйти из этой ситуации — найти О'Бройна.

— Подожди секунду, — сказал Итало.

Неожиданно, ему стало страшно рассказать Юдельману о том, что произошло с О'Бройном. Ему нужно было время подумать. События развивались слишком быстро.

— Мне принесли аспирин, — соврал он. — Голова раскалывается...

— Что мне сказать Этторе о Дженцо? Если ты не возражаешь, я введу его в курс дела. Все равно он узнает...

Итало посмотрел на часы: девять часов десять минут. Меньше чем через три часа он выложит Клоппе свою последнюю карту. Неприятнее всего то, что в действительности он не может реализовать ни одной своей угрозы: жизнь банкира представляла для него невероятную ценность. Самое большое, что он мог себе позволить, — запугать его. По меньшей мере, попытаться...

— Моше! Если ты слушаешься меня, вычеркивай себя из членов «семьи»!

— Это — твое право. Но у меня есть обязательства перед Дженцо. Он не хотел войны. Я сделаю все, чтобы его указания были соблюдены. Ради него и ради тебя я пойду на все...

— Пошел ты к черту!

— Если у меня не получится, сделай со мной что хочешь.

— Плевал я на тебя.

— Не суйся в банк!.. Поверь мне! Дождись результатов моей встречи с Этторе. Я должен поговорить с ним, должен...

Итало Вольпоне резко опустил трубку на рычаг.

Слушать дальше означало признать его доводы. Ему ужасно этого не хотелось, хотя в глубине души он считал, что Юдельман прав. До сегодняшнего дня никому, даже брату, не удавалось разубедить его в принятом решении, невзирая на ожидавшие его последствия.

Он пообещал Клоппе быть у него точно в полдень, и он будет.

* * *

Выйдя из сауны в ванную комнату, Этторе Габелотти стал на весы. Его лицо приобрело расстроенное выражение: стрелку заклинило. Иногда ему удавалось сбросить вес до ста двадцати пяти килограммов — максимум, на что были рассчитаны весы. Но такое случалось, когда дела шли удачно. В противном случае нервное напряжение и беспокойство он компенсировал тем, что выпивал и съедал все, что попадалось под руку. Личный врач объяснил ему, что его ожорство вызвано не чувством голода, а является результатом психосоматического расстройства. Слово показалось ему настолько необычным, что он запомнил его. Естественно, покопавшись в медицинском справочнике, он узнал, что речь идет о снижении умственного потенциала. Он разволновался, бросился к холодильнику и съел огромную банку свинины в желе. Если он становится идиотом, как же он сможет управлять своей империей?

Он с неприязнью посмотрел на свое дряблое, огромное тело, отвислый живот, свисавшие вдоль талии складки жира, и его всего передернуло от отвращения. Когда-то, в тридцать лет, он мог взять каждой рукой по человеку и отшвырнуть от себя на три метра, как два мешка с арахисом. Сегодня такую работу он мог поручить только своим «солдатам».

В соседней комнате, небольшой уютной гостиной, расположенной рядом с его спальней, нервничали его советники Кармино Кримелло и Анджело Барба. Он надел белую рубашку, темно-синий костюм, повязал галстук и освежил лицо туалетной водой. Он с большой неохотой согласился на настоятельную просьбу Моше Юдельмана объединиться с «семьей» Вольпоне для реализации этой разовой финансовой операции. За десять долгих лет непрекращающейся убийственной войны невидимое поле боя было усеяно трупами «солдат» из обеих «семей». Когда же наконец они поняли, что федеральным властям на руку их огнестрельное противостояние, они заключили относительно мирное соглашение, тщательно разделив зоны влияния. Но чтобы объединить финансы! Этторе Габелотти никому не верил, но еще меньше — Дженцо! И вот его предчувствие сбывается, Вольпоне пытается его надуть.

При его появлении Кримелло и Барба синхронно вскочили с кресел. Небрежным жестом руки Габелотти дал понять, чтобы они не дергались. Он достал из холодильника бутылку пива, налил в стакан и добавил туда коньяка. Затем проглотил два куса ветчины, запил коктейлем и хмуро уставился на мужчин.

— Не нравится, что вытащил вас из кровати в три часа утра?

Кармино и Анджело вяло запротестовали:

— Падроне, если...

— Я не мог уснуть. Я скучаю, когда вас нет рядом... Чувствую себя потерянным... Вам должно это льстить, разве нет?

Он одним глотком допил смесь и машинально наполнил стакан одним коньяком.

— Вот так! Когда мне не по себе, я жру... обжираться... И ничего веселого в этом нет...

Он проглотил полстакана коньяка.

— Рико Гатто позвонил мне из Швейцарии... Как вы думаете, какого черта Вольпоне делает в Цюрихе?

Кримелло и Барба, прекрасно знавшие его характер, поняли, что сейчас грянет буря.

— Он посетил морг, — ответил Этторе.

— Морг?

— Да, морг. Каждый может почувствовать необходимость поклониться останкам...

Габелотти замолчал.

— Чьим останкам? — не выдержал Барба.

— Ноги.

— Чьей ноги? — попытался уточнить Анджело, обменившись с Кримелло непонимающим взглядом.

— Если бы у меня работали компетентные люди, я бы это знал, — подозрительно мягким голосом сказал Габелотти. — Но у Рико Гатто мозгов на это не хватило. Разве это не смешно?

Кримелло и Барба, почувствовав себя вдруг неуютно, заерзали в креслах. Барба решил рискнуть:

— Дон Этторе, если бы вы раньше сказали, что вас тревожит...

— Нас трахнули! — взревел Габелотти и вдребезги разбил стакан о журнальный столик. — А если меня натянули, значит, я окружен мудаками. Вас что-нибудь удивляет, нет? Брат моего компаньона совершает туристическую поездку в морг, и одновременно исчезнет мое доверенное лицо!

— О'Бройн?

— Да! О'Бройн! Если хоть один из Вольпоне дотронется до волоска на его голове, я сотру их в порошок.

Кармино Кримелло откашлялся.

— Падроне, на чем остановится ваше...

— Ни на чем! — зло оборвал его Габелотти. — В эту минуту нас натягивают, а мы сидим сложа руки! А Мортимер, как бы невзначай, не подает признаков жизни с тех пор, как улетел в Насса. Жена его не видела, и никто не может найти его шкуру. Хотите знать, в чем дело? «Семья» Вольпоне положила глаз на наши деньги!

— Секундочку! — заговорил Барба. — Секундочку!

Он уважал мнение дона, но не торопился с выводами.

— Не может ли быть такого, что О'Бройн просто загулял со своей подружкой?

Габелотти мрачно на него посмотрел.

— И забыл, что на карту поставлено два миллиарда долларов?

— Мне кажется, падроне, что вы преждевременно начали волноваться, — сказал Кармино.

— Это ты так думаешь! Если сволочи прикончили О'Бройна, кто помешает им смыться

с деньгами?

— Вы, дон Этторе! — выкрикнул Анджело. — Вы тоже знаете номер счета! Вам ничего не стоит позвонить в банк и изъять вклад.

— Если он еще там, — буркнул Габелотти.

— Проверить — нет ничего проще!

— Сейчас я позвоню Филиппу Диего, — неохотно согласился Этторе. — Он знает банкира и должен быть на месте.

— В три часа утра? — удивился Кримелло.

— В Цюрихе — девять!

Барба безрезультатно искал метафору, чтобы в уважительных оборотах речи дать понять дону, что его теория фантастически глупа, но находил только синонимы.

— «Семья» Вольпоне может быть чем угодно, но только не сумасшедшей. После подобного разбоя Комиссьоне приговорила бы всех к смертной казни.

— Вначале их надо найти, — сказал Габелотти.

— Они же не прячутся! Вы только что сказали, что Итало находится в Швейцарии.

— Ты мне осточертел! — прогремел Габелотти, истощив терпение и аргументы. — Когда я говорю тебе, что нас натягивают, верь мне на слово!

Анджело Барба сел в кресло и замолчал. Никто не в силах был атаковать Габелотти в лоб, особенно если логика у него заменялась интуицией. Его следовало обходить мелкими, осторожными шажками, не задавая...

— Моше Юдельман? — рискнул произнести Кримелло.

— Я не слышал, что ты сказал! — с горечью произнес Габелотти. — Он должен появиться здесь с минуты на минуту.

— Жена Итало в городе? — с намеком, но с безразличным выражением лица спросил Кримелло.

Габелотти засунул полпачки печенья в рот и, мощно двигая челюстями, презрительно посмотрел на него.

— Ты думаешь, это обменная монета? Когда на кон поставлено два миллиарда долларов, считаешь, что девочка перевесит?

— Но она здесь? — не унимался Кримелло.

— Да, — обронил Этторе. — Двое моих людей не спускают с нее глаз.

* * *

Встреча была великолепна своей непродолжительностью. Филипп Диего был препровожден Марджори в кабинет Хомера Клоппе в 9.01. В 9.04 он вышел, еще до конца не осознав, что его попытка закончилась стопроцентной неудачей. В свои неполные сорок лет Филипп Диего уже пользовался репутацией одного из самых блестящих адвокатов нового поколения. В этом возрасте поэты ищут себя, художников одолевают сомнения, композиторы сочиняют музыку, Диего же эксплуатировал двадцать три сотрудника и занимал четыреста квадратных метров площади в здании, расположенном рядом с парламентом Конфедерации. Его контора процветала!

У него была квартира в Париже, временное жилье в Лондоне, частные владения в Сен-Поль-де-Вансе и несколько участков земли на Багамах.

Преуспевающий человек, он сочетал в себе преимущество молодости и опыт зрелости, обаяние и острый ум и ту, едва заметную толику скепсиса, который очаровывает и ослепляет клиента.

Войдя в кабинет банкира, Диего сразу заговорил в открытую:

— Дорогой друг, я прекрасно понимаю, как трудно вам будет дать ответ на мой вопрос. И тем не менее я надеюсь его получить, что поможет мне успокоить одного из моих клиентов, который станет также и вашим. Он только что позвонил мне из Нью-Йорка и высказал мне свое крайнее беспокойство... Его зовут Этторе Габелотти. Вам знакома эта фамилия?

Посмотрев в непроницаемое лицо Клоппе, Диего расплылся в улыбке.

— Речь об одной очень важной проблеме, в которой переплелись интересы Габелотти и Вольпоне. Сложившаяся ситуация почти анекдотична... Габелотти ужасно боится летать самолетами, что мешает ему самому проконтролировать ход событий на месте. В вашем кабинете его представлял Мортимер О'Бройн. Но с некоторого момента его компаньон Вольпоне не дает о себе знать, впрочем, как и Мортимер О'Бройн... Мой клиент пребывает в ужасной растерянности.

Перед тем как отдать распоряжение о переводе денег, которые находятся у вас, он, из уважения к своему компаньону, захотел, чтобы я встретился с вами... Через меня он хочет убедиться, что ни О'Бройн, ни Вольпоне не предприняли никаких действий, забыв поставить его в известность. Мой вопрос — это его вопрос, и заключается он в следующем: по-прежнему ли деньги находятся в «Трейд Цюрих бэнк»?

Хомер поднялся с кресла, подошел к окну и посмотрел на голубое, без единого облачка, небо.

— Какая прекрасная погода! — задумчиво сказал он.

Обескураженный Филипп Диего попытался скрыть свое поражение за легким смешком.

— Ну что ж! Тем хуже! Я пытался... Да, так я и скажу...

— Рад был встретиться с вами, — с каменным лицом произнес Хомер.

— Я — тоже! Кстати, у Габелотти есть номер этого счета... Я передам ему, чтобы он навестил вас сам...

— До свидания, метр!

Переговоры завершились.

* * *

Моше Юдельман согласился встретиться с Этторе Габелотти в три часа утра лишь потому, что не хотел, чтобы война между «семьями» началась опять. В течение последних нескольких часов ситуация настолько накалилась, что малейшая ошибка могла стать искрой, влетевшей в пороховой склад. Никто не смог бы предугадать реакцию дона на откровения Моше Юдельмана.

После разговора с Италю Юдельман долго колебался, выбирая форму поведения: то ли сказать Габелотти всю правду, то ли усыпить его некоторыми подробностями, умолчав о деле в целом.

Быстрый анализ подсказал ему выбрать первый вариант. Если Габелотти захотел с ним встретиться, значит, почувствовал что-то неладное. В таком случае тем более надо играть в

открытую игру.

Время встречи насторожило Моше, и он по-детски, рефлекторно и совсем напрасно, попросил Витторио Пиццу сопровождать его.

Когда машина остановилась перед домом, где жил Габелотти, Юдельмана пронзила неожиданная мысль.

— Ты вооружен? — спросил он Витторио.

— Как обычно.

— Оставь свою пушку в машине.

— Почему?

— Доставь мне удовольствие. Мы идем не в бой...

— Ты собираешься выйти оттуда живым?

— Витторио! Не будь ребенком. Если они захотят нас прикончить, какое для них имеет значение, вооружен ты или нет. Спрячь пистолет в бардачке.

Пиццу склонил голову к плечу и разочарованным голосом спросил:

— Зачем ты меня взял с собой, Моше?

— Мне нужен свидетель и поддержка, а не выстрелы...

— С Габелотти ни в чем нельзя быть уверенным. Он будет один?

— Не знаю, Витторио!

— Так что делать с пистолетом?

— Оставь... Поверь мне, так будет лучше...

Пиццу с большим сожалением вытащил из кобуры оружие и бросил в бардачок, накрыв сверху дорожными картами.

— До чего же глупо! — обиженным тоном сказал он. — Сейчас я чувствую себя голым.

— Пошли.

Двое мужчин встретили их в прихожей внешне доброжелательно, не унизив обыском. От такого приема Витторио еще с большим сожалением подумал о пистолете. Но когда он следом за Моше вошел в кабинет дона, то с удивлением обнаружил, что тот находится в окружении трех своих людей: Анджело Барбы, Кармино Кримелло и перебежавшего в «семью» Габелотти Карло Бадалетто.

При их появлении, Этторе Габелотти наклонил голову, якобы в знак приветствия. Было заметно, что он провел бессонную ночь: под глазами висели большие, рельефные мешки.

Юдельман мгновенно ощутил смену настроения присутствовавших: три дня назад, в Нассау, во время встречи двух кланов, атмосфера была почти эйфоричной. Теперь в воздухе висели опасность и подозрение.

— Располагайтесь, — пригласил Габелотти.

Юдельман и Пиццу сели в кресла. Рядом с ними тут же стали: справа — Кримелло и Барба, слева — Карло Бадалетто.

Несколько секунд Этторе молча их рассматривал.

— Моше, я вызвал тебя, чтобы задать несколько вопросов относительно наших денег.

— Слушаю вас, — сказал Юдельман.

— После полученной от Дженцо телеграммы деньги должны были быть переведены из швейцарского банка уже на следующий день, в крайнем случае через день. Хочу сказать, что твое поведение встревожило меня. От такого друга, как ты, я ждал новостей по телефону. Не дождался! Молчит и Дженцо. Я разочарован. Итак, первый вопрос: переведены наши деньги, два миллиарда долларов, или нет?

— Еще нет, дон Габелотти.

— Могу я спросить почему?

— Даже если бы вы меня не вызвали, я сам приехал бы к вам обсудить эту тему.

— Зачем ты привел с собой Пиццу?

Моше не решился спросить у него, для чего он сам пригласил трех головорезов.

— Боялся, что одного тебя не примут? — съязвил Габелотти.

Юдельман ограничился вежливой улыбкой.

— Я могу и выйти, — бросил Пиццу, обводя всех взглядом.

— Не дергайся, — осадил его Габелотти. — У нас ты всегда желанный гость, Витторио.

Разве мы не компаньоны? Или ты забыл?

И без всякого перехода обратился к Моше:

— Так, я слушаю тебя.

Моше весь подобрался, сплел пальцы рук на коленях и сказал:

— Произошла небольшая задержка.

— Почему? — отеческим тоном спросил Габелотти.

— Случилось несчастье... — Он увидел, как Габелотти обменялся мимолетным взглядом с Кримелло и Барбой. — Дон Дженцо погиб.

В комнате нависла звенящая от напряжения тишина.

— Это действительно большое несчастье, — сказал Габелотти. — Что с ним произошло?

— Несчастный случай... в Цюрихе. Его оторванную ногу нашли на обходной решетке электровоза.

— Его ногу?! — удивленно воскликнул Габелотти. — А где его тело?

— До сих пор еще не нашли... Его брат сейчас находится в Швейцарии.

— Каким образом он узнал об этом несчастье?

— Он узнал об этом здесь, в Нью-Йорке, через полицию...

— Ты хочешь сказать, что полиция опознала ногу Дженцо?

— Дон Дженцо приобретал обувь у Бьяски. Швейцарские фараоны переслали туфлю сюда, местным легавым. Бьяска подтвердил, что эту туфлю он сшил для Дженцо. А в Цюрихе Итало сам опознал ногу брата.

— Я очень сожалею, Моше, — сказал Этторе. — Мы все скорбим... Дон Дженцо был умным, уважаемым человеком. От своего имени и от всей «семьи» приношу тебе свои самые искренние соболезнования. Где состоятся похороны?

— Их не будет до тех пор, пока Итало не найдет тело.

— Если бы три дня назад мне сказали, что может случиться такое, я бы не поверил, — сказал Этторе. — В чем заключается действительная причина смерти дона Дженцо?

Юдельман был не настолько глуп, чтобы расслабиться под фальшиво сочувствующим взглядом Габелотти, и на миг задался вопросом: «Стоит ли рассказывать ему дальше?»

Но Габелотти уловил его замешательство и четко отсек путь к отступлению.

— Говори, Моше, говори... Здесь все свои. Смерть подстерегает каждого из нас, но мы должны избегать ее, если представляется такая возможность...

— Дон Этторе, сказать что-то определенное относительно этого момента очень сложно...

— Объясни, Моше...

— Несмотря на свои годы, Итало в первую очередь подумал не о расследовании причин

смерти брата, а о наших общих интересах.

— Что ты имеешь в виду?

— Он посетил банк, в котором лежат наши деньги.

На лице Габелотти отразилось удивление и недоумение одновременно.

— Итало? Какое ему до этого дело? Разве я просил его лезть в мои личные дела?

— Нет, — перебил его Юдельман. — Нет, дон Этторе! Просто Итало решил оказать услугу, чтобы мы напрасно не теряли время.

— Извини, Моше, но я не совсем понимаю, о чем ты сейчас говоришь... Кто-то просил Итало об этой услуге? Если это так, то о какой услуге идет речь, Моше?

Несмотря на то что Витторио Пиццу чувствовал себя не совсем комфортно, он отметил, что разговор незаметно перешел в допрос, который начинает приобретать опасный оборот. Если бы Моше не заставил его оставить пистолет в машине, они попытались бы использовать шанс выбраться из этой мышеловки живыми.

Юдельман с трудом откашлялся.

— Смерть дона Дженцо очень взволновала Итало. Предполагаю, что он действовал под влиянием эмоций... Возможно, он поторопился довести дело брата до конца... ускорить процедуру перевода денег.

— И для этого он пошел в банк?

— Да, дон Этторе! Чтобы ускорить операцию...

— Не спросив у нас разрешения!

— Вероятно, он подумал, что...

— Что «что...»?

Юдельман с трудом проглотил набежавшую слюну.

— Так как Дженцо — мертв, он становится во главе «семьи»...

— Это кто же ввел тебе в уши его планы?

— Он сам мне сказал об этом после посещения банка.

— И кем же он представился в банке?

— Братом Дженцо Вольпоне.

— И этого оказалось достаточно, чтобы разблокировать счет?

— Нет, дон Этторе, ему отказали...

В комнате установилась тишина. Никому не предложив, дон Этторе налил себе полный стакан коньяка. Уставившись в пустоту, он долго вертел его в пальцах. Пиццу готов был поклясться, что слышит тиканье часов присутствующих. Габелотти залпом выпил стакан коньяка, вытер губы ладонью и посмотрел прямо в глаза Юдельману.

— Есть один момент, который меня беспокоит, — рассудительным тоном заговорил он. — Как мог Итало, который всегда был братом своего брата и ничего собой, кроме себя, не представлявший, позволить себе уравниваться со мной? Горем это не объяснить...

— Дон Этторе, я хочу... Итало подозревает, что на дона Дженцо совершено покушение.

— Покушение? Ты это серьезно говоришь? Кто мог решиться отнять жизнь у такого уважаемого человека, которого окружали только друзья?

— Не знаю, — ответил Юдельман.

— Ты сам понимаешь, что это несерьезно! Но я тебе благодарен, что ты поделился со мной этой мыслью. Не забывай, что ты в ответе за союз наших «семей», но ты ни в коем разе не несешь ответа за импульсивные действия брата своего патрона. Кстати, ты знаешь, что я до сих пор не получил новостей от Мортимера О'Бройна?

— Нет, — упавшим голосом ответил Юдельман.

— Это очень неприятно, потому что мое доверенное лицо, как ты знаешь, в курсе номера счета. Ты не мог бы меня просветить по этому затруднительному моменту?

— Я? — удивился Юдельман.

— Или ты, или Итало...

— Откуда я могу знать?

— Да, ты прав, извини... Я просто задаю вопросы, понимаешь? Ты заявляешь, что дон Дженцо убит, что его брат берет инициативу на себя, а я замечаю, что исчез О'Бройн. Что ты об этом думаешь, Моше?

— Я думаю... я чувствую неприятный запах...

— А! Ты понял! Я разделяю твои ощущения.

Моше заерзал, не решаясь сказать слова, которые готовы были сорваться с его губ: сказать ли ему, что единственный человек, которому была на руку смерть дона Дженцо, — Мортимер О'Бройн?

— Моше, ты хочешь что-то еще сказать?

— Нет, нет...

Ах, как же ему хотелось выложить Габелотти свои подозрения! Ведь только О'Бройн мог помочь умереть Дзу Дженцо Вольпоне!

— Говори, Моше, говори... Ради спокойствия всех нас...

— Хорошо, — сказал он, съезживаясь под пронзительным взглядом Габелотти. — Принимая во внимание грандиозность операции, я спрашиваю себя, идет ли речь о случайности или...

— Или?

— Или почему из трех человек, знавших номер счета, один — умирает, а второй — исчезает...

Произнося последние слова, Юдельман опустил глаза и принялся внимательно рассматривать ногти. Габелотти энергично качнул головой.

— Моше, ты безоговорочно прав! Но скажи мне, Моше, окажись ты в моей шкуре, разве ты не волновался бы? Третий человек — это я! Надеюсь, что со мной ничего не случится.

Карло Бадалетто от удовольствия хихикнул. Этторе сделал вид, что не услышал.

— Ну, Моше, что ты на это скажешь?

Юдельмана пронзила мысль, что уже в эту минуту Габелотти замышляет грязную комбинацию против «семьи» Вольпоне. Когда Итало говорил ему о такой возможности, Моше не поверил и, судя по развитию событий, ошибся. Теперь, после разговора с Габелотти, он взвешивал свои шансы выйти живым из этой комнаты. Терять больше было нечего, и Моше решился:

— Очень плохо, дон Этторе, что вы не отправились в Цюрих вместе с доном Дженцо.

— Но ты же хорошо знаешь, что я не переносу самолеты.

— Знаю, дон Этторе, знаю... Но, если бы вы были рядом с доном Дженцо, он был бы сейчас среди нас.

— Что ты хочешь этим сказать, Моше?

— Два капо и больше никого.

— Моше? Ты намекаешь на то, что О'Бройн оказался не на высоте?

— Нет, нет, дон Этторе! Компетенция вашего доверенного лица не вызывает сомнений.

— Тогда в чем дело?

— Мортимер О'Бройн всегда отличался безукоризненной честностью, но и он — человек... вы понимаете... со своими слабостями...

Габелотти смотрел на него с нескрываемым удивлением. Медленно, словно с трудом подбирая слова, он сказал тихим голосом:

— Ты считаешь, что Мортимер способен предать своего падроне?

— Я этого не говорил, — живо запротестовал Юдельман. — Как без доказательств я мог бы выдвинуть такое серьезное обвинение? Я хочу всего лишь докопаться до правды...

Игнорируя Пиццу, Этторе поочередно посмотрел на Анджело Барбу, Кармино Кримелло и Карло Бадалетто.

— А если Моше прав? Слушай, Моше, если О'Бройн действительно совершил ошибку, как тебе представляется ситуация?

— Никак, дон Этторе. Я не могу позволить себе высказываться на этот счет.

— Не суетись, я тебе помогу... Предположим, что Мортимер сошел с ума... Полагаю, ты согласен, что нужно быть чокнутым, чтобы решиться на что-то подобное!.. Предположим, что ему захотелось прикарманить наши деньги...

Он вопросительно посмотрел на Юдельмана, проверяя, следует ли тот его рассуждениям.

— Предположим, — согласился Юдельман.

— Прекрасно... Как, ты думаешь, развернутся события дальше? Мог ли О'Бройн пойти на убийство, чтобы завладеть нашими деньгами?

Юдельман молчал.

— Не волнуйся, — улыбнулся Габелотти, — мы только рассуждаем... предполагаем... Так мог?

— Такая возможность не исключается, — осторожно ответил Юдельман.

— Так, так... По меньшей мере, ты откровенен, Моше. Итак, Мортимер убивает Дженцо, ворует деньги у Синдиката и исчезает... Так получается, Моше?

Юдельман беспомощно развел руками.

— Я там не был, дон Этторе. Это — ваши слова.

Несмотря на свои сто двадцать пять килограммов веса, Габелотти легко вскочил на ноги, отчего его кресло отлетело к противоположной стене.

— Ты принимаешь нас за идиотов?

Пиццу, застыв под взглядами людей дона, следил за тем, чтобы его ладони не оторвались от поверхности стола и чтобы не сделать резкого движения, которое может стоить ему жизни. Ошарашенный Моше пробормотал:

— Дон Этторе... я не понимаю...

— Сейчас поймешь! — зарычал Габелотти. Grimаса ярости исказила его лицо. Он схватил Моше за плечи и встряхнул, как тростинку. — Если кто действительно и убил Дженцо, то это мог сделать только его вонючий брат! Он же убил и О'Бройна, замордовав его пытками и вырвав номер счета. Слушай меня внимательно, Моше! Если все произошло так, как я сказал, жить ему осталось два дня! И не только ему! Я тебе клянусь, что за ним, по одному, последует вся «семья»: мужчины, женщины, дети — все вы!..

Юдельман побледнел, зрачки его глаз расширились, казалось, он перестал дышать.

Из столбняка его вывел голос Пиццу:

— Пошли, Моше, пошли...

Едва держась на дрожащих ногах, Моше встал. С вздувшимися венами на шее, сжатыми

кулаками, Габелотти выкрикнул последнюю угрозу:

— Скажи этой вонючке Итало, что мне известен каждый его шаг! Каждый!.. Если он шевельнет мизинцем, я оторву ему голову! С этой минуты я беру дело в свои руки. А тебя я жду здесь через три часа! Убирайся!

Когда они сели в машину, Пиццу тут же достал спрятанное оружие.

— Я сделаю все, что угодно, лишь бы избежать войны, — прошептал Моше. — Но и Итало, и Габелотти — они оба сумасшедшие!

— Предупреди Итало, что в Цюрихе за ним следят люди Габелотти. Этот боров сказал, что знает о каждом его шаге.

— Посмотрим... посмотрим... — вздохнул Моше.

Находясь в состоянии крайней подавленности, он мог предвидеть только самое худшее.

Выпроводив Филиппа Диего из кабинета, Хомер совершил необычный для него поступок: несмотря на раннее время, он откупорил бутылку «Уотерман», налил себе изрядную порцию виски и залпом выпил. Выяснился третий человек, владеющий номером счета, — Габелотти.

Итало Вольпоне обвинил О'Бройна в убийстве своего брата, но Клоппе никак не мог представить себе адвоката в роли организатора преступления. Более того, его шеф, Габелотти, принадлежит к той же социальной прослойке, что и Дженцо Вольпоне. А это означает лишь одно — восстановление справедливости должно последовать незамедлительно и без излишних слов.

Интуитивно он чувствовал, что кто-нибудь из двоих — Габелотти или О'Бройн — обязательно позвонит ему в течение дня. Смысл номерного счета до удивления прост: достаточно любому лицу, предварительно назвав себя, сообщить его банкиру, и деньги мгновенно оказываются в распоряжении вкладчика.

Клоппе чуть передернул карты, когда отказал О'Бройну в переводе двух миллиардов долларов под предлогом необходимости иметь его подпись. Он нажал на кнопку, и часть панели стены напротив него отошла в сторону, открыв экран телевизора.

Телевизор относился к системе внутренней связи и с его помощью Хомер мог наблюдать за всем происходящим как в кабинетах, так и в холле банка. Он быстро выделил из толпы посетителей в холле троих мужчин, которые должны были не пропустить Вольпоне в банк. Девять тридцать... Этот сумасшедший придет в двенадцать...

В агентстве, которое обычно обеспечивало безопасную перевозку денег в бронированных автомобилях, Хомер нанял на сегодняшний день охрану. Все трое имели лицензию на ношение оружия. Клоппе дал своим агентам-телохранителям подробное описание внешности Вольпоне и приказал выбросить его из банка, но аккуратно и незаметно... Почувствовав себя в безопасности, он позвал Марджори.

— Слушаю, сэр!

— Я поехал к дантисту. Он ждет меня к десяти часам?

Марджори полистала черную записную книжку.

— Да, сэр.

— К двенадцати я возвращусь. Обычный профилактический осмотр.

Он уже взялся за ручку двери, когда его окликнула Марджори:

— Сэр! Телекс...

— Я опоздаю, Марджори. Прочту позже...

— Телекс из Соединенных Штатов... из «Континентл мотокарз»...

— Дайте!

Клоппе прочитал текст, и ему показалось, что на него рушатся небеса.

«Восьмая по счету авария в Лондоне. Отказ рулевого управления. Жду указаний. Мелвин Бост».

Он заметил, что Марджори, застыв на месте, напряженно смотрит на него.

— Чего вы ждете? Идите к себе!

Смутившись, секретарша вышла из кабинета. Клоппе вспомнил секретные переговоры трехдневной давности с Мелвином Бостом.

«— Сколько единиц «Бьюти гоуст Р9» находится в эксплуатации?»

— Всего? 482 326.

— Вы уверены, что эти аварии не являются случайностью?

— Семь аварий по одной и той же причине — уже не случайность, а закономерность».

Мелвин уточнил, что, согласно компьютерному анализу, предполагается сорок восемь аварий из расчета на все количество «Р9», двигавшихся по дорогам мира.

«Это не значит, что они обязательно произойдут, на ЭТО МОЖЕТ СЛУЧИТЬСЯ».

Именно по причине этого «может», не содержащего в себе определенности, Хомер, положив на одну чашу весов опасность, поджидавшую водителей «Р9», а на другую — расходы фирмы по замене дефектной детали в сумме 150 миллионов, решил оставить все как было...

А что оставалось делать? Закрыть завод? Объявить себя банкротом? Оставить без работы шесть тысяч рабочих?

Мелвин Бост предложил ничего не предпринимать до новой аварии. Дождались! Сто пятьдесят миллионов долларов! «Трейд Цюрих бэнк» развалится вместе с заводом. Если только... если только речь не идет о черной полосе неудач... Почему бы не выждать еще некоторое время?

Чувствуя, что сейчас ему станет плохо, Клоппе решил дать ответ через три дня. После свадьбы Ренаты он попытается рассмотреть все в ином свете... Он нажал на кнопку интерфона.

— Слушаю, сэр.

— Я уезжаю. Предупредите дантиста, что опоздаю на несколько минут...

Время доктора Штроля было расписано по секундам. Он был единственный человек, которого Хомер не хотел бы заставлять себя ждать.

* * *

Приблизительно в тот час, когда Итало Вольпоне был разбужен телефонным звонком Моше Юдельмана, Инес открыла глаза. Практически, ночь для нее оказалась бессонной. Она ворочалась с боку на бок и никак не могла согласиться с тем, что ее изнасиловали.

За свою еще недолгую жизнь Инес переспала с большим количеством мужчин: с одними — по желанию, с другими — из интереса, но никогда это не случалось против ее воли. Когда тот жирный, отвратительный, потный боров бросил ее на опилки и вошел ей в анус, она хладнокровно поклялась, что он умрет. Только его смерть может стереть из ее памяти это отталкивающее лицо, эти жадные слюнявые губы, прижимающиеся к ее рту, эти грубые, шарящие у нее в промежности, руки... После непродолжительного сопротивления он оглушил ее ударом рукоятки пистолета и по-звериному взял в полуобморочном состоянии.

Она посмотрела в сторону Ландо, сидевшего в кресле, встретила с его внимательным взглядом и равнодушно отвела глаза в сторону. Через минуту встала, плотно обернула вокруг тела одеяло и машинально занялась тем, что ежедневно делала по утрам: съела яблоко, выдавила в стакан сок из грейпфрута и поставила варить кофе.

— Я тоже выпью чашку, — сказал Ландо и потянулся.

Она перелила в чашку готовый кофе, бросила кусочек сахара и молча ушла в ванную, щелкнув задвижкой. Орландо Баретто был ей так же противен, как и Пьетро Беллинцона.

Ландо выпил приготовленный Инес сок грейпфрута, провел тыльной стороной ладони по заросшей щетиной щеке и спросил себя, как вести себя с ней дальше. Из личного опыта он знал, что его любовница не принадлежит к тем женщинам, которыми можно помыкать. Какой смысл объяснять ей, что малейшее его вмешательство стоило бы им обоим жизни! К Мортимеру О'Бройну и Зазе Финней Итало без колебаний добавил бы и их. Он с сожалением вспомнил время, когда был профессиональным футболистом. Не сиди в нем зверские наклонности, он сделал бы блестящую карьеру. К несчастью, он был внесен в черные списки всех итальянских клубов. Когда борьба накалялась, когда его теснил противник, Ландо не ограничивался игрой руками и ногами, он кусался. В первый раз, когда у него во рту осталось ухо соперника, он всем и повсюду клялся, что это произошло чисто рефлекторно. Он навел пострадавшего в клинику, принес ему свои извинения, а в качестве компенсации — двухмесячный заработок. Во второй раз он впился зубами сопернику в нос, и никакие объяснения его не спасли. Тогда-то он и занялся делами, которые не приносили славы, но вознаграждались лучше. Войдя в «семью» Вольпоне, он начал новую карьеру.

Но даже сейчас на него иногда находило безумное желание кусаться. Он страдал от этого и ничего не мог с собой поделать. Два дня назад, когда он взял в руки птичку и губами ощутил тепло нежного оперения, он не смог сдержаться и откусил ей голову. Вчера что-то подобное сделали с Мортимером О'Бройном. Он снова увидел Итало Вольпоне в забрызганном кровью пиджаке, с отрезанной головой адвоката в руке. В тот миг он подумал, что Вольпоне в приступе нечеловеческой ярости сошел с ума. Он пришел в себя только тогда, когда Фолько вырвал из его рук голову. Затем они зарыли трупы. Голову Мортимера, по прихоти Итало, захоронили отдельно от тела. Краем глаза Ландо заметил плохо застегнутую ширинку брюк у Беллинцони и с горечью подумал, что гигант воспользовался его капиталом совершенно бесплатно. Дальнейшие события ничего радостного не принесли... Вольпоне влепил Инес сильнейшую пощечину и задушевым голосом пообещал убить ее, если она, без колебаний и прямо сейчас, не начнет подчиняться его приказаниям. Какими бы они ни были. Он забросал ее вопросами относительно Хомера Клоппе, интересуясь его распорядком дня, привычками, сексуальными наклонностями. Инес отвечала механически, с отсутствующим выражением лица, доводя до сведения Ландо детали, которые он и представить себе не мог. Клоппе трахал ее на ковре из банковских билетов!

Из ванной появилась Инес. Сделав вид, что не заметила выпитого сока, она приготовила себе еще.

— И долго ты собираешься молчать? — спросил Ландо.

На ней были брюки и свитер с высоким воротом. Со спины она была похожа на мужчину — гибкая фигура чемпиона по баскетболу.

— Может, набить тебе морду?

Она посмотрела на него. Он не смог бы сказать, что было в ее взгляде: презрение или безразличие.

— Убирайся! — бросила она.

Он рассмеялся.

— Вместо того чтобы вертеть хвостом, ты лучше поблагодарила бы меня... Осталась ведь живой!.. Жизнью ты обязана мне, запомни, кукла! Ты знаешь, кто такой Вольпоне? Ты что-нибудь слышала о Синдикате? Там я и работаю. Они могут раздавить меня, как муху...

или мошку, — уточнил Ландо.

— Ты и есть мошка, — незлобно и безразлично ответила она.

— Если ты не будешь точно выполнять, что тебе скажут, я за твою шкуру и цента не дам. Они все могут и все знают! Чего ты злишься? Толстый поросенок трахнул тебя, да? И что из этого? В конце концов, с невинностью ты рассталась давно... Ты должна целовать мне руки за то, что я уговорил Вольпоне оставить тебя в живых. У тебя в самом деле нет выбора. Ты будешь с ними до тех пор, пока они не получают то, что хотят. И забудь, что видела и слышала!

— Я забыла, — сказала Инес.

— Пока еще ты не в безопасности... Знаешь, что ты должна сделать сегодня после полудня?

— Да.

— Отлично.

Он попытался обнять ее за плечи.

— Не прикасайся ко мне!

— Что?

— Я сделаю все, что мне скажут, но только не трогай меня.

— Хорошо, — ухмыльнулся он, — хорошо... раз ты подчиняешься... Мне нужно сейчас уйти... Будет глупо с твоей стороны, если ты предупредишь полицию или смоешься... Во-первых, ты под наблюдением, во-вторых, им понадобится меньше суток, чтобы разыскать тебя и... вырезать тебе матку. Не забывай, что ты — свидетель и соучастник двойного убийства. Не ты ли копала могилу Зазе? Все ясно?

— Да.

— Чао!

Едва за ним закрылась дверь и затихли спускавшиеся вниз по лестнице шаги, она схватила трубку телефона, набрала международный кол и номер в Нью-Йорке.

В Филадельфии трубку должен поднять тот, кто придет ей на помощь, ее младший брат Рокки. Младшенький был два метра двадцать сантиметров ростом и весил сто тридцать килограммов. До того как он стал баскетбольной звездой Восточного побережья, он ходил чемпионом среди студентов по легкоатлетическому десятиборью. Всего он добивался играючи. Как и остальные восемь братьев Инес. Рокки был ленив, но необыкновенно одарен... и не только в плане физических возможностей. Рокки был способен быстро и нестандартно решать и находить выход из самых запутанных ситуаций. Он был единственный, кто мог вытащить ее из этой мышеловки.

— Рокки? Это — Инес. Слушай меня внимательно, Рокки!..

* * *

Дверь открылась, и в кабинет вошел инспектор в гражданской одежде. Кирпатрик бросил на него рассеянный взгляд и снова углубился в бумаги.

Не поднимая головы, он бесцветным голосом спросил:

— Неприятности?

Полицейский молча положил на стол телеграмму. Его рука заметно дрожала.

«Капитану Кирпатрику. Центральное управление, 6-я авеню, Нью-Йорк. Просьба срочно

связаться с лейтенантом Блечем. Окружная полиция Цюриха. Предмет: кончина инспектора Дейва Кавано».

«У него осталось трое сирот», — мелькнуло у Кирпатрика в голове, и он снял трубку телефона.

* * *

В Цюрихе было два места, где Хомер Клоппе по-настоящему чувствовал себя как дома: в своем кабинете и в кабинете доктора Аугуста Штроля.

Аугусту Штролю было пятьдесят два года, и он благоговел перед всем, что относилось к зубопротезированию. Дважды в год он выезжал в Соединенные Штаты для ознакомления с последними достижениями в области зубопротезирования. Его жена, очаровательная молоденькая брюнетка, тоже врач-дантист, испытывала к своему супругу, который вполне годился ей в отцы, невероятное профессиональное восхищение. Штроль преподавал у нее на курсе, а затем женился на ней. Их взаимная страсть не угасла после шести лет совместной жизни и подарила им двух сыновей. Они работали так виртуозно и качественно, что все горели желанием получить челюсть с маркировкой «Штроль». Но, увы, всех принять они не могли и тщательно отбирали свою клиентуру.

Аугуст часто говорил Хомеру Клоппе, что тот прошел мимо своего призвания. Банкир проявлял неподдельный интерес к работе дантиста, новым методам протезирования, задавал вполне профессиональные вопросы, пытаясь до тонкостей понять тот или иной процесс. «Из вас мог получиться замечательный стоматолог!» — заявлял Штроль. Иногда он говорил Хомеру комплименты относительно состояния его зубов: «Если бы у моих пациентов были такие зубы, как у вас, я быстро оказался бы без работы».

Едва пациент садился в мягкое кожаное кресло, как зажигались лампы и убаюкивающий голос Ингрид начинал шептать: «Расслабьтесь... Совершенно расслабьтесь...» И возникало желание побыстрее открыть рот и довериться опытным рукам Аугуста Штроля, слушая музыку Вивальди, звучащую в течение всего приема.

— Я заждался вас, — мягко упрекнул доктор, когда Хомер вошел в кабинет.

— Неужели моя секретарша вас не предупредила? — удивился Клоппе.

— Шучу! Вы опоздали меньше чем на три минуты. Как ваши дела?

— Хорошо... хорошо... — слишком энергично ответил банкир, чтобы поверить его словам.

Штроль заметил, что Клоппе напряжен и скован. В кабинет вошла Ингрид. Хомер в очередной раз был поражен ее красотой и великолепной, гибкой фигурой, которая угадывалась под складками белого халата. Будь она чернокожей и сантиметров на пятнадцать выше — это была бы Инес. Аугуст поймал его взгляд. Но такие взгляды мужской части его клиентуры вызывали в нем не ревность, а гордость за свою жену.

— Расслабьтесь, мистер Клоппе, расслабьтесь, — заговорила Ингрид.

Хомер открыл рот.

— Посмотри, дорогая, нет, ты только посмотри... Можно ли себе представить более великолепные зубы? — восторгался Штроль, склонившись над Хомером.

— Не забудьте, — сказал Хомер, — завтра, как всегда в конце месяца, вы снимаете у меня камни.

Точно на уровне своих глаз он увидел проступавшие через ткань халата твердые соски Ингрид.

— Расслабьтесь, — шептала она. — Расслабьтесь...

* * *

Не сказав Пьетро ни слова, Итало Вольпоне вышел из «форда», захлопнул дверцу и, тяжело ступая, направился к банку. Было ровно двенадцать часов.

Разбуженный звонком Моше, он все утро провел в размышлениях, вырабатывая план действий. Если Хомер Клоппе, к своему несчастью, не выполнит его ультиматум, он начнет на него давление по возрастающей... Орландо Баретто, Пьетро Беллинцона и Фолько Мори знали, как разрушить непробиваемую скалу упорства банкира.

Затем на сцену выйдет негритянка. В ней он был совершенно уверен. Она выглядела подавленной, отрешенной, беспрекословно выполняла все его приказы, спокойно отвечала на вопросы, от которых зависел успех осуществления его плана. Одним словом, она была укрощена.

Каблуки Итало гулко стучали по мраморному полу центрального холла. Он свернул налево. Вчера, чтобы попасть в кабинет Клоппе, он вынужден был обратиться к швейцару. Тот поинтересовался его фамилией и указал на четвертый этаж. Сегодня он знал, куда идти. В глубине холла находилась дверь, ведущая к лифту. В тот момент, когда он взялся за ручку, его мягко придержали за рукав.

— Могу быть вам чем-нибудь полезен, сэр?

Он молча оттолкнул мужчину и направился к лифту. Тот в два шага нагнал его и вежливо, но решительно преградил путь.

— Извините, сэр, но эта половина банка только для служащих. Кассы находятся в холле. Вольпоне уничтожающе посмотрел на него.

— Плевал я на кассы! У меня назначена встреча с Клоппе.

— В таком случае следуйте за мной. О вас доложат...

Итало резко схватил его за руку и почувствовал стальные мышцы. Он толкнул его, но тот не сдвинулся ни на миллиметр.

— Или ты уберешься с дороги, или я размозжу тебе голову! — закричал Вольпоне.

— Пожалуйста, сэр, только без скандала.

Неожиданно рядом с ними возникли еще двое богатырей.

— Проблемы? — спросил один из них и, как бы невзначай, положил руку на плечо Вольпоне. Это простое прикосновение дало Итало понять, что они здесь не случайно, а для того, чтобы помешать ему пройти к Клоппе.

— Повторяю еще раз!.. Меня ждет Клоппе!

— Разумеется, сэр... Сейчас мы его предупредим.

— Ты помял сэру костюм, — сказал третий.

Под предлогом того, что он хочет разглядеть несуществующие на пиджаке складки, его пальцы быстро пробежались по швам, как это делают таможенники перед посадкой в самолет. Оружия при себе у Итало не было.

— Назовите вашу фамилию, сэр.

Диспозиция, которую они заняли, не оставляла Итало никаких надежд пробиться к

лифту. Мысленно он дал себе обещание поквитаться с банкиром за это дополнительное оскорбление.

— Вот моя визитная карточка. — Он сунул левую руку во внутренний карман пиджака. И в ту же секунду правая рука Итало стремительно метнулась к низу живота стоявшего перед ним мужчины.левой ногой он одновременно ударил в пах второго «гориллу». Третий каким-то чудом увернулся от Итало, отскочив в сторону. Когда рука Итало, разрезав пустоту, завершила движение, в бок ему уже упиралось дуло «маузера» солидных размеров.

На полу корчились от боли и стонали двое «горилл», прижимая руки к низу живота. Задыхаясь с рвущимся из груди сердцем, Вольпоне с ненавистью смотрел на угрожавшего ему типа.

— Стреляй, сволочь! Ну, стреляй же!

— Уходите, — сказал мужчина. — Быстро!

«Никакого скандала, — предупредил их Клоппе. — Проучите и выставьте за дверь».

Итало посмотрел на лежавших и ухмыльнулся:

— Что, слабаки, получили?

Он повернулся и вышел в холл. Часы показывали 12.06.

Ультиматум предъявлен не был.

Военные действия были начаты.

Своей быстрой и блестящей карьерой в окружной полиции лейтенант Фриц Блеч был прежде всего обязан чисто типичным качествам швейцарца: гибкости ума, эффективности, упорству, чувству долга.

Цюрих был тем мировым перекрестком, на котором в течение суток преступных и забавных происшествий случалось больше, чем в любой другой европейской столице, правда, с небольшим отличием: иностранному туристу казалось, что здесь никогда ничего не происходит... На улицах нельзя было увидеть полицейского с дубинкой в руке, вид студентов говорил о том, что слаще учебы для них ничего нет, рабочие не выходили на демонстрации, а когда сталкивались два автомобиля, водители обменивались визитными карточками, приносили друг другу извинения и вместе шли в ближайшее кафе выпить по стаканчику, в то время как техничка оттаскивала искореженные автомобили в ремонтную мастерскую. Иностранные рабочие не докучали профсоюзам. Армия, составленная из добровольцев, не входила ни в один европейский военный блок, а солдаты по вечерам возвращались в свои комфортабельные квартиры. Жители города уважали полицию. Она одинаково защищала как богатых, так и менее богатых. Бедных, в прямом смысле слова, не было. К проявлению насилия полиция относилась нетерпимо, но свои функции выполняла незаметно, не стараясь составить из преступников японскую икебану и сунуть ее под нос туристам.

Искусство полиции заключалось в том, чтобы не поднимать волн. Никогда! Все, что не выходило за рамки приличия и не нарушало общественный порядок, было терпимо. Мошенников незаметно изолировали, убийц высылали из страны, а ревнивые мужья сводили счеты с женами в Гамбурге, Лондоне, Риме или Париже. Круглосуточно была открыта граница для десятков тысяч туристов, которые везли в страну валюту. И при всем этом — никакого проявления расизма к приезжим...

Но власти округа бдительно следили за тем, чтобы приезжающие иностранцы не пользовались их территорией для выяснения своих отношений. Именно этим и занимался Фриц Блеч.

В рапорте он, естественно, изложил свои соображения относительно связи, существующей между отрубленной ногой и американским полицейским, «случайно» выпавшим из окна отеля «Сордис» три дня тому назад. С точки зрения логики, чтобы связать эти два события — подвести их под общий знаменатель, — следовало взять на учет всех американцев, находившихся в городе в момент драмы. Но их было столько!..

Дипломаты, банкиры, политики, честные бизнесмены и шулеры... Цюрих представлял собой кипящий котел приездов и отъездов, и проследить за всеми не представлялось возможным. Тем не менее экспресс-расследование позволило лейтенанту выяснить, что после смерти Дэвида Кавано второй выходец из Соединенных Штатов, Патрик Махоуни, прилетевший из Нью-Йорка тем же рейсом, что и Кавано, в отель не возвратился. Счет за проживание остался неоплаченным, а его чемодан хранится у портье. После небольшого дополнительного уточнения оказалось, что этот Махоуни находится в списке людей капитана Кирпатрика — Центральное управление на 6-й авеню. Из этого следует, что оба дули в одну трубу... Другими словами, занимаясь решением каких-то своих проблем, они обошли стороной швейцарскую полицию на ее собственной территории, что очень не

понравилось Фрицу Блечу.

Когда ему сказали, что Кирпатрик у телефона, он спросил себя, будет ли его коллега откровенен и поведет ли честную игру... Капитан любезно поинтересовался, говорит ли Фриц по-английски. Да, он говорит по-английски, но с немецким акцентом, хотя какое это может иметь значение!

— Как это произошло, лейтенант?

— Ничего определенного сказать не могу. Расследование продолжается, и говорить сейчас можно только о несчастном случае.

— И вы в это верите?

— До тех пор, пока не будет доказано обратное. Примите мои соболезнования.

— Спасибо.

— Вы могли бы мне помочь, капитан... Девид Кавано... он выполнял в Цюрихе какое-то задание?

— Да... В некотором роде... Обычная рутина...

— Не могли бы вы быть поточнее?

— Наблюдение...

— А!.. За кем он следил?

— За неким итало-американцем, подозреваемом в принадлежности к Синдикату.

— Фамилия?

— Послушайте, лейтенант... У Дэвида Кавано сиротами остались трое ребятишек. Я уже сообщил вдове... Это ужасно... Вы можете организовать транспортировку его тела в Нью-Йорк?

— Сразу же после вскрытия, капитан.

— Когда?

— Медицинское заключение я получу сегодня вечером. Я все сделаю...

— Спасибо.

— Капитан...

— Да?

— У вас в Цюрихе был только один человек?

Секунду Кирпатрик молчал.

— Два.

— Инспектор Махоуни?

— Да.

— Он возвратился в Нью-Йорк?

— Как вы сказали?

— Я спрашиваю, возвратился ли Патрик Махоуни в Нью-Йорк?

— Не думаю... мне об этом ничего не известно.

— А мне — тем более. Но ваш человек больше не появляется в отеле.

— Откуда вам это известно?

— Он исчез, не оплатив счет, — холодно ответил Фриц Блеч.

В Швейцарии, как, впрочем, и во всем мире, это не проходит незамеченным.

Выйдя из банка, Итало Вольпоне сел в «форд» и бросил Пьетро, сидевшему за рулем:

— Поехали!

Он был бледен от гнева и переполнявших его сознание вариантов отмщения. Когда он завладеет деньгами, он прикончит банкира. Нет, не сразу. Он даст ему возможность все забыть... И однажды, когда тот меньше всего будет этого ожидать, получит пулю в лоб, или взорвется вместе с машиной, или будет отравлен в ресторане, или сбит сумасшедшим водителем грузовика при переходе через улицу.

— Куда едем? — спросил Беллинцона.

— Заткнись! В отель!

Пьетро проглотил слова, которые собирался сказать. Он бросил взгляд в зеркало заднего обзора и заметил серый «опель», отъезжающий от тротуара. За рулем сидел тип, которого Фолько «вычислил» еще в аэропорту. До сих пор Беллинцона ничего не сказал Вольпоне о слежке за ними. Фолько попросил не говорить Малышу о том, что кроме О'Бройна и Зазы Финней, в лучший мир благодаря его заботам ушли еще два американских полицейских.

— Еще не время, — говорил Фолько. — Выберем момент, когда он будет в настроении.

Скромность напарника восхищала Пьетро, но он опасался последствий затянувшегося молчания. Реакция Малыша Вольпоне была непредсказуемой и всегда враждебной.

— Падроне...

Казалось, Вольпоне не слышит его.

— Падроне...

— Чего тебе? — рявкнул Итало.

— За нами следят.

— Кто?

— Какой-то тип в сером «опеле».

— Как ты узнал? — спросил Вольпоне, заставляя себя не оборачиваться.

— Фолько вычислил его, когда приземлились. Он прилетел тем же самолетом.

— Мудак! У меня на пятках сидит фараон, а ты молчишь!

— Это не полицейский, падроне...

— Откуда тебе знать! — взорвался Вольпоне.

— Фолько все вам объяснит. Вы были так заняты... Но мы не сидели сложа руки...

— Что ты хочешь сказать? — нахмурившись, спросил Вольпоне.

— Фолько все вам объяснит, — повторил Беллинцона, пытаясь выбраться из опасной зоны, куда завела его болтливость. — Фолько думает, что это человек Габелотти. Короче... Возможно...

— На первом перекрестке сверни направо, — приказал Вольпоне, — и дальше — прямо. Я должен подумать.

Сделав вид, что ему что-то понадобилось на заднем сиденье, он обернулся. Серый «опель» ехал за ними.

— Где Фолько?

— Едет за «опелем».

— Налево!

Пьетро объехал стоявшего на перекрестке полицейского. Тот проводил их спокойным взглядом.

— Он все еще сзади? — спросил Итало.

— Да. Хотите прижать его?

— Закройся и рули! По набережной доедешь до парка, свернешь налево и прямо до «Командора». — В этом огромном, недавно построенном отеле Вольпоне провел последнюю ночь. — Высадишь меня у входа и сделаешь вид, что уезжаешь. Машину бросишь, где захочешь... В холле я задержусь минуты на три... Затем, когда этот тип сядет мне на пятки, ты пойдешь за ним...

— Вы что-то придумали?

— Смотри на дорогу!

Показалось здание отеля, высоко взлетевшее тридцатью этажами над зеленым массивом парка. Беллинцона мягко остановил машину. Швейцар, выряженный в адмиральскую форму, поспешно открыл дверцу Вольпоне.

Беллинцона резко сорвался с места и, следуя стрелочным указателям, влетел на открытую стоянку.

Пробежав двести метров, отделявших стоянку от отеля, он увидел, как Фолько Мори протягивает ассигнацию «адмиралу», уже сидевшему в «фольксвагене» кремового цвета. Они едва переглянулись, и каждый сам по себе зашел в отель.

Беспрестанно поглядывая на часы, словно у него назначена встреча, Итало Вольпоне нервно вышагивал по холлу. В двадцати метрах от него «торпедос» делал вид, что поглощен изучением меню, вывешенного у входа в ресторан. Расположившись у стойки регистрации, Беллинцона листал рекламные проспекты. Зажав в руке один из проспектов, он подошел к Итало и, развернув перед ним первые попавшиеся страницы, вполголоса сказал:

— Он читает меню...

— Кто тебя просил ко мне подходить? — прошипел Итало.

— Падроне, он же видел меня за рулем рядом с вами. Если он заметит, что мы раздельно топчемся здесь, он подумает, что я за ним слежу. А этим занят Фолько... Он уже здесь.

— Где?

— Возле газетного киоска.

— Иди узнай что-нибудь в регистратуре.

— Что?

— Что хочешь! Поговори с портье и возвращайся с таким видом, будто у тебя важное сообщение для меня.

Вольпоне видел, как Пьетро заговорил с портье, что-то уточнил, кивнул головой и направился к нему, подошел и с заговорщицким видом сказал:

— Уже половина первого.

— Иди за мной.

Они пошли через холл. Рико Гатто сделал вывод, что отправились к кому-то на встречу. Рико горел желанием реабилитировать себя за провал с моргом. Габелотти рвал и метал, когда он не смог дать конкретных сведений относительно принадлежности ноги. Он видел, как Вольпоне и Беллинцона раздвинули портьеры за огромной колонной, у дальней стены холла, и исчезли за ними, он быстро направился в ту же сторону. Фолько Мори отошел от киоска и фланирующей походкой двинулся через холл.

За портьерами находилась огромная стеклянная дверь, ведущая в банкетный зал. Зал был подготовлен к какому-то торжеству: столы украшали великолепные букеты цветов. В конце зала была установлена небольшая трибуна, на которой стояли графины с водой и стакан. Оратор, как и все остальные, придет позже. Зал был пуст. Рико Гатто заволновался:

уж не упустил ли он Вольпоне в очередной раз? И вдруг его пронзила неожиданная мысль: если Итало намеренно улизнул, значит, он ТОЧНО знает, что за ним следят. Это открытие все меняло! Вольпоне пытается завлечь его в ловушку и убить!

Рико провел ладонью под мышкой, где под пиджаком, в кобуре, находился пистолет. Затем, выхватив оружие, он, не таясь, громко ступая, направился к трибуне. Когда до нее оставалось пять шагов, он сделал два прыжка в сторону и присел. Никого...

Он осторожно нажал на ручку двери, которую до сих пор скрывала трибуна. Щелкнул отошедший язычок замка, и Рико сильно ударил ногой в дверь. Перед ним был длинный пустой коридор. Медленно, прислушиваясь, он пошел по коридору и через двадцать метров увидел две двери. Осторожно открыл левую: глубоко вниз ухалила винтообразная лестница. Если Вольпоне ушел по ней, преследовать его бесполезно: он уже далеко. Но оставалась еще одна возможность...

Он с тревогой посмотрел на дверь с правой стороны, на которой красными буквами было выведено: «Опасно». Сверху был намалеван классический черный устрашающий череп. Рико нажал на ручку, и дверь легко открылась. Он сделал шаг вперед и осмотрелся. Это было огромное машинное отделение, обеспечивающее жизнедеятельность гостиничного хозяйства. Искать Вольпоне здесь — зря терять время. Это был тупик, а Итало не такой тупой — Рико улыбнулся неожиданному каламбуру, — чтобы забраться в мышеловку.

Он собрался уходить, когда слева от головы что-то просвистело и тут же раздался грохот выстрела. Падая, Рико трижды выстрелил в ту сторону. Откатившись за какой-то резервуар, он встал на колени и еще два раза нажал на курок. Неожиданно сильный, как удар молота, толчок в правое плечо заставил его разжать пальцы, и пистолет упал на пол. И в ту же секунду чьи-то руки схватили его за голову, и ему в лицо полетел металлический корпус резервуара. Он потерял сознание.

Фолько Мори наклонился над Рико Гатто и вытащил из предплечья нож, вонзившийся по самую рукоятку. Он увидел, как Беллинцона бросился к Итало Вольпоне, который, с перепуганным лицом, пошатываясь, шел по узкому проходу.

— Падроне, вы ранены!

Итало покачал головой и хотел его оттолкнуть. Пьетро с ужасом увидел маленькое черное отверстие в пиджаке, прямо напротив сердца.

Распахнув на Вольпоне пиджак, Беллинцона приготовился увидеть ужасную рану, но белая рубашка Итало была безукоризненно чистой.

Ни капли крови!

Итало не успел среагировать, как Пьетро запустил руку во внутренний карман пиджака. С ошеломленным видом он вытащил колоду из пятидесяти двух карт, с которой младший Вольпоне никогда не расставался. Пуля вошла черному тузу прямо в масть!

Ему захотелось закричать о чуде, поблагодарить Бога, но он только сказал:

— Надо же!..

— Кто это? — спросил Вольпоне у Мори и, без всяких комментариев забрав у Беллинцона карты, положил их на прежнее место.

Мори протянул ему паспорт типа, которого заливала кровь, хлеставшая из раненой руки.

«ЭНРИКО ГАТТО. АГЕНТ ПО ПРОДАЖЕ НЕДВИЖИМОСТИ. 256, ВАШИНГТОН-АВЕНЮ. МАЙАМИ».

Мужчина открыл глаза. Он увидел три враждебных, склонившихся над ним лица и понял, что сейчас умрет.

— Кто тебя послал? — спросил Вольпоне.

Рико Гатто потянулся левой рукой к ране и крепко сжал губы.

— Помогите, — сказал Итало.

Через мгновение Рико уже стоял на ногах.

Итало сделал знак Беллинцоне.

— Не позволяйте ему орать!

Пьетро зажал своей огромной ладонью рот Рико. Итало резко прижал его раненую руку к горячему корпусу резервуара. От невероятной боли глаза Рико вылезли из орбит. Напрасно он напряг мышцы, пытаясь выскользнуть из-под Вольпоне, который прижимал его с силой бетонной плиты.

— Кто тебя послал? — повторил Вольпоне.

Рико посмотрел на него сумасшедшими глазами и выдавил:

— Габелотти!

Вольпоне отвернул кран резервуара.

Из него вырвалась белая струя обжигающего пара.

Вольпоне двумя руками разжал челюсти Рико Гатто и толкнул его прямо на кран, который исчез во рту Рико. Его лицо покраснело, затем посинело и стало похожим на кусок отварной говядины. Когда Фолько и Беллинцона оторвали от него Вольпоне, он уже давно был мертв.

— Дай твой нож, — сказал Итало.

Фолько протянул ему нож. Итало наклонился над телом Рико Гатто, но его поза не позволяла Фолько и Беллинцоне видеть, что он делает. Несколько секунд он стоял к ним спиной, затем что-то завернул в носовой платок.

— Смываемся? — обеспокоенно спросил Пьетро, посмотрев в сторону двери.

— Секунду! — остановил его Итало. — Тащите его за мной...

Беллинцона и Фолько равнодушно подняли тело Гатто.

— Его паспорт у тебя? — спросил Вольпоне у Фолько.

— Да.

— Давай сюда!

Они подошли к огромной, метра три в диаметре, крышке. Вольпоне сдвинул ее в сторону, открыв четырехугольное отверстие, из которого пахло жаром и зловонием.

— Бросайте его! — приказал он.

Фолько и Беллинцона подтащили труп Гатто к краю дыры и столкнули вниз. Вольпоне уложил крышку на место.

— Именно это ему и нужно! Собаке собачья смерть, — произнес Итало надгробную речь.

Пар, вырывавшийся из незакрытого крана, белесым туманом наполнял помещение.

Они без осложнений вышли из отеля. Никто ничего не слышал.

Возвратившись в свой отель, Вольпоне протянул Пьетро сто долларов и сказал:

— Сходи и купи мне часы.

— Какие часы?

— Часы! И еще бумагу... сделать бандероль...

— Понял, — ответил Беллинцона.

Он уже достаточно хорошо изучил своего нового падроне, чтобы не задавать лишних вопросов.

Шилин Клоппе тяжело вздохнула. Она знала об этом раньше из книг, рассказывающих о гонениях на евреев в разных странах Европы. Но тогда это были истории — трагические, жестокие, однако никак не связанные ни с нею, ни с ее семьей. Любые несчастья могли произойти с кем угодно, но только не с ними. И все-таки, Бог ведь почему, иногда ее пощипывал страх, тот самый лютой страх, который, должно быть, испытывали жертвы бесчисленных погромов.

Чтобы сдержать обещание, данное Ренате, она должна покинуть свой дом на сорок восемь часов. Никто, в том числе и она, не должен знать, что здесь будет происходить накануне праздничного вечера.

Через час сюда придут люди, чтобы поставить все с ног на голову: переставят ее стулья «Луи XV», уберут ее любимое кресло, перевесят картины Писсарро, Ренуара, Мане. К ним можно добавить два полотна Ван Гога и одного Гогена. И за всем этим днем и ночью будет наблюдать недремлющий глаз охранников, нанятых по такому случаю.

— Где же вы будете спать? — спросила Шилин их шефа.

— Не волнуйтесь, миссис, нам не привыкать... На полу.

В глубине души она боялась неаккуратности этих мужчин, боялась, что их запахом пропитаются стены гостиной, что они наследят обувь на персидском ковре, уложенном поверх голубого коврового покрытия.

Но больше всего ее беспокоили причуды дочери...

Свадьба Ренаты должна была стать какой-то неприличной и безумной вечеринкой. Чтобы не расстраиваться лишней раз, Шилин решила не возражать.

От отца Рената унаследовала железную волю, и горе ждало того, кто попытался бы ее образумить.

Чтобы успокоить мать, она с лукавым выражением просюсюкала:

— Я ведь не прошу твои бриллианты! Освободи мне квартиру на двое суток, это и будет для меня свадебным подарком.

Отравленный подарок, который грозил лишить их уважения всего города. Некоторые из приглашенных под разными благовидными предложениями уже отказывались прийти на свадьбу. Одни считают неприличным присутствовать на церемонии бракосочетания в три часа утра. Другие, наоборот, восторгаются: «Как оригинально! Наконец-то вы растормошите Цюрих! До чего пикантная идея!»

В дверь позвонили. Она взяла чемодан и направилась к выходу. На пороге стояли двое здоровенных мужчин.

— Здесь живут Клоппе?

— Да...

Краснощекий, вероятно, приняв ее за прислугу, — иначе как объяснить его фразу? — сказал:

— Вы правильно делаете, что уезжаете. Скоро здесь начнется грандиозное бордельеро!

Беллинцона, Баретто и Мори с интересом наблюдали, как Вольпоне перевязывает золотой ленточкой небольшой, аккуратно обернутый бежевой бумагой, пакет. Убедившись в надежности упаковки, Итало прилепил клеющуюся этикетку и написал на ней адрес получателя.

— Фолько, отвезешь в аэропорт. Я хочу, чтобы бандеролька улетела в Нью-Йорк первым самолетом. Отдашь ее лично в руки, и в Нью-Йорке ее тоже должны передать лично в руки. Ясно?

— Кому я передам? — спросил Фолько. — Я никого здесь не знаю...

— Баретто! — Вольпоне посмотрел на Ландо.

— Зайдешь в отдел по приему грузов, — сказал Ландо. — Спросишь Элизабет. Она все устроит.

— Не из-за чего драть котенку хвост, — съязвил Итало. — Это сувенир... часы. Подарок... Я не собираюсь платить пошлину...

— Падроне, — возразил Беллинцона, — но за часы стоимостью восемьдесят долларов пошлина не должна быть большой!

— Заткнись! — рявкнул Вольпоне и посмотрел на Фолько. — Когда пакет улетит, зайдешь ко мне в номер. Есть разговор...

Мори помрачнел.

— Хорошо.

Итало повернулся к Пьетро Беллинцоне.

— Спустись в холл и купи мне две колоды по пятьдесят две карты.

— Уже пошел.

Дошла очередь и до Баретто.

— Ты сейчас же пойдешь в агентство и снимешь квартиру или дом. Что-нибудь попримечнее... Оплатишь за шесть месяцев вперед. Можешь сказать, что это для дипломата, или что-то в этом роде... Мне плевать! Но сегодня ночью я должен спать там. Ты все еще не ушел? Наличные у тебя есть?

— Немного...

— Немного — это недостаточно. Возьми!

Он сунул в руку Ландо толстую пачку денег.

— Не пересчитывай — десять тысяч долларов! А теперь расскажи мне о своей шкуре.

— Она все сделала. Все!

— Рассказывай.

— Я только что разговаривал с ней по телефону. Она позвонила ему.

— Когда?

— Он собирался как раз обедать...

— Что она сказала ему?

— Что хочет его видеть.

— Обычно она его снимает?

— Нет, встречи назначает Клоппе.

— Ей удалось выведать у него завтрашний его распорядок дня?

— Да.

— Ты хорошо объяснил ей ситуацию?

— Она все поняла.

— Хорошо. Сваливай!

Ландо заколебался, стоит ли задавать вопрос, который все это время вертелся у него на языке.

— Что у тебя еще? — спросил Итало, заметив его нерешительность.

— Вы сказали, на шесть месяцев, падроне?

— А что? Здесь прекрасный воздух, разве нет?

— Да, падроне!

Итало обождал, когда за Ландо закрылась дверь, и вытащил из ящика комода портативную рулетку. Он решил поставить шесть раз подряд на «ноль» и бросил шарик...

С его точки зрения, он уже достаточно примелькался в этом отеле. Лучше сменить адрес... Даже при самом плохом раскладе более трех дней в Цюрихе он не задержится. Принимая во внимание средства, которые он собирается применить против Хомера, чтобы сломить его сопротивление, этого срока ему вполне достаточно. Зачем он выбросил на ветер десять тысяч долларов за ненужное ему жилье?

Итало нечаянно дотронулся рукой до кармана халата и почувствовал твердость колоды карт, спасшей ему жизнь. Он на лету подхватил шарик, не дав ему опуститься в лунку. Сняв трубку телефона, набрал номер своего дома в Нью-Йорке.

В это время Фолько Мори, ехавший в своем «фольксвагене» в аэропорт, взял пакет и посмотрел на адрес получателя.

Он вздрогнул, увидев написанную печатными буквами фамилию: ЭТТОРЕ ГАБЕЛОТТИ.

* * *

Его слушали два десятка мужчин и две женщины. Конечно, его выступление нельзя было назвать безукоризненным. Любой старый член коллегии или синодального собрания мог прервать оратора по пункту, который казался ему спорным или требующим дополнительных доказательств. Один-два раза Клоппе уже вежливо поправили за ошибки, допущенные в названии дат.

Но даже такая мелочь выбивала его сегодня из колеи. Впервые в жизни, когда речь шла о Цвингли, его мысли были далеко... И это несмотря на то, что место располагало к сосредоточенности и собранности. Небольшая группа людей собралась в библиотеке старого крита, примыкавшего к западному крылу собора.

Сегодня мысли о Цвингли упорно перекрывались хриплым и чувственным голосом Инес. Он собирался обедать, когда она позвонила. Никогда раньше Инес не звонила ему ни домой, ни в банк. Он сам назначал время встреч.

— Я хочу вас видеть...

Он узнал ее голос.

— Это невозможно...

— Когда?

— Я могу вам перезвонить... — И уже для Шилин, следившей за ним внимательными глазами, добавил, прикрыв ладонью микрофон: — На работу...

— Чем вы заняты после полудня?

— К сожалению, занят. В пятнадцать я иду в церковь Гроссмюнстер.

— Мне вас не хватает... А завтра?

Она никогда ему так не говорила: мне вас не хватает.

— Весь день буду занят.

— Я все время думаю о вас...

Шилин не могла не заметить, как краска залила его лицо.

— Утром деловые встречи, совещание, в шестнадцать часов иду к дантисту.

— А потом?

— Выдаю дочь замуж... Масса дел с этим...

— Когда же? Послезавтра?

Когда она говорила, ему казалось, что она поет блюз.

— Нет! Нет! У моей дочери — свадьба!

Это было лишним! Он никогда ни слова не говорил ей о своей семье. Идиот!

— Жаль... Вы знаете, чем я занимаюсь, разговаривая с вами?

— Нет...

— Я ласкаю себя. Лежу совершенно голая в постели... раздвинув ножки...

Его лицо побагровело. А Шилин в это время показывала глазами, что остывает жаркое.

— Послушайте!.. Прошу извинить меня... Я обедаю. — Он понимал, что фраза звучит по-идиотски, но остановиться не мог. — А вы не обедаете?

— Когда мастурбирую, нет... Жаль... Чао!

Она бросила трубку, а он продолжал делать вид, что разговор не закончен.

— Хорошо, дорогой друг. Начиная с двадцать седьмого... вы найдете меня в кабинете в любое удобное для вас время. Пожалуйста! До свидания!

Как он ненавидел себя из-за этой лжи.

— Тебе подогреть жаркое?

— Нет, хорошо и так. — Он уткнулся носом в тарелку.

— Кто это был?

— Так, один клиент.

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Наоборот.

— Но ты такой красный!

— Правда? У меня сегодня был трудный день...

Сорок пять минут назад он присутствовал на телевизионном представлении победного появления Итало Вольпоне в «Трейд Цюрих бэнк». К сожалению, установить телекамеры в коридоре, на уровне лифта, оказалось технически невозможно. Но охранники в деталях рассказали ему, как был выдворен из банка американский гангстер. Клоппе чувствовал себя удовлетворенным...

Его слушатели сидели спиной к двери библиотеки. Хомер находился к ней лицом. Он увидел, как дверь медленно открылась и в ее проеме возник фантастический силуэт Инес, казавшийся еще выше из-за длинного манто, доходившего ей до щиколоток. Банкир протер глаза и уставился на нее неподвижным взглядом. Этого не могло быть! Сон! Видение, которое сейчас исчезнет.

Все головы одна за другой повернулись в сторону взгляда Клоппе. Раздались многозначительные покашливания, закрипела кожа кресел от нетерпеливого движения тел, женщины презрительно поджали губы, и все посмотрели на Клоппе, словно ожидая от него совета, как себя вести в такой неслыханной ситуации.

Ошарашенный Клоппе попытался сохранить лицо. Он встал и неузнаваемым голосом

промямлил:

— Прошу извинить меня... Эта дама... Я сейчас возвращусь... Продолжайте без меня...

Она стояла в десяти метрах от него, улыбающаяся, величественная, нереальная, как кошмар. Он сделал три неуверенных шага к ней, но она остановила его властным движением руки.

Не обращая внимания на присутствующих, она медленно распахнула манто, представ совершенно голой. Несмотря на бредовую ситуацию, Хомер не мог не восхититься шоколадным цветом ее кожи и черным, как ночь, густым треугольником ее лобка.

Потрясенные, но не упускающие ни крошки из разыгрываемого перед ними спектакля, свидетели окаменели: даже в Евангелии не было описано существа подобного совершенства. Уверенно стоя на ногах, продолжая улыбаться и демонстрировать свое тело, Инес сказала:

— Извините, Хомер... Мне казалось, что вы уже закончили дела со своими друзьями. Продолжайте. Я жду вас в нашей квартире...

Она повернулась с величием королевы и дверь со скрипом закрылась.

Видение исчезло! Кошмар остался!

Анджело Барба сидел, вжавшись в кресло, и, казалось, хотел слиться с ним, превратиться в невидимку. Когда Габелотти проходил рядом с ним, он чувствовал колебания воздуха, создаваемое его двадцатипятикилограммовой массой. Дон был в ярости. Он вышагивал по гостиной, бросая уничтожающие взгляды на своих советников.

Кармино Кримелло и Карло Бадалетто неподвижно замерли в углу комнаты, переживая бурю.

Гнев еще больше обострил болезненное обжорство дона Этторе. Проходя мимо огромного блюда с сэндвичами, он рассеянным движением брал очередной кусок хлеба с маслом и колбасой и целиком отправлял в рот.

Час тому назад Филипп Диего сообщил ему о своем провале. Дон Этторе смешал его с землей, обвинив в несостоятельности и отсутствии дипломатии.

— Почему бы вам самому не позвонить Клоппе и не отдать ему распоряжение напрямую? — с холодком в голосе порекомендовал уязвленный Диего.

— Это совет?

— Нет. Некоторые вещи лучше не делать по телефону.

— Что дальше? У вас не хватает мозгов на что-то решиться?

Им одновременно пришла в голову одна и та же мысль, но ни один даже намеком не выдал себя. Габелотти — потому что никому не доверял, даже такому серьезному своему адвокату, как Диего. А если Вольпоне готовит ему такую же участь, как и Мортимеру О'Бройну? Филипп Диего — из-за боязни проглотить отказ Габелотти. Находясь на месте, он мог бы легко перевести деньги, если бы Габелотти доверил ему номер счета и если, конечно, Вольпоне еще не умыкнул два миллиарда долларов на свой счет.

— Почему бы вам не дать письменное распоряжение?

— Глупо.

Диего знал это. Утечка капиталов и уклонение от налогов приводили американское правительство в бешенство. Вся корреспонденция, адресованная в Швейцарию или другой безналоговый рай, автоматически становилась подозрительной и опасной для отправителя: почта перлюстрировалась, письма терялись...

— Жаль, что вы не можете прилететь сюда, — вздохнув, сказал адвокат.

Неудачное пожелание: Габелотти с бранью бросил трубку. В очередной раз страх перед самолетом мешает ему оказаться на месте событий. Но лететь было выше его сил! Логически это выглядело глупо, но все фибры его души кричали, что он умрет еще до взлета, как только закроется люк самолета.

Это был тупик! Он не мог ни письменно, ни по телефону, ни кому бы то ни было доверить номер счета, который сообщил ему О'Бройн. И, естественно, не мог собственной персоной оказаться в Цюрихе.

Путешествие в Европу морем займет пять суток, в течение которых деньги смогут сто раз изменить свое местонахождение.

Не в силах больше оставаться в неведении, Габелотти решил пойти на риск: позвонить Клоппе и сообщить ему комбинацию цифр и пароль. К сожалению, когда он дозвонился до «Трейд Цюрих бэнк» в Нью-Йорке было девять утра. В Швейцарии часы показывали три часа дня, и именно в эту минуту Клоппе входил в Гроссмюнстер.

— Когда он возвратится?

— Не раньше завтрашнего утра, сэр.

— Не могли бы вы дать номер телефона, по которому я могу его найти?

— Нет, сэр. Если желаете, я могу вас соединить с заместителем директора, мистером Гарнхаймом.

Габелотти резко положил трубку. Он схватил с блюда два последних сэндвича и, почти не жуя, проглотил их.

— Почему же не звонит Рико Гатто? — с горечью в голосе воскликнул Кримелло.

Этторе недоуменно пожал плечами.

— Послушайте, дон Этторе, мне кажется, что из виду упущено главное, — заговорил Барба. — Я понимаю ваши опасения и разделяю их. Но есть одна вещь, которая должна вселить в нас надежду: Малыш Вольпоне все еще находится в Швейцарии, не так ли? Оставался бы он там, сумей заполучить деньги?

— В этом я чувствую какой-то подвох! — громыхнул Габелотти. — Я не верю ни одному слову, сказанному Юдельманом! Нас пытаются одурачить!

— Когда должен прийти Моше?

— Я жду его! Если придет без новостей, мы круто возьмемся за это мерзкое племя...

* * *

Луи Филиппон внимательнейшим взглядом осмотрел каждого из десяти мужчин, которым предстояло отправиться в поездку. Смотр проходил во внутреннем двореке ресторана «Бон Бек», который был его гордостью. Аттестованный тремя звездочками десять лет тому назад, «Бон Бек» воплощал в себе все достоинства французской кухни. Из маленького ресторанчика, одиноко стоявшего на берегу Дюранс, «Бон Бек» с течением лет превратился в престижное заведение.

Сегодня ни одна важная персона, направляющаяся на Ривьеру, не преминет свернуть с автострады на усыпанную мелким гравием дорожку, ведущую к «Бон Беку».

Жинетт и Луи Филиппон начали восьмую «Золотую книгу» для благодарственных записей посетителей, в которых отмечались высочайшее качество блюд, безукоризненное обслуживание, утонченные вина и горячий прием. В парижских салонах стало хорошим тоном иметь среди гостей кулинарную знаменитость — Луи Филиппона. Один раз в году, с половины октября и до конца ноября, супружеская пара Филиппонов уезжала на отдых. Положение обязывало, и Луи Филиппон проводил отпуск в экзотических местах: охотился в Кении, рыбачил на Бермудах, отстреливал медведей в Польше. Жинетт Филиппон одевалась в платья от Сен-Лорана, Луи заказывал себе костюмы в Риме или на берегах Темзы. В гараже стояли «бентли» и «феррари».

Обычно Луи Филиппон не демонстрировал свои таланты, выезжая за пределы «Бон Бека». Весь мир съезжался к нему, умоляя выделить столик. Но в этот раз он отступил от своего принципа только лишь из-за дружеского отношения к Хомеру Клоппе, который, однажды побывав у него, «вручил» ему ключи от «золотой швейцарской клиентуры».

— Жан!

— Да, метр!

— Что это у тебя вокруг шеи?

Поваренок густо покраснел.

— Галстук...

— А я вижу шнурок от ботинок! Хочешь опозориться в Швейцарии? Что касается остальных, — он окинул всех властным взглядом, — прошу не забывать об исключительности нашей миссии. Не буду объяснять вам, что мы являемся послами французской кухни. В Швейцарии мы должны показать, что могут сделать одаренные люди из обычных продуктов! И никаких заявлений местной прессе!.. Я верю в вас! А теперь — в путь!

Он поцеловал Жинетт, усадил свою бригаду в микроавтобус, лично закрыв дверцу за последним поваренком, сам сел в «феррари», и машины взяли курс на аэропорт Мариньон.

В аэропорту их ждал специальный самолет, заказанный Ренатой.

* * *

Они выехали на Аурораштрассе, проколесив добрых тридцать минут по узким улочкам и переулкам.

— Ну и дыру же ты нашел! — недовольно буркнул Вольпоне.

— А разве это вас не устраивает? — выгнув грудь колесом, довольно спросил Ландо.

Вдоль обеих сторон улицы тянулись великолепные виллы, укрытые высокими стенами.

— Эту улицу еще называют улицей банкиров, — уточнил Ландо.

— Почему?

Баретто сделал широкий многозначительный жест рукой, словно приглашая оценить аккуратные лужайки, расцвеченные яркими красками цветов, которые просматривались сквозь черные кованые решетки ворот, изысканную архитектуру строений и покой, царивший вокруг. Было четыре часа дня. Погода стояла теплая, и, несмотря на боль в висках, Вольпоне с наслаждением вдыхал свежий аромат весны.

— Денег хватило?

— Тысяча осталась. Я заплатил девять тысяч, но не за шесть месяцев, а за три...

Он искоса посмотрел на Итало: разозлится тот или нет.

— Вы еще не разучились надувать друг друга здесь, в Цюрихе, — расхохотался Итало.

Ландо облегченно вздохнул и мягко нажал на акселератор «Бьюти гоуст Р9». Вот это машина! Ему еще не удавалось выжать из нее все возможное, но он дал себе слово испытать ее на пределе, как только закончится эта история. Выедет на автостраду, а там — педаль акселератора в пол... Он с грустью вспомнил дону Дженцо, сделавшего ему такой королевский подарок. Итало был другим человеком: жестокий и бессердечный, он повергал людей в ужас своими свирепыми непредсказуемыми выходками.

Когда Ландо рассказал о том, что Инес выполнила задание, ему показалось, что он прочел в глазах Вольпоне немую благодарность. Итало заставил его дважды пересказать всю историю, попросив не упустить ни малейшей детали.

— Какое выражение морды было у этого подонка, когда она показала ему свою «щетку»?

— У него глаза полезли на лоб...

— А остальные?

— Полный нокаут!

Итало удовлетворенно покачал головой. Конечно, Ландо мог и приукрасить... Он ведь не присутствовал на этом спектакле. А Инес, когда он начал задавать ей вопросы, коротко отрезала:

— Я сделала все, что ты просил. Оставь меня в покое!

Он вынужден был поверить ей на слово.

— Это здесь, патрон!

Итало направил «Р9» в створ бронзовый ворот, которые оставил открытыми, когда приезжал смотреть дом с женщиной из агентства. Ему с превеликим трудом удалось отделаться от нее, заставив себя сыграть непривычную роль джентльмена. Она хотела, чтобы он убедился в том, что список серебряных предметов составлен точно, пересчитав при нем каждую вилку и каждый нож; что в сортире сливной бачок функционирует исправно; что все лампочки в люстрах вкручены и горят; что...

И при этом она повторяла с упрямством попугая:

— Сожалею, что отнимаю у вас время, но мисс Дэвис — очень щепетильный человек.

С натянутыми до предела нервами, Ландо был вынужден слушать ее чириканье в течение нескончаемо долгих тридцати минут.

Трехэтажная вилла имела вид небольшого замка. Белый фасад. Белые ставни.

— Сейчас я вам все покажу, — сказал Ландо.

Пока он шарил по карманам в поисках ключа, Итало посмотрел в сторону парка. Трава была такого же цвета, как и сукно стола рулетки. Он вспомнил Анджелу: вот место, которое ей бы понравилось! Она часто ему говорила, что для счастья ей достаточно клумбы с цветами, нескольких деревьев и много свободного времени.

— А я? Для меня есть место в твоей программе?

Вместо ответа она улыбнулась, прижалась к нему всем телом и поцеловала в мочку уха. Как только он разгребет все это дерьмо, он обязательно свозит ее на Сицилию.

— Прощу! — торжественным голосом сказал Ландо.

Вольпоне вошел в холл, украшенный светильниками и многочисленными картинами, на которые никто никогда не обращает внимания: портреты предков в боевых доспехах или грандиозные батальные сцены. Анджела как-то пообещала ему, что объяснит, в чем заключается прелесть этих заплесневелых «бутербродов». Он открыл дверь и вошел в огромную гостиную, окна которой выходили на лужайку.

— Сколько комнат?

— Точно не помню, — ответил Ландо, — тринадцать или четырнадцать...

Вольпоне нахмурился.

— Тринадцать?

— Может, больше, может, меньше...

— Пересчитай и возвращайся! Телефон работает?

— Да.

— Где он?

Ландо показал ему на старинный низкий столик.

— Второй аппарат находится в вашей спальне.

— В моей спальне? Ты уже успел выбрать?

— Самая красивая, — искренне сказал Ландо.

Небрежным жестом руки Итало спровадил его. Баретто, конечно, проявлял себя послушным и полезным, но был сутенером, что очень не нравилось Итало. По неясным

причинам у Мальшша Вольпоне сутенеры вызывали тошноту, несмотря на то что проституция была одной из статей дохода «семьи» Вольпоне. Но там она была поставлена на поток, казалась чем-то абстрактным, где женщин, как скот, считали по количеству голов.

Что бы там ни было, но именно благодаря негритянке Ландо Хомер Клоппе потерял свое лицо и самое для себя важное: уважение в обществе.

И это было только начало. Вольпоне продумал трехэтажную комбинацию, чтобы сломить сопротивление банкира: вначале — уважение; затем — его личность и наконец — его семья.

Итало с грустью посмотрел на телефон. Он собирался сообщить Юдельману то, что до сих пор скрывал: весть о смерти О'Бройна. Моше неоднократно сглаживал углы разногласий Итало и Дженцо, всегда приводил их к примирению.

Советник испытывал к Вольпоне-младшему почти отцовские чувства, и Итало знал это. По этой причине он терпел от него то, за что другим никогда бы не сносить головы.

Итало неохотно набрал номер Юдельмана, и почти тут же в Нью-Йорке сняли трубку.

— Это я! — сказал Итало.

— Господи! — пронзительно вскрикнул Моше. — Я уже несколько часов не могу до тебя дозвониться. Ты где?

— Все там же.

— Оставь все, Итало! Оставь! Дела плохи, очень плохи! Возвращайся!

— Это все, что ты можешь мне сказать?

— Послушай, Итало, мне страшно! Мы уже достаточно накуролесили! Еще один шаг — и все рухнет! За тобой следят!

— Уже нет. Все улажено.

— Улажено?

— Я же тебе сказал — все в порядке! — взорвался Вольпоне. — Тебе ясно или нет?

— Ты звонишь из отеля? — с подозрением в голосе спросил Моше.

— Нет, можешь говорить все. Никого нет.

— Габелотти сошел с ума. Он говорит, что мы собираемся его надуть.

— И ты позволяешь себя одурачить этому хряку?

— Этот хряк скоро нас перестреляет. Всех!

— Неужели? — хохотнул Вольпоне.

— Он уже не соображает, что говорит! Он думает, что ты прикажешь прикончить О'Бройна.

— Ошибается.

— Я знаю, но это ничего не меняет.

Итало глубоко вздохнул и спокойно сказал:

— Мне незачем приказывать убивать этого подонка! Я прикончил его собственными руками.

В трубке установилась долгая, томительная пауза. Затем раздался возбужденный до крайности голос Моше:

— Ты безумец!.. Безумец!

— Произошел несчастный случай... Я допрашивал его, а он плевать на меня хотел.

— О нет! — застонал Юдельман. — Только не это! Ты ничего не понял!..

— Ты меня утомляешь!

— Теперь Габелотти может сделать с нами все, что угодно! Комиссьоне его оправдает!

— Тупица! — побагровел Вольпоне. — Сходи лучше к Габелотти и спроси у него, что делал О'Бройн в банке, когда его прихватили. Давай! Что ты мне на это скажешь?

— Итало, я виделся с Габелотти! Я уже не понимаю, что происходит...

— А я понимаю! Эта сволочь убила моего брата, чтобы спереть наши деньги! А теперь, после того как ты ходил к нему, он может подумать, что его оставили в покое, и будет еще долго плевать мне в лицо.

— Итало!

— Закрой глотку! Если вы с ним такие друзья-приятели, пусть он объяснит тебе, с какой целью он направил О'Бройна к Клоппе?

— Итало! А если О'Бройн действовал самостоятельно?

— Несчастный! — скрипнул зубами Вольпоне. — Это же не кино!

— Ты забываешь одну вещь: Габелотти с первого дня знает номер счета! Ему достаточно сказать одно слово!

— Кто тебе сказал, что он это не сделал? — взревел Вольпоне. — Почему, как ты думаешь, он направил вместо себя это дерьмо О'Бройна? Ну?.. Объясни мне!

— Итало, я хочу говорить с тобой откровенно... Не знаю, с чего начать... В этой истории есть много темных пятен. Мы можем многое испортить и тогда... все потеряем.

— Только не я! Мой брат мертв, а его деньги, возможно, украдены! Мне нечего больше терять... больше нечего!

— Дай мне еще одну возможность...

— Не лезь больше в это дело!

— Возвращайся в Нью-Йорк! Объяснимся с доном Этторе! Выложим ему все карты!..

— Я удивляюсь, как долго мог тебя терпеть Дженцо! Ты же конченный мудака!

— Тогда я пойду один, — решительно сказал Моше. — В интересах «семьи».

— «Семья» — это я! — зарычал Вольпоне.

— Итало, прошу тебя в последний раз: возвращайся в Нью-Йорк!

— Плевать я на тебя хотел!

— Они убьют тебя! — тихим, холодным тоном сказал Моше. — Но я не позволю тебе подвергать опасности жизнь Франчески, ее детей, жизнь Анджелы...

У Итало широко распахнулись глаза.

— Анджела? — охрипшим голосом спросил он.

— Если ты в ближайшие часы не возвратишься в Нью-Йорк, пусть нас хранит Бог! — сказал Моше Юдельман и положил трубку.

На какое-то мгновение мозг Итало парализовала волна адреналина... Моше был прав! Анджела!.. Нужно сейчас же предупредить ее, чтобы она немедленно уехала из города.

* * *

— Сдохнуть можно, — прыснула со смеху Рената. — Им придется лечь на спину, чтобы почувствовать, что они стоят на ногах!

— Восхитительно! — согласился Курт. — Даже трезвые будут чувствовать себя пьяными.

Они лежали на полу в помещении, которое еще два часа назад представляло собой традиционно богатую гостиную преуспевающего цюрихского буржуа. Но сейчас Шилин не

узнала бы свой зал приемов. Рабочие начали с того, что перевесили все картины наоборот.

— Посмотрите! — восторженно воскликнул Освальд Хепброер. — Шедевр в любом положении остается шедевром, даже если висит вверх тормашками!

В Цюрихе Освальд считался непререкаемым авторитетом в области дизайна. В 1968 году он закончил Школу изящных искусств, затем взял приступом Сорбонну... Проповедуя конформизм, он с энтузиазмом отнесся к идее Ренаты Клоппе: свадьба «наоборот». Три недели не покладая рук он работал над проектом. Теперь его воплощали в реальность. Рабочие выклеили потолок обоями, на которые был нанесен рисунок пола. Для большей достоверности к нему подцепили настоящие стулья сиденьями вниз...

— А нельзя ли присобачить к потолку хотя бы одно кресло в стиле Луи XV? — спросила Рената, озорно блеснув глазами.

— Слишком тяжелое, — задумчиво произнес Освальд. — А вот этот небольшой столик, пожалуй, можно... Поль! Стол на потолок!

— Понял!.. Понял!..

— Почему бы не добавить немного мусора? — подал голос Курт, который не хотел оставаться в стороне от абсурдной затеи.

— Банально... — ответил Освальд. — Слишком примитивно. Мусор надо использовать осторожно. Его и так повсюду предостаточно. Это утомляет...

— Освальд! — вмешалась Рената. — Одежда! Как будто кто-то оставил одежду на полу...

— Не стоит мелочиться... Сначала — главное направление! Детали придут позднее, сами собой. Нет, вы только посмотрите на вашего Писсарро! Небо внизу... Это фантастика!

Они пришли в десять. Чтобы не слишком волновать своих родителей, Рената попросила закончить весь тарарам как можно быстрее.

— Полная свобода действий, — сказала она Освальду. — Приглашаешь всех необходимых тебе людей, и работаешь ровно сутки, день и ночь. После праздника сразу же быстро все приводите в порядок.

Хепброер, который ни перед чем не пасовал, особенно перед солидным денежным чеком, не задумываясь, согласился. О предстоящей свадьбе писали все газеты. А так как у него было немало друзей в местных редакциях, это событие обеспечивало ему невероятную личную рекламу.

— А это? Это разве не прекрасно? — спрашивал он, показывая на всевозможные бутылки спиртного, приклеенные к поверхности стола, прикрепленного к потолку с помощью крючков за ножки. — Добавьте на стол букет цветов... Осторожно наверху! Вес должен равномерно распределяться по всей поверхности стола.

Он посмотрел на жениха и невесту и заговорщицки подмигнул им.

— Ну как, ребята? Какая работа! Какое мастерство! О вашей свадьбе никогда не перестанут говорить!

Курт взял Ренату за руку. По мере того как их безумная идея становилась реальностью, им начинало овладевать восхищение, хотя в глубине души, души мелкого буржуа, он еще сопротивлялся этой нелогичности. Но машина была запущена. Было слишком поздно делать вид, что происходящее раздражает его. Чтобы как-то принять участие в творимом бедламе, он спросил:

— Освальд, когда начнешь клеить потолок на пол?

— Позже, позже!.. Дети мои, мне не хотелось бы вас выдворять отсюда, но мне

необходимо активизировать работу! Разрешаю вам заходить сюда каждые два часа... Посмотрите, как продвигается дело. К этому времени я как раз сделаю из пола потолок.

Почувствовав прикосновение руки Курта, Рената бессознательно оттолкнула ее. С ней происходило что-то такое, что было неподвластно ее воле.

— Ты идешь?

— Пошли, — ответил Курт.

— Рената, — окликнул ее Освальд Хепброер, — ты все прекрасно придумала, но я приготовил тебе несколько сюрпризов. Увидите, дети!.. Увидите!..

* * *

Моше Юдельман входил в кабинет дона Этторе с чувством, с каким входят в камеру пыток. Кармино Кримелло, Анджело Барба и Карло Бадалетто молча смотрели на него, не скрывая враждебного отношения. Моше сделал два кивка в сторону Габелотти и твердым голосом спросил:

— Дон Этторе, я могу поговорить с вами наедине?

— Выйдите, — сказал Габелотти, указав рукой на дверь.

— Одну секунду, патрон, — сказал Бадалетто.

Он быстро оцупал одежду Юдельмана, который стоял, не шевелясь, с презрительной усмешкой на губах.

— Вон! — повторил дон Этторе, пожав плечами.

Когда за Карло закрылась дверь, Габелотти исподлобья посмотрел на Моше.

— Слушаю тебя.

Направляясь на встречу с доном после безрезультатного разговора с Вольпоне, Моше надеялся, что его появление послужит проявлением доброй воли, и в первую очередь в отношении его самого. Но если он не понял игру Габелотти, если Итало оказался прав, тем хуже для него: живым ему отсюда не выйти.

— Дон Этторе, — начал он. — Вы просили меня вернуться — и я здесь. По своей доброй воле. Я верю в вашу справедливость и ваше благоразумие. Я не принадлежу к вашей «семье» — но все мы — дети одной «семьи», Синдиката. Мы достаточно поработали, как одни, так и другие, чтобы пыль беспричинно не покрыла наши следы.

Габелотти внимательно слушал его, хрустя фисташками. То, что Юдельман не побоялся возвратиться, было хорошим признаком. После многочисленных бесплодных попыток его людям удалось заполучить номер телефона Хомера Клоппе. Женский голос ответил, что банкира нет дома, и попросил его назвать себя. Когда Габелотти отказался, трубку положили. Теперь ему оставалось ждать и молиться, чтобы Вольпоне не снял деньги со счета. И если Юдельман здесь, значит, это не что иное, как то, что Итало еще не добрался до денег.

— Откровенно говоря, и я хочу, чтобы вы это знали, я пришел к вам вопреки желанию Вольпоне.

— Ты говорил с ним? — спросил Этторе, не скрывая жадного выражения заинтересованности на лице.

— Да.

— Он в Цюрихе?

— Да.

Габелотти забросил в рот полную пригоршню фисташек и протянул Юдельману коробку. Кивком головы Моше поблагодарил его.

— Он объяснил тебе, чем там занимается?

— Убили его брата, — тихо сказал Юдельман.

— Он сам тебе сказал?

— Позвольте, дон Этторе... Эта история засунула нас всех в дерьмо. Каждый из нас боится произнести слова, которые не соответствуют мыслям, слова, вызванные гневом. Совсем недавно вы выдвинули против Итало очень серьезные обвинения. Я не согласен с ними. Но и Итало, со своей стороны, обвиняет вас. Я тем более не согласен с ним. Все, чего я хочу, — это восстановить истину и покончить с претензиями.

— Твой дон мертв! От чьего имени ты говоришь?

— От своего собственного, от имени разума и во благо нашего общего интереса. Я как-то уже говорил, что после смерти дона Дженцо его младший брат взял на себя временно полномочия главы «семьи».

— Итало — человек безответственный!

— Нет, дон Этторе, Итало — просто человек, которому до сих пор не представлялась возможность проявить ответственность. К несчастью, у Итало большой траур. Он импульсивен, упрям... Он уверен, что О'Бройн решил действовать за вашей спиной ради собственной выгоды.

Моше выдержал змеиный взгляд Габелотти, несмотря на холодный пот, стекавший у него вдоль позвоночника. Если только этот гигант узнает, что Мортимера О'Бройна нет в живых, что Итало Вольпоне убил его собственными руками, начнется безжалостная война до последнего человека. Тогда первым будет он — Моше Юдельман.

— Это тоже твое мнение? — спросил Габелотти абсолютно безразличным тоном.

— У всех людей есть свои слабости, дон Этторе. Даже Мортимер О'Бройн не является исключением из этого правила. Итало считает, что смерть его брата не случайна...

— Я в этом уверен! — голосом, полным понимания, воскликнул Этторе. — Ты хочешь знать, что я обо всем этом думаю? Так как передо мной нет живого и невредимого О'Бройна, который мог бы это сказать, никто не заставит меня проглотить эту наживку — его измену. Слишком удобно все сваливать с больной головы на здоровую, когда нет человека, который мог бы защитить себя! Слишком легко! И не надо быть слишком прозорливым, чтобы понять, кто все это сочиняет! Итало Вольпоне!

— Есть радикальный способ поставить все на свои места, дон Этторе. И одновременно выйти из тупика. Три человека знали номер счета: дон Дженцо, О'Бройн и вы. Вам достаточно позвонить в Цюрих, чтобы навести порядок.

— Если я не сделал этого до сих пор, то лишь потому, — врал Габелотти, — что уважаю своего друга Дженцо! Мы были вместе.

— Если Малыш Вольпоне совершил ошибку, появившись в банке и не предупредив вас, — врал в свою очередь Моше Юдельман, — так это потому, что смерть брата склонила его к мысли, что О'Бройн готовился затеять за вашей спиной грязную игру. А теперь я очень прошу вас позвонить в Цюрих и дать приказ о переводе денег.

Габелотти решил подыграть. Он посмотрел на часы.

— Уже поздно. В Европе восемнадцать часов. Банк закрыт.

— Тогда завтра, дон Этторе, с самого открытия. Мы полностью доверяем вам!

Габелотти задумался.

— Кстати, ты знаешь, как позвонить Вольпоне?

— Конечно!

Этторе быстро придвинул к нему аппарат.

— Позвони ему. Я хочу поговорить с ним.

— Хорошо, — сказал Моше.

Скрывая досаду, он снял телефонную трубку. До этого момента он надеялся, что достаточно тонко ведет игру, чтобы избежать конфликта, высвободить два миллиарда и сохранить человеческие жизни. Он поставил себя между двумя бочками с порохом: если они столкнутся, произойдет взрыв. И снова по спине потек гадкий, холодный пот. Моше подружески улыбнулся Габелотти, который сидел, впившись в него глазами.

— Отель «Сордис»? Соедините меня с номером Вольпоне.

— Ждите.

К своему удивлению, он услышал, как голос, ответивший ему в Цюрихе, заполнил комнату: Габелотти включил усилитель. Моше мысленно произнес молитву, чтобы Итало не оказалось на месте.

— Номер мистера Вольпоне не отвечает.

— Соедините меня с портье.

Портье подошел к телефону.

— Слушаю вас, сэр.

— Ключ от номера мистера Вольпоне на доске?

— Мистер Вольпоне уехал из нашего отеля, сэр.

— Что вы сказали?

— Часа два тому назад мистер Вольпоне оплатил счет... В отеле его нет.

У Юдельмана было ощущение, что он растворяется.

— Он оставил какую-нибудь записку?

— Никакой, сэр.

Моше положил трубку, не смея поднять глаза на дону Этторе.

Все ясно, Итало потерял над собой контроль и готов наделать новых ошибок. Умирают всего лишь раз... Моше неопределенно пожал плечами.

— Ну вот, дон Этторе, теперь вы знаете столько же, сколько и я...

Он чуть не сказал, что умолял Итало вернуться в Нью-Йорк, бросить все и подождать, пока он уладит дела. Вдруг он почувствовал, как усталость сковала его тело.

— Возможно, он на пути в Нью-Йорк, — неуверенно сказал Моше. — Может, он скоро позвонит мне?

Юдельман медленно встал.

— Куда собрался? — спросил Габелотти.

— Домой. Я свяжусь с вами, как только он даст о себе знать.

— Моше, — сердечно произнес Габелотти, — у тебя убитый вид... — Он обошел письменный стол и положил на плечо Юдельмана руку, толстую, как батон ветчины. — Я хотел бы, чтобы ты воспользовался моим гостеприимством... И еще — ты можешь мне понадобится, когда я буду звонить в банк. Кроме того, мы же с тобой еще и компаньоны. Отдохни... Симеон проводит тебя в спальню. Симеон!

Симеон Ферро появился в ту же секунду, словно стоял за дверью, прижавшись к ней ухом.

— Слушаю, падроне!

— Я хочу, чтобы ты проводил моего компаньона Юдельмана в гостевую спальню.

Посмотри, чтобы всего было в достатке.

— Будет исполнено, падроне.

У Моше сжалось сердце, но он сумел выдавить на лице жалкую улыбку.

— Вы правы, дон Этторе. Я должен отдохнуть. Искренне благодарю вас за гостеприимство.

— Твое согласие — большая честь для меня, — ответил Габелотти.

Как только закрылась дверь за Моше и Симеоном Ферро, он нажал на кнопку интерфона и резким тоном приказал:

— Взять Анджелу Вольпоне!

Двое сидевших негров ничем, кроме приятной внешности, не привлекали к себе внимания. Кожа одного из них была светлее, и он был одет с той небрежной элегантностью, которая присуща студентам американских университетов: джинсы, бело-голубые кроссовки и просторная футболка с огромными цифрами «11». Второй был в тонком свитере, твидовом пиджаке, фланелевых, горчичного цвета брюках и темно-коричневых туфлях.

Они были родными братьями, имели право на титул принца и являлись прямыми наследниками короля Кибондо.

Первый, Амаду Гезе, больше известный в Соединенных Штатах под кличкой Рокки, был одним из пяти самых высокооплачиваемых баскетболистов мира. Куаку Туаме, младше его на год, уже три недели находился в Париже по приглашению Комитета по атомным исследованиям. Несмотря на свои двадцать два года, Куаку, занимаясь проблемой изучения ускорения частиц, считался одной из самых серьезных надежд в области атомной физики.

Рокки и Куаку имели еще шесть братьев. Рост самого высокого равнялся двум метрам двадцати восьми сантиметрам, самого маленького — ста трем сантиметрам. В семье его любовно называли гномом. Куаку и Рокки занимали место в золотой середине: 216 сантиметров — первый, 220 — второй. В Бужумбуре, где они родились, этот рост считался нормальным.

Рокки прикладывал немалые усилия, чтобы увлечь своего брата игрой в баскетбол, где его физические данные в короткое время позволили бы ему заработать большие деньги. Но Куаку не проявлял интереса к деньгам. Ему нравилось заниматься фундаментальными исследованиями. Чтобы размять мышцы, он появлялся иногда на стадионе и показывал такие результаты в спринте, прыжках и метании, что краснели даже профессиональные атлеты.

Рокки позвонил ему из Нью-Йорка.

— Через восемь часов я буду в Париже. Освободись от всех дел.

— На какое время?

— На один-два дня.

— Куда отправимся?

— В Цюрих. Все объясню. Семейное дело.

Когда кто-то из Кибондо произносил священное слово «семья», все вопросы отпадали. Оскорбление одного из них считалось оскорблением всего племени.

Все братья вышли в люди: пятеро учились в университетах, двое стали профессиональными спортсменами, и только один Манго оказался «домашним ребенком» и остался дома, рядом с королем.

Инес была единственной сестрой, и братья обожали ее. Она много путешествовала по Европе, какое-то время жила в Риме, Лондоне, Париже, снимаясь в качестве фотомодели в престижных журналах мод.

— Что с ней случилось? — спросил Куаку у Рокки.

— Какой-то тип в Цюрихе неуважительно с ней обошелся.

Несмотря на то что каждый из них принадлежал к элите в своей области деятельности, был вхож в самые «узкие» круги, слово «неуважительно», имеющее отношение к члену их семьи, мгновенно срывало с них социальный лоск. Пробуждался зов предков племени

Кибондо — отомстить!

Чтобы их сестра стала жертвой!.. Это было невысказано!

— Не физически же над ней надругались? — обеспокоенно спросил Куаку.

— Она ничего об этом не сказала. Просто попросила прийти ей на помощь. Я подумал, что тебе доставит удовольствие выручить сестренку из неприятностей.

— Спасибо, — простодушно поблагодарил Куаку. — Думаю, разыскать обидчика больших трудов не составит.

— Насколько я понял, их несколько. Я однажды был в Цюрихе — крошечный городишко. Если они не сорвались с места, справедливость восстановим быстро...

Когда самолет коснулся колесами посадочной полосы и они встали, чтобы взять свои дорожные сумки из багажного отделения, все пассажиры с откровенным удивлением и восхищением уставились на них.

В ту же минуту на взлетно-посадочную полосу № 8 приземлился самолет Марсель — Цюрих, на котором прибыли Луи Филиппон и его кулинарная бригада в полном составе.

* * *

Анджела Вольпоне осуждала свое вчерашнее поведение. Вместо того чтобы поддержать свою родственницу в тяжелую для той минуту, она быстро ушла домой, оставив ее наедине со своим горем. После шести месяцев замужества она вдруг поняла, что никогда не станет «своей» в семье Вольпоне.

Ее независимое прошлое, учеба в университете, ее вкусы и образ жизни стояли непреодолимой преградой между ней и обычаями клана, где женщине была уготована роль бессловесного наблюдателя. Так жили все сицилийские семьи с незапамятных времен! Но Анджела не была сицилийкой. Вкус постоянного страха и беды был ей непривычен.

С ней просто случилась ужасная вещь: она до безумия влюбилась в мужчину, который отгородил от нее собой весь внешний мир. Когда Итало вошел в библиотеку в Лондоне, она испытала какое-то острое животное чувство, мгновенно пронзившее ее, как удар ножом.

— Какую книгу вы ищете?

— Существует ли учебник, в котором написано, как избавиться от двух сволочных особ?

Она никогда не забудет эти две фразы, связавшие воедино их судьбы.

Вечером он заехал за ней в библиотеку.

Ей было двадцать три года, и она была девственницей. Но это ее не печалило и не тревожило. Она знала, что некоторые ее университетские подружки начали заниматься любовью с тринадцатилетнего возраста. Когда она принимала приглашение от парня ее возраста прийти на свидание, дело никогда далеко не заходило... Отец обычно не давал ей никаких советов по этому поводу, а мать тем более. О таких вещах в семье не говорили.

Анджела была красива: огромные серые глаза, черные как смоль волосы, сочные и нежные губы, изумительно правильный овал лица. И, само собой разумеется, она не испытывала недостатка в лстивых комплиментах. Но в противоположность своим сверстницам она считала, что физической любви должен предшествовать какой-то «внутренний взрыв».

Весенними вечерами она чувствовала, как в ней закипает желание отдать все, что в ней накопилось. И тогда ее посещали сомнения: уж не обделяет ли она самое себя, лишая свое

тело чего-то очень значительного, приятного и нежного...

Итало привез ее в очаровательный итальянский ресторанчик, затерянный в тихом квартале Эдгуар. Загипнотизированная невероятно волнующим взглядом его абсолютно черных глаз, их глубиной и живостью, она наблюдала, как он ест, не в силах проглотить ни крошки.

— Вы не голодны?

— Нет...

— Вы даже не притронулись к еде. Сколько вам лет?

— Двадцать три.

Он рассмеялся, не переставая жевать спагетти.

— Двадцать три? Правда?

— Почему вы смеетесь? В этом есть что-то смешное?

Она настолько была уверена, что проведет ночь с ним, что даже взяла с собой зубную щетку. Сегодня ночью будет ОН! Только ОН! Она так давно этого ждала!

— Вы американец?

— По паспорту, а по крови — сицилиец.

— Вам удалось избавиться от своих преследователей?

— Да. Что хотите на десерт?

— Кофе.

Они вышли из ресторанчика, когда уже горели уличные фонари. Он предупредительно открыл перед ней дверцу машины, сел за руль и закурил.

— Чем бы вам хотелось заняться?

— Когда?

— Сейчас.

Она ответила без колебаний:

— Тем же, чем и вам.

— Вы располагаете временем?

— Да.

Для него у нее всегда будет время, стоит ему лишь захотеть.

Они оказались в казино.

Он играл два часа, напроць забыв о ней, пристально следя за картами, раздаваемыми банкометом. У нее создалось впечатление, что его здесь знали... Суммы, которые он выбрасывал в каждом коне, позволили бы Анджеле без забот прожить целый год... Банк!.. Банк!.. Банк!..

— Я выиграл одиннадцать тысяч фунтов! Вы принесли мне удачу. Выигрыш делим пополам.

— Да вы сошли с ума!

— Это всего лишь деньги... Берите!

Он разделил толстую пачку денег у нее на глазах и попытался засунуть половину ей в сумочку.

— Зачем создавать лишние трудности? Если бы я проигрался, я не колеблясь одолжил бы у вас денег на бензин. Я — проще, чем вы! Так берете или нет?

Они стояли на улице у входа в казино. Она смотрела на него и пыталась понять, не шутит ли он. На его лице она заметила легкое раздражение.

— Вы действительно отказываетесь?

— Да.

— Ну что же, тем хуже. Эй!..

К ним подошел проходивший мимо какой-то оборванец с пустыми, вероятно от безысходности, глазами. Со сжавшимся от ужаса сердцем Анджеела наблюдала, как Итало молча и бесцеремонно вложил в грязную ладонь этого мужчины пачку денег. У мужчины от удивления отвисла челюсть, и он, сняв засаленную шляпу, попятился назад, не переставая кланяться и не соображая, за что ему привалила такая удача. Едва держась на ослабевших ногах, Анджеела села в машину.

— Когда я решаю с чем-нибудь расстаться, я никогда не возвращаю это обратно...

От только что испытанного потрясения она не могла произнести ни слова. Она возвращала лавочнику пустые бутылки из-под кока-колы, получая взамен их залоговой стоимости сигареты. Она возненавидела его за этот необъяснимый расточительный жест.

— Вы разозлились?

— Да. Вы унизили, унизили и оскорбили его бедность.

Он легко и весело рассмеялся.

— Вам следовало бы вначале поинтересоваться мнением заинтересованного лица, прежде чем так категорично заявлять.

— Отвезите меня домой!

— Хорошо... Еще раз напоминаю: вы по-прежнему имеете право на половину моего выигрыша. Берете?

— Нет, — ответила она, стиснув зубы.

— На вашем месте... Даю вам на размышление одну секунду.

Он разделил на две части оставшиеся деньги. Одну половину положил на сиденье, другую оставил в руке и вышел из машины. Ее чуть не стошнило, когда она увидела, как Итало остановил цветочницу и, отдав ей все деньги, взял только одну розу.

— Может, вы согласитесь взять цветок?

Она упорно отмалчивалась.

— Половину? — вежливо спросил Итало и, оторвав головку от стебля, протянул ее Анджеэле.

Она сделала вид, что ничего не видит. Он оторвал лепестки и высыпал их ей на колени. Затем завел мотор, и они поехали.

— Кстати, — капризным тоном начал он, — у меня осталось немного денег от выигрыша в казино. Как вам известно, половина принадлежит вам. Берете?

— Вы находите это смешным?

Он снова разделил оставшиеся деньги и протянул ей половину.

— Да или нет?

Она пожала плечами и уставилась в окно. Итало нажал на кнопку автоматического опускания стекла. Купюры затрепетали в кончиках его пальцев и, подхваченные ветром, унеслись в ночь.

— Не желая вас обидеть, Анджеела, я позволю себе еще раз напомнить, что вы имеете право на пятьдесят процентов от остатка выигрыша. Берете?

Она окаменела.

И снова протянутые ей деньги исчезли в ночи.

Когда они подъехали к ее дому, у него в руке оставалось лишь две банкноты. Одну он протянул ей.

— Ваша доля! Берете?

Она судорожно искала ручку дверцы, чтобы выйти из машины. Он поджег одну ассигнацию и прикурил от нее сигару. С того момента, как она села в машину, Анджеला не произнесла ни слова, разрываемая противоречивыми чувствами, переполненная злостью, восторгом, унижением, невероятным желанием, которому она отчаянно сопротивлялась и от которого сжималось ее сердце.

— Помогите мне выйти, — ледяным тоном попросила она.

— Одну секунду!.. Анджеला... Осталась одна бумажка... Берете?

Он разорвал банкноту пополам.

— Прощу вас, откройте мне дверь!

Он смял две половинки банкноты, оставшейся от одиннадцати тысяч фунтов, и выбросил их в окно. Затем вышел из машины, обошел ее сзади и открыл ей дверцу.

— До свидания...

— До свидания...

В течение следующей секунды еще можно было все изменить. Они стояли друг перед другом не в силах отвести взгляд... Но она опустила глаза и повернулась к нему спиной. Он не шелохнулся, чтобы задержать ее. Она решительным шагом пошла вверх по ступенькам крыльца, но чем выше поднималась, тем медленнее становились ее движения. Наконец она остановилась и повернулась к нему.

Итало Вольпоне с серьезным, задумчивым лицом стоял, прислонившись к машине, перекатывая из одного угла рта в другой дымящуюся сигару. Не шелохнулся он и тогда, когда увидел, как она, словно нехотя, стала медленно спускаться вниз. Она подошла к нему.

— У вас нет ключей от квартиры? — спросил Итало.

— Есть.

— Тогда не могли бы вы меня выручить?

— Чем?

— У меня в кармане не осталось ни гроша, — не в силах сдержать улыбку, сказал он. — Я рискую быть схваченным полицией за бродяжничество. Не одолжили бы вы мне пятьдесят центов?

— Даже таких денег у меня нет... — ответила она.

Они оказались в объятиях друг друга, даже не поняв, как это произошло. Это были объятия без поцелуев, но их крепко прижавшиеся тела сказали все без слов. Он хрипло смеялся, глядя ее волосы.

— Так как вы не захотели взять свою долю, чего же вы хотите?

— Вас!..

Очутившись в апартаментах Итало, снятых им на год в отеле «Дорчестер», Анджеला не решила его предупредить... Впервые в жизни она лежала обнаженной в кровати рядом с мужчиной. От подружек она слышала, что мужчины, как от огня, бегут от девственниц. Когда он входил в нее, она сжала зубы, чтобы не закричать. Подхваченная волной боли и какого-то невероятного наслаждения, она была потрясена, что в мире может быть что-то такое жесткое и одновременно невыразимо нежное...

Она потеряла сознание.

— Я не хотела тебе говорить...

— Но почему?.. Почему?

— Я боялась, что ты оттолкнешь меня... О Итало, я так хотела тебя!..

На следующий день она не пошла на лекции. В обычное послеобеденное время не появилась в библиотеке. Наступила ночь, но она все еще находилась в постели. А он в ней — постоянно... Время от времени официант приносил из ресторана огромные блюда, уставленные деликатесами, тонкими винами, прозрачными, как родниковая вода. Следующую ночь они спали не более двух часов. Он не выходил из нее... Утром они продолжали заниматься любовью. В полдень, с обоюдного молчаливого согласия, решили находиться в кровати.

Вечером, на третьи сутки, выйдя из ванной, Анджела сказала:

— Я не знаю, день сейчас или ночь... Я забыла, как меня зовут.

Уставшая, она доверчиво прижалась к его груди. Он нежно обнял ее за плечи и приподнял голову за подбородок.

— Сейчас я тебе скажу, как тебя зовут... Тебя зовут Анджела... Анджела Вольпоне...

Спустя пятьдесят восемь дней они сыграли свадьбу в Нью-Йорке. Дженцо, брат Итало, подарил ей браслет с бриллиантами умопомрачительной стоимости. Праздник отмечался в отеле «Пьер». Были приглашены сотни гостей. На вопросительные взгляды Анджелы Итало отвечал шутливым подмигиванием. А когда они приехали в великолепные апартаменты на Парк-авеню, Анджела непроизвольно воскликнула:

— Господи! Да где же ты взял деньги на такой дворец?

— Дженцо и я — мы немного занимаемся торговлей... Овощи, фрукты... Оптом... Как видишь, дела наши идут неплохо.

Иногда Итало приглашал своих друзей к ним в дом поиграть в покер. Приглашенные демонстрировали подчеркнутое уважение к Анджеле. По прошествии какого-то времени у нее возникла странная мысль, которую она долго не могла сформулировать. Однажды вечером, не в силах больше носить в себе закравшееся в ее душу подозрение, она полушутливым, полуироничным тоном задала Итало вопрос:

— Итало, скажи мне откровенно, ты гангстер?

На его лице возникла трагическая маска, и он плюхнулся на диван, беззащитно разбросав руки в стороны.

— Какой ужас! Трижды ужас! Она все знает! Я признаюсь!.. Я страшный гангстер! Я режу маленьких детей на кусочки и ем их со спаржей и горчицей. Только умоляю тебя, не доноси на меня в полицию!

И они оба рассмеялись счастливым смехом.

А вчера, когда Франческа узнала о смерти своего мужа, она произнесла ужасную фразу:

— Я знала, что они убьют его! А теперь убьют Итало!

Анджела вздрогнула... Этот крик стоял у нее в ушах. Вдруг она ощутила себя одинокой и потерянной в этих огромных комнатах. Зазвенел дверной колокольчик. Должно быть, возвратилась ее прислуга, Фьорентина, которую она послала за газетами. Она встала с дивана, и в этот момент зазвонил телефон.

Сердце прыгнуло к горлу... Итало! Она сняла трубку.

— Анджела!

— Итало!

Снова звякнул колокольчик.

— Любовь моя, одну секундочку! Пришла Фьорентина. Я только открою ей дверь... — торопливо сказала Анджела.

Она положила трубку на стол и бросилась к двери. Ей показалось, что Итало что-то

громко кричит ей в трубку... Резко распахнув дверь и даже не взглянув на Фьорентину, она повернулась, готовая броситься к телефону, но неожиданно почувствовала, как ее запястье сжали железные тиски. Округлившимися от ужаса глазами она смотрела на двух одинаково одетых мужчин, похожих на тех, которые приходили к ним играть в карты. Незнакомыми были только их лица.

— Миссис Вольпоне? — склонив голову в вежливом поклоне, спросил мужчина, державший ее за руку. — Простите за беспокойство, но вы должны пойти с нами. Вас хотят видеть!

Переборов страх, Анджела хотела резким движением высвободить руку. Напрасный труд!

Она открыла рот, собираясь закричать, но ладонь второго мужчины молниеносно накрыла его, а в бок больно впилося дуло револьвера.

— Только без глупостей, миссис Вольпоне... Мы не желаем вам плохого. Вы быстро возвратитесь домой...

Ощущение вкуса ржавого металла заполнило рот Анджелы.

Она впала в шоковое состояние, перед глазами поплыли разноцветные круги, и она потеряла сознание.

Пока один из мужчин поддерживал ее за талию, не давая ей упасть, второй прошел в комнату и осторожно положил трубку на рычаг.

* * *

Хомеру Клоппе хотелось одного: провалиться сквозь землю... После только что пережитого потрясения он забыл даже, что приехал в Гроссмюнстер на машине, и ушел пешком. Он брел по тротуару нетвердой походкой, не отдавая себе отчета, куда направляется, не осмеливаясь поднять глаза на встречных прохожих и напрасно пытаясь отделаться от кошмарного видения. Ему нужно было побыть одному, прийти в себя и понять мотивы, толкнувшие Инес на эксгибиционистскую сцену в святом месте.

Он поднял голову и заметил, что инстинктивно движется в направлении дома. Момент для его появления там был не совсем подходящий. Именно в этот час «дизайнеры», приглашенные дочерью, громили квартиру, переделывая ее к свадьбе.

Он перешел на противоположную сторону улицы и пошел к банку. Ему казалось, что все внимательно смотрят на него, читая в его глазах вину за случившееся. Домой ему было нельзя, улицы дышали враждебностью, не было и человека, которому можно довериться... Последним и единственным убежищем оставался кабинет в банке.

Едва он вошел в кабинет через личную дверь, как появилась Марджори.

— Вам беспрестанно звонят, сэр.

Он посмотрел на нее тусклыми глазами.

— Меня здесь нет!..

— Сэр...

— Ни для кого! Уходите!

На ее лице появилась знакомая ему гримаса раненого достоинства.

— Извините, сэр, если я вас раздражаю, но некоторые очень настаивают... Говорят, что для вас, сэр, это вопрос жизни или смерти... Третья линия... Какой-то мистер... Он сказал,

что звонит от имени Инес... вы все поймете... Во всяком случае, я вас предупредила.

Она поджала губы и вышла с видом испуганной курицы. Знает ли она уже о его позоре?

Дрожащей рукой Хомер нажал на кнопку «три».

— Кто говорит? — спросил он, ослабляя узел галстука.

— То, что вам устроила Инес, — всего лишь первое предупреждение. Можно даже сказать, дружеское. Но оно неприятное и даже опасное для человека вашего социального положения. Представьте, что об этом заговорит весь город!

Хомер скрипнул зубами, узнав голос Итало Вольпоне. Первым его желанием было бросить трубку. Но он сдержался, решив выслушать все до конца.

— Инес слегка чокнутая, вы знаете об этом. Она способна отколоть этот номер в любом общественном месте.

— Что вам от меня нужно? — с металлическими нотками в голосе спросил Клоппе.

Голос Вольпоне, до сих пор почти задушевный, вдруг стал агрессивным.

— Эту тему мы уже обсуждали! Если завтра в течение часа после открытия банка этот вопрос не будет решен, ваши неприятности только начинаются!

Клоппе затаил дыхание, сглотнул слюну и резко бросил:

— Пошел ты к черту!

Впервые в жизни он изменил культуре языка.

* * *

Команда Луи Филиппона стояла по стойке «смирно» на кухне в квартире Хомера Клоппе.

— Некоторые из вас, возможно, спросят себя, что они делают в Цюрихе? Отвечаю им... — Луи Филиппон обвел всех строгим взглядом. — Вы здесь для того, чтобы удивить! Я ничего вам не прощу! И ничего не потерплю! На этой иностранной земле вы являетесь посланцами великой французской кухни. Нас будут осуждать, критиковать, резать на мелкие кусочки... Несмотря на то что это — ужин «наоборот», я хочу, чтобы он прошел по высшему классу! Доставьте такое удовольствие мне и мадам Филиппон, которой, к большому сожалению, нет с нами по причине того, что она должна беречь наш очаг. Будьте достойны «Бон Бека»! А теперь — за работу!

* * *

Какой бы оборот в дальнейшем ни приняли события, война между Габелотти и младшим Вольпоне представлялась неизбежной.

Задержав в своей квартире Моше Юдельмана и похитив жену Итало, Этторе сжег все мосты к примирению. В принципе, конфликт мог возникнуть в любой момент.

По словам Моше, Итало сам провозгласил себя главой «семьи». Как он может рассчитывать на поддержку Комиссьоне, имея репутацию пижона и хвастуна? А если его не утвердят?..

Неожиданное исчезновение Итало из отеля ничего хорошего Габелотти не сулило. Существовало две возможности: или он понял, что банк ему не по зубам и ни с чем

возвращается в Америку, или же ему все-таки удалось наложить лапу на два миллиарда долларов Синдиката. Больше всего Этторе Габелотти томила неизвестность. Из-за разницы во времени в Нью-Йорке будет три часа утра, когда в Цюрихе откроется банк. Что ответит Клоппе, когда он назовет ему номер счета?

Разнервничавшись, он открыл холодильник, достал несколько бутылок пива, нарезанный хлеб и баночку масла. От делал бутерброды и тут же проглатывал их, запивая пивом. Ожидание повергло его в состояние глубокой, болезненной депрессии. События развивались таким образом, что он не мог ни повлиять на них, ни приостановить. Превентивные меры, предпринятые против этой сволочи Вольпоне, были смехотворны, если он скрылся с деньгами... Разве могла жизнь двух человек, его жены и советника, стоить двух миллиардов долларов?!

Несколько часов тому назад ему позвонили Томас Мерта и Фрэнки Сабатини и сообщили, что Анджела Вольпоне «последовала» с ними без приключений. Он настрого запретил своим телохранителям применять против молодой женщины насилие. Что касалось Юдельмана, Этторе обеспечил ему даже собеседника в лице Симеона Ферро и попросил его проследить, чтобы Моше ни в чем не нуждался. Советника «семьи» Вольпоне Этторе уважал... Но, оставаясь верным Итало, Моше собственноручно подписал себе смертный приговор. Он поставил на плохую лошадь.

Как мог Юдельман пытаться убедить его в предательстве О'Бройна? Он яростно откусил половину бутерброда и, не прожевав, проглотил. О'Бройн боялся всего и всех. И особенно его — Габелотти.

В дверь постучали.

— Кто? — рявкнул Габелотти.

В кабинет осторожно заглянул Анджело Барба.

— Для вас принесли бандероль. Из Цюриха...

— Кто принес?

— Курьер из аэропорта.

— Давай!

Он с подозрением взял в руки небольшой пакет, аккуратно завернутый в бежевую бумагу. Адрес и фамилия были его. Адрес отправителя отсутствовал. Не было и марок, а тем более почтового штемпеля...

— Как ты узнал, что он из Швейцарии?

— Курьер сказал, что его передали с последнего самолета, прилетевшего из Цюриха.

Габелотти взвесил на ладони пакет. Он был слишком легким, чтобы таить в себе опасность. И все-таки... Он небрежно протянул его Анджело Барбе.

— Вскрой. Я поищу чего-нибудь выпить...

Он повернулся и прошел к холодильнику, удалившись на более-менее безопасное расстояние. Присев, он начал громыхать бутылками, переставляя их с места на место и подозрительно посматривая на Барбу, который срывал оберточную бумагу.

Не переставая звенеть бутылками, он равнодушным голосом сказал:

— Наверняка эту штуку прислал Рико Гатто. Ну, что там?

— Черт! — воскликнул Анджело.

— Что?

— Идите посмотрите, дон Этторе.

Габелотти выпрямился.

— Ты открыл?

Анджело подошел к нему и протянул разорванный пакет. В кольце браслета часов лежал еще один пакетик, размером не больше куриного яйца.

Барба машинально поднес пакет к уху.

— Тикают, — удивленно произнес он.

К браслету была привязана бирка, на которой было отпечатано: «Сувенир из Цюриха».

Этторе развернул пакетик. Поверх спичечной коробки лежала фотография Рико Гатто и первая страница его паспорта. Габелотти прочел: «Энрико Гатто. Агент по продаже недвижимости. 256, Вашингтон-авеню. Майами».

Барба и Габелотти молча обменялись непонимающими взглядами. Забыв о всякой осторожности, Этторе схватил спичечную коробку и решительным движением открыл ее. На дне, испачканном бурыми пятнами, лежало что-то похожее на кусочек мяса, источая сладковатый запах. Преодолевая отвращение, Габелотти поднес коробочку ближе к глазам и узнал человеческий язык...

От неожиданной догадки он содрогнулся: язык Рико Гатто.

На третий день своего пребывания в Цюрихе Итало Вольпоне проснулся с первыми лучами солнца. Как всегда, когда он не выспался, первым делом он спрашивал себя, где он, не узнавая просторную комнату, голубого цвета стены, тяжелую, темную мебель... Через приоткрытое окно в комнату вривался веселый птичий щебет...

Он потянулся, зевнул, почесал затылок и посмотрел на часы: половина седьмого утра. И все вспомнил...

Его лицо напряглось, он резким движением соскочил с кровати и прошел в ванную комнату, выложенную черным кафелем.

Вчера, начав разговаривать по телефону с Анджелой и услышав, что она идет открывать дверь Фьорентине, Итало закричал, чтобы она не делала этого. Но Анджела уже не слышала его и к телефону больше не подошла. Спустя несколько минут связь прервалась. Итало снова набрал номер своей квартиры, но трубку уже никто не снимал: ни Фьорентина, ни Анджела. Сходя с ума от беспокойства, он позвонил Моше Юдельману. Но и там трубку не снимали. Тогда он позвонил преданному Пиццу, чья судьба уже двадцать лет была связана с «семьей» Вольпоне.

Но квартира на 8-й авеню, где жил Витторио, тоже молчала. Создавалось впечатление, что все близкие ему люди одновременно исчезли из города. Беспрестанно набирая эти три номера, он в промежутках связался поочередно с тремя «лейтенантами»: Алдо Амальфи, Винченце Брутторе и Джозефом Дотто.

К его большому удивлению, ни один из них не знал о смерти их дона. Проклиная Юдельмана за невыполнение его приказа, Итало кратко информировал их о смерти брата и сказал, что в развитии дел «семьи» ничего не изменилось. Он заявил им, что становится во главе клана, и приказал бросить всех свободных «солдат» на розыски Анджелы и Моше Юдельмана. После чего он снова набрал номер своей квартиры. Фьорентина была уже на месте. Она сказала, что хозяйка отправила ее за газетами, но, когда она возвратилась, дома ее не оказалось.

Спазма сдавила горло Итало. Он молил Бога, чтобы она отправилась к Франческе, вдове Дженцо. Отсутствующим, безразличным голосом Франческа объяснила, что со вчерашнего дня не видела Анджелу. Изменив вдруг тембр голоса, она резким тоном потребовала подробностей смерти мужа. Итало не знал, что говорить. Рассказать все о деталях было невозможно. По крайней мере, не сейчас... Рыдая, Франческа напрасно умоляла его сказать, где тело Дженцо, перед которым она в последний раз хотела бы преклонить колени, перед тем как тело предадут земле.

Итало пробормотал что-то неопределенное и пообещал еще перезвонить.

Он принял ванну, надел чистое белье и один из своих многочисленных черных костюмов.

Дом еще спал. Он спустился в кухню. Сварил себе кофе, выкурил первую сигарету и собрался пройтись по парку, как неожиданно ощутил рядом чье-то присутствие, хотя ничто не нарушало тишины.

— Я хотел сварить вам кофе, — сказал Фолько Мори.

— У меня есть к тебе разговор.

— У меня тоже.

— Тогда выкладывай!

— Значит... Пора вам уже знать... С момента нашего прибытия в Цюрих события развивались быстро... Вы были очень заняты, а несчастье, обрушившееся на вас, на всех нас, мешало вам видеть то, что происходило за вашей спиной.

Голос Фолько звучал спокойно и уверенно.

Прищурив глаза, Малыш Вольпоне с интересом смотрел на него.

— Что произошло за моей спиной?

— Мне пришлось убить двух человек, — не моргнув, ответил Мори.

— Когда?

— За то время, пока мы здесь...

— Почему?

— Они начали следить за вами еще в Нью-Йорке и притащились за нами в том же самолете.

— Габелотти?

— Нет. Когда я прикончил первого, я не знал, кто он. И должен с сожалением сказать, что им оказался фараон.

— Как ты его убил?

— Он выпал из окна восьмого этажа в отеле «Сордис». Несчастный случай.

— Несчастный случай?

— Никто не сможет доказать обратное. Об этом знаете вы, Беллинцона и я.

— Второй... тоже полицейский?

— Да. Из той же конторы. Центральное управление на Шестой авеню. Люди Кирпатрика. Когда вы повезли в горы О'Бройна, его блондинку и негритоску, он сел вам на хвост.

— Где был ты?

— Сзади... И это едва не стоило мне жизни... Повезло...

— Тело?

— В пятистах метрах от лесопилки. Сбросил в расщелину.

Вольпоне отвел от него глаза и уставился в окно. Затем медленно сказал:

— Возможно, ты ждешь от меня поздравлений?

— Я ничего не жду. Ввожу вас в курс событий. Это все.

— А ты не думал, что второй может быть не полицейским?

— Если бы я не сделал так, как сделал, мы бы все сейчас сидели за решеткой за убийство блондинки и Мортимера О'Бройна.

Итало вздохнул и посмотрел Фолько в глаза.

— Ты все хорошо сделал. У тебя не было выбора. Спасибо.

Он дружески похлопал Мори по плечу. Фолько приготовился сказать еще что-то, но тут появился Пьетро Беллинцона и не смог скрыть удивления, увидев их вместе.

— А я-то думал, что проснулся первым...

Он подавил зевок и сказал, осмотревшись по сторонам:

— Жрать хочется...

Вольпоне бросил на него недобрый взгляд.

— Первое и последнее предупреждение. Если в будущем ты шевельнешь мизинцем, не предупредив меня, выброшу из «семьи»!

У гиганта глаза полезли на лоб.

— Что я сделал?

— Ты помог Фолько прикончить двух фараонов и ничего об этом мне не сказал.

Беллинцона укоризненно посмотрел на Фолько.

— Я думал, — забормотал он.

— За меня думать не надо! Приказы отдаю я!

— Пьетро здесь ни при чем, — тихо сказал Фолько.

— Я у тебя, кажется, не спрашиваю! — взорвался Вольпоне. — Я тебе уже сказал, что я обо всем этом думаю. Вы должны были поставить меня в известность! Я должен все знать! Все! Это ясно?

Он злобно посмотрел на обоих. Они молчали. Итало ткнул в Беллинцону указательным пальцем.

— Через два часа у тебя начнется зубная боль.

Обеспокоенный туманной угрозой, Пьетро посмотрел на Фолько, надеясь по выражению его лица определить смысл слов Итало. Лицо Фолько было непроницаемым.

— Фолько!

— Да, падроне.

— Ты знаешь причину моего приезда в Цюрих?

— В общих чертах, — не задумываясь, ответил Мори.

— Какой-то паскудный банкир заблокировал деньги, доверенные ему моим братом. Я не хочу, чтобы он умер... Не сейчас... Я хочу раздавить его. Если по случайности он умрет, пропали деньги. Мне нужно, чтобы он заговорил! Ты понимаешь меня?

— Да.

— Цюрих становится для нас вонючим городом... Делать все надо быстро! Пьетро!

— Да.

— Как бы ты поступил на месте Габелотти, когда убивают одного из твоих людей?

Беллинцона потер подбородок.

— Собрал бы боевиков и поехал устанавливать справедливость.

— Правильно! А ты, Фолько, окажись на месте Кирпатрика... Исчезают два твоих фараона...

— То же самое. Я предупредил бы своих швейцарских коллег.

Вольпоне одобрительно кивнул.

— Этим ты все и сказал... В скором времени нам в задницу вопьется свора собак... По этой причине мы должны быстро все закончить и смыться. Главная проблема — банк! Упорная башка! Но я — настырнее. Нужно сломать его. Вчерашнего предупреждения оказалось недостаточно. Сегодня мы его раздавим...

— Знал бы он, что его ожидает, не стал бы блефовать!

Итало зло улыбнулся.

— Побеседуем с ним через два часа... Готов поспорить, что он расколется. Слушайте внимательно! К девяти вы подъедете к дому номер девять на Цвайерштрассе. Подниметесь на третий этаж и позвоните в дверь дантисту по фамилии Штроль. Профессор Аугуст Штроль. Вам откроет его жена Ингрид и скажет, что без предварительной записи доктор не принимает. Беллинцона будет держаться за челюсть и делать вид, что умирает от боли. Ты объяснишь, что парень мучается зубом мудрости.

Пьетро с облегчением вздохнул.

— Ну и напугали же вы меня, падроне! Что нам делать в кабинете?

В глазах Вольпоне зажегся демонический огонь.

— Сейчас все объясню.

* * *

— До каких пор мы будем ждать, дон Этторе? Мало того, что он водит нас за нос, так он еще держит нас за идиотов.

Начиная со вчерашнего нескончаемо длинного дня Габелотти в сотый раз посмотрел на часы: почти три часа утра. Авторитеты «семьи», собравшиеся у него, вели бесконечную дискуссию относительно дальнейших действий. Кармино Кримелло и Анджело Барба предлагали дождаться открытия «Трейд Цюрих бэнк» и окончательно выяснить судьбу двух миллиардов. Карло Бадалетто с каким-то остервенением требовал положить головы Моше Юдельмана и Анджелы на плаху. В его глазах получение языка Рико Гатто было не только подтверждением безумия Итало Вольпоне, но и непростительным, вызывающим оскорблением.

— Повторяю вам, Вольпоне — сумасшедший! Если он почувствует в нас слабину, мы последуем в могилу один за другим!

Чтобы успокоить свои нервы, Габелотти приказал принести в кабинет пятикилограммовую банку черной икры. Зная его невероятную прожорливость, приглашенные даже не притронулись к деликатесу, чтобы не вызвать в нем еще большего раздражения. Габелотти выскреб со дна банки последние икринки и тщательно размазал их по куску хлеба с маслом. Он выпил стакан водки и отправил в рот последний бутерброд. До сих пор он почти не вмешивался в разговор, не принимая чью-либо сторону, и лишь с недоумением пожимал плечами, когда Бадалетто взвинчивался вне всякой меры.

Жизни Моше и Анджелы для Габелотти ничего не значили. Если Вольпоне действительно «натянул» его, за это расплатится вся «семья», начиная с самого дохлого «солдата» и заканчивая самим Итало, которого он убьет собственной рукой, даже если этому придется посвятить остаток жизни.

— Кармино, время?

— Три часа одна минута.

Часы Габелотти показывали два пятьдесят девять. И тем не менее он снял трубку и набрал номер «Трейд Цюрих бэнк». Ему ответили после второго сигнала.

— Я звоню издалека и хотел бы поговорить с Хомером Клоппе. Я — его клиент. Это очень срочно, очень важно и конфиденциально!

Все замерли и напряглись. Установившуюся тишину можно было резать ножом.

Сейчас все прояснится!

* * *

В девять тридцать утра в дверь квартиры профессора Аугуста Штроля, расположенной на третьем этаже, позвонил худощавый мужчина в темном костюме. Рядом с ним, сжимая челюсть огромной рукой, приплясывал от боли гигант с мученическим выражением на лице.

Дверь открыла Ингрид Штроль: высокая, стройная, знающая себе цену красавица.

— Господа?

Фолько Мори кивнул на Пьетро Беллинцону.

— Началось час назад... Если ему не помочь, умрет...

— Вы по записи? — спросила Ингрид.

— Мы в Цюрихе проездом... Конечно, нам следовало бы позвонить из отеля, мы остановились в «Континентале»...

— Это ничего не меняет...

— Но я не могу оставить друга в таком состоянии!

Подыгрывая, Пьетро застонал.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь, — сказала Ингрид. — Наш приемный день расписан по минутам. Могу вам дать адрес другого дантиста.

— Нет, нет... — запротестовал Фолько. — Мой друг хочет лечиться только у вас. В отеле нам сказали, что профессор Штроль — лучший дантист в Цюрихе.

Ингрид колебалась не более секунды.

— Посидите минуточку... Сейчас доктор занят с пациентом... Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Она повернулась к ним спиной, и гангстеры с восхищением оценили чувственную линию ее бедер. Они находились в приемной, которая больше напоминала частный салон, нежели отстойник перед камерой пыток.

На низком столике лежали специальные журналы на немецком, французском, английском и итальянском языках. На стенах висело несколько старинных гравюр, на которых зубодралы работали огромными клещами во рту своих жертв.

— Напрасно они выставили эту гадость, — сказал Беллинцона. — Это же выводит из равновесия пациентов. У тебя, Фолько, когда-нибудь болели зубы?

— Нет.

— У меня тоже. И знаешь почему? Когда я был пацаном, мне вышибли все зубы бейсбольной битой. Корни у меня свои, а все остальное...

Он открыл рот и блеснул двойным рядом золотых зубов.

— Это выглядит побогаче, ты как думаешь?

— Закрой пасть, — прошипел Мори краем рта.

Возвратилась Ингрид. Беллинцона уже успел принять позу вечного мученика.

— В десять у профессора очередной пациент. Если будет свободное время, он осмотрит вас. Но совершенно исключено, что он займется вами сегодня.

Она протянула Пьетро стакан воды и белую таблетку.

— Выпейте это, вам станет легче.

Беллинцона подозрительно понюхал стакан.

— Пей! — приказал Фолько.

Пьетро положил таблетку под язык и с отвращением сделал несколько глотков. Как только Ингрид оставила их одних, он выплюнул таблетку в ладонь и спрятал в карман.

Ингрид вошла в приемную без пяти минут десять.

— Пройдите, пожалуйста, со мной...

Она провела их в кабинет, сверкавший никелем и напоминавший одновременно операционную и электростанцию. Приятная музыка наполняла комнату.

— Я смогу вас лишь осмотреть, — сказал Аугуст Штроль, обращаясь к Беллинцоне.

— Ваша жена? — спросил Фолько, показывая на Ингрид.

Штроль нахмурился и обменялся быстрым взглядом со своей супругой.

— Что вы сказали?

— У нее аппетитная задница, — ответил Фолько, высоко задирая халат Ингрид. В тот же момент в его правой руке сверкнуло лезвие опасной бритвы и остановилось в пяти миллиметрах от горла женщины. А «вальтер» Беллинцона уже смотрел в солнечное сплетение дантиста.

— Подними-ка ей подол повыше, — попросил Пьетро.

Рука Фолько, сжимавшая низ халата, поднялась до плеча Ингрид.

— Да ты посмотри! Эта шкура ходит даже без трусов! — воскликнул Пьетро.

Кровь, отхлынувшая от лица Аугуста Штроля, казалось, прилила к лицу Ингрид. Воспользовавшись секундным замешательством, Фолько сказал:

— К вам у нас нет никаких претензий. Но это не помешает мне перерезать ей горло, если вы не исполните в точности то, о чем я вас попрошу.

— Вы же не хотите, чтобы перерезали глотку вашей хорошенькой женушке? — с нотками притворного сочувствия сказал Пьетро. — Кстати, Фолько, а почему она без трусов? Наверное, он трахает ее, когда нет посетителей.

— Ошибаешься, — ответил Фолько. — Пока он рвет зуб, она раздвигает ноги, и пациент забывает о боли.

Беллинцона захихикал. Он любил Фолько за юмор, который тот не терял ни при каких, даже самых щепетильных, обстоятельствах.

Преодолев нервную дрожь, ознобом сотрясавшую его, едва держась на подкашивающихся ногах, Аугуст Штроль сказал:

— Скажите, сколько вам нужно, и убирайтесь отсюда.

— Тебе это ничего не будет стоить, — ответил Фолько, отводя Ингрид в глубину кабинета.

Он отодвинул портьеру и оказался перед небольшой комнаткой, где на стеллажах были выложены слепки человеческих челюстей. Вялая, как гуттаперчевая кукла, Ингрид безвольно дала Фолько крепко себя прижать.

Пьетро посмотрел на Мори и одобрительно кивнул головой.

— Подходит?

— Вполне. Укроемся с ней здесь.

— Пожалуйста... — дрожащим голосом заговорил профессор, — через минуту придет один из моих пациентов...

— Он нам и нужен... — ледяным тоном оборвал его Мори. — Пока ты будешь заниматься им, помни — мы здесь и все видим.

— Да что же вам, в конце концов, от меня нужно?

Беллинцона не смог удержаться от смеха.

Он нежно провел ребром ладони по кадыку Штроля.

— Сейчас мы тебе все скажем... И если ты этого не сделаешь, твоей жене... конец!

— А в качестве дополнительной премии ты получишь пулю в свои потроха, — добавил Фолько с грустным выражением лица и начал неторопливо и обстоятельно объяснять, чего они ждут от доктора Штроля. Напрасно Штроль, выпучив глаза, размахивал руками, не соглашаясь...

— Если ты хочешь посмотреть, как сохнет твоя жена, прежде чем отправишься вдогонку за ней, дело твое, — пожав плечами, подытожил Фолько.

В дверь позвонили. Пришел Хомер Клоппе.

— Открывай! — спокойно сказал Мори.

Беллинцона подтолкнул дантиста, и тот едва удержался на ослабевших ногах.

— Помни, мы за тобой наблюдаем. Малейшее слово, движение, взгляд... и начнется резня.

Плотно сжав между собой Ингрид, они исчезли за портьерой.

— Поймите, это — невозможно! — в последний раз запротестовал профессор. — Он...

Из комнаты раздался приглушенный стон Ингрид.

На грани потери рассудка Аугуст бросился к двери.

Когда он открыл дверь, часы показывали тридцать две секунды одиннадцатого.

* * *

Когда Хомер Клоппе пересекал центральный холл банка, ему чудилась ирония в приветствиях, которыми с ним обменивались служащие. Невозможно было представить, что они еще не знают о вчерашнем скандале. Естественно, две кумушки, должно быть, все разболтали, а Цюрих не такой большой город, чтобы секрет долго хранился в тайне.

Терзаемый чувством стыда и вины, Хомер не спал всю ночь, пытаясь разобраться в создавшейся ситуации. Узнает Шилин, узнает дочь, узнает весь город, вся страна!.. Сколько ему еще осталось жить? Что он сделал, чтобы заслужить уважение? Разве он дал своей единственной дочери надлежащее воспитание? Если да, тогда почему оказалась возможна подобная свадьба? А Шилин? Чем он отплатил ей за ее безграничную преданность? Спал с чернокожей проституткой! Что будет с Шилин, когда разразится скандал?

Изменив добродетели, он совершил зло. Он осужден и приговорен. Наказан в самом чувствительном месте — потерял уважение в обществе. Теперь остается одно — платить по счету.

После свадьбы Ренаты, которая состоится послезавтра в три часа утра — какое безумие! — он начнет действовать согласно своей совести, какие бы последствия его ни ожидали...

Разговор с Мелвином Бостом оставил в его душе горький осадок. Из-за слабости характера, а возможно, собственного корыстолюбия, он отказался кардинально решить проблему «Континентл мотокарз». Это чудовищно, чтобы в угоду экономическим проблемам умирали невинные. Хомер этого не позволит. Чего бы это ему ни стоило, он отдаст приказ заменить дефектную деталь на всех проданных «Бьюти гоуст Р9». А потом, если Богу будет угодно, пусть фирма разоряется!

Для завершения активной деятельности Клоппе установил себе срок в три года. Сына-наследника у него не было. Ренату финансовые дела не интересуют. И уж, конечно, не Курту управлять банком. Какой в таком случае смысл работать дальше? К чему копить деньги, если из средства к существованию они превратились в товар? У него с Шилин есть все... Даже безумствуя, они не истратят до конца своих дней и сотой доли того, чем обладают...

С надменным видом, Марджори поджидала его у дверей кабинета. Знает ли она?

— Срочно, важно, лично! Какой-то мужчина хочет говорить с вами по телефону.

Клоппе посмотрел на часы: одна минута десятого.

— Слушаю! — сказал он, сняв трубку.

— Мистер Хомер Клоппе?

— Да.

— Мы с вами незнакомы, но в вашем банке находятся мои деньги.

— Слушаю вас.

— Вы уже встречались с моим доверенным лицом, Мортимером О'Бройном.

В голове Клоппе зажглась маленькая красная лампочка. Этим мужчиной может быть только Этторе Габелотти — клиент Диего и компаньон Дженцо Вольпоне. И тут же перед глазами банкира запрыгали цифры — 828384... «Мамма».

— Сейчас я назову вам номер счета и попрошу произвести некоторые операции.

— Слушаю.

— 21877... «ГОД».

Клоппе словно пронзило током. Он сдвинул брови и плотно сжал губы. Итак, его подозрения относительно Мортимера О'Бройна подтвердились... Нечестный человек дал своему хозяину вымышленный номер. К сожалению, он мог помочь Габелотти не более, чем Вольпоне... Обезличенным голосом утомленного человека он сказал:

— Извините, но я не понимаю, о чем вы говорите.

— Что-о? — пророкотал его собеседник.

— Информация, которую вы мне сообщили, не имеет никакого отношения к существующей в нашем учреждении.

— Что вы такое говорите! Что вы говорите?

— Ничем не могу вам помочь, сэр. Вы ошиблись. Всего доброго, сэр, — сказал Хомер и положил трубку. Затем звонком вызвал Марджори.

— Если вдруг опять позвонит этот человек, меня нет!

— Хорошо, сэр.

Оставалось ровно сорок пять минут до приема у дантиста. В силу привычки он нацарапал эти цифры на листе бумаги.

Вот уже пять дней, как в «Трейд Цюрих бэнк» лежат два миллиарда долларов Дженцо Вольпоне. Хомер мгновенно перевел их в Шаан, своему другу Эжьюну Шмеельблингу, «банкиру всех банкиров».

Его собственный интерес уже составил 547 940 долларов.

* * *

В дверь постучали: три легких и один сильный удар. Орландо Баретто приоткрыл дверь. Итало Вольпоне боком проскользнул в квартиру.

— Где она?

— В спальне.

Вольпоне вошел в комнату. Инес лежала на горе подушек у радиатора центрального отопления и листала правой рукой журнал мод. Левая была пристегнута к секции радиатора наручниками. Она отложила журнал и посмотрела на Вольпоне отсутствующим взглядом.

— Писать умеешь? — спросил Итало.

Ландо удивленно посмотрел на него. Задавать такой вопрос девушке, проучившейся три года в университете, просто глупо!

Ландо почти не спал всю ночь. По приказу своего падроне он одел на Инес наручники. После того что произошло на лесопилке, она не упрекнула его даже взглядом, но и разговаривать с ним не захотела. Она упорно, враждебно и презрительно молчала. Было договорено, что Ландо будет подавать ей телефон всякий раз, когда раздастся звонок. Длина цепочки наручников не позволяла ей самой подходить к аппарату. Так решил Вольпоне. Он считал, что негритянка должна сама отвечать на звонки, чтобы не вызвать подозрений у своих клиентов. Естественно, через прослушивающую трубку Ландо следил за темой разговоров, открывая для себя неизвестные аспекты жизни своей бывшей любовницы. Ей звонили подружки-манекенщицы, такие же, как и она, проститутки, какой-то немец и итальянец. Первый был импресарио, второй — известный фотохудожник. Инес вежливо отклонила предложение сняться для популярного журнала мод в одежде, состоящей только лишь из драгоценностей стоимостью в три миллиарда. Еще с кем-то она говорила на своем родном, африканском, диалекте.

— Мои двоюродные братья, — объяснила Инес. — Они здесь проездом... Дипломаты... Придут ко мне в гости.

Ландо занервничал.

— Могла бы сказать, что тебя не будет.

— Мы не виделись уже два года. Везут мне подарки... Если не хочешь, можешь не открывать...

— Если будешь продолжать так со мной разговаривать, размозжу тебе голову.

Ему ужасно хотелось ее. Понимая, что это невозможно, он бесился...

— Пиши, что я тебе продиктую, — сказал Итало, протягивая ей лист бумаги и ручку.

Глазами она показала на наручники.

— Они мешают мне.

— Правая рука свободна, нет?

— Я левша.

— Освободи ее.

Ландо вставил в замок наручников маленький ключик. Инес потерла правой рукой затекшее левое запястье и взяла бумагу.

— Секунду, — сказал Вольпоне. — Мне нужна твоя фотография. Без одежды...

Она подошла к комоду, выдвинула ящик и достала альбом фотографий. Выбрав одну, небрежно протянула Итало. Тот мельком взглянул на нее и молча сунул в карман. Инес легла на кровать на живот, взяла ручку в левую руку и положила перед собой лист бумаги.

— Диктуйте, — не посмотрев на Вольпоне, сказала она.

* * *

При других обстоятельствах Хомер Клоппе непременно обратил бы внимание на растерянный вид профессора Штроля, его вялое, безжизненное пожатие. Но, погруженный в свои личные переживания, он просто ничего не замечал.

— Миссис Штроль нет дома? — спросил он из чистой вежливости.

— Скоро придет... — чуть слышно ответил Штроль и быстро повернулся к банкиру спиной, чтобы тот по выражению его глаз чего-нибудь не заподозрил. — Устраивайтесь,

пожалуйста... Сейчас я вами займусь...

Он сделал вид, что готовит на металлическом подносе инструмент.

Клоппе тяжело опустился на диван черной кожи, который мог быть и креслом, и операционным столом, в зависимости от наклона спинки. Он снова окунулся в свои мрачные мысли, забыв о времени и месте, где находится, когда неожиданно яркий свет рефлектора, направленный Штролем прямо лицо, вернул его к реальности. Он зажмурился, чтобы не видеть эти тысячи слепящих солнц, и почувствовал, как Штроль повязывает салфетку вокруг его шеи. Его молчание удивило Хомера. Обычно профессор, не умолкая, рассказывал бесконечные истории, сам смеялся, сам задавал вопросы и отвечал на них.

— У вас все в порядке? — поинтересовался Хомер.

— Да, да... Сейчас проведем оценку общего состояния ротовой полости.

Аугусту Штролю хотелось закричать Клоппе, чтобы он бежал отсюда. Чтобы убедиться, что все происходящее — не кошмарный сон, он бросил испуганный взгляд в направлении комнатки, где, с приставленной к горлу бритвой, находилась его жена. Портьера шевельнулась и отошла в сторону. Геркулес ободряюще подмигнул ему. И тут же он увидел Ингрид в объятиях другого мужчины, который одной рукой сжимал ее за талию, а другой, приподняв подбородок, поигрывал у ее горла блестящим лезвием бритвы.

Чтобы не сойти с ума, Аугуст Штроль бросился в профессиональный монолог. Одновременно он хотел отвлечь внимание банкира, который знал в теории зубо врачевания не меньше его.

— Сегодня я готов ответить на ваш вопрос, заданный в прошлый раз... Наклоните голову чуть влево... Так... Да... Спасибо... Так вот, относительно воздействия органических кислот на эмаль... Рот не закрывайте... Как вы знаете, кариозные бактерии...

Хомер Клоппе поднял палец, прося слова. Он почувствовал, как Штроль убрал руки с его лица.

— Но существует и другая возможность. Одновременное растворение органической ткани и эмалевого покрытия...

По лицу профессора стекали крупные капли пота. Он снова посмотрел в дальний угол кабинета. Гигант сделал нетерпеливый жест.

— Маловероятно, дорогой друг, маловероятно, — механически ответил он Клоппе.

Ничего у него не получится. Клоппе моментально заподозрит неладное, если он предложит ему наркоз... У него великолепные зубы! Он обязательно потребует объяснений! Что ответить? Но если он этого не сделает... там, за портьерой... Ингрид... У Штроля не оставалось ни выбора, ни времени...

Подталкиваемый страхом, от которого сводило желудок, он деланно рассмеялся и сказал:

— Сейчас я предложу вам нечто совершенно новое... совершенно изумительное... Шведское... Закройте рот. У вас немного воспалилась десна в области четвертого резца. Я хочу снять воспаление...

Хомер удивленно сдвинул брови.

— Расслабьтесь... Не напрягайтесь...

Не переставая говорить, Штроль подготавливал маску, соединенную резиновым шлангом с крошечным баллончиком протоксидазота.

— Глубоко вдохните два-три раза.

Клоппе насторожился. Вчера Штроль осматривал его... Не могло же это воспаление

образоваться за одну ночь! Он собрался задать вопрос, но Штроль уже приложил маску к его лицу.

— Спокойно... Дышите... Не напрягайтесь.

Не понимая, что им движет, Хомер хотел встать. Рефлекторно он сделал глубокий вдох и тут же почувствовал, как странная слабость распространяется по всему телу. Он поднял руку в знак протеста и неуверенным движением схватил Штроля за локоть. Маска еще плотнее прижалась к его скулам, рука профессора, лежавшая у него на лбу, стала тяжелой, как металлическая плита. Он потерял сознание. В течение еще нескольких секунд дрожащими руками профессор удерживал маску на лице банкира.

Убедившись, что Клоппе полностью находится под воздействием наркоза, он с жалким видом, со слезами в глазах, повернулся к гангстерам.

— Я не могу, — простонал он. — Я не могу...

Он вытер пот, заливавший ему глаза и крикнул:

— Я не могу!

Гигант подошел к нему и вlepил тяжелую пощечину.

— Работай, дерьмо! Или ты хочешь, чтобы мы пустили кровь твоей жене?

Аугуст обреченно посмотрел на Ингрид. Она была бледная, как смерть, в ее огромных глазах стоял непередаваемый ужас. Лезвие бритвы ни на миллиметр не удалилось от ее шеи.

Он понял, что она умрет, если он не приступит...

Преодолевая поднимавшуюся в нем тошноту, он схватил зубные щипцы, раздвинул челюсти Хомера Клоппе и затоптался на месте, выбирая лучшую позицию для атаки. Он ухватил щипцами верхний резец и с силой дернул вниз... Голова банкира последовала за движением руки Штроля. Профессор снова уложил голову Клоппе на подголовник и заблокировал ее, прижав левый локоть ко лбу банкира. Затем он начал расшатывать зуб в вертикально-горизонтальном направлениях. Отложив щипцы, он взял скальпель и надрезал десну до кости челюсти. Опять взял щипцы, сделал глубокий захват и дернул изо всей силы. Раздался треск... Под равнодушным взглядом Беллинцона Штроль бросил окровавленный зуб на металлический поднос и приступил к очередному...

Когда были удалены все передние зубы, обессиленный Штроль бросил умоляющий взгляд на Беллинцону.

Никакой пощады, кроме приказа продолжать, он не прочел в его глазах.

С коренными зубами было труднее, но и они все через восемь минут лежали в кровавых лужицах на металлическом подносе. Во рту у Хомера Клоппе не осталось ни одного зуба.

Штроль посмотрел на поднос, глаза его остекленели, ноздри затрепетали, и он медленно опустился на пол.

Беллинцона презрительно поморщился. Он грубо раздвинул челюсти банкира, вставил в рот указательный палец и быстрым круговым движением прошелся по деснам.

Работа была выполнена прекрасно. Удовлетворенный, он вытер испачканный кровью палец о пиджак Клоппе.

Фолько Мори отпустил женщину и спрятал бритву в карман. Она едва держалась на ногах. Проходя мимо, Беллинцона дружески ей улыбнулся.

Неожиданно его рука взметнулась вверх, и открытая ладонь гиганта резко ударила Ингрид в лоб. Она качнулась и рухнула на пол.

Из комнаты, где хранились зубные протезы, гангстеры вышли через дверь черного хода на лестницу и, не торопясь, спустились вниз.

Прошло несколько минут, но никто в кабине не подавал признаков жизни. Магнитная лента продолжала наполнять комнату звуками музыки Вивальди. Десяток раз прозвонил телефон и замолчал.

Хомер Клоппе шевельнулся, открыл изумленные глаза и инстинктивно поднес руку ко рту, отметив, что губы в крови.

Он опустил голову и увидел на полу неподвижное, распростертое тело Аугуста Штроля.

С трудом поворачивая голову, он наткнулся глазами на Ингрид Штроль. Она лежала на спине, с высоко оголенными длинными округлыми бедрами, широко раскинув руки в стороны.

Не в силах что-либо понять, он встал и, шатаясь, сделал несколько шагов к зеркалу в бронзовой раме.

Не узнавая, он долго рассматривал мужчину, смотревшего на него из зеркала. Его одежда, лицо тоже были испачканы кровью... Две извилистые струйки черной крови стекали из уголков рта по подбородку...

С бьющимся, как паровой молот, сердцем, он собрал все свое мужество, чтобы убедиться в страшной догадке, и открыл рот...

Его кровоточащие десны представляли собой изорванную, лишенную всякого рельефа массу. Сто лет тому назад, когда он сидел в кресле, у него были самые лучшие зубы в городе. Теперь не было ни одного. Из его глаз потекли слезы. Потрясенный, он отвернулся от созерцания непоправимой катастрофы.

Сидя на полу, Ингрид, с расширенными от ужаса зрачками, смотрела на него.

Зазвонил телефон.

Не обращая внимания на стоны мужа, она встала, как автомат, и сняла трубку.

Она слушала с отсутствующим выражением лица и, казалось, ничего не слышала... И тем не менее она протянула трубку Хомеру Клоппе, который машинально взял ее. Жесты обоих были тяжелыми и замедленными.

Несмотря на пережитый шок, банкир мгновенно узнал голос, который ему никогда не забыть, — голос Итало Вольпоне.

— Второе и последнее предупреждение... Если деньги не будут переведены в течение часа, я не ручаюсь ни за вашу жизнь, ни за жизнь членов вашей семьи.

Комок спекшейся крови застрял у Клоппе во рту, и он никак не мог его выплюнуть. Языком он подтолкнул его к губам и выдавил наружу. Затем неузнаваемым голосом едва слышно прошептал: — Плевал я на тебя!..

То, что с ней произошло, превзошло все ожидания...

Уже шестнадцать часов она была заперта в богато обставленной комнате, вдоль стен которой тянулись стеллажи, уставленные книгами на любой вкус. Она могла пользоваться стереосистемой, телевизором и... колокольчиком. Стоило позвонить, как тут же словно из-под земли появлялась симпатичная полная женщина, готовая выполнить любое ее желание, кроме одного — главного: объяснить, почему она находится здесь, у кого и скоро ли ее отпустят домой.

Анджела пыталась ее разговорить, но женщина ограничивалась доброй, вежливой и молчаливой улыбкой, беспрестанно интересуясь, довольна ли она обстановкой, не нужно ли чего-нибудь из предметов туалета и нравится ли ей пища.

Те двое, похитившие ее из дому, были такими же неразговорчивыми. Она смутно чувствовала, что это похищение каким-то образом связано с мужем. Теперь она сожалела, что не удосужилась хоть однажды более детально расспросить его о том, чем он занимается...

Она целый день кружила по этому миниатюрному дворцу-тюрьме, отметив отсутствие ручки на двери и наглухо закрытые окна. Через матовые стекла проникал только дневной свет. Никто, кроме полной женщины, к ней не заходил. События изменились в половине четвертого утра.

После стука в дверь в комнату вошел огромного роста и необъятной толщины мужчина.

— Я пришел принести вам свои извинения за тот способ, каким вы были сюда доставлены.

— Кто вы?

— Друг вашего мужа. Даже больше чем друг, мы с Итало — компаньоны. Меня зовут Этторе Габелотти. Извините, если я разбудил вас.

— Я хочу домой!

— Позвольте мне кое-что прояснить... Я только что приехал, и, как оказалось, мои указания не были в точности исполнены... Я просил, чтобы вам объяснили причину приглашения.

— Приглашения? Меня увезли, ткнув пистолетом в живот.

— Эти люди уже наказаны. Попытайтесь понять... Итало находится в Цюрихе по нашему общему делу. Вы об этом знаете. К его большому горю, он потерял брата, которого мы все очень уважали. Однако вполне вероятно, что Дженцо умер не своей смертью. Итало это беспокоит... А когда я узнал, что кое-кто, кто ненавидит вашего мужа и меня, замышляет против вас что-то подозрительное, я посчитал, что у меня вы будете в большей безопасности.

— Я хочу уехать отсюда.

— Вы можете это сделать, но я рекомендовал бы вам не торопиться... Позже вы скажете мне спасибо.

— Послушайте, сэр, я была похищена вчера после полудня. Сейчас четыре часа утра, и я не хотела бы злоупотреблять вашим гостеприимством. Можете мне верить, что я расскажу Итало, как мило ко мне отнеслись под этой крышей. А теперь пусть меня отвезут домой.

— Я вижу, что вы злитесь на меня, но я слишком уважаю Итало, чтобы позволить себе подвергать вас риску. Я еще раз настоятельно прошу вас провести остаток ночи здесь.

Анджела почувствовала, как у нее на глаза наворачиваются слезы. Сдерживая их, она закусил губу. Итало был деревом, которое заслоняло ей лес. Она видела только его... В Нью-Йорке нигде, кроме двух-трех ресторанов и такого же количества музеев, они не бывали. Центром вселенной для них была супружеская кровать. Все остальное в расчет не принималось. Но сейчас Итало не было рядом, и она чувствовала себя безнадежно одинокой и беззащитной.

За мягкими, ложно скромными манерами обращения этого борова она отчетливо видела властность и нетерпеливость. Даже когда он улыбался, от него исходила опасность.

Она понимала, что ей придется подчиниться неизбежному, и, пряча страх за ироничностью тона, сказала:

— Я просыпаюсь в девять утра и пью свою утреннюю чашку кофе без сахара, а в яичнице люблю хорошо поджаренный бекон.

Габелотти поклонился, насколько позволял ему живот.

— Я очень признателен вам за то, что вы приняли мое приглашение. Еще раз приношу вам свои извинения.

Анджела легла в кровать, закрыла глаза и прошептала:

— Итало!.. Итало... Где ты?..

На часах было ровно пять утра.

* * *

В «семье» Вольпоне Моше Юдельмана любили все. Не был исключением и Витторио Пиццу. Но в его глазах Моше обладал одним серьезным недостатком — он был поэтом. Юдельман считал, что правильно найденные слова и искусно проведенные переговоры могут разрешить самое деликатное дело.

Из личного опыта Витторио знал, что это не так. Иногда наступает момент, когда приходится браться за оружие, чтобы доказать свою точку зрения или отстоять свои интересы. Когда Моше сообщил ему о своем намерении пойти «сдаться» в лапы Габелотти, Витторио попытался отговорить его, разложив по полочкам причины опасения. Но Моше остался непреклонен.

— Если мы будем сидеть сложа руки, мы ничего не решим.

— Если ты такой отмороженный, иди... Но живым оттуда тебе не выбраться.

— Я пойду... Один. И возвращусь! Не суй нос в это дело, Витторио.

Пиццу сделал вид, что снимает с себя всю ответственность. Однако он отдал приказ Винченце Брутторе выделить двух «солдат», чтобы те незаметно прикрывали советника.

Вито Франчини и Куинто Фавара, оба в джинсах, длинноволосые, в мотоциклетных шлемах, подъехали на мощной «хонде» к дому Этторе Габелотти, и тут у них «отказал» двигатель. Они дождались приезда Юдельмана и точно записали время, когда советник вошел в дом.

Витторио Пиццу перевернул вверх дном весь Нью-Йорк, но следов Анджелы его «солдаты» нигде не обнаружили.

Существовало две возможности... Первая была безобидной и без последствий: все члены «семьи» знали о сумасшедшей любви Итало и Анджелы, это было постоянным предметом дружеских шуток. До встречи с Анжелой Малыш Вольпоне клялся, что никогда

не женится. Но Анджеэле хватило одного взгляда и пяти-шести недель, чтобы Итало забыл о своей клятве. С тех пор Итало резко изменился: стал пораньше уходить домой, забыл кутежи с девочками до утра, и даже покер перестал его удерживать в компаниях. Ну, а Анджеэле... Она хотела, чтобы Итало всегда находился от нее на расстоянии досягаемости поцелуя. Поэтому вполне возможно, что почувствовав нестерпимое жжение в сокровенном месте, Анджеэле не предупредив Итало, решила сделать ему сюрприз и вылетела следом в Швейцарию...

Вторая возможность — похищение Анджеэле людьми Габелотти. Если это так, Итало никогда не простит Габелотти нанесенного ему оскорбления, и война между «семьями» завершится не раньше, чем наступит смерть одного из них.

Витторио посмотрел на часы. Сомнений быть уже не могло... Моше вошел в дом Габелотти вчера, во второй половине дня. Сейчас — пять часов утра, а домой он так и не возвратился. Или дон Этторе держит его заложником, или убил в приступе гнева.

Витторио поспал всего лишь три часа, остальное время, регулярно, через каждые тридцать минут, он получал телефонные звонки от Вито Франчини и Куинто Фавары, которые подтверждали, что Юдельман по-прежнему у Габелотти.

С гримасой на лице он снял трубку и набрал новый номер телефона Итало в Цюрихе, который ему передал Винченце Брутторе. Пора было переходить к активным действиям, но без приказа Итало он не мог шевельнуть мизинцем.

Ему повезло, Итало был на месте.

— Говорит Витторио.

— Где ты прячешься, мудило? Я повсюду тебя разыскиваю. Анджеэле! Где Анджеэле?

— Я прочесал весь Нью-Йорк, но пока безрезультатно. Падроне, мы продолжаем поиски...

Несмотря на тысячи километров, разделявшие их, Витторио вздрогнул от яростного крика Вольпоне:

— Я хочу, чтобы вы нашли мою жену! Ты слышишь? Чтобы нашли мою жену!

— Хорошо, падроне.

— Я вас всех сгною, если ее напугали! Всех! И тебя в том числе! Ты понял? Ты отвечаешь за нее головой!

Пиццу с трудом сглотнул.

— Хорошо, падроне, я найду ее. Падроне, Анджеэле скучает без вас... Я подумал, что, возможно, она вылетела...

— Она предупредила бы меня! Анджеэле всегда говорит мне правду! Всегда! А относительно Габелотти у тебя мыслей не возникало?

— Да.

— Так что тебе мешает проведать его? Где Моше?

— У Габелотти.

— С какого времени?

— Со вчерашнего дня.

— Ты что, совсем спятил? Вы там все с ума посходили! Сучья твоя башка, пока я здесь рву задницу, вы развлекаетесь!..

— Я ждал вашего приказа, падроне.

— Бери Амальфи, Брутторе, Дотто и возвратите мне Юдельмана.

— Хорошо...

И чтобы доказать Итало, что никакой двусмысленности в иерархии не существует, добавил:

— Хорошо, дон Вольпоне.

* * *

Внимание Моро Дзуллино привлек не столько мотоцикл, сколько два парня в шлемах и кожаных куртках, беспрестанно курсировавшие между мотоциклом и пивным баром, работавшим круглосуточно.

Моро Дзуллино был рядовым «солдатом» в «семье» Габелотти. Три помощника дона Этторе — Карло Бадалетто, Фрэнки Сабатини, Симеон Ферро или же, в особых случаях, сам Томас Мерта, который командовал ими всеми, отдавали ему приказы.

Частные апартаменты дона Этторе располагались на восьмом этаже и занимали площадь в пятьсот квадратных метров.

Седьмой этаж занимали «административные» службы клана. Здесь проходили деловые встречи, находилось несколько кабинетов, помещение для телохранителей, которые двадцать четыре часа в сутки обеспечивали безопасность дона Этторе. На восьмой этаж можно было подняться только специальным лифтом, охраняемым круглосуточно. Без обыска в лифт никто не мог войти, за исключением нескольких доверенных лиц: адвокаты, бизнесмены, политики, профессионально связанные с Синдикатом.

Дом принадлежал одной фирме, торгующей недвижимостью, полностью контролируемой доном Этторе. Томас Мерта настоял на том, чтобы одну комнату отвели для постоянного наблюдения за главным входом в здание.

Все, что происходило на улице, не могло ускользнуть от наблюдателя с первого этажа.

О малейшем подозрительном оживлении на улице тотчас передавалось на седьмой этаж.

Уже в шестой раз за четыре часа дежурства Моро Дзуллино видел, как один из мотоциклистов возвратился из пивной, перебросился несколькими фразами с приятелем, который возился с картером «хонды», и тот, поднявшись с корточек, в свою очередь направился в бар. Их странное поведение в пять часов утра насторожило Моро, и он решил предупредить дежурного на седьмом. Он мог сделать это и раньше, но, попивая пиво, увлекся вестерном по телевизору, а главное, опасался вызвать недовольство парней на привилегированном этаже напрасной тревогой. Он снял трубку и доложил о своих наблюдениях. Его обругали... Не за информацию, а за то, что не доложил сразу...

* * *

— Мануэла...

— Мисс Рената?

— Почему я выхожу за него замуж?

Мануэла фыркнула и поставила поднос с завтраком на кровать перед Ренатой.

— Вы спрашиваете меня об этом каждое утро. Я всегда вам отвечаю одно и то же.

— Плохо отвечаете, — сказала Рената, взбивая пальцами волосы. — Я не люблю его.

Получила сегодня письмо от своего Хулио?

— Еще нет. Возможно, с дневной почтой...

— Вы забыли перец.

— Я забываю его каждое утро.

— Уволю! Мануэла...

— Да, мисс Рената.

— О чем вы пишете друг другу?

Мануэла на миг задумалась.

— О Господи! Я пишу, что скучаю без него...

Рената спросила себя, подошла бы эта фраза ей — относительно Курта. Нет, это было невозможно. Она никогда не смогла бы написать подобные слова.

— А что вам пишет он?

— То же самое! — рассмеялась Мануэла.

Ренате хотелось понять смысл отношений, связывающих двоих, когда они влюблены друг в друга.

— Но это же скучно!

— Вовсе нет, мисс! Это так приятно знать... А Хулио — такой же, как и я. Ему нужны эти слова. Если бы вы только знали, какое красивое у вас платье... Свадьба сегодня! Вы не забыли?

— Да, сегодня...

— Это будет что-то фантастическое!

— Возможно, — задумчиво ответила Рената. — Так вы принесете мне перец?

* * *

— Это не фараоны, — сказал Томас Мерта, — это — «шестерки» Вольпоне. После того что он сделал с Рико Гатто, с ними сделаем такое же!..

В три часа утра Томас Мерта, Фрэнки Сабатини, Симеон Ферро и Карло Бадалетто, низко опустив головы, присутствовали при самом фантастическом взрыве ярости, когда-либо наступавшем у Этторе Габелотти.

— Фальшивка! — орал дон Этторе. — Фальшивый номер! Этот сучий сын матери, зачавшей от осла, вонючий О'Бройн, всучил мне фальшивый номер! Он! Мне!

Присутствующие молча молились, чтобы циклон быстрее закончился. В подобных ситуациях Габелотти был способен на все, вплоть до проявления несправедливости даже в отношении верного ему окружения. И он все-таки выбрал козла отпущения — Карло Бадалетто.

— Ты хотел убить Юдельмана! Ты требовал перерезать горло Анджеле Вольпоне. Тварь! Те свиньи, которых я кормлю, предают меня! Предают свои же! Я знал, что Итало не такой идиот, чтобы играть со мной в кошки-мышки! Если бы я послушал тебя, пришлось бы лезть сейчас в петлю. Сволочи, вы требовали, чтобы я съел самого Вольпоне! Где ваши мозги? Теперь нам придется дорого заплатить за похищение жены Итало и Юдельмана. Пока вы затевали игры в войну, два миллиарда долларов спокойно лежат в Швейцарии.

Карло Бадалетто очень неудачно встрял в монолог Габелотти.

— Дон Этторе, если Итало такой чистенький, как вы об этом говорите, позвольте задать

вам вопрос: какого черта делает он в Цюрихе?

Габелотти расстрелял его взглядом.

— Закрой свою вонючую глотку, кретин!

Его отвислые щеки задрожали, и он вплотную подошел к Бадалетто.

— Хочешь что-то сказать еще? Говори!..

Карло понял, что дон его убьет на месте, если он откроет рот. Он испуганно затряс головой, заложил руки за спину и отошел к стене.

Уставившись в картину, ничего при этом не видя, он ждал пулю в затылок. Четыре года назад дон Этторе в упор выстрелил в боевика, который позволил себе неуместную шутку в тот момент, когда решался серьезный вопрос.

С простреленным плечом боевик нашел в себе силы встать на колени, чтобы извиниться, и даже успел поцеловать руку Габелотти, после чего потерял сознание. Этот жест спас ему жизнь. Его тут же отвезли к врачу, обслуживавшему «семью» Габелотти.

— Я встречу с Анджелой Вольпоне и попытаюсь уладить ваши глупости.

С налитыми кровью глазами от ярости и бессонной ночи, Габелотти вихрем вылетел из кабинета. «Лейтенанты» смущенно переглянулись: неужели дон Этторе такой наивный, что рассчитывает добрым словом смыть оскорбление, нанесенное Итало?

— Фрэнки, сядешь в «бьюик», — сказал Томас Мерта, — и проедешь мимо «шестерок» Вольпоне, даже не взглянув в их сторону. Скройся с их глаз и по параллельной улице возвратись обратно. Остановишься в перпендикулярной, недалеко от перекрестка, но мотор не выключай. На все маневры тебе дается семь минут, как только выйдешь отсюда. Симеон, через шесть минут тридцать секунд ты сядешь в «понтиак» и медленно поедешь по улице. Метров за пятьдесят включи фары, чтобы они тебя заметили, и на скорости кати прямо на них. Они попытаются улизнуть на мотоцикле. Фрэнки, когда они подъедут к перекрестку, ты стартуешь. Раздави их!

Он посмотрел на часы.

— Готовы? Фрэнки, пошел!..

* * *

Куинто Фавара быстрым шагом возвращался из пивной. Подойдя к Вито Франчини, он сказал:

— У Винченце я кое-кого заметил. Кажется, нас засекли... Смываемся!

Он резко опустил прозрачное забрало шлема и натянул перчатки. Вито Франчини не стал терять времени на вопросы. Он нажал на кнопку зажигания, и «хонда» взревела мощным мотором. От удара рукой Куинто по плечу он обернулся. Сзади, с включенными фарами, на них двигалась, увеличивая скорость, длинная черная машина. Вито улыбнулся: ни одна машина в мире, даже «Формула-1», не могла развить с места такую скорость, как его «хонда».

Вито резко взял старт, и через шесть секунд стрелка спидометра показывала скорость в сто шестьдесят километров в час. До восхода солнца оставался еще час времени, и улица была пустынна. Вито перешел на четвертую скорость. И тут Франчини увидел, как из-за угла выехала машина и остановилась на перекрестке, перекрыв собой улицу.

Тормозить было слишком поздно. «Понтиак», остановившийся на перекрестке, оставлял

им узкий проход, через который можно было проскочить только чудом. Но этот маневр Франчини разгадал: как только мотоцикл приблизится к проходу, машина сорвется с места и собьет их.

В одну десятую долю секунды Вито принял решение, которое давало им единственный шанс выбраться живыми из этой ситуации. Обманное движение! Он направил мотоцикл к проходу и, как и предполагал, «понтиак» мгновенно перекрыл его. Этого и ждал Вито. Он до упора повернул ручку газа и метнулся вправо, пытаясь обойти «понтиак» сзади, но стойка для упора ноги задела за задний бампер машины... Переднее колесо «хонды» вильнуло на бордюр тротуара, мотоцикл взбрыкнул, как взбесившаяся лошадь, и они, как из катапульты, полетели головами вперед, навстречу бетонному фасаду здания...

* * *

Шилин очень не хотелось говорить об этом с Хомером. Но чем ближе становился день свадьбы, тем тревожнее она себя чувствовала. Когда Рената, смеясь, рассказала ей, каким образом они собираются покинуть праздник, она вздрогнула, но, чтобы не прослыть «устаревшей», сделала вид, что одобряет экстравагантный замысел дочери.

А ночью ей приснился кошмар: вертолет поднимает в воздух в корзине улыбающихся, счастливых молодоженов, которые радостно машут руками оставшимся на террасе гостям.

И вдруг все вскрикнули от ужаса: фал оборвался, и корзина, странно зависнув в воздухе, начала медленно приближаться к земле, покачиваясь, как опавший лист. Но Рената и Курт как ни в чем не бывало продолжают махать руками. Неожиданно корзина устремляется вверх, а затем камнем падает на крышу «Трейд Цюрих бэнк».

Шилин терялась в догадках, к кому обратиться за расшифровкой сна — к священнику, психиатру или гадалке.

* * *

После разговора с Анджелой Габелотти возвратился к себе в спальню. Если он сейчас же не уснет, с ним случится нервный срыв. Действия, которые он должен предпринять в свете предательства О'Бройна, не должны быть импровизацией. Он должен чувствовать себя спокойным и отдохнувшим. Но уснуть, к сожалению, не удавалось... В пять тридцать, так и не сомкнув глаз, он надел халат и прямо из спальни прошел в гостиную, хмурый и смертельно злой. Его душевное состояние к этому не располагало, но он все-таки решил поговорить с Моше Юдельманом.

Он вызвал Томаса Мерту и приказал ему привести Моше.

Когда Юдельман вошел в гостиную, Этторе дружески похлопал его по плечу.

— Моше, извини, что так рано разбудил тебя! Доставь мне удовольствие выпить с тобой чашечку кофе.

Этторе поставил перед ним чашку с кофе и блюдо с бутербродами, которые принес на подносе Мерта.

— Пришло время, когда я должен кое о чем тебе рассказать... объяснить. Я прошу тебя, Моше, верить тому, что я сейчас скажу при свидетелях.

Карло Бадалетто и Томас Мерта молниеносно обменялись удивленными взглядами.

— Мы — компаньоны, Моше. Что бы ни случилось с одним из нас, это касается всех остальных, к какой бы «семье» они ни принадлежали. Эта история выбила нас из колеи... Посмотри на меня, я потерял сон... Почему? Потому, что я все время думаю... Есть вещи, о которых ты не знаешь и о которых я не хотел тебе говорить до тех пор, пока не улажу их... Поэтому я не хотел волновать тебя лишней раз. Вчера мои люди предупредили меня, что кто-то хочет похитить Анджелу Вольпоне. Ты догадываешься почему? Кто хочет положить на лицо Вольпоне шляпу? Я? Дон Этторе? Нет, Моше, кому-то выгодно нас поссорить. Многие хотели бы, чтобы наши «семьи» начали войну между собой...

Габелотти бросил уничтожающий взгляд на Бадалетто.

— Чего стоишь? Где бутерброды? Не видишь, что все съели?

Карло исчез за дверью.

— Смерть дона Дженцо, — продолжал Габелотти, — все перевернула с ног на голову. Ты знаешь, когда я узнал об этом, мне стало страшно. Первой моей мыслью было — обезопасить жену Итало. Я немедленно послал за ней двух «солдат», чтобы доставить ее под мою крышу. Ты одобряешь мои действия?

Чтобы сдержать гнев, Юдельман надолго припал губами к чашке с кофе. Когда он почувствовал, что достаточно спокоен, он суровым голосом сказал:

— Лучше сделать было невозможно, дон Этторе. Я высоко ценю вашу предусмотрительность и от имени Итало благодарю вас.

— В таких поступках среди нас нет ничего необычного! — запротестовал Габелотти. — Сегодня ночью я объяснил Анджеле мотивы, побудившие меня пригласить ее в свой дом. Конечно, я понимаю, что ей хотелось бы возвратиться домой... Она молода, импульсивна и, кроме всего прочего, не знает меня... Я рекомендовал ей провести остаток ночи у меня, она согласилась. Как только она проснется, ты с ней увидишься.

Юдельману хотелось спросить, по каким таким мотивам его самого держат взаперти. И почему — под такой сильной охраной? Моше сделал вывод, что возникли какие-то новые обстоятельства, вынуждающие Габелотти возвратиться на мирный путь.

— Дон Этторе, пока я спал, вы, вероятно, уже успели связаться с банком?

— Пытался, Моше... Пытался... — врал дон, глядя ему прямо в глаза. — Клоппе не оказалось на месте... А сообщить номер счета его заместителю я посчитал лишним. Я собираюсь еще перезвонить...

Габелотти тяжело поднялся с кресла и подошел к окну. Он рассеянно посмотрел с высоты восьмого этажа вниз, на улицу. В двухстах метрах от дома, на перекрестке, полицейские наносили мелом разметку на тротуаре, на котором, накрытые одеялами, лежали два тела. Он повернулся к Томасу Мерте.

— Что там рисуют фараоны?

Мерта сокрушенно пожал плечами.

— Несчастный случай с мотоциклистами, дон Этторе. Мальчишки гоняют, как сумасшедшие...

* * *

Появление Луи Филиппона на кухне было встречено восхищенным рокотом. Его

команда на несколько минут оторвалась от дел, завороченно глядя на его черный кашемировый блейзер, клубный галстук с желтыми полосами, безукоризненные стрелки фланелевых брюк цвета антрацита и небесно-голубую рубашку. Филиппон относил приготовление пищи к одному из видов искусства, например к камерной музыке, которым надо заниматься, облачившись в смокинг.

— Ну что? — спросил он, делая вид, что не замечает восхищенных взглядов своих учеников. — За работу, лентяи!

Он взял несколько очищенных креветок и стал нарезать их кусочками размером не больше злакового зерна.

Луи Филиппон никогда не допускал на стол блюдо, сделанное другими руками, не сдобрив его своей фантазией в виде пикантной добавки...

* * *

Витторио Пиццу наставлял своих «лейтенантов».

— Эта работа касается нас, а не наших «солдат». Этого хочет Итало, и я его поддерживаю! Затронут вопрос чести! Никто не может тронуть пальцем члена «семьи», не поплатившись за это.

Алдо Амальфи, Винченце Брутторе и Джозеф Дотто молча согласились. Насилие и убийство были делом их юности, и иногда им этого не хватало.

— Они прихватили Моше. Вполне возможно, что они похитили и Анджелу.

— Убьем и Габелотти? — спросил Амальфи.

— Убьем всех, кто окажет сопротивление. Винченце, немедленно отправь четверых «солдат» на место. Пусть переоденутся в мусорщиков... Достань им мусоровозку... В качестве прикрытия они будут убирать тротуары рядом с домом Габелотти. Вооружение: автоматы и гранаты.

Брутторе понимающе кивнул головой. Мусоровозка не представляла никаких проблем. На каждой ступеньке иерархической лестницы муниципальной службы города у «семьи» Вольпоне стояли свои люди, готовые выполнить любое задание, не задавая никаких вопросов.

— Будет сделано, — сказал Брутторе.

Затем они провели короткое совещание и распределили роли.

Последние метры, отделявшие их от дома дона Этторе, они преодолели пешком. Машина осталась за углом.

Витторио увидел четверых парней, неторопливо подметавших тротуар рядом с мусоровозкой с муниципальными номерами.

Те сделали вид, что не замечают приближающихся Пиццу, Брутторе, Дотто и Амальфи. Пиццу заговорщицки подмигнул Винченце Брутторе и тут же вздрогнул, увидев на перекрестке полицейскую машину.

Витторио бросил вопросительный взгляд на одного из мусорщиков.

— Мотоциклист не справился с управлением, — не разжимая зубов и продолжая махать метлой, объяснил тот. — Можете идти спокойно...

Лицо Витторио помрачнело.

— Ты приказал Франчини и Фаваре оставить пост? — спросил он у Брутторе.

— А в чем дело?

— Ни в чем. Пошли.

Они не могли знать, что беспрепятственному входу в подъезд они обязаны его величеству Случаю. Именно в этот момент Моро Дзуллино отошел от окна, чтобы включить телевизор и открыть очередную банку пива. Когда он снова занял свой пост, на улице по-прежнему работали только люди из муниципальной службы по поддержанию чистоты, убирая ящики с мусором и подметая тротуары. Моро зевнул. Сегодня он видел кое-что поинтереснее даже вестерна.

На седьмой этаж они поднялись в лифте молча. Амальфи, Бругторе, Дотто и Пиццу знали, что дверь лифта открывается прямо в прихожую, где круглосуточно дежурили два охранника. От реакции этих людей зависел дальнейший успех их экспедиции.

Едва ощутимо вздрогнув, лифт остановился. Им повезло и на этот раз: Матарелла и Крисаффули спокойно открыли двери лифта, уверенные, что это прибыли их шефы Фрэнки Сабатини и Симеон Ферро, возвратившись после карательной акции против мотоциклистов.

Не успели еще разойтись до конца створки двери лифта, как Пиццу, стоявший у самого выхода, всадил расслабившимся стражам по пуле в голову. С залитыми кровью лицами те рухнули на пол.

Четверо мужчин, сжимая по пистолету в одной руке и по гранате в другой, почти одновременно ворвались в гостиную. Время между выстрелами и их появлением в гостиной измерялось секундой... Габелотти не успел проглотить даже половину откушенного бутерброда. Карло Бадалетто, чуть присев, успел лишь сунуть руку в карман пиджака, а Мерта уже почти достал свое оружие. Но увидев Пиццу и его людей, они окаменели. Сидевший напротив дона Этторе Моше Юдельман побледнел, выпрыгнул из кресла, как игрушечный чертик из коробки, и закричал:

— Не стреляйте!

— Моше, с тобой все в порядке? — спросил Витторио, ни на миллиметр не опуская дуло пистолета, направленного прямо в сердце Габелотти.

Моше утвердительно кивнул головой. Дон Этторе повернулся к нему и с абсолютно спокойным выражением лица спросил:

— Моше, у твоих друзей странный способ появляться в моем доме. Ты приглашал их сюда?

Он сел и сделал глоток остывшего кофе.

— Это недоразумение, — ответил Моше.

— Где Анджела Вольпоне? — спросил Пиццу. Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Спит... если только ваша канонада не разбудила ее. Моше, может, ты объяснишь им...

— Да, она спит...

— Сходите за ней! — приказал Пиццу.

— Карло! — рявкнул Габелотти.

— Иду, падроне.

— Стой! — бросил Пиццу. — Алдо, пойдешь с ним.

Амальфи подтолкнул пистолетом Бадалетто к выходу.

Этторе Габелотти, вдохнувший запах смерти, знал, что в тот момент его шкура не стоила и цента. И тем не менее он попытался принять угрожающе-оскорбленный вид.

— А теперь, господа, я требую немедленных объяснений вашего недружественного появления!..

— Мы мирно беседовали, — торопливо сказал Моше. — Спрячьте оружие!

Никто не отреагировал.

— Ни в коем случае, — сказал Пиццу и обратился к Габелотти: — Ваши два сторожевых пса хотели нас застрелить... без всякой причины. Они — мертвы!

Дон Этторе закатил глаза и с сожалением в голосе сказал:

— Моше, нам не повезло... Матарелла и Крисаффули были теми «солдатами», которые знали имена подонков, хотевших похитить Анджелу Вольпоне. Жаль, они не успели мне их назвать...

* * *

Окончив диктовать, Итало Вольпоне сам пристегнул Инес к радиатору.

— Что мне делать, когда заявятся ее черномазые кузены? — спросил Ландо, когда они вышли в гостиную.

— Отвяжешь ее и сядешь в углу комнаты. Если тебе что-то покажется подозрительным, не раздумывая, стреляй через карман. Все равно твоя негритоска уже не жилец... Она мне нужна еще на несколько часов, а потом... что ты прикажешь мне с ней делать? Она — не наша!.. Расколется...

Орландо стоял, опустив голову. Спасти от неизбежной смерти свою любовницу он не мог...

— Относительно тебя у меня есть кое-какие планы, — продолжил Вольпоне. — С минуты на минуту придет Беллинцона и сменит тебя. Ты отправишься к себе, побреешься, переоденешься и станешь красивым... Должен быть в форме! Тебе придется кое-кого соблазнить.

— Кого, падроне?

— Дочь банкира. Ренату Клоппе.

Несмотря на все уважение к Итало, Ландо посмотрел на него, как на марсианина.

— Но, падроне, сегодня ночью она выходит замуж! Весь город только об этом и говорит!

— Дополнительная возможность продемонстрировать мне, на что ты способен!

— Накануне свадьбы? Откровенно говоря, я не вижу большой необходимости ее трахать. Какая от этого польза?

— Не торгуйся! — резко оборвал его Вольпоне. — Ты должен не просто трахнуть ее, а затрахать до потери сознания, чтобы она забыла о своей свадьбе!..

— Хорошо, падроне.

Он подошел к зеркалу. На него смотрела небритая физиономия мужчины в мятой, несвежей рубашке.

Трахнуть ее!.. Легко сказать... Он даже не знал, как она выглядит. Кроме того, его голова была занята мыслями о судьбе Инес.

Он размышлял, что ему лучше надеть, когда в дверь позвонили: три коротких и два длинных звонка. Условный сигнал членов «семьи». Беллинцона вошел в квартиру, похотливо улыбаясь.

— Где твоя красotka? Я с удовольствием ей вставлю...

— Итало не хочет, чтобы ее трогали. Она в спальне... В наручниках...

Сделав удивленный вид, Пьетро холодно спросил:

— Ты злишься, что я вспрыгнул на нее?

— Нет.

— Я выполнял приказ! И неприятностей ей не доставил... Не в обиду тебе сказано, но с тем колодцем, который у нее между ног, — одной палкой больше, одной меньше...

Ландо пожал плечами.

— Ладно, прекращай. Сюда ожидается визит двух ее двоюродных братьев.

Беллинцона уставился на него недоуменным взглядом.

— Сюда? Ты что, спятил?

— Вольпоне знает...

— Он разрешил тебе впустить этих типов?

— Да. Когда они придут, ты ее отвяжешь и не будешь сводить с них глаз.

— Дикари?

— Дипломаты.

— Моя задница! Дипломаты! Негры? Что Итало сказал в точности? Как себя вести?

Секунду Ландо колебался. Тяжело вздохнув, он сказал правду:

— Если почувствуешь что-то подозрительное, стреляй, не раздумывая.

— Если так будет продолжаться дальше, все швейцарские фараоны сядут нам на пятки... Не следовало бы принимать здесь этих обезьян!

Ландо резко повернулся к нему.

— Прекрати поучать меня! Они не советовались со мной! И по телефону разговаривали с ней. Ясно?

— Чего ты нервничаешь? Тебе что-то не нравится? — с иронией произнес Беллинцона.

— Чао! — сказал Ландо, снимая со спинки стула пиджак.

— Секунду! — остановил его Беллинцона. — Покажи мне, что она жива и дышит...

Нервным движением Ландо распахнул дверь спальни.

— Привет, куколка, — поздоровался Пьетро.

— Если позвонят по телефону, дашь ей трубку. Сам возьмешь прослушиватель. Это — приказ Итало.

— А если ей захочется пописать? На пол?

Ландо протянул ему ключи от наручников. Неожиданно в дверь раздался громкий стук, послышались веселые голоса, смех...

— Гадство! Это они! — сказал Ландо, сунув руку в карман.

Беллинцона последовал его примеру. Не успели они прийти в себя, как раздался радостный крик Инес:

— Мальчики, я здесь!..

Беллинцона наградил ее недобрый взглядом.

— Скажешь им, что ты занята... Даю тебе пять минут, чтобы выпроводить их отсюда...

Или этим займусь я!

И в подтверждение своих слов достал из кармана «вальтер». Ландо присел рядом с Инес. Пока он снимал с нее наручники, Беллинцона в два прыжка оказался у окна, сел в кресло и положил на колени журнал. Правую руку он держал в кармане. Ландо помог Инес встать, сел на диван и сказал:

— Открывай!

Инес не торопясь сняла цепочку безопасности...

Вначале в дверном проеме появился огромный букет цветов, затем, пригнув головы, вошли двое молодых парней. Потрясенный Беллинцона посмотрел на их ноги, чтобы убедиться, что гости пришли не на ходулях. Нет, они стояли на собственных ногах и их обувь была в пределах 52—53-го размера. Не веря своим глазам, Беллинцона встал. Впервые в жизни его сто восемьдесят восемь сантиметров роста показались ему ничтожными... Они обменялись с Ландо удивленными взглядами. Парни бросили цветы на пол, обняли Инес за плечи и по очереди закружили ее по комнате.

Неожиданно гиганты замерли, увидев, что в комнате находятся еще двое мужчин.

— Извините, — сказал парень в спортивной куртке.

Второй вежливым кивком головы поздоровался с Беллинцоной.

Заметив смущение братьев, Инес непринужденно пришла им на помощь. Повернувшись к Пьетро и Ландо, она счастливым голосом сказала:

— Разрешите представить вам моих двоюродных братьев! Куаку... Рокки...

Негры ослепительно улыбнулись. С самым естественным видом они шагнули к Баретто и Беллинцоне, протянув руки для приветствия. И тогда, несмотря на врожденную подозрительность, люди Вольпоне, находясь под гипнозом этих двух человеческих феноменов, допустили непоправимую ошибку: они автоматически вытащили правые руки из карманов брюк, расставшись с оружием. Дальше все произошло с такой молниеносной быстротой, на какую не способна даже кобра. С восхитительной синхронностью, ставшие вдруг легкими, как воздушные шарики, Беллинцона и Баретто взлетели в воздух и полетели по дуге. До того как они грохнулись на пол, отчего содрогнулась квартира, один получил удар ребром ладони по затылку, второй — ногой в солнечное сплетение. В мгновение ока их оружие оказалось в руках гигантов.

— Он? — спросил Рокки, показав на Баретто.

— Нет, — ответила Инес, — этот толстый хряк.

— А этот? — настаивал Рокки.

Она презрительно посмотрела на Ландо, лежавшего без сознания.

— Ничтожество! Пигмей!

— Собирай вещи и жди нас в спальне. Когда закончим, скажем...

Инес вошла в спальню и закрыла за собой дверь. Куаку и Рокки больше не улыбались.

Беллинцона застонал и открыл глаза.

— Вонючие негритосы!

Ни один, ни второй не посчитали нужным ответить. Они о чем-то тихо разговаривали, небрежно поигрывая конфискованным оружием.

Беллинцона увидел, как Куаку подбросил вверх монету.

— Орел, — сказал Куаку.

— Ты проиграл, — сказал Рокки. — Решка!

Пьетро язвительно сказал:

— Что вы разыгрываете, черномазые? Свои задницы?

— Твою, — холодно ответил Куаку.

— Чертовы ниггеры! — сказал, как выплюнул, Беллинцона.

Куаку с удивлением посмотрел на него.

— Эй, Рокки, мне кажется, этот боров оскорбил тебя.

— Меня? Нет!

— Траханые в задницу черномазые, — прохрипел Беллинцона.

Рокки и Куаку дружно рассмеялись молодым беззаботным смехом. Пьетро с трудом поднялся на ноги. Гиганты не возражали, но глаз с него не спускали. Теперь уже Рокки вытащил из кармана монету.

— Орел или решка?

— Орел, — ответил Куаку.

Рокки подбросил вверх швейцарский франк.

— Черт! Ты выиграл, — недовольно сказал он.

Куаку бросил оружие на диван и вплотную подошел к Беллинцоне. Воспитанный и закаленный в безжалостных рукопашных схватках в доках Нью-Йорка, Пьетро никого не боялся. Ему было всего тринадцать лет, но при упоминании его имени дрожали все подростки квартала. И все они, в одинаковой степени, ненавидели негров.

— Моя сестра утверждает, что ты отнесся к ней без должного уважения, — ласковым тоном сказал Куаку.

— Эта шкура — твоя сестра? — рассмеялся Пьетро. — Я ей так вставил, что она пернула!

Несмотря на то что Пьетро был готов к схватке, он ничего не успел заметить. Три удара с силой и регулярностью гидравлического пресса с поразительной точностью обрушились на его печень, сердце и челюсть. Американец вздрогнул и мешком рухнул на пол. Куаку наклонился и одной рукой вздернул Беллинцону на ноги. Затем расстегнул ему брюки и спустил их до щиколоток. В этот момент Ландо, о котором, казалось, все забыли, бросился сзади на Куаку. Рокки, не вставая с дивана, без размаха ударил Ландо ногой в живот. Этого оказалось достаточно, чтобы он во второй раз потерял сознание.

Беллинцона пришел в себя в тот момент, когда Куаку одним движением сорвал с него трусы, порвав их, как сгнившую тряпку. Пьетро безумно завращал глазами и попытался вырваться. Куаку взял его за шею и трижды ударил головой о мраморное основание абстрактной скульптуры.

Лежа у ног Рокки, Ландо блевал желчью.

Куаку наклонился к уху Пьетро и что-то прошептал ему. Пьетро, который едва видел его сквозь красный туман, застилавший ему глаза, отрицательно покачал головой. Рокки отошел в угол, повернулся ко всем спиной и стал делать странные движения рукой, словно, помочившись, никак не может стряхнуть последнюю каплю с члена.

Куаку, ладонь которого легко обхватывала баскетбольный мяч, с отвращением положил руку на голову Беллинцоны.

— Слушай меня внимательно, — не повышая голоса, сказал он. — Сейчас ты испытаешь то, что проделал с нашей сестрой. И запомни, трахнутыми в задницу будут не негры, а ты!

Беллинцона с ужасом понял, что ничего не может сделать, сил у него оставалось не больше, чем у ребенка. Он снова отрицательно покачал головой. Его огромное полураздетое тело лежало на ковре: толстые ягодицы и чудовищных размеров бедра напоминали зад племенного борова.

От ощущения собственного бессилия на его глазах выступили слезы.

— Не делай этого, брат, не делай...

Не обращая на слова Пьетро никакого внимания, Куаку обратился к позеленевшему от страха Орландо.

— Тебе нечего бояться... Ты только смотри, как будут натягивать твоего приятеля. И знаешь, почему мы тебя не тронем? Потому, что он никогда тебе не простит, что ты присутствовал при этом... Он убьет тебя.

— Не делай этого! — стонал Беллинцона. — Пристрели меня!

— Закройся! Рокки, ты готов?

— Вполне, — ответил Рокки.

Все посмотрели в его сторону. Он стоял к ним лицом, и то, что увидели Ландо и Пьетро, потрясло их. Из расстегнутой ширинки брюк Рокки торчал член нечеловеческих размеров, разбухший и поднятый в вертикальное положение с такой силой, что казалось, ничто и никогда не сможет его согнуть. Куаку стал коленями на лопатки Беллинцоны и придавил его всем телом.

— Застрели меня, сволочь! Застрели! — кричал Беллинцона.

Ландо хотел закрыть глаза, но тут же открыл их, заворуженно уставившись на жуткий спектакль. Он увидел, как Рокки лег на Беллинцону, который рыдал, как ребенок, ломая ногти о пол.

— Не надо! Не надо!

— Недоносок! — сплюнул Рокки.

Он сделал несколько неуверенных движений бедрами, затем резко послал их вперед, пронзая тело Беллинцоны.

Дикий рев Пьетро слился с победным кличем чернокожего мстителя...

— Тебя что-то беспокоит? — спросила Шилин у Хомера. — Ты странно выглядишь. Она отложила платье, которое рассматривала, и положила руки ему на плечи.

— Из-за Ренаты?.. Да? — спросила она.

Хомер легонько похлопал ее по рукам, но его взгляд оставался далеким и отсутствующим.

— Будешь пить чай?

Движением головы он отказался.

— Не волнуйся... Я знаю, что для отца это тяжелая минута... Посмотри на меня.

Она взяла его за подбородок двумя пальцами и приподняла.

— Улыбнись мне.

Губы Клоппе механически раздвинулись, обнажив прекрасные зубы.

— Мне нравится, когда ты улыбаешься, — сказала Шилин.

За четыре часа до этого Хомер безжизненно лежал в кабинете Аугуста Штроля. Хотя только что его подвергли физической пытке, но именно он с помощью Ингрид привел в чувство дантиста, который не мог держаться на ногах. Профессор находился в глубоком шоке.

— Они заставили меня, мистер Клоппе. Я не хотел. Это ужасно! К горлу Ингрид они приставили бритву... Я никогда не прощу себе этого, никогда...

Парадоксально, но безвольное состояние супружеской пары придало банкиру сил... Неожиданно ему в голову пришла фраза, характеризующая ситуацию: «Стисни зубы!» Но зубов у него не было.

Сгусток крови, прилипший к верхней десне, вызывал тошноту. Он попытался оторвать его. Вместе с выдернутой изо рта слизью, как фонтан гейзера, хлынула кровь.

— Помоги мне, идиот! Хватит хныкать!

Он сильно тряхнул Штроля за плечи.

— Садитесь... Вы правы... Сейчас я вас обработаю... Ингрид! Компрессы! Коагулирующие!..

В нем снова ожили профессиональные навыки. Он восстановит... Он обладает достаточным талантом, чтобы в искусственном варианте восстановить то, что он разрушил. Но не сейчас... позже...

— Этой ночью моя дочь выходит замуж, — сказал Клоппе. — Я должен встречать гостей, в том числе и вас... со всеми зубами...

Несмотря на ужасную шепелявость, Ингрид и Аугуст поняли смысл произнесенных слов. Они обменялись обеспокоенным взглядом... Возможно ли по живому поставить временный протез?!

— За работу! — подбодрил их Клоппе и попытался улыбнуться...

Операция длилась три часа. Профессор и его супруга превзошли самих себя. По разным причинам ни Клоппе, ни Штроль ни словом не обмолвились о разбойном нападении. Клоппе — потому что знал. Ингрид и Аугуст — потому что не могли еще выйти из шока. Когда банкир посмотрелся в зеркало, он увидел свое собственное лицо. Его челюсти украшали два ряда зубов.

— Я сейчас же иду в полицию! — заявил Штроль.

Хомер посмотрел на него пронзительным взглядом.

— Это ваше право! Но... я запрещаю вам упоминать мое имя...

— Но почему?.. Почему?

Клоппе чуть не ответил ему: «Банковский секрет!» — но вовремя придержал язык, принимая от Ингрид таблетки, тампоны и дезинфицирующие средства.

— Увидимся сегодня вечером. Поздравляю вас с превосходно выполненной работой!

Фраза прозвучала настолько двусмысленно, что у Штроля на глазах навернулись слезы. Он осторожно взял банкира за запястье.

— Мистер Клоппе...

— Знаю... знаю... До вечера...

Захваченный мыслями о предстоящей борьбе, Клоппе решительно возвратился в банк с твердым намерением, не медля, осуществить то, что планировал сделать после свадьбы дочери. В разные концы земного шара он направил два телекса.

Один — Мелвину Босту в Детройт с приказом предупредить всех обладателей «Бьюти гоуст Р9» об опасности управления машиной. Второй — в Южную Африку, Эрику Морталду, директору «Вассенарз консолидейтед»: «Согласен на проведение работ, связанных с обеспечением безопасности. Деньги перевозжу немедленно».

Клоппе не волновало, что будет с его банковской империей. Главное — он в согласии со своей совестью. Навсегда!

Вознесшись на вершину справедливости, он решил открыться Шилин, признаться ей во всех своих прегрешениях, ничего не утаив. Но, переступив порог дома, он заколебался: стоит ли погружать ее в грязный и жестокий мир, в котором он живет последние двое суток? Не нанесет ли он этим ей сильнейшую душевную травму?

Шилин парит в своих розовых облаках... Готова ли она выдержать подобное испытание?

— Шилин...

— Да, Хомер.

Стоя перед зеркалом, она с довольным видом рассматривала себя в новом платье, в котором собиралась выйти вечером к праздничному столу.

— Я хочу с тобой поговорить, — сказал Хомер.

— Тебе нравится сыр «пармезан»? Извини... Что ты хотел мне сказать?

Ощущая ужасную боль в челюсти, Клоппе решил отложить разговор.

— Ничего, — ответил он. — Ничего...

* * *

Фраза, которая выплыла у него из закоулков памяти, поразила его. Принадлежала она какому-то французскому автору: то ли Коктаю, то ли Както или Кокто. Вспомнить он не мог. «Если мы не можем проникнуть в тайну, сделаем вид, что мы — ее создатели...» Странно, что именно сегодня она пришла ему в голову. Но Габелотти знал, что никогда не воспользуется ее смыслом, потому что рассчитана она на слабаков.

Рядом с ним, с трагически-озабоченным выражением на лицах, сидели Кармино Кримелло, Анджело Барба, Томас Мерта, Карло Бадалетто, Фрэнки Сабатини и Симеон Ферро. Чтобы «крестный отец» немедленно не отреагировал на убийство двух членов

«семьи», произошедшее на глазах у всех, не укладывалось в их сознании. Священный закон Синдиката гласил, что нанесенное оскорбление никогда не прощается. Что-то здесь было не так! Или дон Этторе размяк, или испугался Вольпоне, или, на что каждый в глубине души надеялся, приготовил для Итало какой-то сюрприз. Тела двух убитых «солдат» были незаметно вывезены из дома. Их уложили в лифт и спустили прямо в подземный гараж. Там перенесли в микроавтобус с матовыми стеклами. «Семья» Габелотти купила на дальнем кладбище Нью-Йорка тридцать фамильных склепов. И когда возникала необходимость захоронить члена «семьи», погибшего от пули, ножа, в драке или в результате вспыльчивости дона, погребение проходило без лишних административных формальностей: ни морга, ни вскрытия, ни полиции... Сторожами кладбища были надежные, высокооплачиваемые люди, у них никогда не возникали вопросы, в какой час суток нужно предать человека земле.

Медоточивая улыбка расплзлась по лицу Габелотти.

— Ситуация вам известна, — начал он. — Мортимер О'Бройн хотел нас прокинуть. Я не знаю, жив он или мертв, не знаю, где скрывается... Мне кажется, что наш компаньон, — он закашлялся, — наш компаньон Вольпоне разделался с ним. И здесь он не прав! Почему? Потому что, попади эта мразь мне в руки, этот сучий О'Бройн, он раскололся бы, как орех. Могу в этом поклясться! Ни Итало, ни я не знаем номера счета. Малыш Вольпоне переполнен доброй волей, но этого недостаточно. Поэтому, чтобы довести дело до конца, я сам отправляюсь в Цюрих.

Мужчины с изумлением уставились на него: дон Габелотти терпеть не мог путешествий.

Мир шел к нему, зачем нужно было менять порядок вещей? К тому же его боязнь самолетов ни для кого не была секретом и являлась предметом шуток во многих «семьях» Синдиката.

— Как вы собираетесь туда добираться? — спросил Кримелло. И, не подумав о последствиях, добавил: — Теплоходом?

— Повтори! — угрожающе произнес Габелотти.

Осознав, что допустил оплошность, Кримелло обвел присутствовавших растерянным взглядом. Никто не попытался прийти ему на помощь. Все упорно избегали его взгляда. Оказавшись в одиночестве, Кармино вынужден был держать ответ сам:

— Я не сказал ничего плохого, падроне. Я знаю, что вы не любите летать самолетом... всего лишь... Не вы один такой... Я боюсь еще больше...

— В будущем побереги свои шуточки для себя! А самолетом ты полетишь завтра.

Все подняли головы.

— Полетим вместе, — добавил дон Этторе со злой решимостью в голосе. — Естественно, мы не можем высадиться в Цюрихе целой командой. Анджело, Томас и Карло полетят во Францию... в Лион. Оттуда поездом прикатите в Швейцарию. Фрэнки и Симеон направятся в Милан и затем прибудут в Цюрих. А ты, Кармино, так как боишься летать самолетом, будешь сопровождать меня до Цюриха. — Он бросил на него тяжелый взгляд. — А чтобы тебе не было страшно, я буду держать тебя на своих коленях.

Раздался смех и тут же смолк.

— Там мы встретимся с людьми Вольпоне. Если кто-нибудь из вас коснется хоть малейшим намеком событий, происшедших здесь, будет немедленно отправлен в Америку. До тех пор пока мы не получим деньги, мне нужен мир! Я требую полного согласия...

— А потом? — серьезно спросил Барба.

— Что «потом»?

— Когда получим деньги?

— У нас будет достаточно времени, чтобы разобраться с доном Вольпоне, — ответил Габелотти.

Слово «дон» он произнес с таким чувством, словно хотел избавиться от накопившейся во рту слюны.

* * *

Все у него шло наперекосяк. Анджела до сих пор не найдена! Габелотти вставлял ему палки в колеса и держал заложником Юдельмана! Витторио Пиццу не хватило мозгов проявить инициативу! Хомер Клоппе не хотел сдаваться! Уже в который раз Итало проклинал свою несдержанность. Ему фантастически повезло, когда он наложил лапу на О'Бройна. И так глупо не воспользоваться шансом... Адвокат был не такой закалки, как банкир. Немного терпения, и он вырвал бы у него номер счета. Но самым большим желанием Итало было возвратиться в Соединенные Штаты. Погрузить Нью-Йорк в огонь и кровь, но во что бы то ни стало найти жену. К сожалению, сделать это сейчас он не мог. От результата операции «АУТ» зависели его жизнь, его будущее, его счастье... Он прекрасно знал, что говорят за его спиной, сравнивая его с Дженцо: хвастун, пижон, насильник... Да, все это в нем было... Но как они не могут понять, что он был таким, потому что Дженцо повезло родиться раньше, чем ему. Дженцо был для него больше чем отец: воспитывал, защищал, баловал, избавлял от всех забот, решал и говорил вместо него. С каждым годом власть Дженцо крепла, и все привыкли видеть Итало в его тени. Привык к этому и Итало. Зачем за что-то бороться, если можно попросить? Зачем драться, если Дженцо сделает это вместо него?

И только после встречи с Анджелой он начал понимать, на что способен. Рядом с ней он быстро ощутил жажду к независимости. Он перестал быть младшим братом, а стал самостоятельным мужчиной, готовым постоять за любимую женщину. Он попытался объяснить со старшим братом, мягко упрекнув его в том, что тот не возлагает на него достаточную ответственность... Дженцо молча, с большим вниманием выслушал его.

— У меня нет к тебе никаких претензий, Дженцо, ты, возможно, уж слишком опекаешь меня. Я начинаю от этого задыхаться. Мне хочется полетать на собственных крыльях.

Понял ли его Дженцо? Он улыбнулся и взлохматил ему волосы, как маленькому.

— Ты полностью прав, Малыш! Но не стоит на меня злиться. Может, я что-то просмотрел и не заметил, как ты вырос.

— Мне тридцать восемь лет.

Дженцо было только сорок шесть. Но когда Итало было десять, Дженцо уже верховодил десятками жестоких подростков, готовых без раздумий пустить в ход кулаки или холодное оружие. Он превосходил их умом, прозорливостью, умением просчитать риск... Восемь лет разницы в возрасте выработали между братьями отношения отца и сына, учителя и ученика. Для Дженцо Итало всегда оставался десятилетним мальчуганом. А для Итало Дженцо навсегда останется сорокашестилетним...

После звонка Пиццу он еще раз посетил морг. Он долго стоял на коленях перед

металлическим ящиком, в котором лежала нога его брата. Горькие и теплые слезы медленно текли по его щекам, вызывая яростное желание мести.

Из морга он поехал на виллу. За рулем сидел Фолько Мори. Теперь Итало, как никогда, был уверен, что доведет дело брата до конца — единственный способ выразить ему благодарность за благодеяния и любовь к нему. Он неистово поклялся, что станет достойным преемником тяжелой короны, и горе тому, кто захочет снять ее с него! Но чтобы уверенно предстать перед Комиссьоне, нужно завершить начатое Дженцо дело. Заставить Клоппе перевести деньги.

Войдя в гостиную виллы, он увидел сидевших на диване Пьетро Беллинцону и Орландо Баретто и тотчас почувствовал: что-то случилось. Ландо должен был возвратиться обратно один...

— Мне кажется, ты должен охранять черномазую, — сухо сказал он Беллинцоне, заметив, что лицо Пьетро покрыто кровоподтеками.

— Нас прокрутили... Она сбежала.

Итало почувствовал, как кровь прилила к лицу. Инес должна была еще сыграть важную роль в его плане.

— На нас напали ее братья, — поспешно добавил Ландо.

— Закройся! Я разговариваю с Беллинцонной.

Фолько Мори стоял у окна, внимательно рассматривая лужайку перед домом. Не в силах говорить, Беллинцона в немощем жесте развел руки в стороны.

— Что? — взревел Вольпоне.

— Их было двое... — глухим голосом произнес Пьетро. Было заметно, что слова даются ему с большим трудом. — Когда они вошли, мы не спускали с них глаз... Я держал палец на спусковом крючке... Он тоже... Вот...

— Что «вот»?

Беллинцона упорно рассматривал носки своих туфель.

— Я не понимаю, падроне...

Он хотел продолжить и не смог. Стыд давил на него десятитонной бетонной плитой.

— Нас поймали...

— Два гиганта, — добавил Ландо.

— Гигант с пулей в голове больше не гигант, а кусок дерьма! — взорвался Вольпоне. — И вы тоже два куска дерьма! Два мудака! Мне нужна эта негритоска. Где она?

Ландо и Беллинцона не осмеливались даже посмотреть друг на друга. Ландо охватило жуткое беспокойство. Он отдал бы все, только бы не быть свидетелем содомии Беллинцоны. Один из негров предупредил его: «Тебя мы не тронем. Твой друг сам займется этим. Он убьет тебя!» Эта угроза сверлила его мозг с тех пор, как они покинули квартиру Инес.

— Я спрашиваю у вас! Где она? — кричал Вольпоне.

Они молчали.

— Ландо, убирайся отсюда! Тебя ждет работа! И на твоём месте я очень бы постарался.

— Хорошо, падроне.

Находясь в состоянии прострации, он не представлял себе, как сможет соблазнить дочь банкира.

Предположим, что он ее встретит. Предположим, что ему удастся избавиться от выражения страха на лице. Предположим, она его заметит и он ей понравится. Дальше? Для высшего пилотажа в сексе нужны еще и свободные мозги. А после спектакля, устроенного

братьями Инес, его уверенность в своей мужской силе заметно поколебалась. К тому же не давала покоя мысль, что второго провала Вольпоне ему не простит.

— Фолько, поезжай в аэропорт и прочеши здание снизу доверху. Их легко заметить! Три гиганта! Пьетро, езжай с ним! Исчезни, или я разнесу тебя в клочья!

Беллинцона тяжело поднялся. Сколько он будет жить, столько будет носить в себе этот позор. Или пока не убьет того, кто над ним надругался. Он даже чуть пожалел, что Вольпоне не взбеленился до такой степени, чтобы пристрелить его. Он шел рядом с Фолько Мори, который тактично не задавал ему никаких вопросов.

Раздосадованный таким поворотом событий, Вольпоне поднялся в спальню и позвонил в Нью-Йорк. Что с Анджелой? Страх не давал ему дышать. Первые слова, услышанные им от Витторио Пиццу, как струя кислорода, наполнили легкие.

— Ваша жена дома, падроне. Чувствует себя великолепно... Передаю трубку Моше, он вам все объяснит...

Покидая дом Габелотти, Юдельман ломал голову над тем, в каком ключе разговаривать с Вольпоне. Рассказать Итало всю правду, равно как и утаить ее, было одинаково опасно. Моше ни на йоту не поверил Габелотти. Несмотря на воображаемые угрозы «семье» Вольпоне, которые он придумал в свое оправдание, дон Этторе просто держал их заложниками. А что могло означать его спокойствие, когда у него на глазах убили его «солдат»? Моше знал, что Габелотти ничего не прощает и никогда не забывает. Счеты дон Этторе начнет сводить, когда получит два миллиарда долларов...

Но и Вольпоне таит в себе не меньшую опасность. Его страх не быть принятым всерьез задевал его самолюбие, он готов был пойти на что угодно, лишь бы утвердиться...

Так и не найдя нужного хода, мысленно адресуя молитву всем богам и надеясь на импровизацию, Юдельман взял трубку, протянутую ему Витторио Пиццу.

— Все хорошо, Итало, все в порядке! — заговорил он спокойным голосом.

— Где Анджела?

— Сейчас я тебе все расскажу, Итало... Мы должны поставить свечку дону Этторе... Без него...

— Что-о-о? Что ты несешь? — взревел Итало.

— Габелотти вызволил нас из грязной истории... Он узнал, что нам угрожает опасность. Из уважения к тебе он спрятал нас под своей крышей...

— Да ну?!

— Да, Итало! Он предложил нам свое гостеприимство.

— Кому?

— Анджеле и мне.

— Моя жена пошла к этому жирному борову? Он дотрагивался до нее? Говори!

Юдельман чувствовал, как испаряется его уверенность.

— Вся эта история — досадное недоразумение, Итало.

— А Дженцо — тоже недоразумение? А О'Бройн? Ты бьешь поклоны перед этим мешком с жиром, а я даже не знаю, что он сделал с нашими деньгами!

— Дай мне сказать слово, Итало.

— Закройся! Ты ничего не знаешь. Он получил мой язык?

— Твой язык?

— Язык одного придурка, который следил за нами уже из Нью-Йорка в пользу твоего нового вонючего друга! Язык Рико Гатто! Я отправил его Габелотти, завернув в паспорт

этого слизняка. Где Анджела?

— У себя дома.

— Кто ее охраняет?

— Четверо и Винченце.

— Добавь еще четверых! Если ее напугали, я убью тебя собственной рукой, Моше!

— Хорошо, ты убьешь меня. Могу я вставить слово?

— Нет. Ты еще не знаешь... Мои парни были вынуждены ликвидировать двух фараонов.

— Швейцарских? — задохнулся Моше.

— Американских. Парней Кирпатрика. Это что-то меняет?

— О черт! Только не это...

— Нет, это!.. Банкир не сдастся! Цюрих кишит фараонами и информаторами. Я — в мышеловке! А в это время моя правая рука милуется с подонком, который похитил мою жену и убил моего брата.

— Это неправда! — повысил голос Юдельман. — Ты ошибаешься. Если бы это сделал Габелотти, он никогда бы нас не отпустил.

Моше закусил губу, но было уже слишком поздно... Он проговорился и все испортил.

Вольпоне взорвался.

— Старый вонючий врун! Ты слышал, что только что сказал?

Катастрофа... Теперь ни о каком союзе не могло быть и речи.

— О'кей, о'кей! — обронил Моше. — Тебе хочется услышать правду? Слушай! Я возвратился к Габелотти, и он меня не отпустил. И причиной тому явился ты, Итало! Он попросил позвонить тебе в отель, но ты уже съехал оттуда. Естественно, он тут же заподозрил, что ты... А что бы ты сделал на его месте? Ты поступил бы точно так же. И он направил двух боевиков за Анджелой...

— Скотина!

— Сегодня, в пять утра, он сказал, что мы свободны. Он извинился и объяснил свои действия. Послушать его, так твою жену собирались похитить...

— Кто?

— Не знаю. Он хотел нас защитить. Сказал, что мы компаньоны и у нас общие интересы...

— И ты это проглотил?

— С большим удовольствием! Особенно после того, как я узнал о языке. Он всех нас перерезал бы! Дальше, Пиццу, выполняя твой приказ, ворвался в квартиру Габелотти. Вместе с ним были Алдо, Винченце и Джозеф. На входе они уложили двух охранников, что еще больше накалило обстановку.

— Не думал ли ты, что я брошу жену и не вмешаюсь?

— Я тебя умоляю, Итало, не вмешивайся больше. Пойми, сейчас мы плывем с Габелотти в одной лодке. Он, как и мы, не может подобраться к деньгам.

Итало молчал. Моше понял, что аргумент попал в десятку.

— Но почему? Почему? У него же есть номер счета!

— Нет. По неизвестной мне причине номера счета у него нет. Иначе деньги были бы уже далеко. Итало, послушай, Дженцо — мертв, и ты станешь «крестным отцом». Ты станешь доном. Это многим не по душе... В Комиссьоне о тебе противоречивое мнение, они против тебя, осуждают твое прошлое... Для них ты — как бельмо в глазу. Один твой неверный шаг, и тебя ликвидируют. Я этого не хочу, Итало! Если ты меня слушаешься...

есть один шанс...

— Закройся, трус! Габелотти никогда бы не посмел похитить жену Дженцо!

— Верно. Но твой брат никогда не махал у него перед носом красной тряпкой. Он попытался бы его убедить, а не давать новых поводов для недоверия. Ты знаешь, кому на руку наши глупости? Банкиру! Твой враг не Габелотти, а Клоппе! Ты еще не знаешь банкиров, Итало! Это легальные бандиты, они похуже нас! Они сильны, тверды, динамичны! Они свергают правительства, выигрывают войны, смещают глав государств! Они опаснее, чем десять армий. Они опутали всю землю и правят, потому что у них деньги. Если им не назвать этот чертов номер, мы никогда не увидим, какого цвета эти два миллиарда долларов! Надо сплотиться с Габелотти, соединить силы в один мощный кулак.

— Что большего, чем я, может сделать эта корова, если у нее нет шифра? — скрипнув от злости зубами, спросил Вольпоне.

— Ты решишь это с ним на месте.

— Что?

— Завтра дон Этторе вылетает в Цюрих. Он хочет встретиться с тобой.

* * *

Двое парней и девушка сидели в небольшом зале клуба джазовой музыки на улице Колизей.

Цюрих был далеко... Час тому назад они прилетели в Париж. Сегодня вечером они разлетятся в разные стороны: Куаку возвращается в Саклей, Рокки улетает в Нью-Йорк, а Инес — в Лондон, где у нее много друзей.

То, что ее братья прилетели ей на помощь с разных концов света, наполняло ее счастливой гордостью.

Закончился неприятный эпизод в ее жизни...

Удачно!

* * *

В какой одежде покончить со своим девичеством? Рената перебирала пальцами десятки платьев и костюмов, которыми были забиты шкафы.

Некоторые были совершенно новые. Ей доставляло удовольствие просто иметь их. Иногда в плохом настроении она заходила в магазин и покупала что-нибудь «от Диора» или «от Кардена», как другие покупают мороженое. Повесив покупку в шкаф, она забывала о ней, а через полгода отдавала платье или костюм своей служанке Мануэле. Сама же Рената уже третий год носила одни и те же джинсы.

Свой выбор она остановила на голубом фланелевом костюме мужского покроя. Она надела его и посмотрелась в зеркало. Скорчила рожу.

Сейчас, когда надо было сдержать данное себе слово, прежнего желания уже не было. И вообще идея, которую она так долго вынашивала, начинала казаться ей идиотской. К чему за несколько часов до свадьбы «снимать» кого-то незнакомого на улице? Она долго искала причину, толкавшую ее на это безрассудство и, в конце концов нашла: этот жест

компенсирует в дальнейшем ее полную верность Курту. По крайней мере до тех пор, пока будет длиться их союз.

Миссис Хайнц! Поменяла хромого коня на слепого. Ей никогда не нравилась фамилия Клоппе... Хайнц была еще хуже... Рената Хайнц!.. Он пожал плечами, закурила и поставила на электрофон пластинку «Битлз». Затем села прямо на пол и прислонилась спиной к стене.

Вошла Мануэла и от восхищения присвистнула.

— До чего же вам идет голубой! Новый?..

— Старый, как нищета...

— Вы понравитесь мистеру Курту...

— Это не для него...

— А! А для кого же?

— Еще не знаю. Для первого, кто захочет меня...

Мануэла вежливо и смущенно улыбнулась.

— Мне кажется, что вы мне не верите, — сказала Рената. — Да, я собираюсь сделать самую глупую вещь в своей жизни...

Мануэла исподтишка посматривала на нее. Она никогда не знала, когда ее хозяйка говорит серьезно, а когда шутит.

— Вы мне расскажете?

— Конечно, нет! Это мой последний девичий секрет! Какие новости от Хулио? Получили письмо?

— Да, только что...

— У него все в порядке?

— Не очень... Поговаривают, что закроют шахту.

— Почему?

— По причине безопасности...

— Он расстроился?

— Да. Очень. Он хорошо зарабатывает.

— А как вы к этому относитесь?

— Я безумно рада. С тех пор как он уехал, я только и делаю, что молюсь, чтобы он скорее вернулся.

Ни Рената, ни Мануэла, ни тем более Хулио не знали, что «Вассенарз консолидейтед» принадлежал Хомеру Клоппе, основному держателю акций.

— Это еще не все, — добавила Мануэла. — У меня будет ребенок.

— Не может быть! — воскликнула Рената.

— Уже четыре месяца. По ночам я чувствую, как он там шевелится.

— Восхитительно! Вам надо прекращать работать!

— Еще рано, — запротестовала Мануэла. — Я могу работать еще четыре месяца.

— Ни в коем случае!

— Но я буду вам нужна... молодоженам...

— Я найму кого-нибудь еще, но и вы останетесь в доме. Мануэла?

— Да.

— Сделайте мне приятное! Я хочу быть крестной вашего ребенка.

Мануэла посмотрела на нее глазами, полными признательности.

— Спасибо, мисс...

— И не переживайте, если Хулио потеряет работу. Я подыщу ему что-нибудь подходящее в Швейцарии. Мое платье готово?

— Осталось немного... Я сразу же принесу его вам.

Рената раздавила окурок в пепельнице. Как просто все смотрится со стороны... Она встала, скорчила рожу в зеркало и усмехнулась. Следуя своему плану, она должна выйти на улицу и «снять» или «дать себя снять» первому, более-менее приятной внешности, типу и спросить у него самым обворожительным своим голосом: «Не хотите ли переспать со мной?» До этого момента все шло гладко... А если тип ничего не ответит? Придурков хватает повсюду, даже в Цюрихе. Внутренне улыбаясь, она взяла свою сумочку и вышла на Беллеривштрассе, навстречу своему последнему приключению.

Далеко идти ей не пришлось. Она увидела его сразу. Высокий, стройный, с ярко выраженной итальянской внешностью. Безукоризненного фасона темный блейзер был великолепно пошит. Он стоял, прислонившись к сверкающей «Бьюти гоуст Р9» серого цвета. Он смотрел, как она приближается к нему, словно ждал ее на этом месте уже целую вечность и знал, что она придет. Сердце ее бешено стучало, и она спрашивала себя, хватит ли у нее смелости осуществить задуманное.

В двух шагах от него она остановилась.

Вблизи он оказался еще красивее: скуластое, с правильными чертами лицо, напряженный взгляд. Она обратила внимание на его руки: тонкие, сильные, ухоженные.

— Как вас зовут? — спросила она.

Его губы расплылись в улыбке.

— Орландо.

— А меня — Рената. Я хотела бы заняться с вами любовью.

— Я — тоже, — сказал он, открывая перед ней дверцу машины.

Закатив глаза, Рената умоляла:

— Нет! Нет! Нет... Нет...

— Поднимайся!

— Я больше не могу.

— Поднимайся.

Она поднялась еще на одну ступеньку. Она была не в состоянии сказать, что с ней происходит. Было ли это восхождение пыткой, или наслаждением, или и тем и другим одновременно. Каждая новая ступенька была — как новое распятие на кресте. И этой распятой была она.

С Беллеривштрассе Ландо привез ее к себе домой. Взволнованная больше, чем ей бы того хотелось, — из собственного опыта она знала, что в таких случаях надо сохранять холодную голову, — она даже не попыталась узнать, куда они направляются.

Хранил молчание и Ландо.

Они вышли из лифта, доставившего их на четвертый этаж. Пока он открывал дверь своей квартиры, она чувствовала себя проституткой, прикидывающей сумму, которую потребует с клиента.

Ландо, прекрасно разбирающийся в женщинах, знал, что лишние слова могут только помешать действию. Он не стал терять время, предлагая стаканчик вина или музыку — основная ошибка дилетантов-соблазнительей, которые проигрывают сражение, дав противнику время на обдумывание.

Ударом ноги он захлопнул дверь, повернул ключ в замочной скважине и, прижав Ренату к двери, бесцеремонно задрал ей до пояса голубую юбку. Даже не поцеловав молодую женщину, не приласкав ее, не сказав ни слова, он спустил с нее тонкие колготки ниже колен и властно вошел в нее.

С Ренатой так еще никто не обращался.

Богатый профессиональный опыт Ландо подсказал, что никаких предварительных игр не надо. Да или нет! Сразу! Прижатая к двери, изумленная и шокированная Рената почувствовала, как пробуждается ее тело под сильными толчками Орландо. Обычно Курта она трахала сама. Но здесь ни о какой инициативе не могло быть и речи. Впервые в жизни она осваивала для себя новую роль — пассивную.

— Я хочу в кровать, — простонала она.

Не отвечая, он продолжал проникать в нее, чередуя длинные и короткие удары, замирая иногда, чтобы переждать накатывающуюся волну извержения.

— Пожалуйста... кровать.

Этот ненаступавший оргазм — в последнее мгновение он останавливался — сводил ее с ума. Так он развлекался с ней сорок пять минут: стоя, не уставая, ввинчиваясь в нее, хладнокровно контролируя ритм своего тела.

Изнемогая, глядя на него остекленевшими глазами, Рената почти рыдала:

— Ну же, ну же... еще...

Но Ландо плевал на ее просьбы. Он точно знал, как довести ее до состояния, из которого она не выйдет... В этом празднике чувств, который он создавал, он был всего лишь инструментом... Он делал все возможное, чтобы как можно лучше выполнить приказ

Вольпоне. И только...

— Ландо... Ландо! Умоляю тебя...

Как только она начала судорожно вращать тазом, он снова замер. Но на этот раз он опоздал на какую-то долю секунды... Рената вышла из-под его воли, улетев на таинственных волнах удовлетворения. Разочарованный, он вынужден был следовать движению ее бедер, нанося тяжелые, мощные, финальные удары.

Рената обмякла, черты ее красивого лица исказились до неузнаваемости. Ландо пришлось удержать ее за талию, чтобы она не упала на ковер. Впервые в жизни она перешагнула рубеж, разделявший простое наслаждение от ослепляющего оргазма. Оглушенная, вялая, она подняла на Ландо изумленные глаза и чуть слышно прошептала:

— Спасибо... спасибо...

Но сюрпризы для нее только начинались.

Было бы вполне естественно, если бы он сейчас закурил сигарету, улыбнулся, удовлетворенно потянулся и пошел принять душ. Вместо этого он стал на колени, обнял ее сильными руками и начал нежно лизать внутреннюю сторону ее бедра в том месте, где оно теплое и нежное, как под крылышками у ласточек.

Когда его язык коснулся ее треугольника, обессиленная Рената хотела его оттолкнуть.

— Нет, Ландо, нет... Обожди, обожди!..

Но он крепко держал ее в кольце своих рук и, не обращая внимания на ее протесты, жадно припал ртом к шелковистому руно. Через пятнадцать минут она снова унеслась к звездам. Она начала выкрикивать задыхающимся, прерывистым голосом:

— В кровать... В кровать! Отнеси меня в кровать!

Он еще быстрее задвигал языком, думая в это время о тысяче других вещей: хорошо ли накачаны шины его машины, где сейчас может находиться Инес, как оценит Вольпоне его усилия, если он добьется успеха... Эта мысль вдохнула в него новые силы. Его ласки стали еще неистовее. Рук, казалось, стало в несколько раз больше: они под разными углами исследовали тело Ренаты, задерживаясь на самых чувствительных местах, ласкали, сжимали, проникали...

Когда мышцы рта уже начала сводить судорога, он вынудил ее кончить еще раз.

Рената безжизненно рухнула на пол. Ноздри ее расширились, тело содрогалось в спазматических судорогах. С отчаянием, смешанным с удивлением, она увидела, что член Ландо снова готов набрать силу... Не глядя на нее, он поставил ее на ноги и прошептал на ухо:

— Сейчас ляжем в кровать. Ты этого хотела, ты это получишь...

Крепко обняв сзади, он легонько подтолкнул ее вперед. Пошатываясь, Рената направилась к лестнице, которая вела в лоджию. Когда она ступила на первую ступеньку, он вошел в нее. Несмотря на полное изнеможение, она почувствовала, как горячая волна поднялась по телу от пальцев ног, пройдя через лобок, соски, до корней волос. Она умирала в третий раз...

Неутомимый Ландо посадил ее на вторую ступеньку, нежно, но настойчиво развел руками ей ноги и припал ртом к ее источнику. Рената безнадежно пыталась оттолкнуть его, не понимая, то ли она сошла с ума, то ли уже умерла... Ландо все настойчивее прижимался лицом...

— Ты убьешь меня... Ты убьешь меня!

Он подумал, что скорее умрет сам, если не добьется того, чего хочет от него Итало

Вольпоне.

Он отпустил ее лишь тогда, когда она изогнулась с силой взбрыкнувшей лошади, издав нечеловеческий крик.

Не давая ей прийти в себя, он поднял ее на третью ступеньку, повернул к себе спиной и мгновенно вошел в горевшую, как раскаленное железо, плоть.

— Пощади, я больше не могу... Нет... нет!

Он укусил ее в затылок и выдохнул:

— Ты же хотела в кровать... Осталось всего лишь пять ступенек...

* * *

— Это я! — сказал Вольпоне, стараясь не выдать своего волнения.

— Итало!.. Итало!.. — повторяла Анджела.

Итало был рад, что жена не видит, до какой степени он разволновался, услышав ее голос. Он сжал челюсти и заскрипел зубами, чтобы сдержать глупые слезы, появившиеся у него на глазах.

Страх потерять Анджелу тысячу раз опускал его в могилу.

— Анджела, объясни, что произошло. Тебе сделали плохо?

Моше, который до сегодняшнего дня не обременял себя разговорами с нею, долго наставлял ее, подробно все объясняя:

— Анджела, мы сделали большие ставки! Многого я сейчас вам рассказать не могу. Знайте только, что, если вы пожалуетесь Итало, всем нам будет очень плохо...

— Почему всем?

— Нервы у вашего мужа — на пределе. Смерть брата возложила на него громадную ответственность. Именно он должен завершить дело, начатое Дженцо. Трудное дело... Итало любит вас больше всего на свете... Он далеко от нас и может неверно истолковать приглашение Габелотти. Итало ненавидит его, но Габелотти действовал только во благо вам... Он защищал вас...

— Но от кого? — удивилась Анджела.

— Не задавайте мне вопросов, Анджела. Я — ваш друг. Не делайте мое и без того нелегкое положение еще труднее.

Ну что ж, она готова сыграть роль женщины, с которой ровным счетом ничего не произошло.

Игривым тоном она сказала:

— Нет, любовь моя, нет, никто не сделал мне ничего плохого. Я ужасно скучаю без тебя.

— Я тоже, Анджела... Если бы ты знала...

— Хочешь, я прилечу к тебе?

— Нет, нет! Я задержусь еще на один-два дня!

— Я могу тебе чем-то помочь?

— Да. Скажи, что ты меня любишь.

— Я люблю тебя, Итало!

— Закончу здесь все дела, и съездим с тобой на Сицилию.

— Правда?

— Да. После Италии навестим твоих родителей. Этот Габелотти, он разговаривал с тобой?

— Да... Он был очень вежлив...

— Почему ты не сказала мне, что едешь к нему?

— Все так быстро произошло... Когда мы с тобой начали разговаривать, в дверь позвонили... Я пошла открыть... а когда возвратилась, в трубке услышала короткие гудки...

— С тобой хорошо обращались?

— Да, Итало, очень...

— Ладно, ладно... Я волновался, понимаешь... Думал, что ты там одна с этим... этим...

Мои друзья, они сейчас рядом с тобой?

— Да.

— Сколько?

— Четверо.

— Ладно.

— Итало.

— Да.

— Я не любопытная, Итало, но ты — мой муж. Возможно, когда-нибудь ты расскажешь мне... Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да... Не создавай себе проблем... Ты видела Франческу?

— Это ужасно!

Она чуть не сказала ему о предсказании вдовы Дженцо: «Они убьют Итало!»

— Анджела.

— Да.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Ты!

— А мне — ты! Моше приходил к тебе?

— Он ушел час назад... складывать чемоданы.

Вольпоне нахмурился.

— Чемоданы? Зачем?

— Итало, ты же его хорошо знаешь...

— Не может быть!.. — взвыл Вольпоне.

В нем все закипело от мысли, что его советник поступает как хочет, думает за него и не выполняет его приказов.

— Он летит в Цюрих первым самолетом, — сказала Анджела.

* * *

Курт незаметно посматривал на своих родителей.

Они стояли чуть в стороне, почти касаясь друг друга и настороженно глядя по сторонам, и не знали, что им делать. Возбужденные оригинальностью оформления зала, гости сновали взад-вперед, толкали их и растворялись в группах общих знакомых.

Часы показывали начало первого ночи. Ренаты все еще не было.

Неловко себя чувствуя в черном велюровом костюме и белой рубашке с жабо, Курт безнадежно всматривался в лица прибывавших гостей, ожидая, что вот-вот вспыхнет

великолепное светло-розовое платье его невесты. У него была достаточно сильная интуиция, чтобы почувствовать, что все начинается плохо. Сдержанный более обычного, Клоппе, сделав видимое усилие, улыбнулся ему, и они обменялись несколькими словами. Шилин вела себя, как всегда, непринужденно, громче всех хлопала в ладоши.

— Сегодняшняя молодежь — просто сумасшедшие! Вы только посмотрите, во что они превратили мою квартиру! — кудахтала она, беря под руку своих подруг и прогуливаясь по дому.

Курт с тоской подумал, что ему предстоит еще мучиться в этом цирке почти три часа, прежде чем они с Ренатой сбегут отсюда.

Не было еще и священника.

Вертолет зависнет над крышей без нескольких минут три и доставит их на аэродром, откуда Рената поведет собственный самолет в Италию, в Портофино. Там их ждет яхта, на которой они совершат восьмидневный круиз по Средиземному морю. Восемь человек экипажа: капитан, его помощник, механик, бармен, три стюарда и два повара. И все — для них одних!

У входа началось какое-то оживление, сопровождаемое криками, громкими фразами...

Курт подумал, что пришла Рената. Облегчение, которое он почувствовал, было соизмеримо с беспокойством, вызванным ее отсутствием.

Но нет... Это была не она. Пришли университетские друзья и бросились его поздравлять.

— Твоя невеста уже тебе изменяет!

— А что же будет после свадьбы?

— Эй, Курт, куда ты спрятал Ренату?

Курт был в недоумении. Рената должна была быть здесь еще час тому назад. Курт смущенно отвечал на сыпавшиеся со всех сторон вопросы и шутки. Давняя его подружка, приподнявшись на носках, шепнула ему в ухо:

— Если она не придет, вспомни обо мне. Я всегда готова ее заменить...

Шилин, направляясь к Курту, прокладывая себе путь через плотную толпу гостей.

— Вы не знаете, где Рената? — с беспокойством, которое ей не хотелось бы показывать, спросила она.

Курт широко улыбнулся.

— Должно быть, заканчивает наряжаться... А разве вы ее не видели?

— Она ушла из дому около четырех часов. Собиралась пойти к парикмахеру...

— И...

— С тех пор я ее не видела. Я волнуюсь...

Метрдотели в белом разносили шампанское.

— Где невеста? — выкрикнул кто-то, поднимая бокал.

— Сейчас будет... Сейчас будет... — успокаивающе сказала Шилин. — А вот и священник! Курт, пожалуйста, сделайте что-нибудь...

И она заторопилась навстречу святому отцу, старому другу семьи, который с большой неохотой согласился участвовать в церемонии бракосочетания при таких нелепых обстоятельствах.

Курт незаметно посмотрел на часы: 12.30.

Через полчаса все сядут за стол. Он решил обождать еще десять минут и отправиться на поиски Ренаты.

Она закурила, сделала глубокую затяжку и указательным пальцем провела по лицу Ландо. Это едва осязаемое прикосновение заставило его почувствовать, как он устал.

Конечно, у нее не хватит всей жизни, чтобы восстановить в памяти те неизгладимые впечатления, ощущения, которые в течение нескольких часов разрушили ее представление о счастье. Она навсегда перешагнула границу в его измерении. О своем партнере она знала только то, что его зовут Ландо. И о ней он знал столько же: шесть букв, составляющих ее имя, — Рената. Он был Бог, и никто не мог с ним сравниться. Но ей надо было уходить.

— Ландо... Который час?

Он провел пальцем по ее соску.

— Понятия не имею... Полночь... Час ночи... Два часа... Какое это имеет значение?

Она с горечью улыбнулась.

— Мне нужно уходить.

— Сейчас?

— Я даю бал...

— Среди ночи?

— Да... Свадьба! Моя! Через час я выхожу замуж.

— Тебе наплевать на меня?

— Нет! Правда, нет!

Он надеялся, что она забыла о времени, но того, что он с ней сделал, ей явно не хватило... Подгоняемый страхом, который ему внушал Вольпоне, он отдал все силы, чтобы она осталась. Язык болел, став тяжелым и сухим, как лоскут материи. Снова пустить его в дело было невозможно. Остальное...

Итало был категоричен:

— Я хочу, чтобы у Клоппе разразился скандал! Над девчонкой не издевайся, но вздрючь ее так, чтобы она забыла о свадьбе.

Ландо наклонился к Ренате и нежно укусил за мочку уха. Она напряглась, вспомнив, как его зубы впились ей в затылок...

— Я не верю тебе, — сказал он.

Она заставила себя улыбнуться.

— Хочешь, чтобы я пригласила тебя?

— Зачем ты выходишь замуж?

Она надолго задумалась.

— Откровенно говоря, не знаю... Как твоя фамилия?

Он заколебался, но ответил.

— Баретто.

«Рената Баретто», — промелькнуло у нее в голове.

— Ты любишь его?

— Нет.

— Тогда вообще непонятно, зачем ты выходишь замуж!

— Я сама этого не понимаю... Слишком поздно об этом сейчас говорить, Ландо... Все закручено...

Он пожал плечами.

— Я не одна! Об этом знает весь город... Приглашены гости... Я не хочу доставлять отцу неприятности...

— Чем занимается твой отец?

— Банкир.

— В Цюрихе?

— Да. А чем занимаешься ты?

— На пенсии.

Она прыснула со смеху.

— Я был профессиональным футболистом. Отыграл свое...

— Какая же дерьмовая свадьба предстоит! И это — моя свадьба!

Она сделала движение, чтобы выбраться из кровати. Он притянул ее к себе и крепко прижал.

— Ты знаешь, что между нами произошло? Для меня — нечто необыкновенное!..

— И для меня... — серьезно сказала она.

— Почему бы тебе не поехать со мной?

— Куда?

— Куда скажешь.

— Сейчас это невозможно, Ландо.

— Машина внизу... Сбежим?

Она задумчиво на него посмотрела, и ее сердце забилось быстрее. Он заметил ее волнение и колебание.

— Ты готова сделать такую глупость? Тебе хорошо со мной?

Она машинально прижалась к его груди.

— Ну так что? — настаивал Ландо.

Не глядя на него, она быстро прошептала.

— То, что ты мне дал... Нет, ты не сможешь это понять.

Она отстранилась и встала. Его мозг лихорадочно работал в поисках средств удержать ее. Если бы он только мог оглушить ее, все проблемы разрешились бы... Он смотрел, как она натягивает колготки, надевает юбку...

— Я не могу держаться на ногах, — сказала она.

Ноги у нее дрогнули, и она села на край кровати.

Он продолжал лежать не шелохнувшись. Она доверчиво положила голову ему на плечо.

— Ландо...

— Не уходи!

Возможно, промолчи он, и она осталась бы... Но его слова словно подстегнули ее. Она с трудом встала, застегнула бюстгальтер и сказала:

— То, что произошло со мной, — ужасно! Ужасно! Ужасно!

Она посмотрела на себя в зеркало и вздрогнула.

— Господи! Я выгляжу как столетняя старуха. Что ты со мной сделал, Ландо?

— Ничего. Так как ты уходишь...

— Пойми меня, Ландо...

— Нет.

На ее глаза навернулись слезы.

— Ландо, до завтра! Если ты этого хочешь. Клянусь тебе, я разведусь!

Он протянул ей туфли.

— Ты опоздаешь, уже половина третьего.

Партию он проиграл. Интуиция подсказывала, что он ее не удержит.

— У меня не осталось времени переодеться. Это — ужасно!

— Я отвезу тебя.

В машине она сказала:

— Я хотела бы иметь твою фотографию. У тебя найдется для меня одна?

— Нет.

— А мою хочешь?

Было три часа утра без десяти минут. Они медленно ехали по совершенно пустынной Штамфенбахштрассе, освещенной рекламными огнями магазинов.

— Останови, — попросила она.

Ландо затормозил. Она вышла и перебежала через улицу. Между двумя магазинами дорогих подарков стояла кабинка фотоавтомата. Рената вошла в нее и задернула за собой шторку. Четыре, одна за другой, электронные вспышки прорезали ночь. И снова Рената сидела рядом с ним.

— Гони! — попросила она и протянула ему четыре влажных отпечатка.

Он мельком взглянул на них, сделал удивленное лицо и, наклонившись, что-то шепнул ей на ухо. Лицо Ренаты вытянулось.

— Нет, — решительно возразила она. — Нет!.. В следующий раз.

Тогда Ландо еще что-то шепнул ей. Рената заколебалась, но все-таки вышла из машины и возвратилась в кабинку. Когда она задернула шторку. Ландо увидел, как одна, а затем и другая нога исчезли из его поля зрения.

Четыре электронные вспышки...

Ландо завел мотор и с удовлетворенной улыбкой посматривал на новые снимки. На этот раз лица Ренаты на них не было — только ее лобок в разных ракурсах.

Он отъехал от тротуара.

— Рената, если ты передумаешь... Я оставлю тебе машину... И ключи... Я буду ждать тебя у себя дома... Сколько понадобится.

Она молча взяла его руку, крепко сжала и поднесла к своим губам...

* * *

К часу ночи гости преклонного возраста, не имевшие привычки бодрствовать ночью, расселись вокруг небольших столов. Шилин, почувствовав надвигающуюся катастрофу, заламывая руки, бросилась к появившемуся в зале будущему зятю.

— Курт! Вы нашли ее?

— Нет, миссис, нет. Я решительно ничего не понимаю. Ее нигде нет...

— Господи! Что я скажу священнику?

— Меня беспокоит не пастор, а Рената, — зло бросил Курт. — Все на месте, кроме невесты!.. Она что-нибудь вам говорила?

— Нет...

— Но последней видели ее вы!

— Что делать, Господи, что делать?

— Где ваш муж?

— Хомер? Не знаю... Только что он был здесь.

— Это — ненормально! С Ренатой, вероятно, что-то случилось!

— Но где? Что?

— Вы звонили в полицию?

— Нет... Но... А все эти люди?

— Пусть садятся за стол.

— Пойду посоветуюсь со священником.

Курт повернулся, но не успел сделать и трех шагов, как оказался в окружении группы молодых людей.

— Ну так что? Где твоя жена? Мы уже проголодались!

— Жрите!

Курт направился к Клоппе, который в глубине комнаты разговаривал с двумя мужчинами средних лет. Пробормотав извинения, взял банкира за локоть и отвел в сторону.

— Я не понимаю, что происходит. Куда исчезла Рената?

— Вы были у нее в комнате?

— Да. Ее нет!

— Что говорит Мануэла?

— Она не видела ее с четырех часов дня.

Клоппе мучила пронзительная боль в челюсти.

Неожиданно ему в голову пришла мысль, что Вольпоне сделал очередную подлость.

— Надо вызвать полицию, — сказал он.

До тех пор пока дело касалось лично его и его чести, он вел себя достойно, не прибегая к помощи полиции для решения своих проблем, которые были прямым продолжением его банковских дел. Но Вольпоне зашел слишком далеко!

Хомер и так задержался с его уничтожением.

— Срочно позвоните в окружную полицию и попросите лейтенанта Фрица Блеча. Пусть он даст команду начать розыски!

Шилин подошла к ним раньше, чем успел отойти Курт. На ее лице было неподдельное беспокойство, но она находила в себе силы механически улыбаться и посылать воздушные поцелуи всем гостям, которые делали ей дружеские знаки.

— Что же происходит? Где Рената? Что вы решили делать?

— Успокойтесь! — сказал Клоппе. — Сейчас Курт свяжется с полицией.

— Но Хомер!.. А эти люди?..

Она показала на двести приглашенных, которые, с бокалами шампанского в руках, стояли разбившись на группы, а по залу распространялся тихий ропот нетерпения...

— У вас неприятности? — вежливо поинтересовался отец Курта.

В десяти сантиметрах позади него, как тень, стояла Утта.

— Нет, папа, нет! Все в порядке! Проводи маму к столу!

В глазах матери он увидел такое страдание, словно она была виновата в том, что до сих пор нет его невесты.

— Ваш сын прав, миссис Хайнц. Проходите к столу.

— Я еще не имел удовольствия видеть Ренату, — сказал Йозеф Хайнц.

— Послушай, отец, мне самому хотелось бы на нее посмотреть! Ты выбрал неудачный момент! Иди за стол!

— Твоей невесты все еще нет? — с болезненным выражением лица спросила Утта.

Курт вдруг возненавидел ее зеленое платье.

Шилин подозвала к себе метрдотеля.

— Быстро накрывайте на стол.

Зазвенел колокольчик, приглашая гостей.

Все потянулись к столам, на которых стояли картонные таблички с указанием фамилии каждого.

Наиболее нетерпеливые, заглянув в меню, разразились смехом, предполагая, что наборщик ошибся в порядке размещения блюд. Меню было составлено наоборот.

А официанты в белых перчатках уже несли подносы с дымящимися чашками кофе и коллекционным шампанским.

На какой-то миг наступило замешательство.

Как все это следовало понимать?

— Очаровательно! — крикнул кто-то из гостей. — На десерт нам подадут устрицы!

Но Шилин уже не на шутку волновало затянувшееся отсутствие Ренаты.

— Курт, где вы ходите?

Он торопливо шел между столов, и со всех сторон к нему тянулись руки; его похлопывали по плечу, поздравляли, отпускали вслед шутки... В момент сбора гостей отсутствие Ренаты прошло незамеченным, но сейчас волна ропота прокатилась по залу и на лицах гостей появились двусмысленные улыбки. Курт подходил к лестнице, ведущей в холл, когда перед ним возник пастор Люстц.

— Профессор Хайнц!

— Да, святой отец!

— Где ваша будущая супруга?

— Сейчас будет. Я иду за ней.

Он бросился к телефону и схватил трубку.

— Алло, полиция!

Курт машинально бросил взгляд в сторону входной двери.

— Я хочу говорить с лейтенантом Блечем! Срочно!

Дверь медленно открылась, и в проеме он увидел Ренату. Курт положил трубку на рычаг. Он был поражен видом своей невесты. Ее лицо было бледное, вытянутое, прическа взлохмачена. Вместо торжественного светло-розового платья на ней был мятый костюм голубого цвета. И никакой косметики на лице!

— Рената!

Вместо страха, что он больше ее не увидит, пришла злость.

— Откуда ты появилась? Все уже чешут языками! Твои родители сгорают от стыда! Я только что звонил в полицию!

Он взял Ренату за руку и отвел в угол. Она смотрела на него так, словно видела в первый раз.

— Ты скажешь мне, что случилось? Ты даже не одета? Рената, я с тобой разговариваю.

Она отсутствующим взглядом посмотрела на его вспотевшее лицо. Это — не ее парень! Она выйдет за него замуж — изменить ничего нельзя, но завтра подаст на развод.

Он сильно встряхнул ее за плечи.

— Наглоталась наркотиков? Рената! Откуда ты пришла?

Вялым движением она высвободилась из его рук.

— Курт, ты хочешь, чтобы я вышла за тебя замуж?

— Что-о? — чуть не задохнулся он.

— Тогда оставь меня в покое и не задавай вопросов.

Ошеломленный, он сделал шаг назад.

— Но ты не можешь... В этой одежде...

— Если ты сейчас же не пойдешь со мной, я уйду...

Она пошла по лестнице. Он настиг ее уже на верхней площадке. Подхватив под руку, принял победный вид, и они вошли в зал.

— А вот и она! — крикнул кто-то.

Когда раздалась приветственная овация, Рената нашла в себе силы улыбнуться. Женщины тут же начали обсуждать ее появление в голубом костюме, гадая о его отношении к церемонии бракосочетания в три часа утра. А впрочем, — кто знает? — возможно, так и было задумано! Здесь все поставлено с ног на голову. Цюрих перестал быть Цюрихом!..

Рената села за стол родителей Курта.

— Неприятности? — спросил Йозеф Хайнц.

— Потом все расскажу... — ответила Рената.

Вышколенный официант поставил перед ней весь набор пропущенных ею блюд: кофе, шампанское, шоколадную шарлотку, сыры, кусок жареной баранины на вертеле. Он наклонился к ней и учтиво объяснил:

— Вы должны начать с кофе... Поторопитесь, сейчас подадут бутерброды.

— Уберите все это, — сказала Рената.

— Вы не голодны? — спросил Йозеф.

— Рената! Рената! — голос Шилин вибрировал от возмущения. Она вышла из-за стола и направилась к Ренате, чей голубой костюм был как удар кулаком ей в солнечное сплетение.

— Но... Где твоё платье?

Рената ласково обняла мать за шею и прошептала:

— Мама, если ты сию минуту не возвратишься за свой стол, я выйду из зала.

Удрученная и испуганная, Шилин послушно направилась к своему столу.

Пока разносили аперитив, распространился слух, который развеселил гостей: какой-то итальянский банкир зашел в туалет, но унитаза там не оказалось. Каково же было его удивление, когда, случайно посмотрев вверх, он увидел его на потолке.

Без нескольких минут три пастор Люстц незаметно подозвал к себе новобрачных, их свидетелей и членов семьи. Все прошли в комнату, которую на одну ночь превратили в часовню.

Пастор произнес ритуальную речь и сказал:

— Курт Хайнц, вы согласны взять в жены Ренату Клоппе?

— Да, — ответил Курт.

Сдерживая слезы, Шилин закусил губу.

— Рената Клоппе, вы согласны взять в мужа Курта Хайнца?

— Да, — ответила она, не поднимая головы.

— Объявляю вас мужем и женой! — заключил пастор.

Дверь распахнулась, и в комнату хлынули гости, чтобы в объятиях, поздравлениях задуть молодоженов. Из-за общего шума никто не слышал, как над крышей дома завис прилетевший вертолет.

На крыше гостей встретили сильные порывы ветра, хлеставшие по лицам, как пощечины. Женщины, в шелковых платьях, ежась от холода, прижимались к своим

спутникам, которые по-рыцарски, расстегнув смокинги, предлагали «убежище». Терраса была освещена косым светом прожекторов, направленных в небо для освещения вертолета. Пилот удерживал аппарат на высоте пятнадцати метров над центром террасы, где стояла пассажирская корзина, украшенная цветами. От нее вверх к вертолету тянулся стальной трос.

— Пропустите молодоженов! — одновременно закричало несколько голосов.

Толпа потеснилась в сторону, освобождая проход Ренате и Курту. Ветер разметал ее волосы. Она с изумлением смотрела на мизансцену, которую поставила сама, не смея поверить, что додумалась до такой вызывающей глупости.

Почувствовав ее неуверенность, Курт потащил ее за собой по живому коридору, из которого раздавались крики «браво». Теперь и он осознал всю абсурдность затеи.

— Рената! Рената! — стараясь перекричать шум роторов вертолета, кричала Шилин, вцепившись в руку дочери и повиснув на ней всем телом.

Толпа рассмеялась.

— Она хочет присутствовать при первой брачной ночи!

— Возьмите ее с собой!

— Шилин с ними! Шилин с ними!

Фразу скандировали, хлопая в ладони. Некоторые взяли с собой бутылки со спиртным и теперь пили, передавая друг другу.

— Рената, не ходи туда! Не садись! Откажись! Я видела плохой сон!

Курт бесцеремонно оттолкнул тещу в сторону. Он решительно забрался в корзину и был неприятно удивлен ее низкими бортами. Оставалось лечь на дно, чтобы не смотреть вниз, и порыгать в собственное удовольствие.

А в это время в этой невероятной неразберихе разворачивались два параллельных действия.

Шилин снова вцепилась в Ренату, которая собиралась переступить через борт корзины. В дальнем углу террасы стоял человек, в обязанность которого входило дать красный световой сигнал прожектором вертолетчику, когда молодожены устроятся. С бутылкой виски в руке, к человеку направился голландский финансист, уже изрядно пьяный.

— Глотни, старина, — предложил он. — Окоченеешь! Глотни! Нас познакомили?

Техник улыбнулся. Отказываться от глотка спиртного в такую погоду — грех. Он взял бутылку и начал пить из горлышка.

— Что это за хреновина? — спросил голландец и нажал на рукоятку.

Красный луч прожектора пробил ночь. Пилот с трудом удерживал аппарат под сильными порывами ветра и был обрадован, увидев красный световой сигнал. Что делалось внизу, он не мог видеть из-за слепящих лучей прожекторов, которые освещали вертолет.

В соответствии с полученными инструкциями, он мягко повел вертолет вверх. Корзина оторвалась от крыши. В ней был только Курт!

Его крик потонул в общем реве толпы.

Но пилот ничего этого не слышал. Он развернулся и полетел известным ему курсом, неся корзину над самыми крышами домов города.

«Муж улетел!» — раздался возглас. Рената увидела, как Курт отчаянно машет руками, быстро исчезая в ночи. Посиневшие от холода гости все свое внимание перенесли на Ренату. Она оторвала от себя руки матери, оттолкнула отца, пытавшегося ее задержать, и бросилась к лестнице.

Очутившись на улице, она оглянулась по сторонам в надежде увидеть такси. Она хотела добраться до аэродрома вместе с Куртом. И тут она вспомнила о машине Ландо.

— Рената!

На пороге дома стоял Хомер Клоппе. На секунду она замерла.

— Послушай, Рената!

— Потом, папа, потом!

Она добежала до машины Ландо, проскользнула за руль «Бьюти гоуст Р9» и завела мотор. Ренату знобило. Она поискала кнопку опускания верха, не нашла и включила отопление.

Затем дала назад и резко взяла старт вдоль Цюрихбергштрассе. Сейчас она все расскажет Курту. Они просто ошиблись! И ничьей вины здесь нет! Он поймет...

Когда она на скорости сто двадцать километров в час выходила из поворота, в колонке рулевого управления раздался сухой треск и тут же заклинило руль. Она не успела даже испугаться, а только подумала: «Я опоздаю...» Потеряв управление, тяжелая машина рыскнула влево. Не выпуская из рук рулевого колеса, Рената резко нажала на педаль тормоза. Завизжали шины. Передние колеса задели скрытый травой откоса бордюр, и машина начала переворачиваться.

Ренату выбросило на шоссе, и, лежа на спине с широко открытыми глазами, она увидела, как, словно при замедленной съемке, на нее падает двухтонная «Р9»...

Фирме «Континентл мотокарз» предстояло зарегистрировать девятую аварию «Бьюти гоуст Р9», вызванную механическим дефектом, и пятую со смертельным исходом.

der III

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
АУТ

Избежать этого было невозможно: в конце рабочего дня, вытянувшись длинной цепочкой, белые и негры проходили через шмон. Прощупывался каждый шов. Если каким-то чудом что-то ускользало от внимания охранников, обмануть рентген никому не удавалось. Два специалиста просвечивали желудки, и ни один алмаз, проглоченный в шахте, дальше аппарата не выносился. Хулио приходилось слышать всякие истории... Говорили, что какому-то белому, немцу по национальности, удалось вынести много алмазов. Его фокус заключался в том, что он закатывал алмазы в жевательную резинку, а ее обертывал серебристой бумагой от шоколада. Все знали эту историю, но никто не знал этого немца. Попробуй докажи обратное!.. Но Хулио не из тех, кто способен на подобные хитрости. Дисциплина была строжайшей. Лагерь окружали несколько рядов колючей проволоки, через которую пропускался ток напряжением в 250 вольт. По утрам вдоль ограждения находили погибших диких животных. К полудню они разлагались от жары. К пяти часам вечера высыхали. К следующему утру от них не оставалось никакого следа: их сородичи доедали останки.

Охранники отличались высоким ростом, низкими лбами и полным отсутствием чувства юмора.

Раза два Хулио выезжал в город. Эти поездки оставили в его душе горький осадок.

Каким бы белокожим ты ни был, но в Ботсване португальца не считали за чистокровного белого. Это давали понять в барах, где долго не обслуживали и в конце концов говорили, что его место в шахте вместе с неграми. В лагерь он возвращался без всякого сожаления. Воздух здесь был чистый, а грузовичок раз в неделю исправно привозил проституток. Письма Мануэлы поддерживали его моральный дух.

— Что у тебя в руке? — спросил охранник.

— Письмо, — ответил Хулио.

— Покажи...

— Ты не умеешь читать.

— Дай!

Охранник скомкал лист бумаги в своей огромной пятерне и бросил его Хулио.

— Порядок, сваливай.

Единственным родным человеком на земле для Хулио была Мануэла. Его совершенно больная мать проводила остаток своих дней в приюте для престарелых. Хулио ежемесячно высылал деньги на ее содержание. В последний его приезд в Португалию, два года тому назад, она уже не узнавала его. Его радовало и успокаивало, что Мануэла волнуется за него. Письмо он получил утром. А сейчас мог уже рассказывать наизусть целые куски. «Я не знала, что новая работа настолько опасная. Оставь ее!» Последние слова были подчеркнуты двумя линиями. «Возвращайся, Хулио! — писала Мануэла. — Поживем еще года два в Цюрихе. Хозяйка подыщет тебе спокойную работу...»

В Швейцарии Хулио работал шофером по доставке заказов на дом. Но униформа и форменная фуражка действовали ему на нервы. В газете «Ля Сюисс» он прочел небольшое объявление, из которого следовало, что предлагается работа в Ботсване с зарплатой в четыреста долларов в неделю. А Мануэла еще писала: «Возвратимся в Альбуфьеру. Купим магазин, будем жить вдвоем...» Сколько же они мечтают о своем магазинчике! Если он

отработает здесь еще год — дело в шляпе. Денег, сэкономленных им и Мануэлой, с лихвой хватит для первого взноса. Остальное возьмут в кредит...

Но прежде всего надо взять несколько дней отпуска и жениться на Мануэле до того, как у них родится ребенок. Осталось меньше пяти месяцев. К сожалению, по лагерю ходят слухи, что шахту закроют из-за плохой организации безопасности труда. Работать действительно становилось опасно.

За три месяца Хулио видел шесть трупов погибших негров.

Некоторые говорили, что хозяева «Вассенарз» никогда не пойдут на закрытие шахты. Наоборот, увеличат премиальные за риск.

Хулио подходил к своему бараку, когда раздался звук сирены и тут же послышался голос из динамиков, развешенных по территории лагеря.

— Срочный сбор у здания дирекции... Повторяю...

— Что им нужно? — спросил Гонзалес, его соотечественник.

— Пошли узнаем, — ответил Хулио.

Перед зданием, где они получали зарплату, толпились сотни черных и белых мужчин. На террасе появился главный начальник. Эрик Морталд. Он поднес ко рту рупор.

— У меня для вас есть три новости. Две — хорошие и одна — плохая. Начну с плохой. Шахта закрывается!

В мгновенно наступившей мертвой тишине эхом отозвалось в горах: закрывается... закрывается...

Для них это простое слово означало изменение в жизни: для европейцев — возвращение домой. Но для всех общим было одно — потеря работы.

— А теперь хорошая новость! Работы прекращаются, чтобы построить для вас более комфортабельный лагерь и обезопасить работу в шахте. По моей просьбе, и в ваших интересах, высшее руководство компании выделило для этих целей четыре миллиона долларов!

Морталд сделал паузу, давая время ощутить значение этой громадной суммы. Но для тех, кто его слушал, эта цифра была как пустой звук, она просто не укладывалась в их сознании. Что такое четыре миллиона долларов? Какой-нибудь святой или планета Марс?

— Эта сумма, — продолжал директор, — будет направлена на ваше благо.

— Какое благо, если мы сворачиваемся? — раздался чей-то крик, и охрана забегала в поисках недовольного.

— Именно так и будет! — выкрикнул Морталд своему неизвестному оппоненту. — Как только будут закончены работы по укреплению стволов шахты, мы возвращаемся... Все будут снова приняты на работу...

— Когда уходят, уже не возвращаются!

На этот раз охрана засекла крикуна и бросилась к нему, чтобы пощекотать бока электродубинкой.

— Стоп! — крикнул Морталд.

Охранники неохотно остановились.

— Поймите правильно, — продолжал Морталд, — компании было нелегко решиться на этот шаг. Через восемь месяцев шахта снова заработает. В качестве выходного пособия каждый из вас получит двухмесячную зарплату. Те, кто подаст нам письменное заявление о желании работать на шахте после ее открытия, по возвращении получат четыре месячных оклада.

Морталд откашлялся. Телекс, полученный сегодня утром, был кратким и исчерпывающим. Морталда взволновала забота Хомера Клоппе о рабочих. На его месте он...

В заключение он прокричал в рупор:

— Удачи всем!

— Дерьмо дело! — сказал Гонзалес. — Что ты собираешься делать?

Хулио неопределенно пожал плечами. Прежде всего надо предупредить Мануэлу о возвращении в Цюрих. Он достал из кармана ее письмо и еще раз прочел строчки: «Моя хозяйка подыщет тебе спокойную работу». Это было написано черным по белому. Хулио знал Ренагу и то, что Мануэла ее обожает. Но вчера дочь банкира вышла замуж, и вряд ли у нее найдется время заняться его проблемами.

В барак Хулио возвратился в плохом настроении. Он достал из ящика стола ручку, лист бумаги и начал писать.

* * *

Доктор Мэллон осторожно взял Габелотти за запястье и посчитал пульс.

— Хорошо себя чувствуете?

— Нет, — прохрипел Габелотти.

Когда его взгляд случайно задерживался на иллюминаторе, он быстро закрывал глаза, чтобы остановить начинавшееся головокружение. Он упорно смотрел в лежавшую на коленях газету и не видел ни строчки. К тому же он никак не мог забыть ужасные слова командира корабля: «Мы летим на высоте одиннадцать тысяч метров!» Еще до взлета доктор Мэллон напичкал его транквилизаторами. От них разболелась голова, но страх не прошел. Вцепившись пальцами в подлокотник, Габелотти перебирал в памяти все авиакатастрофы за последние десять лет. «ДС-10» в Париже... двести трупов... Месяц назад в Санта-Крус... такой же «Боинг-747», как и этот... Еще в...

— Ричард...

— Да, дон Этторе.

— Что-то мне совсем не по себе. Дайте мне еще одну вашу чертову таблетку.

— Вы уже превысили дозу.

— Плевать!

— Как скажете.

Врач вызвал стюардессу и попросил принести стакан воды. Перед тем как направить свой талант на поддержание здоровья богатой клиентуры, он три года проработал в психиатрической клинике. Он приблизительно знал, что такое страх полета для человеческого сознания. Знал он и то, кем был Габелотти. И часто спрашивал себя, не является ли его неудержимая страсть к власти компенсацией полового бессилия. Но для этого надо было побеседовать с Габелотти, задать ему несколько вопросов... Правда, с таким же успехом на эту тему можно говорить с каменными идолами с острова Пасхи. И тем не менее Габелотти предложил ему одиннадцать тысяч долларов за сопровождение в полете. За такие деньги его клиенты в Нью-Йорке могут три дня обойтись без него.

— Вам лучше, дон Этторе?

Заботливость Кармино Кримелло выводила Габелотти из себя. Этим он еще больше давал ему прочувствовать свое недомогание.

— Убирайся, — не глядя на него и не разжимая зубы, прошипел Габелотти.

Дважды повторять не было необходимости...

Кримелло поднялся по винтовой лестнице в бар и налил себе целый стакан виски. Его проблема заключалась не в самолетах, а в машинах. Если за рулем сидел кто-то другой, он умирал от страха. Но больше всего он боялся умереть от пули.

— Если уж на то пошло, дон Этторе, глотайте сразу две, — сказал доктор Мэллон. — Может, попробуете уснуть?

— Я не хочу спать! Мне приснится, что я лечу в самолете, и я проснусь.

— Прекрасная шутка, — засмеялся доктор Мэллон. — Не волнуйтесь... Через три часа мы будем в Цюрихе.

— Я сдохну раньше.

Дон Этторе в десятый раз убедился, что бумажный мешочек, как и рекламные проспекты, по-прежнему находится в кармашке кресла.

Умереть — это еще куда ни шло, но блевать публично!..

* * *

Телефонный звонок оторвал Шилин от группы друзей, оживленно обсуждавших сказочный взлет Курта Хайнца. Как и все, она от души смеялась и продолжала смеяться даже тогда, когда незнакомый голос из трубки сказал, что Рената стала жертвой автомобильной катастрофы на шоссе Декомпозе. Положив трубку, она нетвердой походкой подошла к Хомеру и тихо сказала ему на ухо о постигшем их горе. Никому не сказав ни слова, они незаметно покинули своих гостей и, сходя с ума от ужаса, бросились к месту аварии.

Первый шок Хомер испытал, увидев лежавшую вверх колесами незнакомую «Бьюти гоуст Р9». Второй — когда увидел тело Ренаты... Затылок дочери был раздроблен, грудная клетка раздавлена.

Кошмар продолжался дома...

Несмотря на поздний час — четыре утра, большинство гостей, уже совершенно пьяных, продолжали веселиться... Одни горланили песни гренадеров, другие громко, с шутками перекликались, находясь в разных концах комнаты, третьи танцевали между столами, уставленными пустыми бутылками...

Входная дверь неожиданно распахнулась, и в проеме показалась рыдающая Шилин. За ней шли мужчины в черном, неся на носилках тело Ренаты, покрытое одеялом. Процессию замыкал Хомер. Он шел с отрешенным видом, плотно сжав губы. Все прошли в комнату, которая когда-то принадлежала молодой женщине. Едва за ними закрылась дверь, оцепеневшие гости стали на цыпочках покидать дом. Есть горе, которое невозможно разделить...

К восьми часам утра Рената была одета в свой последний путь. Шилин разбудила телефонным звонком директора фирмы погребальных обрядов, и он направил к ним четырех лучших специалистов. Рената лежала на своей девичьей кровати. Лицо ее было спокойным и таким же красивым, как в жизни. Мать попросила одеть ее в светло-розовое платье, которое предназначалось для церемонии бракосочетания. На каждом углу кровати стояли зажженные свечи. Раздавленные горем, держа друг друга за руки, Шилин и Хомер стояли на коленях и беззвучно рыдали.

Курт Хайнц появился в доме в восемь десять утра. Ни тесть, ни теща не посмотрели на него. Он опустился рядом с ними на колени и начал молиться.

Когда он возвращался из аэропорта, кипя от злости и негодования, его такси было остановлено полицейским заслоном. На обочине, колесами вверх, лежала машина с откидным верхом.

Курт ненавидел такие сцены.

— Поезжайте, — сказал он, отводя глаза.

Он промерз до последней косточки и не знал, что ему делать дальше. Теперь все зависело от Ренаты. Если она извинится и подробно объяснится, он готов возобновить диалог... Она испортила его свадьбу, одновременно были унижены его родители.

— Секунду! — попросил шофер. — О черт! Такая красивая девушка!

Курт машинально повернул голову. Сердце прыгнуло ему в горло. Он узнал голубой костюм Ренаты. Выскочил из машины, забыв о холоде, со странным ощущением вкуса ржавчины во рту. Через пять минут подъехали Клоппе.

— Эта машина — погибшей? — спросил у Хомера старший полицейский.

Тот горько покачал головой. Кто бы ни был владельцем «Р9», ответственность за случившееся ложится на его плечи. Почему Господь Бог посадил его собственную дочь в этот смертоносный аппарат, который у него не хватило смелости вовремя нейтрализовать?

— Имя жертвы — Рената Клоппе, правильно? — спросил полицейский.

— Нет, — сказал Курт, — Рената Хайнц.

Хомер молча повернулся к нему спиной. Курт заехал домой, чтобы сменить свой нелепый теперь велюровый наряд и плиссированное жабо. Он принял горячий душ, надел халат и надолго сел в кресло, пытаюсь понять, как он стал вдовцом через пять минут после свадьбы.

Закончив молитву, он посмотрел на тестя. Клоппе держал за руку свою жену. Время от времени он поднимал глаза на лежавшую на кровати Ренату. Только сейчас Курт заметил на ней светло-розовое платье. Это потрясло его. Банкир принадлежал к другому, нежели он, миру. Однако в этот момент Клоппе не показался ему чужестранцем, а скорее братом, с которым его связывает общее горе. Ему захотелось дать это почувствовать Клоппе, и он тихо прошептал:

— Что мы сделали Господу, что он так жестоко нас наказал?

Не разжимая зубов, Хомер Клоппе едва слышно сказал:

— Оставьте нас в покое.

— Рената была моей женой, — возразил Курт.

— Она была моей дочерью, а не вашей женой. Вам больше нечего здесь делать. Уходите.

И снова рот Курта наполнился этим странным вкусом ржавчины.

золотистом отсвете заката птички перепрыгивали с ветки на ветку.

Он уже забыл, когда в последний раз видел живое дерево... Обнаженный по пояс, с впечатляющей мускулатурой, животной силой, Итало Вольпоне ходил по комнате, растирая себя махровым полотенцем. Каждое его движение приводило в движение бугры мышц.

— Кто просил тебя приезжать? — в десятый раз повторил он. — Кто? Будешь отвечать?

— Никто.

— Ты делаешь глупость за глупостью! Ты позволил похитить мою жену и протянул руку похитителю! Ты, может, думаешь, что я спал и видел, как встречаюсь с Габелотти?

Юдельман резко отвернулся от созерцаемого пейзажа. Ему вдруг надоело выслушивать грубости Вольпоне.

— Прекрати обвинять других! Ты находишься здесь уже четыре дня! Где результат? У тебя есть номер счета? Нет! А чтобы прикончить двух американских ищеек, необязательно было лететь в Цюрих! Твои парни с тем же успехом могли бы это сделать в Нью-Йорке!

Итало вплотную подошел к нему. Он был бледен от душившей его злобы.

— Если тебе дорога твоя шкура, — прогрохотал он, — никогда больше не разговаривай со мной в таком тоне. Никогда!

Моше пожал плечами.

— Плевал я на свою шкуру. Я хочу спасти твою! Комиссьоне имеет на тебя зуб. Если она сунет свой нос в наше дело, загремим все...

— Тебе хочется, чтобы я сквозь пальцы посмотрел на убийство Дженцо. Тебе понравилось бы, если бы я проглотил наглую выходку Габелотти и сказал ему «спасибо»!

— Есть время делать дело, а есть — сводить счета. Я любил Дженцо больше, чем ты! Или мы случайно проработали рядом семнадцать лет? Ты знаешь, почему он стал доном? Потому, что он всегда ждал своего часа, чтобы вернуть долг!

Итало мгновенно успокоился. Моше был прав. И эта его правота выводила его из себя.

— Ты — не боевик, Итало, а новый капо нашей «семьи». А капо в первую очередь использует свое серое вещество, а не хватается за пушку.

— Если ты такой умный, — язвительно сказал Итало, — посмотрим, что ты сумеешь сделать.

— Главное — выжить! Я только что прилетел и ничего не знаю, если не считать того, что наши деньги по-прежнему находятся в банке. Что ты сделал с этим банкиром?

— Так... припугнул... Небольшой скандал... Подослал в церковь, где он читал лекцию, чернокожую проститутку...

— Еще...

— Вырвал все зубы...

— Результат?

— Ноль! Он отправил меня пощипать травку.

— Неудачный ты выбрал прием... — мрачно обронил Моше. — Даже если бы ты ему оторвал яйца, он бы не раскололся. Ты думаешь, что воюешь с одним человеком? Ошибаешься! Ты поднял руку на всю Швейцарию! А этих сучьих банкиров еще никто не обламывал.

— И что из этого? — взревел Вольпоне.

Юдельман разочарованно вздохнул и снова повернулся к окну.

— Надо подождать прибытия дона Этторе, — сказал он.

Итало недовольно посмотрел на него.

— Что? Ты ждешь подсказки от этого борова?

— Нет. Я жду, что этот боров прольет слезу. До сегодняшнего дня шевелились одни мы... В случае неудачи ответ держать придется нам. Габелотти сделал бы перед Комиссьоне мину, что дал нам полную свободу, а мы запороли дело. Дав ему возможность посуетиться, мы уравнием шансы.

— Что большего, чем я, он может сделать?

— Боюсь, что ничего. Но сейчас это не так важно. Партию разыграют четверо: Итало Вольпоне, Габелотти, банкир... и фараоны. Первый кон, Малыш, ты проиграл. Второй предоставим Габелотти.

— А чем в это время буду заниматься я? Сидеть сложа руки и считать мух на стекле?

— Ты будешь ровно дышать и дашь ему попыхтеть. Посмотрим, когда он начнет задыхаться...

— А если у него ни черта не выйдет?

— Тогда, Итало, даю слово, я первый санкционирую военные действия против банкира...

* * *

Проплакав несколько часов, Мануэла решила, что оставаться у Клоппе она не сможет. Через два месяца ей исполнится столько же лет, сколько было Ренате.

Она положила руку на живот. Присутствие умершей в доме дало ей лучше почувствовать, насколько дорога ее жизнь, носительницы другой жизни. Все очень просто. Сейчас она отошлет телеграмму Хулио. Всего лишь одно слово: «Возвращайся!»

Она знала, что Хулио бросит все и приедет.

* * *

С самого утра Ландо терпел язвительные уколы Вольпоне. Прибытие в Цюрих Моше Юдельмана явно не принесло ему успокоения. Итало орал во всю глотку:

— И ты отпустил ее! У тебя не хватило мозгов задержать ее!

— Я сделал все, что смог...

— Не много, должно быть, ты ей сделал, — ухмыльнулся Вольпоне. — А я-то считал тебя чемпионом!

От усталости Ландо шатало. Проводив Ренату, он сел в такси и возвратился к себе. Измятая постель напомнила ему о его любовном труде, который ни к чему не привел: Рената не возвратится. От перенапряжения он долго не мог уснуть и провалился в сон только к шести утра. В семь его разбудил будильник. Через сорок минут он уже отчитывался перед Вольпоне.

Итало слушал его три минуты, затем обругал и засомневался, можно ли в будущем доверить ему какое-нибудь дело... Несправедливо обиженный, Ландо прошел на кухню, где уже хозяйничал Беллинцона. Неожиданно он почувствовал, что голоден. Он с остервенением стал делать бутерброды с маслом и салами. Пьетро открыл холодильник и достал бутылку пива. Ландо сел за большой инкрустированный стол и впился зубами в первый бутерброд. Но

больше, чем прошедшая ночь, его беспокоили предыдущие события. Богородица уберегла его от гигантов, возложив весь позор на его товарища. Он спрашивал себя: как человек, оттраханный в задницу, находит в себе силы смотреть в глаза другим?

Беллинцона с ним не разговаривал, а если отвечал, то голову не поднимал. «Он тебя убьет», — сказал брат Инес.

— Эй, Пьетро, я сделал бутерброды и для тебя.

За спиной стояла мертвая тишина. Встревоженный Ландо обернулся, чтобы посмотреть, чем занимается Беллинцона. Волосы на голове у него зашевелились. Пьетро стоял в метре от него и задумчиво смотрел на его затылок. В правой руке он сжимал огромный нож-пилу. В течение нескончаемых пяти секунд они смотрели друг другу прямо в глаза. В горле у Ландо застрял кусок.

— Что ты так на меня смотришь! — пронзительно закричал Ландо.

Беллинцона молча отвел глаза и стал резать хлеб.

* * *

Когда Габелотти ступил на твердую землю, он чуть не упал на колени и не поцеловал ее, как это делают спасшиеся после кораблекрушения. Несмотря на огромное количество проглоченных транквилизаторов, Габелотти до самого приземления сохранял ясность ума и с ужасом смотрел на приближающуюся посадочную полосу. По его лицу градом скатывался пот, и он был уверен, что самолет разобьется.

— Ну вот, не так все и страшно, — сказал доктор Мэллон.

Габелотти бросил на него зверский взгляд, отстегнул ремень безопасности и оказался у люка раньше, чем подогнули трап. Кармино Кримелло стоял позади него, но из осторожности держал рот закрытым. По бледному лицу дона Этторе он понял, что полет оказался для него мучительным испытанием.

Пройдя паспортный контроль, они увидели ожидавшего их Бадалетто.

— Здравствуйте, дон Этторе. Все прибыли...

Следуя полученным инструкциям, Карло вместе с Томасом Мертой и Анджело Барбой улетели из Нью-Йорка в Милан. Фрэнки Сабатини и Симеон Ферро приземлились во Франции, в Лионе. И те и другие прибыли в Цюрих поездом.

В Швейцарии организационными вопросами занимался Лючиано Дзулино, контролировавший сеть проституции, принадлежавшую «семье» Габелотти в Южной Европе.

Когда Анджело Барба попросил его организовать пребывание дона в Цюрихе, Лючиано Дзулино с радостью ухватился за возможность показать себя.

— Я займусь всем и все сделаю! — заверил он.

Он никогда не видел Габелотти, но моментально выделил его из толпы сопровождающих лиц. Он схватил правую руку дона Этторе и поднес ее к губам.

— Целую вам руки!

Габелотти прекрасно обошелся бы без этого проявления уважения в общественном месте. Он выдернул руку и прошел мимо Лючиано, как мимо пустого места.

Два «мерседеса» черного цвета с тонированными стеклами ждали их перед зданием аэропорта. Шоферы, одетые в черное, подобострастно распахнули дверцы машин.

— Вы с нами, доктор? — спросил дон Этторе у Мэллона.

— Нет, доберусь на такси. У вас и без меня достаточно забот. Вы знаете, где можно меня найти?

— Знаю. За несколько часов до вылета я позвоню вам. Билет для вас возьмут.

— Всегда к вашим услугам.

Мэллон поклонился и затерялся в толпе. Дон Этторе, Лючиано Дзулино и Анджело Барба сели в первый «мерседес». Бадалетто, Кримелло, Мерта, Сабатини и Ферро — во второй.

Разрабатывая план прибытия в Европу, дон Этторе решил, что его люди должны прилететь небольшими группами и в разные города. Теперь ему стало ясно, что эта предосторожность бесполезна. Зачем прятаться? Он — уважаемый бизнесмен и путешествует со своей деловой командой.

— Я зарезервировал вам несколько апартаментов в отеле «Командор», дон Этторе.

— Хорошо. Цветы?

— В багажнике машины.

Лючиано Дзулино открыл рот, собираясь что-то сказать, но так и не решился.

— Далеко туда ехать? — спросил Габелотти.

— Пятнадцать минут, — ответил Дзулино.

Дон Этторе сидел, развалившись на сиденье из мягкой кожи, и смотрел на пронесившийся мимо пейзаж.

— Если вы задержитесь здесь, — сказал Лючиано, — я мог бы снять для вас виллу.

— Спасибо, — ответил Габелотти, — этого не потребуется.

Остаток пути проехали в полном молчании. Дзулино решил, что дон относится к категории «молчунов».

«Мерседес» остановился.

— Приехали, дон Этторе, — сказал Дзулино.

В ста метрах от них остановился «фольксваген» кремового цвета. За рулем сидел Фолько Мори. Моше Юдельман, которому Габелотти сообщил номер рейса, поручил ему проследить за Габелотти и доложить. Он увидел, как Габелотти вышел из машины и сразу же попал в окружение семи человек, среди которых он узнал Кримелло и Барбу. Третьим был Томас Мерта, он командовал «солдатами», устраивавшими самые крупные дела «семьи». Остальные: Бадалетто, Сабатини и Ферро — пыль... Седьмого Фолько не знал. Неожиданная мысль поразила его своей смелостью: три-четыре гранаты — и от верхушки клана соперников останутся одни воспоминания.

Служащий морга через окно видел прибытие импозантного кортежа. Роскошные машины, как и сановный вид Габелотти, произвели на него впечатление.

— Сейчас я провожу вас... Что же касается цветов... Позволю себе заметить, что в нашем учреждении они не имеют никакого смысла.

Лючиано Дзулино знал об этом уже тогда, когда получил заказ на цветы: морг — не кладбище. Но из скромности не решился об этом сказать.

Служащий провел их в холодное помещение.

Габелотти властно кивнул Бадалетто.

До того как Бадалетто стал одним из «лейтенантов» Габелотти, он долгие годы состоял на службе у Дженцо. И если кто мог узнать эту посиневшую плоть, то только он. Он наклонился над металлическим ящиком и беспомощно пожал плечами.

Карло согласился на это опознание потому, что не хотел лишней раз злить своего падроне. Но смешно было даже предположить, что Дженцо Вольпоне показывал свои ноги ему, в то время простому «солдату»! Зачем, по какому поводу?

Постояв минуту с опущенной головой, Дон Этторе расписался в журнале посетителей, протянутом ему служащим морга.

— Наш несчастный родственник был очень уважаемым человеком. Думаю, что многие друзья приходят сюда отдать ему последние почести...

— Несколько человек приходили, — ответил служащий.

Габелотти кивнул и направился к выходу. В Цюрихе он узнал не более того, что знал в Нью-Йорке. Кроме утверждения Итало, ничто не доказывало, что нога принадлежит Дженцо. И где доказательства, что Дженцо мертв? Пока он летел в Швейцарию, оба Вольпоне, возможно, уже испарились в неизвестном направлении вместе с деньгами.

Сообщить об этом было невероятно трудно, потому что жизненно касалось всех... Но молчать дальше Мелвин Бост не мог. Глаза членов административного совета смотрели на него вопрошающе и обеспокоенно. Он прочистил горло и помахал недавно полученным телексом.

— Плохая новость! Сейчас я зачитаю вам то, что прислал президент.

Он нацепил на нос очки и развернул лист бумаги, содержание которой знал наизусть.

— Адресовано Мелвину Босту, генеральному директору, «Континентл мотокарз» и т. д. «Немедленно предупредить всеми возможными средствами владельцев «Бьюти гоуст Р9». Производственный брак колонки управления. Опасно! Дефектная деталь заменяется за счет фирмы».

Подпись: Хомер Клоппе.

Бост положил телекс на стол, словно он весил тонну. Воцарилась зловещая тишина.

— Это — самоубийство! — раздался чей-то голос. — Если мы сделаем такой шаг, мы разоримся. Продано более четырехсот тысяч «Р9». Каждая замена нам обойдется в триста долларов. Посчитайте!

— Вы же нам сами сказали, — закричал директор научно-исследовательского центра, — что президент готов рискнуть... Все сидящие здесь знают прогноз компьютера!

— Мы сами лезем головой в петлю! — бросил административный директор. — Ни одна фирма не сможет выжить после такой пункции. Это — саботаж!

Под градом слов Мелвин Бост опустил голову. Он совсем не хотел говорить им то, о чем узнал десять минут назад из телефонного разговора с Гарнхаймом, правой рукой Клоппе в «Трейд Цюрих бэнк». Но раз дело принимало такой оборот, он решил не оставлять им ни малейшей иллюзии. Он поднял руку, требуя тишины.

— Господа! Господа! Когда шесть дней назад я встретился с президентом в Швейцарии, он уже тогда не хотел брать на свою совесть невинные человеческие жизни. Чтобы убедить его, чтобы спасти нас, я предложил ему следующий компромисс: если в течение трех месяцев не произойдет ни одной аварии, мы все оставляем, как есть...

— И что? Уже что-то случилось?

— Когда президент отсылал этот телекс, все было нормально. Это еще раз подтверждает, что он все-таки изменил свое первоначальное мнение... Как-то повлиять на него сейчас невозможно! Несколько минут назад я узнал, что на нашу голову обрушилась очередная неприятность. В восьмой раз отказало рулевое управление «Р9».

— Где?

— В Цюрихе.

— Тяжелая авария?

— Смертельная! За рулем нашей модели сидела дочь Хомера Клоппе.

* * *

— Все собрались?

— Все. Габелотти прибыл со всей своей штаб-квартирой.

— Кого ты видел?

— Кармино Кримелло, Анджело Барбу, Томаса Мерту, Карло Бадалетто, Симеона Ферро и Фрэнки Сабатини. Плюс еще один тип, которого я не знаю. Он встречал их в аэропорту. Догадаетесь, куда они сразу поехали?

— В отгадки не играю.

— В морг. С букетами цветов...

— Хорошо. Возвращайся.

Такой телефонный разговор состоялся между Моше Юдельманом и Фолько Мори. Моше отреагировал молниеносно, позвонив в Нью-Йорк Витторио Пиццу.

— Витторио? Захвати с собой Алдо, Винченце, Джозефа — и не тяни, первым же рейсом вылетай в Цюрих. Давай! Ты знаешь, где меня найти?

Получив положительный ответ, он положил трубку.

Приезд Пиццу, Амальфи, Брутторе и Джозефа Дотто восстановит равновесие между «семьей» Вольпоне и «семьей» Габелотти.

Оставалось выяснить, для каких целей дон Этторе привез в своем багаже этих костоломов... Слушая Фолько Мори, Моше мгновенно понял, что остановка в морге, цветы и посещение останков Дженцо не что иное, как показное проявление мирных намерений дона Этторе. Сделал Моше и еще один вывод: если Габелотти демонстративно предлагает мир человеку, которого ни во что не ставит, значит, в данный момент он, по неизвестным Моше причинам, чувствует себя слабее его. С одной стороны, эта неопределенность отношений волновала Моше, с другой — он мог быть спокоен: ни один из донов не имел доступа к деньгам. Единственный человек, который мог разрешить проблему, был банкир. К сожалению, после того как его обработал Итало, стало маловероятным, чтобы Клоппе принес им комбинацию на блюдечке.

Теперь нужно было утрясти вопрос, который он решил от имени Вольпоне, не посоветовавшись с ним.

— Итало, я только что узнал одну забавную новость... Звонил Мори... Габелотти уже в Цюрихе. Но не один... Притащил с собой всю свою команду.

— Так чего ты ждешь? Звони Витторио и скажи, чтобы собрал Алдо, Винченце и Джозефа.

— Ты думаешь, в этом есть необходимость?

— А тебя устраивает пять против десяти?

— Хорошо, я позвоню.

— Кто прилетел с Габелотти?

— Кримелло, Барба, Мерта, Бадалетто, Сабатини, Ферро. И еще двое незнакомых... Но ты прав, Итало, Габелотти ищет твоей поддержки. Из аэропорта он сразу поехал в морг.

— Это он убил его!

— Нет, не он — О'Бройн! А теперь не мешай расчистить для тебя площадку...

Моше нужно было решить одну деликатную проблему: утрясти детали встречи «в верхах». Переговоры должны проходить на нейтральной территории и, предпочтительно, с глазу на глаз. В глубине души Моше был уверен, что Вольпоне и Габелотти придут к общему согласию, если не будут выпендриваться перед своим окружением. Если Итало допустит ошибку, Моше всегда найдет способ исправить ее.

— У тебя что-то не в порядке, Пьетро?

Беллинцона вез его в отель «Командор», где остановилась «семья» Габелотти. За весь путь Пьетро не проронил ни слова.

— Что тебя беспокоит?

— Меня? Нет... нет... Ничего.

Моше давно знал Пьетро: сильный, бесстрашный, преданный до мозга костей. Итало кратко рассказал, как Пьетро и Ландо лажанулись с трехметрового роста неграми, завалили операцию с подружкой Клоппе и упустили ее. Было от чего переживать Пьетро, чей профессионализм стал уже легендой в Синдикате.

Машина обогнула клумбу и остановилась перед ступеньками, ведущими к входу в отель.

— Жди меня здесь, — сказал Моше.

На верхней ступеньке стоял Анджело Барба. Иерархия соблюдается везде... В то время как Моше поднялся на четыре ступеньки вверх, Барба сошел на четыре вниз. Сделав одинаковое количество шагов навстречу друг другу, они встретились точно посередине лестницы.

— Мы вас ждем, — сказал Барба.

— Я здесь, — ответил Моше.

Они пересекли холл отеля, и Барба вежливо, на правах хозяина, пропустил Моше вперед, в кабину лифта.

* * *

Чувство страха по-настоящему стало преследовать Ландо. Во сне он видел Беллинцону, стоявшего за его спиной с огромным ножом в руке. Масса ничтожных деталей, на которые он раньше не обращал внимания, теперь не давала ему покоя. После драмы в квартире Инес Пьетро ни разу не заговорил с ним первым. Даже после инцидента с ножом Беллинцона отвернулся, чтобы не отвечать на его вопрос. Ландо с облегчением вздохнул, когда увидел Беллинцону и Моше, отъезжающих от виллы. Едва машины выехали за ворота, как возвратился Фолько. Ландо решил воспользоваться моментом и сменить напряженную атмосферу виллы на собственную квартиру: принять горячую ванну, надеть домашний халат и на час-другой обо всем забыть.

— Фолько, я хочу забрать свою машину и переодеться. Если босс спросит меня, я — дома.

— О'кей, — ответил Мори.

— Фолько...

— Да?

— Ты давно знаешь Беллинцону?

— А в чем дело?

— Да так... Ни в чем...

Вызвав по телефону такси, он пошел к воротам...

— Беллеривштрассе!

Подъезжая к дому Клоппе, он отметил, что машины на прежнем месте нет.

— Поехали вокруг квартала, — сказал он шоферу такси.

«Бьюти гоуст Р9» исчезла...

Кто увел машину? Рената? Украли? Но в Швейцарии, это общеизвестно, нет мелких

воришек. Рассчитавшись с шофером, Ландо вошел в подъезд своего дома.

— Мистер Орландо Баретто?

Один из мужчин, стоявший, прислонившись к стенке холла, улыбнулся и, подойдя к нему, сунул под нос удостоверение полицейского. И еще раз вежливо переспросил:

— Вы — мистер Баретто?

— Да, — захлопал глазами Ландо.

— Позвольте пригласить вас в комиссариат.

— Что я там забыл?

Второй полицейский отделился от стены, но здание не рухнуло.

— Речь пойдет о вашей машине.

— Ну, прямо в десятку!.. Только что ее у меня украли! Я как раз собирался сделать заявление в полицию.

— Не волнуйтесь, мистер Баретто, мы ее уже нашли.

— Да? Где?

— На трассе, ведущей в аэропорт. Пройдемте.

Голос оставался вежливым, но его уже взяли с двух сторон. По взгляду мужчин Ландо понял, что это не просьба, а приказ.

— Я хотел только переодеться. Не могли бы...

— Мы задержим вас только на одну минуту. Простая формальность... Пройдемте, пожалуйста... Вас ждет лейтенант Блеч.

* * *

После продолжительной дискуссии Юдельман и Барба сошлись на том, что встреча их падроне состоится в парке «Гранд-Отеля». Место для разговора, возле бассейна, расположенного между площадкой для игры в гольф и двумя теннисными кортами, показалось им надежнее, чем какая-нибудь гостиная, которая — кто знает? — может оказаться наспигованной микрофонами. Встречу наметили на двенадцать дня. Вольпоне и Габелотти имеют право взять с собой двух телохранителей, которые будут находиться на расстоянии пятнадцати метров от них. Таким образом, будет сохраняться секретность и обеспечиваться безопасность.

Попрощавшись, советники отправились к своим донам доложить о результатах совещания.

Без пяти минут двенадцать ко входу в парк «Долдер» подъехал черный «мерседес» Габелотти. Походкой бездельничающего буржуа дон Этторе направился к бассейну. Купающихся еще не было, но солнце заставило многих раздеться, и они лениво лежали на надувных матрасах.

Дон Этторе свернул в аллею и пошел по усыпанной мелким гравием дорожке, обсаженной с двух сторон кустами розмарина. У поворота аллеи, у двух кленов, он заметил Симеона Ферро, любовавшегося фонтаном. Его черный, строгий костюм показался дону Этторе неуместным в этот погожий весенний день. Но тут же он отметил, что и сам, и сопровождающий его Томас Мерта одеты в темные костюмы.

Еще один темный силуэт, маячивший в ста метрах от него, привлек внимание дона Этторе. Он узнал тяжелую, мощную фигуру Пьетро Беллинцоны. Его острый, наметанный

взгляд отметил отсутствие Мальша Вольпоне.

Через пять секунд после прибытия «мерседеса» к парку подъехал Итало на «форде». Фолько Мори, сидевший за рулем, вышел из машины и открыл ему дверцу. И эти двое были одеты в темные костюмы. На краю цветущей лужайки Итало увидел неподвижную фигуру Пьетро Беллинцони. Каждый из «крестных отцов» отправил по одному телохранителю в парк на разведку, оставив рядом с собой наиболее способных бойцов рукопашного боя. Кроме пистолета, который оттягивал ему правый карман, Фолько имел в запасе два ножа для метания. Олин, тот, которым он пронзил горло Патрика Махоуни, как обычно, находился в футляре, закрепленном высоко между лопатками, второй был прикреплен ремнями к левой голени.

Когда в поле их зрения появился Вольпоне, Томас Мерта по знаку Габелотти незаметно удалился. Тот же маневр проделал и Фолько Мори.

Как ему советовал Моше, Итало сделал первый шаг в направлении Габелотти. При одинаковой силе власти в этом жесте ничего зазорного не было: младший идет навстречу старшему по возрасту. К тому же этого требовала и традиция.

Не доходя одного метра до Этторе, Итало остановился и сказал:

— Вы хотели со мной встретиться, дон Этторе? Я перед вами.

На лице Этторе Габелотти появилась добрая, отеческая улыбка.

— Спасибо, что откликнулся на мою просьбу.

Это покровительственное обращение на «ты» вызвало у Итало раздражение.

Но дон Этторе уже раскрыл объятия и прижал его к своей груди.

— Позволь мне еще раз рассказать тебе о горе, которое я испытал, узнав о смерти твоего брата.

Не снимая своих рук с плеч Итало, Этторе отстранился и посмотрел на него глазами старого друга, не видевшего его сто лет.

— С доном Дженцо мы были друзьями. Я всегда восхищался им и глубоко уважал.

Он фамильярно взял Вольпоне под руку и увлек за собой. Итало непроизвольно напрягся, но послушно пошел рядом.

— Мне много рассказывали о тебе, Итало, и я благодарен случаю узнать тебя ближе... Я познакомился с твоим братом в самом начале его карьеры... От него я узнал кое-что о тебе... Ты удивлен?

— Что, например? — холодно спросил Итало.

— Нападение на кондитерскую отца Бискотио... Ну что? Видишь? Тебе тогда было четырнадцать лет.

— Тринадцать.

— Что я хочу сказать? В жизни тебе очень повезло, Итало, но одновременно и не повезло... Ты родился в тени великого человека. Ты же сам понимаешь, что дон Дженцо был великим. Жизненные случайности иногда разводили нас по разные стороны баррикад, но все вопросы мы старались решать по-доброму. Я не должен тебе об этом говорить, такие поступки требуют скромности, но прежде чем поехать в отель переодеться, я заехал в морг, чтобы отдать последнюю дань уважения твоему брату.

Взволнованный этими воспоминаниями, Габелотти замолчал. Молча они прошли метров двадцать. У скамейки дон Этторе остановился.

— Сядем? Так будет удобнее разговаривать. Как ты видишь, у меня несколько лишних килограммов, да и возраст... Ходьба утомляет меня.

Габелотти опустил на скамейку и удовлетворенно вздохнул. Итало сел рядом. Все происходило совсем не так, как он себе представлял. Он сконцентрировал в себе всю энергию, чтобы укусить разъяренного дикого зверя, а вместо этого выслушивал пустую болтовню усталого, безразличного человека. При таком продолжении можно схватить радикулит... Но Моше просил его не нервничать и не торопить события.

— Ты мало говоришь, — сказал дон Этторе. — Возможно, ты шокирован тем, что я обращаюсь к тебе на «ты». Тогда знай: с моей стороны это — знак доверия и уважения. Если ты хочешь, чтобы я уважал тебя, как твоего брата, будь добр, обращай ко мне тоже на «ты». И прошу тебя, верь в искренность моих слов. Я знаю, что ты не доверяешь мне. Нет-нет! Не говори обратное, я не поверю тебе! Чтобы судить друг о друге, надо пройти испытание делом. Мы с тобой — компаньоны, и дело у нас — общее. Через какое-то время ты, возможно, станешь капо «семьи».

— Я — уже капо.

И снова этот покровительственный, родительский смех.

— Ах, Итало, Итало! Дженцо очень хорошо обрисовал твой портрет: импульсивный, но добрая душа... Заметь, дон не передается по наследству, это надо заслужить.

— Или взять, — не повышая голоса, сказал Итало.

— Ты совершенно прав. Это еще и берется... Я уверен, что с тобой клан Вольпоне будет в надежных руках. А теперь поговорим серьезно. Ты догадываешься, почему я прилетел в Цюрих? Исчез О'Бройн! Твой брат убит. Из уважения к тебе я не стал ничего предпринимать без твоего ведома. Итак, я тебя спрашиваю: не видишь ли ты каких-то неудобств, если я высвобожу наши деньги из «Трейд Цюрих бэнк» и переведу туда, куда мы собирались это сделать с доном Дженцо?

Вольпоне бросил на него пронзительный взгляд.

— Я чем-то удивил тебя? — спросил Габелотти. — Ты против?

— Абсолютно согласен. Вы разговаривали с банкиром?

Дон Этторе ткнул в него пальцем.

— Итало, Итало... Ты меня расстраиваешь... Почему ты обращаешься ко мне на «вы»?

— Ты говорил с ним?

— Этим я займусь после нашей встречи.

Вольпоне не удержался и задал вопрос, который жег ему рот, хотя знал, что спрашивать об этом просто глупо:

— У тебя есть номер счета?

Габелотти с обиженным видом посмотрел на него.

— Но, Итало, если его нет у меня, у кого же он? Я знаю, что ты навещал банкира, чтобы активизировать дело, начатое твоим братом. Я прекрасно понимаю твой эмоциональный порыв и желание оказать нам всем услугу... Я мог бы сказать тебе то, что ты должен был бы знать с самого начала: швейцарские банки неприступнее Форт-Нокса. Кроме того, я мог неправильно истолковать твои действия. Если говорить совсем откровенно, я мог бы даже подумать, что ты суешь нос не в свое дело или что твое горе толкнуло тебя на безумный шаг... Поставь себя на мое место!..

— Поставь себя на мое место! — жестко оборвал его Вольпоне. — Мой брат убит, а в это время исчезает твой прохвост О'Бройн...

— Как ты об этом узнал?

— Ты сам мне сказал.

— Правильно, я тебе это сказал. Но когда ты направился в банк, ты этого еще не знал.

— Не старайся перехитрить меня, — повысил голос Вольпоне. — В Синдикате всем известно, что твой адвокат вымазан в дерьме с ног до головы.

Круглые глаза Габелотти мгновенно превратились в две сверкающие щели. Он чуть не подал сигнал Томасу Мерте пустить в ход оружие. На таком расстоянии Томас мог прострелить пикового туза в центре карты. Ему стоило огромных усилий взять себя в руки. Тяжело дыша, он закрыл глаза и вовремя вспомнил, что Вольпоне прав: эта тварь О'Бройн, действительно предал его. Но он не хотел, чтобы об этом знал Вольпоне. Не сейчас, по крайней мере... Он терпеливо дождался, когда успокоится пульс, затем наклонился и сорвал одуванчик.

— Слушай, Итало, слушай внимательно... Я никогда не повторяю дважды. Если ты хочешь долго находиться на месте дона Дженцо, выбирай слова. Говорю это из уважения к твоему брату и как старший по возрасту. Я думаю, что ты сделаешь правильный вывод. Главное — долго жить...

— Дженцо говорил эти же слова, — с горечью произнес Итало.

Габелотти встал.

— Не забывай моих слов. А сейчас я еду в банк. Позже сообщу тебе результат...

Он повернулся и пошел к выходу из парка. Итало заметил, что Габелотти шел быстро и уверенно.

Первые переговоры закончились.

* * *

Лейтенант Блеч резко опустил трубку на рычаг: через несколько часов он встретится с капитаном Кирпатриком. В продолжение длинного разговора, когда каждый старательно пытался водить за нос другого, Блеч понял, что шеф Центрального управления на Шестой авеню — такой же мудака, как и шеф окружной полиции Цюриха. Преимущество Блеча над Кирпатриком заключалось в том, что Кирпатрик с самого начала отвел ему роль недоумка. Тем хуже для американца... Блеч дал ровно столько сведений своего расследования, чтобы Кирпатрик еще больше запутался. Имена, которые он ему сообщил, казалось, повергли того в транс.

— Повторите, лейтенант! Повторите!..

— Позволю себе заметить, что эти люди прибыли сюда отдельными группами. Информация поступила ко мне из разных пограничных пунктов нашей страны. Одни прибыли из Франции, другие из Италии. Только Габелотти и Кримелло прилетели прямо из Нью-Йорка.

— Послушайте, лейтенант... Я все объясню вам по приезде.

— Что вы сказали?

— Да... Я прилечу в Цюрих...

Блеч терпеть не мог, когда в его владениях начинали топтаться чужестранцы. Всякое вмешательство иностранной полиции в дела его округа он рассматривал как личное оскорбление. Он надолго замолчал, давая понять Кирпатрику, что не одобряет его проект.

— Я прилечу, естественно, как частное лицо, лейтенант. Я знаю этих людей... Если вы не отказываетесь от моих услуг... Я ограничусь выяснением типично американского аспекта

дела, о чем вы не можете знать...

— Кто эти люди?

Теперь надолго замолчал Кирпатрик. Наконец с сомнением в голосе ответил:

— Этторе Габелотти — капо одной из «семей» Синдиката.

— Я депортирую его.

— Не делайте этого, лейтенант! Мы можем повернуть фантастическую операцию.

— Мы?

— Вы! Заверяю вас, мой приезд будет вам полезен.

Чтобы не показаться своему заокеанскому коллеге окончательным занудой, Блеч рассказал Кирпатрику последнюю новость, которая, по его мнению, тем или иным образом была связана с необычными событиями, обрушившимися на Цюрих в течение последней недели. Несколько часов тому назад, между тремя и четырьмя часами утра, на дороге, ведущей в аэропорт, в автомобильной катастрофе погибла единственная дочь самого богатого банкира в Цюрихе. Это произошло сразу же после бракосочетания с псевдореволюционером профессором Куртом Хайнцем. Машина, в которой разбилась Рената Клоппе, принадлежала итало-американцу по фамилии Орландо Баретто. Блеч навел справки, и оказалось, что Баретто — бывший профессиональный футболист, получивший вид на жительство сроком на пять лет с обязательной перерегистрацией каждые шесть месяцев. Официально он зарегистрирован как «посредник по продаже зерна», но подозревается в получении доходов из других источников. Поддерживает близкие отношения с некоей Инес, проституткой категории «люкс». Ни в каких скандальных историях замечен не был, общественного порядка не нарушает, имеет два счета в разных банках.

— Лейтенант, — в кабинет заглянул инспектор, — парень, которого вы хотели видеть, уже здесь... Баретто...

— Пусть войдет, — сказал Блеч, стараясь принять холодное, безразличное выражение лица, что, впрочем, для него не составило большого труда.

В пути Ландо выработал тактику поведения. Фараоны ни в коем случае не должны установить его связь с Ренатой Клоппе. Достаточно какому-нибудь сумасшедшему провести параллель Вольпоне — Клоппе, и они сунут нос во всю операцию. Это будет стоить ему жизни...

— Входите, мистер Баретто... Я лейтенант Блеч. Спасибо, что пришли.

— Инспектор сказал, что вы нашли мою машину.

— Да, нашли...

— А я собирался делать заявление...

— Когда ее у вас украли, мистер Баретто?

Как только этот красавчик вошел в кабинет, Блеч сразу же почувствовал к нему антипатию.

— Вероятно, сегодня ночью, — ответил Ландо. — Утром я уже не нашел ее... Насколько мне известно, вы нашли ее на шоссе в аэропорт...

— Где вы ее оставили, мистер Баретто?

— Рядом с домом.

— Как давно вы ее приобрели?

— Чуть больше недели назад... Могу я ее забрать?

— Сейчас — невозможно, мистер Баретто. Ваша машина попала в автокатастрофу.

— В автокатастрофу?

— Вы знакомы с Ренатой Клоппе?

— Кто это?

— Рената Клоппе... Дочь банкира.

Ландо отрицательно покачал головой.

— Никогда о такой не слышал.

— Помните, — доброжелательно улыбнулся Блеч. — Вы давно живете в Цюрихе и не можете не интересоваться маленькими местными новостями. Рената Клоппе — это молодая женщина, которая сегодня в три часа утра вышла замуж... Об этом событии писали все газеты!

— Да, возможно... Что-то я читал... Но какое это имеет отношение к...

— Имеет, мистер Баретто. Рената Клоппе разбилась именно на вашей «Бьюти гоуст Р9». Вы можете мне объяснить, как она в ней оказалась?

Ощущение надвигающейся опасности мгновенно смыло с него всю усталость, накопившуюся со вчерашнего дня.

— Но... лейтенант, откуда мне знать?

— Сколько вы заплатили за «Р9»?

— Кто?

— Не кто, а сколько? Сколько стоит ваша машина?

— Моя машина?

Ландо еще даже не понял, что Блеч уже его допрашивает.

Врун от рождения, он знал, что не следует делать из правды совершенную тайну, надо отщипывать от нее крохи...

— Она должна стоить восемнадцать — девятнадцать тысяч долларов.

— Платили за нее долларами?

— Швейцарскими франками.

— Чеком?

— Послушайте, лейтенант, я не понимаю.

— Чеком?

— Да, чеком. Но оплачивал не я.

Ландо понял, что попал в мышеловку. Фараон уже все знает и методично подводит его к пропасти.

— Мне ее подарили.

— Красивый подарок.

— Это не совсем так, лейтенант. Всего лишь карточный долг. В баре я познакомился с человеком... почувствовали взаимное расположение... начали играть в покер. Я выиграл у него около двадцати тысяч долларов.

— Как звали этого человека?

— Он не представился.

— А вы не из любопытных...

— А зачем мне это, если я выигрываю, — сказал Ландо, безразлично пожав плечами.

— Его фамилия Вольпоне, Дженцо Вольпоне.

— Вполне возможно.

— Или, скорее, так его звали...

Ландо почувствовал, как взмокли его ладони... Но ему удалось ничем не выдать своего

волнения, сохранить вежливо-безразличное выражение лица.

После произнесенного имени он понял, что Блеч не выпустит его из участка. Сжав зубы, Ландо ждал приговора, лишаящего его свободы. Неожиданно Блеч отвел взгляд в сторону.

— Благодарю вас, мистер Баретто, — быстро сказал он. — Машину сможете забрать сразу же... как только закончится расследование. Но я вас попрошу не выезжать из города. Может случиться так, что мне потребуются ваши уточнения.

Оказавшись на улице, Ландо едва сдержал себя, чтобы не броситься бежать.

Свободен!

* * *

Шилин пришлось силой увести Хомера из траурной комнаты. Отрешенный, Клоппе со вчерашнего дня не притрагивался к еде и все это время простоял на коленях перед кроватью, на которой лежала его мертвая дочь. Время от времени он поднимал голову и неистово всматривался в лицо Ренаты. Он смотрел до тех пор, пока ему не начинало казаться, что ее лицо в колеблющемся свете свечей оживает.

— Хомер, нельзя здесь оставаться так долго... Это плохо...

Он как тень прошел через зал, где рабочие с величайшей осторожностью приводили все в порядок. Вышел на улицу, думая о деньгах, которым посвятил всю свою жизнь. К чему теперь все это, если Ренаты нет в живых?

Он пришел в себя только в банке, куда не собирался заходить.

Марджори была в приемной. Смущенная и скованная. Он знал, что она в курсе его несчастья. В газетах еще не успели об этом сообщить, но слух по городу прошел.

— Сэр...

На большее у нее не хватило сил. Хомер похлопал ее по руке и, не подняв на нее глаз, прошел в кабинет. Он по привычке сразу же сел за стол, выдвинул ящик и достал бутылку «Уотерман». Отвинтил пробку и сделал глоток прямо из горлышка. Зачем он пьет? Ему ничего не хотелось, как будто он уже был мертв.

Он открыл папку, не понимая, что могут означать эти параллельные строчки букв...

Все потеряло свой смысл...

Марджори осторожно заглянула в кабинет.

— Сэр, вы на месте?

— Нет.

Она собралась закрыть дверь, но он машинально спросил:

— Кто?

— Какой-то господин... Он прилетел из Нью-Йорка и настойчиво требует встречи с вами. Этторе Габелотти, так он представился.

В голове Клоппе взорвалась фамилия Вольпоне. Он даже подумал, уж не его ли рук дело — автокатастрофа... Нет, не этот мерзкий гангстер убил его дочь, а он сам, потому что боялся потерять состояние... Габелотти был партнером Дженцо Вольпоне, человека, которого он принимал здесь восемь дней назад.

— Пусть войдет.

Этторе Габелотти был высок ростом, толстый, огромный и неприятный.

Движением подбородка Клоппе пригласил его сесть.

— Благодарю, — сказал Габелотти. — Вам знакомо мое имя? Филипп Диего — мой адвокат. Он должен был рассказать вам обо мне. Я оказался в очень затруднительном положении, понимаете? В вашем банке на моем счете находится значительная сумма денег. Два миллиарда долларов, как вы знаете...

Дон Этторе бросил мимолетный взгляд на банкира, пытаясь найти в выражении его лица подтверждение своим словам. И ничего не нашел...

— Этот капитал находился в состоянии перевода, когда мой компаньон, вы это тоже знаете, был найден мертвым... Мой друг Дженцо Вольпоне. Случилось так, что в результате необычных обстоятельств мое доверенное лицо, Мортимер О'Бройн, который был у вас вместе с Вольпоне...

Габелотти замолчал, глубоко вздохнул и продолжил:

— Случилось так, что Мортимер О'Бройн повел себя недостойно... Вместо настоящего номера счета он дал мне фальшивый, о чем я узнал, позвонив сюда... Да, мистер Клоппе, меня предал человек, которому я безгранично доверял на протяжении многих лет.

За все это время Хомер сделал движений не больше, чем мраморная статуэтка, стоявшая у него на столе. Даже его глаза, казалось, замерли.

Габелотти заерзал в кресле.

— Еще я знаю, мистер Клоппе, что брат моего компаньона, Итало Вольпоне, взял на себя ответственность, ничего не согласовав со мной, предпринять некий демарш... Я хорошо знаю его плохие стороны, и мне очень не хотелось бы, чтобы допущенные им ошибки свалились на голову такому уважаемому человеку, как я. Если я лично выбрал ваш банк, чтобы поместить сюда деньги, так это потому, что я прекрасно знаю вашу репутацию, лояльность и абсолютную честность. Как вы уже успели заметить, я выложил перед вами все карты. А все потому, что я вам доверяю. Вы знаете, деньги, которые находятся в вашем банке, принадлежат мне. Таким образом, я призываю вас к благоразумию и прошу, без свидетелей, как мужчина мужчине, — переведите деньги в «Панама кэмикл», как это было договорено.

На несколько секунд установилась зловещая тишина. Казалось, что только сейчас Хомер Клоппе «увидел» перед собой Этторе Габелотти. Он внимательно посмотрел на него близорукими глазами, затем встал, давая понять, что разговор закончен, и спокойным голосом сказал:

— Сожалею, но я не знаю, о чем вы говорите.

Объявление о закрытии шахты никого не повергло в уныние, как ожидалось, а, наоборот, наэлектризовало. Всем захотелось вырвать из земли побольше алмазов, которые так неохотно отдавали ее недра. Безграмотных и образованных, руководство и чернорабочих — всех охватила лихорадка, которой когда-то горели искатели золота. Шахта превратилась в источник эмоций, не уступавших по своему накалу зеленому сукну игральных столов в казино. Каждый день что-то происходило...

Хулио не был исключением... Ажиотаж со вчерашнего дня достиг апогея. Предупредив, что шахта будет закрыта на восемь месяцев. Эрик Морталд непроизвольно вызвал у шахтеров яростное желание «найти». Каждый надеялся наткнуться на что-то «такое», что весило бы между ста и тысячью каратов.

Стоя на коленях под землей, Хулио мечтал о сказочной удаче. Кончиками пальцев он осторожно ковырнул почву. Тонкая струйка песка беззвучно просыпалась к его ногам. Он крепко сжал пальцами древко шахтерского молота, примеряясь к наиболее обещающему месту в его поисках. Короткими, резкими ударами он начал откалывать куски твердой породы. И тут же, сверху, на него заструился песок. Опасность! Узкий лаз был едва закреплен несколькими наспех поставленными вертикально брусами. Хулио лучше было не рисковать и уползти в более безопасное место. Но желание «найти» заставляло его копать дальше, продвигаться и продвигаться вперед. Тыльной стороной ладони он вытер пот, от которого щипало глаза, и снова стал бить молотом перед собой... И вновь произошел мини-обвал. Хулио замер. Но сегодня у него оставалась последняя возможность, последний шанс. Завтра вечером, 30 апреля, «Вассенарз консолидейтед» закрывает ворота. Неожиданно его молот ушел в пустоту. Рукой он расширил отверстие до размеров, чтобы можно было осветить дыру лампой. Он чувствовал, что не ошибся: вышел на жилу.

Дрожа от нетерпения, Хулио взял в руки кирку. От первых, достаточно сильных ударов порода над ним пришла в движение и рухнула вниз по всей длине подземного коридора, сломав, как спички, крепежные брусы. Засыпанный землей, но еще живой, Хулио произнес имя женщины, ребенка которой он уже никогда не увидит: Мануэла!

* * *

Таможенник бросил на них быстрый взгляд и без всякого интереса перелистал их паспорта. Четверо мужчин были одеты в одинаковые темные костюмы. У каждого в руке был дипломат, без которого деловой человек не может обойтись.

— Проходите, господа...

Пиццу, Амальфи, Брутторе и Дотто смешались с толпой пассажиров, прилетевших рейсом Нью-Йорк — Цюрих. В кармане Пиццу лежал адрес виллы, где их ждали Вольпоне и Моше Юдельман.

— Ты знаешь, как называется место, куда мы направляемся? Улица Банкиров. В Швейцарии этим только и надо заниматься.

— Хочу есть, — сказал Брутторе.

— Где возьмем оружие? — спросил Дотто.

— Не волнуйся, — ответил Витторио. — Итало об этом позаботится.

Они сели в такси. Пиццу, который по-немецки говорил не лучше своих спутников, протянул шоферу лист бумаги, на котором было написано: «Зонненберг, Аурораштрассе».

— Ясно! — ответил шофер, трогаясь с места.

В это время таможенник, которого подменил его коллега, звонил в Центральный участок окружной полиции Цюриха.

— Лейтенанта Блеча, пожалуйста.

— Кто спрашивает?

— Таможня аэропорта. Сержант Глюкке.

— Его нет, старина! Но давайте, что у вас? Я в курсе! Новые гости?

— Четверо.

— Секунду, возьму карандаш... Говорите...

— Прилетели из Нью-Йорка. Винченце Брутторе...

— С двумя «т»?

— Алдо Амальфи... Джозеф Дотто... Витторио Пиццу.

— Хорошо. Вы предупредили наших людей?

— Да. Они поехали за ними.

— Еще раз спасибо.

— Привет!

— Привет!

* * *

Лейтенант Блеч и капитан Кирпатрик мгновенно невзлюбили друг друга. Капитан — сам нежеланный гость, привез с собой сопровождение. Такого уговора не было.

— Мой заместитель, лейтенант Герберт Финнеган, — представил Кирпатрик.

Блеч кивнул.

— Мистер Скотт Дэмфи, — продолжил Кирпатрик.

Блеч посмотрел на коротконового человечка, у которого был развеселый вид. На нем были задрипанный костюм, шляпа и галстук, напоминавший половую тряпку.

— Вы — полицейский? — подозрительно спросил Блеч.

— Не совсем так, — осторожно сказал Кирпатрик. Он прочистил горло и бросился головой в омут. — Мой друг Скотт Дэмфи является сотрудником федеральной налоговой инспекции.

Блеч недовольно сдвинул брови. Если кого он не хотел видеть в Цюрихе, так это парней из федеральной налоговой инспекции Соединенных Штатов. Но он не позволит этому недомерку совать нос в дела швейцарских банков!

Вместо того чтобы предложить гостям сесть, как это он всегда делал, Блеч ледяным тоном заявил:

— Я удивлен, капитан! Я поверил вам, что вы приедете один и как частное лицо...

Кирпатрик от души рассмеялся, что не соответствовало его внутреннему состоянию. Если Блеч не любил рыжих, он ненавидел всякого, кто был похож на швейцарца. Очень часто след, по которому он шел, обрывался в Лозанне, Женеве или Цюрихе.

— Так оно и есть, лейтенант Блеч!

— В таком случае я не понимаю, что здесь делает американская федеральная налоговая инспекция?

Скотт Дэмфи зашелся от смеха, словно речь шла совсем не о нем. Кирпатрика от этого смеха покорило.

— Он тоже прибыл с дружеским частным визитом, — ответил капитан.

— Должен вас предупредить, капитан, что я прослежу, чтобы ваш визит не вышел за рамки... частного... Мы болезненно относимся к вмешательству в наши проблемы, на нашей национальной территории, иностранных чиновников, несмотря на то что они принадлежат к дружественной нам стране.

Дружественная страна! Кирпатрик от возмущения чуть не задохнулся. Какая страна? Всю Швейцарию можно в носовом платке перенести в Америку, и ее территории не хватит, чтобы накрыть китайский квартал в Нью-Йорке! Чтобы у патрона не произошло кровоизлияния в мозг, Финнеган поспешил ему на помощь.

— Мы прекрасно обо всем этом знаем, — доброжелательно улыбнулся он. — И речи не может быть, чтобы мы активизировались за вашей спиной. Забудьте, что мы с вами коллеги, и рассчитывайте на нас как на добровольных помощников.

Блеч внимательно посмотрел на Скотта Дэмфи.

— Могу ли я узнать, сэр, в чем заключается истинная цель вашего путешествия?

— Это я попросил его поехать со мной, — сказал Кирпатрик.

— Для чего?

Дэмфи вновь не удержался от смеха. Кирпатрик угрожающе на него посмотрел.

— Видите ли, лейтенант, дело, которым мы занимаемся, скорее аспект этого дела, выходит за рамки моей компетенции...

— Вы удивляете меня! — оборвал его Блеч. — Во время нашего недавнего разговора по телефону вы утверждали, что речь идет о чисто уголовном деле.

— Правильно!

— И?..

Кирпатрик, привыкший сам задавать вопросы, занервничал. Не будет же он докладывать этому плюгавому швейцарскому полицейскому о всех тонкостях операции... Что может понять швейцарец в тех проблемах, которые Синдикат создает в Соединенных Штатах?

— Вы не очень любезны, капитан, — холодно обронил Блеч.

— Что вы сказали?

— Добавлю, мне не нравятся ваши манеры.

Лицо Кирпатрика приобрело цвет кирпича. Он поочередно посмотрел на Дэмфи и Финнегана, чтобы узнать, слышали ли они слова Блеча. Финнеган стоял, опустив голову. Дэмфи тихонько хихикал. Блеч рубанул рукой.

— С того момента, как я сообщил вам о смерти Махоуни, вы без устали держите меня за дурака. Вы пытаетесь убедить меня, что готовы мне помогать! Это — ложь! Вы пытаетесь вытянуть из меня все возможное и ничего не дать взамен. Это не по-дружески!

Ошарашенный Кирпатрик молчал, не зная, как вести себя дальше. Он чувствовал себя выбитым из седла.

— Я знаю столько же, сколько и вы... Возможно, даже больше... — категорично заявил Блеч. — Я знаю все ваши маленькие секреты... Вольпоне, Юдельман, Пиццу, Беллинцона, Мори, Дотто, Брутторе, Амальфи... Все они — здесь, в моей стране! Могу добавить к ним и клан Габелотти! Кримелло, Барба, Бадалетто, Мерта, Сабатини, Ферро!

Блеч вытянул вперед открытую ладонь и сжал ее в кулак.

— Все они здесь! А Рико Гатто вы знаете? Нет! А Орландо Баретто? Тоже нет! Вам еще многое нужно узнать, капитан!

Кирпатрик принял удар. Финнеган смущенно уставился в сторону. Ему показалось, что даже Дэмфи прекратил смеяться.

— А теперь выслушайте мое предложение. Или мы откровенно обменяемся информацией и, даю вам слово, работаем рука об руку, или вы молчите, и, в таком случае, я вас не задерживаю.

Кирпатрик нервно покусывал губы. Он посмотрел на Дэмфи, затем на Финнегана. Финнеган сказал:

— Я думаю, капитан, что лейтенант прав.

— Секунду! — перебил его Блеч. — Уточняю, в Швейцарии вы не обладаете никакими официальными полномочиями.

— Что нам остается? — с трудом сглотнув слюну, спросил Кирпатрик.

— Ничего! Вы присутствуете при расследовании, которое я провожу, а выводы сделаете, когда возвратитесь в Америку.

— А если вы начнете аресты?

Блеч иронично на него посмотрел.

— Вы забываете об одной детали, капитан! В Швейцарии не берут под стражу до тех пор, пока окончательно не будет доказана вина подозреваемого. Как, кому и какую вину я буду вменять и по какому праву арестовывать?

Чтобы скрыть удовлетворение от реванша над капитаном, Блеч сделал несколько шагов по кабинету, затем вплотную подошел к Кирпатрику.

— Итак? Вы согласны?

Кирпатрик запустил чуть дрожавшую руку в свою огненную шевелюру.

— Согласен, — пробормотал он.

Лейтенант улыбнулся краешком рта и нажал на кнопку. В кабинет вошел дежурный.

— Стаканы, лед и виски!

— Слушаюсь, лейтенант!

Лейтенант Блеч повернулся к американцам.

— Откровенно говоря, я прекрасно обошелся бы без присутствия ваших соотечественников в Цюрихе... У меня есть одно желание — быстрее от них избавиться! Если они сошли с ума и перепутали Швейцарию с Чикаго, такими вы их получите обратно.

Помолчав секунду, он сказал:

— А сейчас, капитан, я слушаю вас...

* * *

Ни в холле, ни в комнатах первого этажа никого не было. Прыгая через четыре ступеньки, Ландо взбежал по лестнице на второй этаж. Неизвестно куда исчезла усталость. Надо срочно сообщить Вольпоне, что швейцарская полиция напала на их след. На лестничной площадке он столкнулся с Фолько Мори.

— Где падроне?

— Занят.

— Мне надо с ним поговорить, Фолько!

— Только что приехали Пиццу и все остальные. Итало и Моше разговаривают с ними.

— Черт! Это надолго?

— Не знаю.

Ландо не решился поделиться с Мори своими опасениями. Первым эту новость обязательно должен узнать падроне. Раздосадованный, он спустился вниз и направился на кухню что-нибудь выпить для поднятия настроения. Пьетро сидел на низкой скамеечке и листал журнал комиксов. Рядом с ним на полу стояли четыре пустые банки из-под пива.

Ландо взял бутылку водки, налил полстакана и залпом выпил.

— Пьетро, как ты думаешь, они еще долго будут совещаться?

— Трудно сказать, — ответил Пьетро. — Кто тебе нужен?

— Вольпоне.

— Они уже час там.

Неожиданно Ландо вздрогнул. Беллинцона заговорил с ним! Это приободрило его. Вероятно, бессонные ночи нагнали на него излишнего страха.

— Сегодня тебе лучше? — с теплотой в голосе спросил Ландо.

— Что?

— Вчера у тебя был убитый вид... Хоть в гроб клади...

Если бы он мог, он сказал бы ему, что уже ничего не помнит из того, что произошло в квартире Инес.

— Да, лучше... лучше...

Пьетро встал, подошел к холодильнику и достал очередную банку пива. Сделав несколько глотков, он с задумчивым видом направился к двери. Ландо увидел, как он дважды повернул ключ в замке.

— Эй! Ты что делаешь? — удивленно спросил Ландо.

Беллинцона сунул руку с ключом в карман брюк. Когда он вытащил ее, она сжимала «вальтер».

— Ты сошел с ума, — закричал Ландо.

Пьетро приложил указательный палец к губам, как бы предлагая не кричать.

— Не шуми, парень! Не мешай тем, кто работает...

— Зачем ты взял меня на мушку?

— Я тебя сейчас убью, Ландо.

Ландо показалось, что он превратился в глыбу льда.

— Что я тебе сделал?

Беллинцона почесал затылок.

— Вообще-то ничего... ничего... Клянусь, я ничего против тебя не имею.

— Мы уже больше не друзья? — спросил Ландо, стараясь унять дрожь в голосе.

— Друзья, — ответил Беллинцона. — Но я должен убить тебя.

— За вчерашнее? Ты — сумасшедший! Я ничего не видел. Я не смотрел! Такое могло произойти и со мной!

— Но произошло со мной, — мрачно произнес Пьетро. — И пока ты жив, я не смогу жить дальше.

— Пьетро, — взмолился Ландо, — ты это не сделаешь! Ты не убьешь меня! Услышат звук выстрела! Итало снимет с тебя шкуру! Не делай глупости, старина! Все забыто! Слово мужчины...

Лицо Беллинцона окаменело.

— Не смотри на меня. Мне не нравятся твои глаза. Повернись!

— Пьетро!

— Повернись!

— Пьетро, не делай глупости!

Едва держась на трясущихся ногах, Ландо повернулся к нему спиной. Он не слышал, как сзади подошел Пьетро и выдохнул ему в ухо:

— Извини, парень... У меня нет выбора.

— Пьетро! — крикнул Ландо.

Он хотел обернуться, но рукоятка «вальтера» со всего размаха врезалась в шейные позвонки. Ландо качнулся и рухнул на керамический пол. Пьетро быстро подошел к двери и приложил к ней ухо. Затем открыл ее и осторожно выглянул в холл. Прислушался. Никого. Совещание наверху продолжалось.

Он закрыл дверь, запер ее на ключ и вытащил из морозильника огромный, килограммов пятнадцать весом, кусок льда. Положив его на край верха холодильника, он подошел к лежавшему без сознания Ландо и ногой перевернул его на спину. Глубоко вздохнув, он снял глыбу льда с морозильника и с высоты своего роста бросил прямо на голову Ландо. В раздирающем душу грохоте куски льда, испачканные кровью, разлетелись в разные стороны. Глыба раздробила Ландо лоб. Беллинцона взял метелку, смел в пластиковый мешок окровавленные кусочки льда и выбросил его в мусорный ящик.

Приподнявшись на носках, он открыл шкафчик над полками с посудой, где хранились продукты. Перед приходом Ландо он положил туда полиэтиленовый мешочек с кусками нарезанного хлеба. У основания полок он осторожно опрокинул табуретку. Подняв с пола неразбившийся кусок льда, положил его в раковину для мытья посуды и открыл кран с горячей водой. Затем подтянул тело Ландо к табуретке, перевернул его лицом вниз и потер раздробленным лбом о плитку пола.

Оставалось сделать последний штрих, чтобы сцена выглядела правдоподобной. Он взял стопку тарелок и положил их рядом с мешочком, в котором лежал хлеб. В раковине отрубил кусок льда сантиметра в три толщиной и пять длиной. Этим куском льда он подпер стопку тарелок. Через две минуты лед растает и тарелки полетят вниз.

Горячая вода полностью растворила орудие преступления, превратив его в воду. Беллинцона в последний раз окинул взглядом свое творение. Было ясно, что Ландо разбил голову, упав с табуретки, когда пытался дотянуться до мешочка с хлебом. Глупая смерть...

Пьетро открыл дверь кухни. Все заняло три минуты. Теперь никакого шума... Неслышно ступая, Беллинцона прошел в дальний угол холла и сел в кресло. Развернув газету, он окликнул Мори:

— Эй! Фолько!

— Что?

— Ты веришь в эту хреновину?

— В какую?

Мори стоял на верхней площадке и смотрел вниз на Пьетро, который показывал ему газету.

— Они пишут, что откопали зерна злаковых, которым больше двух тысяч лет.

— Какие зерна?

Беллинцона открыл рот, собираясь ответить, и в этот момент из кухни раздался грохот

бьющейся посуды.

— Что это? — спросил Фолько и вытащил пистолет.

— Оставайся на месте, я посмотрю.

Сжимая в руке «вальтер», Пьетро пересек холл и остановился в дверях кухни.

— Черт! Не может быть!

Мори скатился вниз по лестнице и стал рядом с Беллинцоной. На полу, вытянувшись во весь рост, в луже крови и тысяче осколков разбившихся тарелок лежал Орландо Баретто.

Фолько подошел к телу Баретто и перевернул его на спину.

* * *

Когда могильщики собрались забить крышку гроба, распорядитель остановил их движением руки и подошел к Шилин.

— Миссис, хотите проститься с ней в последний раз?

Шилин зарыдала и бросилась в объятия Хомера. Он крепко прижал ее к себе, осторожно глядя рукой по затылку. Глазами подал знак распорядителю. Тут же застучали молотки. Сотрясаемая рыданиями, припав всем телом к мужу, Шилин сжала кулаки и до крови впиалась в них зубами. Преодолевая ее сопротивление, Хомер потащил ее по коридору в спальню. С трудом ему удалось усадить ее на кровать.

— Мужайся...

Он стоял рядом с ней, и из его глаз тоже текли слезы. Она в отчаянном жесте обняла его за ноги.

— Ну скажи мне, что это неправда! Скажи!

— Мужайся! — повторил он. — Бог не оставит нас...

— Он уже оставил, — застонала Шилин. — Брошенные!

Он снял очки и протер стекла пальцами. Внизу стоял кортеж автомобилей...

— Пойдем, — сказал Хомер. — Мы должны до конца пройти через наше горе.

Он помог ей встать. Она прислонилась к нему, спрятав лицо у него на груди. Вдруг Хомер напрягся. По коридору прошли четверо мужчин в черном, которые должны были вынести гроб с Ренатой. Прислонившись к стене, во всем черном, рыдала Мануэла. Она машинально взяла Шилин под руку, и они начали спускаться по лестнице, усыпанной цветами.

На улице к ним подошел лейтенант Блеч.

— Я потрясен, сэр... Примите мои соболезнования...

Клоппе кивнул головой и хотел пройти мимо полицейского.

— Мистер Клоппе...

Хомер посмотрел на него невидящими глазами.

— Мистер Клоппе, — быстро и тихо заговорил полицейский, — я понимаю, что это не к месту...

— Говорите, — сказал Клоппе.

— Поверьте, я никогда бы себе такого не позволил, но срочность... Вам угрожали, мистер Клоппе?

— Кто угрожал? — непонимающим тоном спросил Хомер.

— В Цюрихе происходят странные вещи, возможно, даже имеющие отношение к смерти

вашей дочери. Я веду расследование... Вам угрожали?

Хомер посмотрел прямо в глаза Блечу и мрачным голосом сказал:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

* * *

Итало был ужасно удивлен, что мафиози может умереть, упав с табуретки. Если бы не два свидетеля, Фолько Мори и Пьетро, Вольпоне Малыш никогда бы не поверил, что такое возможно. Они все стояли вокруг трупа Ландо, когда Юдельман снял трубку зазвонившего телефона.

— Это — Анджело Барба. Габелотти предлагает снова встретиться на прежнем месте. В четыре часа... Согласен? — спросил он, глядя на Итало. И, не дождавшись ответа, бросил в трубку:

— Дон Вольпоне согласен.

Все мгновенно забыли о распростертом у их ног теле. Высшее руководство «семьи» обменялось мимолетными взглядами. В результате произнесенного Юдельманом слова «дон» практически официально узаконивалось для членов «семьи» и для «семьи» соперника признание Итало Вольпоне «крестным отцом» и законным наследником своего брата Дзу Дженцо Вольпоне. Никакой двусмысленности с этого момента быть не могло: король умер, да здравствует король! Итало промолчал, но про себя поклялся вознаградить Юдельмана. С такими мозгами в его лагере «семью» еще ждут погожие дни...

В четыре часа вечера, соблюдая все пункты утреннего randevu, Габелотти и Вольпоне снова встретились в парке «Долдер». Несмотря на протесты Анджело Барбы и Кармино Кримелло, дон Этторе решил рассказать Вольпоне о предательстве О'Бройна. Делал он это не из-за большой любви к правде или завоевания доверия Итало, а потому, что дальше отступать было некуда. И еще потому, что он подозревал, что Малыш Вольпоне не только в курсе этого события, но уже успел отловить его финансового советника, подвергнуть его пыткам и, ничего не добившись — иначе зачем ему здесь находиться? — отправил его в мир иной.

Сейчас было еще жарче, чем в полдень. Как только доны увидели друг друга, их телохранители отошли в сторону.

На этот раз Габелотти сам, первым, шагнул навстречу Вольпоне.

— Итало, я должен принести тебе свои извинения.

Как и утром, он взял его под руку и увлек к той же скамейке.

— Ты был прав. О'Бройн предал меня. Я был у банкира. Номер, который мне сообщил О'Бройн, — фальшивый!

Итало незаметно расслабился.

— Я не могу в это все еще поверить, — продолжал дон Этторе, покачивая головой. — Что меня больше всего волнует? Смог ли этот мой чертов адвокат вытащить деньги из банка?

Итало наблюдал за двумя голубями, боровшимися за корочку хлеба.

— Банкир ничего определенного не сказал, понимаешь... Как узнать, где деньги? В банке или О'Бройн скрылся вместе с ними?

Он вопросительно посмотрел на Вольпоне.

— На какого ставишь? На правого или левого? — спросил Вольпоне, показав на голубей.

— Это очень важно для нас... Брать в осаду банк не имеет смысла, если Мортимер упорхнул с деньгами. Если бы прояснить этот вопрос, мы подумали бы, каким образом направить наши совместные усилия. Ты в Цюрихе давно, может, тебе известно больше, чем мне?

Вольпоне отрицательно покачал головой.

— Я оказался в очень затруднительном положении, Итало, и откровенно спрашиваю тебя: что ты думаешь на этот счет? У тебя есть какой-нибудь план?

— Закончить то, что начал, — отвечал Итало.

— То есть?

— Давить на Клоппе.

— Но до сих пор эта тактика ничего не дала.

— Мы были слишком вежливыми...

Габелотти с удовлетворением отметил это «мы».

— Ты понимаешь, что его жизнь для нас дорога? И он это знает. Это дает ему возможность куражиться над нами столько, сколько ему вздумается. В конце концов он может заявить в полицию. И, в лучшем случае, нас выдворят отсюда, — сказал дон Этторе, прищелкнув пальцами.

Мальш задумался. Юдельман и он рассматривали две возможности: у Габелотти есть номер счета и у Габелотти нет номера счета. Второй вариант устраивал их больше. Он вспомнил совет Моше и спокойным голосом сказал:

— У меня есть предложение.

Этторе внимательно на него посмотрел. Несмотря на все его провокации, Итало отказался комментировать поступок О'Бройна. И ни на секунду на его лице не возникло выражения обеспокоенности... Вывод: Мальш Вольпоне рассчитался с адвокатом, но секрета так и не узнал.

— Слушаю, Итало, говори!

— Как ты думаешь, сможем ли мы расколоть Клоппе, если подержим его несколько дней у себя?

— Вне всякого сомнения, Итало. Но, к сожалению, этот план невозможно осуществить.

— Ты так думаешь? Почему?

— Исчезновение Клоппе взбудоражит всю Швейцарию и поднимет на ноги всю полицию.

Впервые за время их общения Итало позволил себе улыбнуться.

— Я так не думаю, Этторе.

Он вытащил из кармана конверт.

— Хочешь узнать, что находится внутри?

Внешне безразличным жестом Габелотти достал из конверта вчетверо сложенный лист бумаги и фотографию молодой высокой негритянки с великолепным телом, одетой только в микроскопические прозрачные трусики.

— Кто это? — спросил Габелотти.

— Подружка Клоппе. Проститутка по имени Инес. Он трахается с ней в бронированном подвале собственного банка. А теперь посмотри, кому адресовано письмо.

Твердым, типично американским почерком было написано:

«Миссис Шилин Клоппе. 9, Беллеривштрассе, Цюрих».

Габелотти с изумлением посмотрел на Итало.

— Хочешь сказать, что подружка Клоппе написала письмо его жене?

— Под мою диктовку. Прочти...

Габелотти развернул лист.

«Миссис, так как Хомеру не хватает решительности сказать Вам об этом, я делаю это вместо него. Мы уезжаем на восемь дней на отдых на Сардинию, если Вас интересуют детали. После тридцати лет супружеской жизни с Вами он заслужил это. Я возвращу его Вам в хорошем состоянии, немного уставшим, возможно, но в хорошем состоянии.

Принцесса Кибондо».

— Я ставлю на левого, — сказал дон Этторе.

— Ты проиграл. Смотри...

Голубь справа улетел, зажав в клюве корочку хлеба.

— Она действительно принцесса? — спросил Габелотти.

— Больше шкура, чем принцесса. Я тоже — принц, в своем квартале... Ты думаешь, что, получив такое, жена Клоппе бросится в полицию? Она сделает все, чтобы это не вышло наружу. Какая женщина хочет, чтобы ее принимали за дурочку?

— Продолжай...

— Похищаем Клоппе...

— Как?

— Я вызову людей из Италии. Заодно взломаем банк.

— Не думаешь ли ты вскрыть все сейфы?

— Зачем? наших денег там нет. Клоппе, с интересом для себя, пустил их в дело.

— Дальше.

— Мы подложим ему такую свинью, что в Цюрихе он превратится в ноль. Вытряхнем из него душу! Он расколется. Не мы будем опустошать его сейфы, а скандал... Клиенты побегут в более спокойные банки!

— Что бы ты хотел в качестве выигрыша?

— Не понял.

— Я проиграл пари с голубями, — с натянутой улыбкой сказал Габелотти.

— Когда мы закончим эту историю, ты подаришь мне швейцарские часы.

— Когда похищение?

— Сегодня вечером.

— А банк?

— Сегодня ночью... если ты не возражаешь.

Дон Этторе надул губы.

— Я не против быстрых действий, но... без излишней спешки.

— Десять боевиков прибывают сегодня вечером из Италии. Все уже улажено.

Габелотти усмехнулся.

— Молодые волки работают на старых волков, да?

— Нет, Этторе, все волки работают вместе.

Накаленный до предела ощущением своей мощи, Итало, не мигая, сверлил его взглядом своих черных глаз.

— Ты доверяешь мне?

Габелотти сжал его руку двумя ладонями.

— Полностью, Итало. Абсолютно! А сейчас не мог бы ты посвятить меня в детали?

— Естественно.

— Понимаешь, Итало, мне нравится быть зрителем, но не тогда, когда речь идет о двух миллиардах!

* * *

Как только гроб опустили в землю, Курт встал рядом с Шилин, как полноправный член семьи. Людей на кладбище собралось невероятно много. Те, кто хотел выразить семье Клоппе свои соболезнования, ждали полчаса, медленно продвигаясь в очереди, змейкой извивавшейся между могил. По прошествии часа бесконечных рукопожатий Шилин наклонилась к Хомеру и едва слышно прошептала:

— Мне плохо...

Хомер взял ее под руку.

— Я провожу тебя.

— Не могу, — сказала Шилин. — Все кружится перед глазами.

— Тебе плохо? — спросила Хелена Маркулис, близкая ее подруга.

Она стояла позади Шилин, словно предчувствуя, что понадобится ее помощь.

— Пойдемте отсюда, — предложил Хомер.

— Нет! — запротестовала Шилин. — Мы не можем уйти до конца церемонии.

— Хелена, вы отвезете Шилин домой?

— Да.

Она обняла Шилин за талию и сделала незаметный знак Мануэле, которая скромно стояла в сторонке, но в любую минуту готова была прийти на помощь.

— Что я могу для вас сделать? — спросил Курт.

Хомер промолчал. Появление Курта на кладбище казалось ему бестактным и невероятно раздражало.

— Я на машине, — продолжал Курт. — Могу вас подвезти.

Клоппе встал к нему вполборота. К нему подошел какой-то шофер в ливрее и шепнул:

— Мистер Клоппе, я приехал за вами.

— Иду, — машинально ответил банкир.

Разрезая толпу, шофер направился к выходу с кладбища. Хомер последовал за ним, без сожаления расставшись с Куртом.

Шофер открыл дверцу черного «мерседеса» с тонированными стеклами. Клоппе сел в машину. Дверца захлопнулась. В салоне «мерседеса» уже находилось четверо мужчин. Двое были ему незнакомы. Что касалось двух других, он отдал бы многое, чтобы не встретиться с ними при таких обстоятельствах: Итало Вольпоне и Этторе Габелотти.

— Поверьте, — сказал Габелотти, — я искренне сочувствую вашему горю.

— Примите мои соболезнования, — добавил Вольпоне.

Сжав губы, банкир пытался открыть дверцу. Она была заблокирована. «Мерседес» медленно тронулся с места и взял направление на Цюрих.

— Я действительно неловко себя чувствую, — сказал Габелотти, — но боюсь, что на этот раз вам придется с большим вниманием выслушать нас.

Оттавио Джакомасси, дожив до 65 лет, был ветераном, он когда-то входил в число людей Лаки Лучиано. Когда в 1936 году Лучиано — «одного из самых гнусных преступников, когда-либо представавших перед правосудием», как сказал о нем мэр Нью-Йорка Томас Дэви, — посадили на тридцать лет в тюрьму, Оттавио, в свои двадцать пять, почувствовал себя сиротой. На следующий день после заключения его падроне за решетку ему объяснили, что для него ничего не изменилось. Лучиано продолжал управлять своей империей из камеры. Через три года Европа погрузилась в пучину войны. Это событие Джакомасси никак не взволновало. Париж, Берлин, Лондон были для него всего лишь географическими названиями. Однако в его карьере наступил резкий перелом, когда Соединенные Штаты решили встрять в военный конфликт. Надо было подготовить плацдарм для высадки американских войск в Европе. Италию захлестнул фашизм. Специальные службы Белого дома на полном серьезе отправились в тюрьму на консультацию к Лучиано.

«Самому гнусному преступнику» предложили роль военного советника канцелярии президента с полномочиями, превышающими власть десяти генералов с пятью звездочками на плечах. Его попросили предоставить для блага нации знания, связи, людей и всю инфраструктуру его организации. Взамен Лучиано пообещали сократить срок заключения, что и было выполнено 2 февраля 1946 года, после девяти лет и шести месяцев его нахождения в неволе.

Оттавио Джакомасси выпала честь быть включенным лично Лаки в группу итало-американцев, которым поручалось организовать «прием» союзников на Сицилии. Когда Лучиано выдворили из Соединенных Штатов, Джакомасси был в первых рядах встречающих Лаки в Палермо. Спустя десять лет Лаки — влиятельный член всемогущей и таинственной Комиссьоне — отдал Оттавио молодому, уверенному и амбициозному волку Дзу Дженцо Вольпоне, к которому благоволил. С того дня Джакомасси занял в «семье» Вольпоне место главы клана по Северной Италии.

Когда Малыш Вольпоне кратко рассказал о несчастье, постигшем «семью», Оттавио впал в уныние: после Лаки дон Дженцо был вторым уважаемым им человеком, с которым ему приходилось общаться. И Итало, который стремился унаследовать положение брата во главе «семьи», не собирается, судя по всему, почивать на лаврах: для своей первой операции в роли капо он попросил Оттавио прислать — прямо сегодня вечером! — десятерых боевиков, чтобы вдребезги разнести банк в Цюрихе, «Трейд Цюрих бэнк». Звонок Итало в миланское бюро не застал Джакомасси врасплох. Опыт подпольной работы позволял ему практически мгновенно произвести рекрутирование необходимого числа людей.

Кроме того, его очаровала напористость Малыша. Джакомасси знал, как переправить людей в Швейцарию, не переходя официальной границы легально, правда, его смутило, что Итало ни слова не сказал о том, как он собирается возвратить людей в Милан. Ах, молодость, молодость!.. К счастью, папаша Оттавио позаботился и об этом.

* * *

Мануэла готова была многое отдать, только бы не говорить в этот момент Шилин

Клоппе о своем решении. Едва они возвратились с кладбища, Шилин закрылась в своей спальне. Не снимая траурных одежд, она легла в кровать, предупредительно разобранную ее подругой Хеленой Маркулис. Мануэла приготовила чай. Хелена выпила чашку, но Шилин отказалась.

— Попей, Шилин, попей... Тебе станет легче...

Шилин покачала головой, готовая снова разрыдаться. Задыхаясь от подступивших слез, она с трудом сказала:

— Не злись на меня, Хелена... Я хочу побыть одна... одна...

Подруга ушла, попросив Мануэлу предупредить ее, если Шилин понадобится ее помощь.

Мануэла стояла у кровати, не зная, с чего начать.

— Вам помочь раздеться?

— Нет, нет... С минуты на минуту должен возвратиться Хомер...

— Миссис... Я потрясена тем, что случилось...

— Знаю, Мануэла, знаю... Она вас очень любила...

— Я тоже...

— Я знаю...

— Я хотела вам сказать, миссис... Это так тяжело... Особенно сейчас... вы должны знать... я не могу больше...

— Что вы не можете? — всхлипнула Шилин.

— Я хочу уйти, миссис... Возвратиться в Португалию.

Шилин укоризненно посмотрела на нее и затряслась в беззвучных рыданиях. Невероятно смущенная, со слезами на глазах, Мануэла нервно переступила с ноги на ногу.

— Простите меня, миссис... Здесь я все время буду думать о ней.

Она закусил губу, заплакала и пробормотала:

— Это невозможно! Я не смогу...

Шилин всхлипнула и чуть слышно прошептала:

— О Мануэла, Мануэла...

Она взяла ее руки в свои и с такой силой сжала их, словно маленькая португальская горничная была единственным ее спасательным кругом.

— Мануэла, Мануэла... А я... Мне еще тяжелее!.. Я не знаю, как смогу жить дальше... Бог несправедлив... Как же вы правы, покидая нас! В этом доме всегда будет пахнуть смертью! Я понимаю вас, Мануэла! Я понимаю вас!..

— Миссис...

— Я помогу вам... Считайте мой дом своим домом... Всегда... В память о ней... А ваш ребенок... ваш ребенок...

Слезы хлынули у нее из глаз, и она не смогла больше произнести ни слова. Не переставая плакать, Мануэла вложила ей в руку конверт и вышла.

Оставшись одна, Шилин постепенно успокоилась. Вытерев простыней лицо, она машинально распечатала конверт. На покрывало упала фотография. Она протерла пальцами глаза и мгновенно узнала высокую негритянку, фотографии которой нашла в кармане плаща муха. С замершим сердцем она пробежала глазами текст и дважды перечитала последние строчки. «После тридцати лет супружеской жизни он заслужил это. Я возвращу его вам в хорошем состоянии, немного уставшим, но в хорошем состоянии...»

В ее голове закружили безумные мысли. Она снова посмотрела на фотографию,

задержавшись на великолепной обнаженной груди великанши, выбросившей в победном жесте правую руку. Она была уверена в том, что Хомер попал в беду. Слишком хорошо она его знала, чтобы поверить в то, что он способен оставить ее в такую минуту.

До предела наэлектризованная, она позвонила Курту. Он уже был дома и сказал, что Хомер уехал с кладбища около часа назад. Она поблагодарила его и набрала номер банка. Марджори не видела патрона со вчерашнего дня. Шилин позвонила в справочную и попросила номер окружной полиции. Когда на том конце линии подняли трубку, она показалась себе смешной и нажала пальцем на рычаг. Она решила обождать два часа. Если в течение этого времени Хомер не возвратится, она предупредит лейтенанта Блеча.

* * *

Аппарат стоял в начале запасной взлетной полосы, находящейся в зоне миланского аэропорта и зарезервированной властями для самолетов-такси и тренировочных полетов двух аэроклубов. Это был «МД-315», списанный с вооружения французской армии и проданный за бесценок. Десять мужчин, бросая подозрительные взгляды на проржавевшую обкладку входного люка, один за другим поднялись в самолет. В салоне не было ни одного сиденья. Ремни безопасности крепились прямо к стене. Один из мужчин, знавший пилота, тихо спросил у него:

— Слушай, Мороббиа, ты уверен, что этот металлолом летает?

На лице Амедео Мороббиа отразилась неуверенность. Он пожал плечами.

— Все зависит от дня недели, ветра, Мадонны... Пристегивайся, сейчас взлетаем, — сказал он и скрылся в кабине пилота, где его ждал Джанкарло Ферреро, радист-механик.

— Взлетаем?

— Взлетаем.

Амедео включил зажигание. Оба двигателя дружно чихнули, захлебнулись и наконец заработали. Корпус самолета дрожал, словно на испытательном стенде. Шумоизоляция, как и герметичность, отсутствовала. В ней, впрочем, не было необходимости. Оттавио Джакомасси приказал лететь на бреющем полете, как только они пересекут швейцарскую границу. Местность, куда они летели, Мороббиа знал наизусть. Он должен приземлиться в треугольнике Цуг — Нефль — Швиц на выгоне длиной пятьсот метров. Этого более чем достаточно как для посадки, так и для взлета.

Когда Амедео высказал мысль о создании авиашколы, Оттавио, не раздумывая, субсидировал его. Конечно, он зарабатывал себе на жизнь не редкими учениками, а выполняя деликатные, специальные задания Оттавио Джакомасси. Например, доставить или забрать какие-то пакеты в треугольнике Цуг — Нефль — Швиц.

— Учебный «МД-315» просит разрешения на взлет с девятой полосы.

— «МД-315», взлет разрешаю, — ответил диспетчер.

— Ясно... Взлетаю.

Мороббиа увеличил газ, и гряда металла, пробежав триста метров, с трудом преодолевая земное притяжение, медленно поползла вверх. При полной загрузке «МД-315» едва развивал скорость в 250 километров в час. От Милана до места приземления было около ста пятидесяти километров.

Амедео взял курс на северо-запад. Похлопав по руке своего механика, он прокричал ему

прямо в лицо, стараясь перекрыть шум двигателей.

— Джанкарло, ты проверил уровень масла?

* * *

Темно-серый костюм, белая рубашка, черный галстук, не красавец, не урод, среднего роста — Чезаре Пиомбино был образцом мужчины, которого можно десять раз встретить на улице и ни разу не обратить на него внимания.

Он вошел в «Трейд Цюрих бэнк» за сорок минут до закрытия. Вежливо спросив у привратника, где находится служба сейфов, он поблагодарил и в лифте поднялся на третий этаж. Зажав портфель под мышкой, Чезаре прошел по коридору и подошел к стойке, за которой сидели девушки в одинаковых костюмах цвета морской волны.

— Мне нужен господин Рунге...

— Господин Рунге был до обеда. У вас назначена встреча?

— Да.

— Не хотите ли переговорить с его заместителем?

— Нет. У меня личный вопрос. Когда он будет?

— Завтра утром.

— Спасибо. Я зайду завтра утром.

Его появление было настолько банальным, что ни одна из девушек даже не удосужилась поинтересоваться его именем. Как и большинство руководителей служб, Рунге присутствовал на похоронах дочери Клоппе. Чезаре Пиомбино еще не успел дойти до лифта, как девушки уже напрочь забыли его и готовы были искренне поклясться, что никогда его не видели.

Чезаре Пиомбино торговал антикварной мебелью на Цурлинденштрассе. Его прибыль была мизерной, потому что плевать он хотел на всякую мебель, а тем более антикварную. Он был человеком Оттавио Джакомасси в Цюрихе. Когда-то он работал вместе с Оттавио: убивал, вымогая признания, в добрые старые времена войны. Его специализацией были диверсии на железной дороге и отравление питьевой воды, которой пользовались оккупационные войска. Задание, которое он получил от Джакомасси, было сродни тому, чем он занимался четверть века тому назад. Прежде всего, надо остаться в банке. Затем, если боги с ним, сделать то, что нужно сделать, и целехоньким убраться из банка. За работу он получит от Оттавио десять тысяч долларов.

Чезаре осторожно открыл дверь рядом с шахтой лифта. Запасный выход! Он прижал к груди черный портфель, набитый динамитным и бикфордовым шнуром, и стал медленно спускаться по лестнице.

* * *

Мануэла вошла в свою комнату, сняла траурное платье, собираясь принять душ. На кровати она увидела голубой прямоугольник — телеграмму, которую, вероятно, принес мажордом, когда она была на похоронах Ренаты.

Нахмутив брови, она прочла, не понимая, о чем идет речь. Ноги у нее подкосились, и

она опустила на кровать. В голове зашумело... Она перечитала текст телеграммы во второй раз. В горле застрял плотный, колючий ком, и несколько секунд она не могла вздохнуть. Слова текста, как пули, впивались в ее сердце.

«Сожалением сообщаем смерти Хулио Альмейды результате несчастного случая. Ждем указаний возможности транспортировки тела. Подпись: Эрик Морталд. Директор «Вассенарз консолидейтед». Шукуду. Ботсвана».

У Мануэлы мелькнула мысль, что ребенок никогда не будет знать отца.

* * *

Эта небольшая станция техобслуживания, затерявшаяся в конце тихой улочки Эшвиценштрассе, ничем не отличалась от тысячи других, разбросанных по стране. Всего лишь три бензоколонки: две бензиновых и одна с соляркой для грузовиков. Справа от заправки уходил вниз бетонный съезд на подземную стоянку, рассчитанную на тридцать автомобилей. Именно здесь собирался Орландо Баретто спрятать Мортимера О'Бройна и Зазу Финней.

Хозяин станции техобслуживания, сицилиец по происхождению, не принадлежал к Синдикату, но иногда оказывал организации небольшие услуги. Энцо Приано никогда не задавал вопросов и взамен за свои труды получал конверт с полноценными швейцарскими франками. Чаще всего он укрывал людей, которые потом бесследно исчезали, забыв оставить ему визитную карточку. В глубине паркинга, за горой изношенных покрышек, находилась металлическая дверь, всегда закрытая на ключ. За ней — помещение с железной кроватью, умывальником с холодной водой, голой лампочкой над головой и дырой в бетонном полу, помпезно называемой «турецким кабинетом». Обстановку дополняли деревянный стол, на котором лежали несколько книг и стопка старых журналов, и две табуретки.

За десять минут до приезда черного «мерседеса» с тонированными стеклами Энцо Приано разобрал гору старых шин и открыл металлическую дверь помещения, которое он называл «комнатой друзей».

В нее вошли трое мужчин. У одного, самого маленького, на глазах была черная повязка. Второй был громадный и толстый; третий — коренастый, с суровым выражением на лице. Ему Энцо отдал ключ от убежища. Когда Вольпоне снял с Клоппе повязку, тот захлопал глазами и с презрением осмотрел место, куда его привезли.

— Очки! — сказал он.

Этторе Габелотти протянул ему очки.

— Вы можете сесть, — сказал Габелотти.

Хомер, не шелохнувшись, продолжал стоять. Он знал, что находится в Цюрихе, в подземном гараже, о чем говорил запах масла и бензина. Но в каком районе он находится? Когда к нему подошел шофер в ливрее и сказал: «Я приехал за вами», он подумал, что его прислала Хелена, и без всякой задней мысли последовал за ним.

— Мистер Клоппе, — с нажимом сказал Габелотти, — только от вас зависит, как быстро вы выйдете из этого неприятного места. Я хочу сказать, выйдете живым... Ваше упорство оправдывает наши методы, которыми мы пытаемся его сломить. Вы располагаете двумя миллиардами долларов, которые вам не принадлежат по той простой причине, что

настоящими владельцами являемся мы! В последний раз спрашиваем вас: переведете ли вы деньги туда, куда вам указал Дженцо Вольпоне?

Клоппе осторожно сел на краешек кровати. Все ему было безразлично. пытки его не пугали, смерти он не боялся. Рената похоронена, ценности, составлявшие смысл его жизни, потеряли свое значение. Единственное, что осталось, — принцип профессионального сохранения тайны, то, на чем зиждется величие его страны. Служащие банка не заговорили под пытками нацистов, когда те пытались узнать заблокированные номера счетов евреев. Он медленно поднял голову и посмотрел вначале на Габелотти, затем на Вольпоне. Насмешливая улыбка тронула его тонкие губы.

— Мне кажется, что он смеется над нами, — безразличным голосом заметил Итало.

После встречи с доном Этторе в парке «Долдер» Малыш Вольпоне отправил гонца на Беллеривштрассе с письмом Инес. Возвратившийся «солдат» рассказал ему о смерти Ренаты. Это сообщение изменило все планы, разработанные совместно с Этторе Габелотти. Времени на размышление не оставалось, и они сымпровизировали, поехав на кладбище.

— Я задал вам вопрос, — с неожиданной резкостью сказал Габелотти.

Хомер Клоппе спокойно покачал головой.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Малыш Вольпоне подскочил и плюнул Хомеру в лицо.

— Послушай меня, мудака! Есть по крайней мере одно, в чем ты скоро убедишься: ты узнаешь, что произойдет с тобой, твоим банком и твоей женой!

* * *

Как только Блеч заметил, что Кирпатрик закрыл свою широкую глотку, он милостиво сбавил обороты агрессивности. В течение часа они обменивались откровенной информацией, отвечая на вопросы друг друга.

После совещания Блеч отправился к Клоппе. Дэмфи, Кирпатрик и Финнеган — в отель. В «Сордис» они распаковали чемоданы и привели себя в порядок.

И снова все собрались в кабинете Блеча. Тема разговора — исчезновение Патрика Махоуни.

— Есть у меня одна гипотеза, — сказал Блеч. — Но, откровенно говоря, стоит она на ногах слабовато...

— Говорите, говорите, — подбодрил его Кирпатрик.

— Если ваш инспектор был ликвидирован, то, как мне кажется, я знаю, каким образом... Три дня назад в машинном отделении отеля «Командор» произошла драка...

— Между кем и кем?

— Не знаю. Никто ничего не слышал и не видел. Служащих встревожил пар, вырывающийся из подвального помещения. Водопроводные трубы горячей воды были перфорированы пулями... Мои люди обнаружили на полу следы гильз. Был там и я. Я почти уверен, что труп сбросили в котел с кипящей водой.

— Вы не проверяли?

Блеч бросил на него раздраженный взгляд.

— Нет, капитан. Это невозможно. Там — ад! От человека ничего не остается через десять минут. Чтобы охладить котел, нужно три дня.

— Что вам дает основание думать, что это — Махоуни?

— За последние дни в Цюрихе исчезли два человека. Инспектор Махоуни и некто Рико Гатто, боевик с Западного побережья.

— Откуда вам известно, что этот Гатто исчез?

— Он въехал в Швейцарию, но не выехал. Он не оплатил счет за отель, — холодно сказал Блеч. — По моему мнению, один из них, Махоуни или Гатто, стал жертвой преступления в отеле «Командор». Кто из них, сказать не могу, потому что не обнаружены тела ни того, ни другого.

— А если ни одного тела так и не будет обнаружено? — спросил Финнеган.

Блеч бессильно развел руки в стороны.

— И еще, капитан... Хотя этот факт вас совершенно не касается... Люди, за которыми вы следите, совершают какую-то денежную махинацию с «Трейд Цюрих бэнк». Дочь владельца банка. Рената Клоппе, погибла два дня назад в автомобильной катастрофе через четверть часа после свадьбы. В эту минуту ее хоронят. Вы знаете, кому принадлежит машина, в которой она нашла свою смерть? Некому Орландо Баретто, сицилийцу... А знаете, кто заплатил за машину Баретто?

Он посмотрел на них, кипящих от нетерпения и сидевших, как два послушных, внимательных ученика.

— Дженцо Вольпоне, — выстрелил он.

— Где Баретто? — скрипнул зубами Кирпатрик.

— В городе, — небрежно обронил Блеч.

— Как? Вы не задержали его?

— Если я буду арестовывать всех, кто заявляет о пропаже автомобиля...

— Лейтенант, — подал голос Финнеган, — сегодня у вас есть фантастическая возможность отличиться! Такое может больше никогда не повториться. Почему бы вам не арестовать ВСЕХ?.. Скажем, под каким-нибудь предлогом...

На лице Блеча появилась растерянность.

— Под каким предлогом? Разве был нарушен общественный порядок? Кто-то подал на них жалобу?

Финнеган и Кирпатрик грустно переглянулись.

— Могу я позволить себе задать один вопрос? — спросил Дэмфи. — Не говорил ли вам Клоппе, что ему угрожают?

Фриц Блеч поджал губы.

— Мистер Дэмфи, у нас банк — это государство в государстве. Финансовый консорциум абсолютно самостоятелен. Они сами нанимают охрану, сами ведут расследование, приглашают экспертов и сами организуют свою собственную полицию.

— Клоппе не представляет, с кем имеет дело, — ухмыльнулся Кирпатрик. — Синдикат настолько мощная организация, что может поставить на колени всю Швейцарию.

Блеч посмотрел на него с искренним сожалением.

— Никому это еще не удавалось сделать, капитан. Знаете почему? Потому что в нашей стране никто не берет взятки! В Америке вы все прогнали!

Увидев, что Кирпатрик залился краской, он не дал ему времени возразить.

— Капитан, как вы думаете, настолько ли Вольпоне и Габелотти сумасшедшие, что решатся броситься на приступ банка?

— А почему бы и нет? — сказал, как плюнул, Кирпатрик. — Если они считают, что

правы...

Скотт Дэмфи оценил тонкий ход и забулькал смехом.

— Это было бы интересно, — сказал Блеч.

— Если я правильно понимаю, — заговорил Кирпатрик, — вы вмешаетесь только тогда, когда эти сволочи подожгут Цюрих и зальют его кровью.

— Я знаю, что и когда мне делать, — сухо отрезал Блеч.

— Лейтенант, я далек от мысли давать вам советы, но, принимая во внимание обстоятельства, вы могли бы использовать прослушивание телефонов...

— Вы в Цюрихе, капитан, а не в Вашингтоне! Такие методы мы не приемлем.

Кирпатрик сжал кулаки, сдерживая ярость. Этот простофиля упустит из-под носа главарей двух самых мощных «семей» Синдиката. Лицо Кирпатрика стало вишневого цвета.

Заметив это, Блеч решил смягчить свою реплику и подошел к американцу.

— Вам не стоит так волноваться, капитан. Два моих сотрудника наблюдают за банком.

* * *

«МД-315», несмотря на свой не внушающий доверия вид, ни разу за три года полетов по маршруту Милан — Швейцария не подвел Амедео Мороббиа. Обычно после приземления его пассажиры выпрыгивали и бежали к лесной дороге, где их ждала машина. Мороббиа со спокойной совестью возвращался обратно и простым телефонным звонком докладывал Оттавио:

— Возвратился. Все в порядке.

Сегодня в программе предстояли некоторые изменения. Он должен посадить самолет, подъехать к кромке леса и хорошо замаскировать его. И ждать!

— Как долго?

— Не знаю, — ответил Оттавио.

— Если меня долго не будет, в Милане начнут волноваться.

— У тебя может быть поломка, и ты совершил вынужденную посадку.

— Да, но я обязан их предупредить.

— О'кей! Это я беру на себя. Если к утру никто не придет, возвращайся.

— Хорошо.

Колеса сильно ударились о землю, самолет подпрыгнул, снова коснулся неровной почвы и, сотрясаясь всем корпусом, покатился в сторону леса.

Мороббиа выключил зажигание.

Джанкарло перебрался в салон и помогал пассажирам отстегивать ремни безопасности.

— Выметайтесь, парни! Выметайтесь... Вас ждут за оврагом.

Все быстро покинули самолет. Это были молодые парни, модно одетые, при галстуках, с дипломатами и небрежно переброшенными через руку плащами. По тому, как они побежали, можно было судить об их хорошей физической подготовке. В лесу их ждали машины. Небольшими группами разными маршрутами их доставят в Цюрих, где им предстоит дожидаться ночи, чтобы приступить к действию.

— Что будем делать? — спросил Ферреро.

— Сачковать, — ответил Мороббиа.

— Долго?

— Друг мой, если б я знал...

Он удобнее устроился в пилотском кресле и закурил.

* * *

— Мой друг Итало Вольпоне и я, без всяких разногласий, приняли ряд решений, которые хотим довести до вашего сведения.

Этторе Габелотти прошелся доброжелательным взглядом по внимательным лицам слушателей, собравшихся в библиотеке виллы. Члены «семей» сидели отдельными группами.

На лице Габелотти появилось удрученное выражение.

— Ни Малыш Вольпоне, ни я не хотим насилия. Но вы понимаете, что через наши интересы затрагивается престиж Синдиката. Как мы должны смотреть на то, что какой-то мелкий банкир бросил вызов Организации? Мой компаньон и я пришли к единому мнению: не оставлять без внимания это оскорбление.

Он протянул руку в сторону Вольпоне.

— Итало, объясни нашим друзьям, чего мы от них ждем.

Этторе сел и вытер платком лоб. Итало встал. Не прошло и двух недель, как он пережил подобную ситуацию в Нассау. Перед высшим руководством двух «семей» он зачитал телеграмму своего брата, состоявшую из трех букв: «АУТ». Тогда он не мог себе представить, что в скором времени может стать кем-то другим, а не временным заместителем дона Дженцо. Он, младший брат своего брата, пижон и игрок, которого никто не принимал всерьез. Смерть Дженцо все изменила... Власть — совершенно новый и необычный плод, вкус которого ему необходим. Ни Габелотти, ни кто другой не помешают ему насладиться им.

— Перед нами стоит двойная задача, — начал он. — Возвратить деньги и запугать банкира. Ликвидировать банкира мы не можем, не потеряв выход к деньгам. Поэтому планомерным давлением мы должны вынудить его расколоться. Хомер Клоппе уже в наших руках, но мы слишком надолго задержались в Цюрихе. Сейчас надо сделать все быстро: ударить, взять, исчезнуть... Сегодня ночью мы нападём на банк и превратим его в обломки. Надо дать понять Клоппе, что мы готовы идти до конца, если он не отдаст нам то, что принадлежит нам. У Синдиката воровать нельзя!

— Если бы ты нам еще сказал, как собираешься все это осуществить, — наглым тоном заметил Карло Бадалетто.

С того дня, когда передние резцы Карло остались в коже черепа Итало, он не упускал возможности продемонстрировать ему свое пренебрежительное отношение. Пальцы рук Вольпоне дрогнули и сжались в кулаки. Он опустил голову и, не повышая голоса, сказал:

— Закройся! Говорю я!

По его тону Моше Юдельман понял, что хрупкое деревце мира, с таким трудом им высаженное, может треснуть раньше, чем принесет плоды. Почувствовал изменение климата и дон Этторе. Он тоже приложил немало сил, чтобы установить временное перемирие, и не хотел, чтобы кто-то его разрушил. Гневно сверкнув глазами, он набросился на своего «лейтенанта»:

— Или ты закроешься, или я сам вышвырну тебя отсюда.

Карло почувствовал напряжение, возникшее между кланами, и вжался в кресло. Итало

как ни в чем не бывало продолжил свою речь. Моше мысленно послал ему горячие поздравления.

— Я вызвал из Италии десять боевиков. Вы возьмете их под свою команду и разнесете банк в щепки.

Томас Мерта вежливо поднял палец вверх, прося слова.

— Я видел банк. Это каменное шестиэтажное здание. Даже если сбросить на крышу двухтонную бомбу, она растрескает только стены.

— Ты будешь действовать по моему плану, и все пойдет по-другому, — сказал Вольпоне. — Успех нашей операции заключается в неожиданности и быстроте... Если банк будет разгромлен в течение четырех минут, все останутся живы и здоровы. Мы — дон Этторе и я — решили, что в операции будут участвовать все «лейтенанты» двух «семей». Витторио и Томас осуществляют руководство операцией. Алдо, Винченце, Джозеф, Бадалетто, Фрэнки и Симеон поведут боевиков. В общей сложности в банк проникнут восемнадцать человек. На каждом этаже и в центральном холле будут действовать по три человека. Разгромить все и поджечь. У нас будут зажигательные гранаты и огнемет американской армии.

— Падроне, — подал голос Пиццу, — гранатами вход в хранилище мы не взорвем.

— Этого делать вам не придется, — добродушно сказал Габелотти. — Наша задача — не грабить, а нанести максимально больший ущерб. Менее чем за четыре минуты вы должны сжечь все документы. Главное не деньги, а скандал! Бордель!

Томас Мерта обратился к Итало Вольпоне:

— Вы сказали, что восемнадцать человек проникнут в банк. Каким образом?

— Естественно, через дверь...

— У вас есть ключи?

Итало недобро улыбнулся.

— Ровно в полночь дверь разлетится на куски. Один из моих людей спрятался в банке с динамитом.

— Какие указания относительно полицейских? — спросил Брутторе.

— Ты их не увидишь! — осадил его Вольпоне. — Полиции потребуется восемь минут, чтобы добраться до банка после сигнала тревоги. Вы действуете ровно четыре минуты. Когда они примчатся, вы будете уже дома.

— Дома? — переспросил Фрэнки Сабатини. — Как можно выехать из страны за четыре минуты после такого фейерверка?

— Не трусь! Завтра утром ты будешь пить кофе в Италии.

Отход «солдат» ставил перед Итало большую проблему. Дон Этторе пока не затрагивал этот вопрос. Его мало интересовали человеческие потери в «семье» Вольпоне. Наоборот, ослабление клана Итало было ему на руку в дальнейшем осуществлении его планов. К сожалению, Итало лишил его возможности таскать каштаны из огня чужими руками, уточнив: «Дон Этторе и я, мы решили, что в операции примут участие «лейтенанты» двух «семей». Хотя дон Этторе ничего не решал. Он ничем не выдал своего удивления, но его изощренный мозг сразу же выявил ловушку. То, что Вольпоне взял на себя организацию операции, — флаг ему в руки! Но включать в команду камикадзе своих «лейтенантов» он не хотел. По крайней мере, без гарантий! Медоточивым голосом, словно ему все хорошо известно, Габелотти попросил Вольпоне:

— Объясни этим парням, как они будут эвакуированы. Я чувствую, что они волнуются.

Вольпоне только и ждал этого толчка, чтобы публично прибавить несколько очков к своему авторитету. Он мило улыбнулся Габелотти.

— Я продумал это, дон Этторе, я продумал... — сказал он, прекрасно зная, что, говоря от первого лица, он выводит Габелотти из участников принятия решения по этому очень важному пункту. Этот ход ему подсказал и организовал еще в Милане Оттавио Джакомасси. Но никто не заставляет его говорить об этом.

— На выходе из банка вас будут ждать шесть машин. Все разъедутся по разным маршрутам, где меньше всего ездит полиция.

— Кто водители? — спросил Кармино Кримелло.

— Друзья. Они знают город, как собственный карман. Разными дорогами вы приедете в одно место недалеко от Цюриха.

— Через четверть часа после взрыва все дороги будут перекрыты, — сказал Томас Мерта. — Что нам делать? Прятаться в кустах?

Итало посмотрел на него осуждающим взглядом.

— Мне кажется, я уже сказал, что завтра ты будешь пить кофе в Италии.

— Как перейдем границу?

— В молоке, — спокойно ответил Итало Вольпоне.

Он дал им секунду пофантазировать.

— У моего брата Дженцо был небольшой молочный завод под Цюрихом. Каждый вечер туда привозятся тысячи бидонов молока. Три раза в неделю четырнадцать молоковозок отправляются в Милан, чтобы милые итальянские малыши пили вкусное, свежее швейцарское молоко. Каждая цистерна содержит пятьдесят тысяч литров. Уже шесть лет таможенники наблюдают, как проезжают эти молоковозки. В восьми цистернах мой брат сделал тайники. В каждом из них с удобством могут расположиться три-четыре человека. За четыре часа с небольшим вы окажетесь в Милане. Вас там встретят. Ясно?

Анджело Барба рискнул задать вопрос, который жег ему губы.

— А мы? Если дело обернется плохо?

— Почему оно должно обернуться плохо? — удивился Итало. — Можешь ты мне объяснить, какая существует связь между тобой, честным американским бизнесменом, находящимся в Цюрихе по делам, и анархистами, которые ради забавы сожгли банк, не взяв при этом ни гроша?

— И все-таки подумай, как мы будем выбираться из Цюриха.

Вольпоне укоризненно на него посмотрел.

— Ну как ты мог предположить, что я об этом не подумал, Анджело...

Фолько Мори окинул взглядом комнату.

— Должно сойти, как ты думаешь? — спросил он.

Пьетро Беллинцона поморщился.

— Не знаю...

— Что? Чего-то не хватает?

Фолько пристально посмотрел на труп Орландо Баретто.

Пролежав почти сутки в подвале на вилле, тело Ландо совершенно окостенело. Получив приказ от Вольпоне отвезти труп Ландо на его квартиру, они так и не сумели уложить его в багажник. Время шло, и они рискнули положить его на пол машины, вдоль заднего сиденья. Сверху набросили шотландский плед.

Сжав зубы, Фолько вел машину, тщательно соблюдая правила дорожного движения, уступая проезд другим машинам, оставаясь предельно внимательным и стараясь ничем не привлечь к себе внимания. Сидевший рядом Пьетро казался аморфным, без нервов. После смерти Ландо ему стало легче дышать. Он был уверен, что его никогда не заподозрят в убийстве Ландо. Теперь никто не узнает об унижении, которое он испытал. Он был не настолько глуп, чтобы не знать, что в «семье» Вольпоне его принимают за идиота. Организованной мизансценой убийства он в какой-то мере отомстил им, пустив по ложному следу. Жаль, что этим нельзя было ни с кем поделиться...

В квартире Ландо они воспроизвели весь сценарий... Когда соседей встревожит запах разложившегося тела и они взломают дверь, картина, которая предстанет перед их глазами, будет иметь вид невинного несчастного случая.

— А вообще-то плевать нам на все это! — сказал Фолько. — Когда его найдут, мы будем уже далеко.

— Я любил его, — искренне сказал Пьетро.

— Я тоже, — подтвердил Фолько. — Не повезло парню...

Они в последний раз посмотрели на окоченевшее тело товарища и тихо вышли из квартиры.

Вольпоне просил их как можно быстрее возвратиться на виллу.

* * *

Ганс Брегенц с ненавистью вышагивал по Штамфенбахштрассе. За два часа своего дежурства он наизусть изучил все витрины магазинов, находившихся в радиусе пятидесяти метров от входа в «Трейд Цюрих бэнк». Легкий промозглый ветерок начинал пробираться его до костей. Он поднял воротник непромокаемого плаща и посмотрел на часы: десять вечера.

— Поль! Мне это осточертело! Когда нас сменяют?

— В полночь! — ответил Романшорн.

— Я бы с удовольствием чего-нибудь выпил...

— Что нового?

— Откуда новое? Блеч даже не сказал, какого хрена он нас здесь выставил, у этого старого банка. У них же есть свои сторожа или нет?

Романшорн пожал плечами. В замысел лейтенанта Блеча невозможно было проникнуть. Дисциплина и еще раз дисциплина. Своим людям он говорил минимум информации, не считая нужным объяснять цель задания, которое им поручалось.

— Сообщайте обо всем, что покажется вам подозрительным в непосредственной близости от банка.

«И сваливайте!..» — мысленно добавил Брегенц.

Он взял из рук Романшорна переговорное устройство.

— Пройдись по тротуару... Забегу в кафе на секунду, замерз что-то...

— Давай, — ответил Романшорн.

Прохожих почти не было. В Цюрихе рано ложились спать и рано вставали. Романшорн пытался понять смысл задания. Банки были святым местом. На его памяти никто не посягал на них.

Черт! Еще два часа надо убить в ожидании смены.

* * *

Хомер Клоппе сложил ладони ковшиком и подставил под струю холодной воды. Со вчерашнего дня он еще ничего не ел. Перед отъездом на кладбище выпил только чашку кофе без сахара. Но голода не ощущал. Габелотти и Вольпоне обошлись в этот раз без насилия, ограничившись угрозами и детальным описанием картины ожидавшей его судьбы, если он не выполнит их требование. Он хотел бы освободиться от давившего его груза, но он не смел даже подумать о том, чтобы отдать Полю то, что доверил ему Пьер. Смысл его профессионализма заключался в абсолютном сохранении тайны. И он молчанием защищал доверенные ему ценности, как это делали его отец и дедушка. За свое упорство он уже заплатил собственными зубами. Вольпоне поклялся, что возьмется за его жену, за банк и за него самого.

Когда Вольпоне плюнул ему в лицо, у него возникло желание помочь ему: сказать, что деньги находятся у него, но он отдаст их только на легальных условиях, соблюдая все формальности. Габелотти показал себя более мягким, терпеливее чередуя угрозы с обещаниями и сожалениями...

— Я чувствую себя неловко, мистер Клоппе, действуя относительно вас таким образом. Но признайте, вы не оставляете нам выбора... Вы вынуждаете растереть вас в порошок.

Он сидел на кровати, прямо держа спину, сложив руки на коленях. В замочной скважине заскрежетал ключ. Первым вошел Этторе Габелотти. За ним появился Вольпоне. Он запер дверь на ключ и положил его в карман. Хомер даже не шелохнулся.

— Мы позволили себе, мистер Клоппе, — начал Габелотти, — нанести вам последний визит, перед тем как произойдут необратимые и неприятные события. Чтобы облегчить принятие решения, я откровенно расскажу вам, что должно произойти.

С сильно побледневшим лицом, Вольпоне сидел на табуретке, уставившись неподвижным взглядом в стену убежища. Он сидел неподвижно, но его левая нога отбивала быструю дробь.

— Сейчас двадцать три часа, господин Клоппе. Через час «Трейд Цюрих бэнк» будет разгромлен. Коммандос уже в городе. Они все разрушат и сожгут. От вашего учреждения останутся одни развалины. Одни развалины! Предполагая, что этот инцидент вас не убедит,

завтра мы похитим вашу жену. Я не так дурно воспитан, чтобы рассказывать вам, что ее ожидает, прежде чем она найдет покой в смерти. Итак, похитив вашу жену, подвергнув ее пыткам, мы затем сожжем ваш дом. Далее, мы отдадим вас в руки ублюдков, которые, клянусь вам, заставят вас заговорить. Вы — человек здравомыслящий, мистер Клоппе, христианин... Вы понимаете, что мы не блефуем. Таким образом, я вас умоляю, подумайте... Подумайте быстро! Времени немного, но оно у вас еще есть. Возвратите нам наше, и, даю вам слово, мы тут же оставим вас в покое. Вы уже достаточно знаете нас, чтобы понять, с кем имеете дело. В наших действиях мы всегда идем до конца. Я восхищаюсь вашей смелостью, которую вы демонстрировали до сих пор. Но всему есть предел. Ваше упорство становится преступным. А теперь вы в ответе и за свою жену.

Габелотти замолчал. Нога Вольпоне все быстрее и быстрее стучала по бетонному полу.

— У нас с вами есть один общий момент, мистер Клоппе. Вы что-нибудь слышали об омерте? Это — закон молчания. Мы с тем же неистовством следуем ему, как и вы. С одной лишь разницей: наши причины благородны, они касаются нашей чести. В вашем случае речь идет не о чести, мистер Клоппе, а о деньгах! О тех, которые к тому же принадлежат нам. А теперь скажите, вы отдадите приказ разблокировать наш капитал?

Неожиданно нога Вольпоне замерла. Абсолютную тишину нарушало лишь тяжелое, астматическое дыхание Габелотти. Хомер Клоппе медленно поднял голову и внимательно посмотрел на дону Этторе. Этот человек использовал всю силу слова, взывая к человеческим чувствам, уму и здравости рассудка. Но за всем водопадом слов скрывалось одно: завладеть деньгами... А его лицо? За маской человеческого понимания Хомер угадывал насилие, алчность, беспощадность, и что-то холодное, звериное виделось в его глазах. Чтобы достичь той вершины власти, на которой находился этот человек, он должен был убивать, пытаться, унижать...

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, и Габелотти показалось, что он выиграл, что сейчас банкир заговорит. Ему даже показалось, что у Клоппе шевельнулась губа.

Итало вскочил и бросился на Клоппе.

— Ты будешь говорить, подлый вор! Ты будешь говорить!

Клоппе даже не попытался защититься. Он опрокинулся навзничь под весом тела Вольпоне, который душил его за горло. Габелотти обхватил Вольпоне сзади за талию, приподнял и изо всех сил прижал к себе.

— Итало! Итало!

— Закройся!

Он вывернулся из объятий гиганта и направил на него револьвер. На лице Габелотти появилось огорчение, и он обратился не к Вольпоне, а к Клоппе.

— Поверьте, мне очень жаль, что вы так повели себя, мистер Клоппе. Есть по крайней мере одна вещь, которую вы не украдете у нас: траур и те несчастья, которые обрушатся на вас.

Он повернулся к Итало, фамильярно взял его за локоть, игнорируя револьвер в его руке, и сказал:

— Пошли, Итало, пошли...

Вольпоне позволил увести себя. Когда металлическая дверь с лязгом закрылась, дон Этторе попытался вспомнить оставшихся в живых из тех, кто угрожал ему оружием. Нет, таких не оказалось. Ни одного!

— Ганс, тебе это не кажется странным?

— Что? — спросил Брегенц.

— Третья машина остановилась у тротуара.

— Ну и что?

— Из машин никто не выходит.

— Не писай кипятком, — съязвил Брегенц.

— Смотри! — воскликнул Романшорн. — Еще одна!

Брегенц увидел, как в тридцати метрах от «Трейд Цюрих бэнк» остановился «опель».

Фары погасли.

— Уже четыре, — прошептал Романшорн.

Его лицо напряглось. С интервалом в двадцать секунд подъехали еще две машины.

Брегенц озабоченно нахмурил брови.

— И что ты увидел в этом необычного?

— Ты помнишь, о чем говорил Блеч? — спросил Романшорн, не отводя глаз от Штамфенбахштрассе. — Сообщать ему обо всем, что покажется подозрительным. Одна тачка — нет вопросов! Но шесть! В одно и то же время на одной улице! Дай-ка мне говорилку.

Он выхватил из руки Брегенца уоки-токи.

— Дорнер? Говорит Романшорн. Где Блеч?

— Что случилось?

— Шесть машин остановились на Штамфенбахштрассе... Никто из них не выходит.

— Сейчас свяжусь с ним, — сказал Дорнер.

Романшорн отключил связь.

— Что будем делать? — спросил Брегенц.

Его часы показывали 11.56.

— Ничего... Ждать.

Привычным жестом Брегенц проверил «кольт» в кармане непромокаемого плаща. До сих пор он пользовался им только в тире, во время тренировочных занятий. Он внимательно наблюдал за кавалькадой машин, выстроившихся вдоль тротуара. Неприятное ощущение, когда никто из них не выходит.

Лейтенант Блеч лежал на диване в своей холостяцкой квартире и наслаждался стереофоническим звучанием музыки своего любимого композитора Вольфганга Амадеуса Моцарта. Телефонный звонок прозвучал неожиданно и совсем некстати. Блеч посмотрел на часы — 23 часа 56 минут 37 секунд — и решил не поднимать трубку. Но телефон настойчиво трезвонил, нарушая восприятие чарующих звуков его любимой оперы.

— Да!

— Говорит сержант Дорнер, лейтенант.

— Что случилось?

— Только что звонил Брегенц. Шесть машин припарковались рядом с «Трейд Цюрих бэнк». Никто из машин не вышел.

— И что из этого следует? — рявкнул Блеч, все еще находясь под впечатлением музыки.

— Ничего, лейтенант... Извините... Вы просили меня...

— Господи! — воскликнул Блеч. — Немедленно отправьте туда два автобуса с людьми! Перекрыть с двух концов Штаффенбахштрассе! Быстро! Я еду туда.

* * *

Последняя встреча перед нападением на банк была назначена на молокозаводе. Завод находился в северо-восточном направлении от города, чуть в стороне от шоссе, ведущего в Бассердорф. Трехметровой высоты стена окружала всю территорию. На центральный двор можно было въехать только через огромные деревянные ворота. Там, готовые отправиться в дальний путь, стояли четырнадцать цистерн-молоковозок, принадлежавших заводу.

Витторио Пиццу в сопровождении Алдо Амальфи, Винченце Брутторе и Джозефа Дотто вошел в кабинет на втором этаже административного здания. Там уже находились Итало Вольпоне, Этторе Габелотти, Моше Юдельман, мрачный вид которого его удивил, и два «лейтенанта» дона Этторе: Кармино Кримелло и Анджело Барба. В глубине комнаты в окружении Карло Бадалетто, Фрэнки Сабатини и Симеона Ферро сидел Томас Мерта. Он никак не мог привыкнуть к постоянному присутствию членов «семьи» Габелотти. Это соседство ненавистного клана, ставшего неожиданно союзником, казалось ему насмешкой. Слишком долгие годы войны и большое число трупов разделяли «семьи» Габелотти и Вольпоне, чтобы он поверил в продолжительность мирного сосуществования.

— Десять человек из Италии уже прибыли. Не отходите от них ни на шаг, — сказал Итало. — С этой минуты руководство ими вы берете в свои руки и объясните им, чего я от них жду. В одиннадцать пятнадцать вы отправитесь отсюда на шести машинах к банку. После погрома в банке возвратитесь сюда и спрячетесь в тайниках цистерн. До восхода солнца вы уже будете в Милане. Встретимся в Нью-Йорке.

Дон Этторе сделал жест, который, будь он священником, можно было бы принять за благословение.

Витторио посмотрел на часы: без одной минуты двенадцать. Через тридцать секунд он откроет дверцу, что послужит сигналом для остальных. Все соберутся возле центрального входа в банк, на безопасном расстоянии от взрыва. Если этот Пиомбино серьезный человек, взрыв произойдет через тридцать восемь секунд. Витторио открыл дверцу и спустил ногу на асфальт. Одновременно открылись дверцы всех машин. Все молча двинулись к банку.

* * *

В 22.50 Чезаре Пиомбино выбрался из шкафа, в котором хранился инвентарь для уборки помещений. Там он провел семь часов в неестественной позе, борясь с судорогами, сводившими мышцы. Он сделал несколько неловких гимнастических движений, разминая мышцы, присел и едва смог выпрямиться.

Подозрительно озираясь по сторонам, он пошел в направлении центрального входа, не

представляя себе, какая система сигнализации охраняет банк. В любой момент могла завывать сирена тревоги. Он подошел к огромной входной двери, которая отделяла центральный холл от Штамфенбахштрассе. Присев на корточки, он раскрыл портфель и достал свое снаряжение. До взрыва оставалось четыре минуты. Он взял шашку тола и присоединил к ней бикфордов шнур. От длины этого шнура зависела его собственная жизнь.

После взрыва он сразу же бросится в пролом и побежит к своей машине, которую оставил на перпендикулярной Штамфенбахштрассе улице.

С помощью ножниц он сделал фитиль на конце шнура, щелкнул зажигалкой и поднес к ней пламя. Когда шнур зашипел, разбрасывая мелкие искры, он пробежал через холл и укрылся за дальней мраморной колонной. Бросив на пол портфель, он зажал уши двумя руками, закрыл глаза и присел, прислонившись спиной к колонне. Он начал считать. При счете «двадцать восемь» невероятной яркости вспышка осветила холл, последовал грохот, от которого содрогнулось здание. По нему прошлась горячая волна плотного воздуха. На пол сыпались осколки стекла, обломки железа и куски бетона...

Чезаре Пиомбино встал и бросился к огромной дыре, зиявшей на месте двери.

* * *

На глазах Романшорна и Брегенца разыгрывался волнующий спектакль: совершенно пустынная Штамфенбахштрассе в течение трех секунд заполнилась толпой людей, которые молча, небольшими группами направлялись к «Трейд Цюрих бэнк».

— Черт! — воскликнул Брегенц охрипшим голосом. — Восемнадцать!

— Нет, девятнадцать! — шепнул Романшорн.

— Поль... Что делаем?

— Спрячемся... Подождем подкрепление...

У обоих в руках было табельное оружие окружной полиции: «кольты» 38-го калибра. Неожиданно Брегенц перестал ощущать холод. Машинально проведя пальцем между воротником рубашки и шеей, он отметил, что вспотел.

— Посмотри, — сказал Романшорн.

Мужчины, направлявшиеся к банку, остановились в пятнадцати метрах по обе стороны от входа. Брегенц заметил, что они плотно прижались спинами к стене здания. Он уже совсем ничего не понимал в происходящем. Они стояли в арке на противоположной стороне улицы, не зная, что делать. Брегенц собрался задать вопрос Романшорну, когда яркое пламя, вырвавшееся из двери банка, ослепило их. Оглушенный взрывом, Брегенц не слышал, что кричал ему Романшорн. В арку ворвалась горячая волна воздуха. Дверь главного входа в «Трейд Цюрих бэнк» исчезла. Он с изумлением заметил, как из банка выбежал мужчина, прижимая к груди портфель. Не обращая внимания на бросившихся в банк людей, он метнулся в боковую улицу. Посчитав, что в действиях можно будет разобраться позже, Романшорн открыл беглый огонь. Один из мужчин упал, но тут же был подхвачен под руки своими товарищами.

— Стреляй, — крикнул Романшорн Брегенцу.

Рядом просвистели пули. Их обнаружили.

И в этот момент послышалась сирена приближающихся полицейских автобусов.

Не успели упасть обломки взрыва, как внутрь банка устремились два вторых лица враждующих «семей»: Витторио Пиццу и Томас Мерта. В течение многих лет они противостояли друг другу, и теперь ни один не хотел уступать другому ни шагу. Витторио выдернул чеку гранаты и бросил ее в глубину холла, за окошечки касс. Мерта прошелся огнем по полкам, на которых стояли сотни папок с документами. За ними ворвались боевики и разбежались по разным направлениям, указанным «лейтенантами» Габелотти и Вольпоне. Неожиданный крик Алдо Амальфи пригвоздил всех к месту.

— Фараоны! Все уходим!

— Наверх! — приказал Мерта.

— Ты чокнутый! — завопил Амальфи. — Они засели напротив и всех нас перестреляют! Один человек уже ранен! Два автобуса перекрыли улицу!

Присутствие Витторио Пиццу вызвало у Томаса Мерты чувство противоречия.

— Все наверх! Все жгите!..

— Витторио! — побагровел Алдо. — Да сделай ты что-нибудь, чтобы осалить этого недоумка!

Томас Мерта мгновенно направил огнем на Алдо Амальфи.

— Повтори, что ты сказал!

— Не дергайся! — крикнул Пиццу, направив на него пистолет.

Секунду они расстреливали друг друга глазами, понимая, что малейший жест другого закончится убийством.

С улицы послышались звуки выстрелов.

— Сваливаем! — заорал во всю глотку один из боевиков Оттавио Джакомасси. — Улица забита фараонами! Быстрее!

Неожиданно голос Винченце Бругторе перекрыл весь шум.

— Прекратите глупости! Мы попались! Уходим!

Секунду спустя все высыпали наружу. Витторио Пиццу мгновенно оценил ситуацию: ничего хорошего она им не сулила.

Полицейские, укрывшись в арке дома напротив, обстреливали их из автоматического оружия. Витторио выдернул чеку гранаты и бросил ее в сторону арки. Полицейские автобусы с включенными фарами и сиренами перекрыли улицу с двух сторон.

— По машинам! — закричал Пиццу.

Согнувшись вдвое, мужчины бросились вперед, прикрываемые Томасом Мертой, который выпустил две огненные струи в направлении полицейских автобусов.

— Куда ты собрался ехать, мудака?! — заорал он, обращаясь к Пиццу. — Не видишь — все перекрыто!

Витторио бросил очередную гранату в сторону полицейских, стрелявших из-за автобуса. В сплосхе взрыва он увидел, как двое полицейских схватились руками за лица и рухнули на асфальт. И тут же воспламенился бак с горючим. Огонь лизнул корпус автобуса и взметнулся вверх.

— Не твое дело! Вперед!

У них был один шанс из тысячи выбраться из этой адской западни. Но даже если бы оставался один шанс из миллиона, Пиццу попытался бы использовать его.

Он бросился к своему «форду». Впрыгнув в машину, он не успел закрыть дверцу, как шофер сорвался с места.

— Жми прямо на автобус! — крикнул он.

«Форд» набирал скорость. Пиццу оглянулся: остальные машины ехали за ним. Куда только они все приедут?

В тридцати метрах, по спускающейся вниз улице, полицейский автобус перегораживал Штамфенбахштрассе по всей ее ширине. Даже по тротуару невозможно было проскочить мимо автобуса, не врезавшись в него.

— Попались! — бросил Амальфи, успевший вскочить в машину вместе с Витторио.

Пиццу молча выдернул чеку гранаты. Неожиданно завизжали шины машины, она стала поперек улицы и провалилась в пустоту, сотрясаясь от ужасных толчков. Пиццу бросило к Амальфи.

— Граната! — заорал Амальфи. — Бросай гранату!

Пиццу швырнул гранату в разбитое ветровое стекло, и она взорвалась в воздухе. На спуске Штамфенбахштрассе, между двумя зданиями, имелся узкий проход. Он вел к лестнице, спускавшейся на набережную Лиммаж.

Скатившись на набережную, «форд» резко повернул налево, затем направо и через мост переехал на другую сторону реки.

Пиццу с удивлением отметил, что все пять машин с командос держатся за ними.

— Через пять минут будем на молочном заводе, — буднично сказал водитель.

* * *

Лейтенанту Блечу хватило одного взгляда, чтобы оценить нанесенный ущерб. В конце улицы горел полицейский автобус, который поливали из огнетушителей люди в униформе. Трое полицейских склонились над своими товарищами, лежавшими на земле. Он резко затормозил перед горящим автобусом и выпрыгнул из своего «опеля».

— Вы!

Один из полицейских обернулся.

— Я — лейтенант Блеч. Доложите. Быстро!

— У нас два человека серьезно ранены, господин лейтенант. Гранаты!

— Об этом позже! — прервал его Блеч. — Где подонки?

— Вон они, — сказал полицейский, показав на исчезнувшую между домов у них на глазах машину с боевиками.

— В машину!

— Но... лейтенант!

— Садитесь!

Блеч сильно толкнул его и скользнул за руль. Полицейский, сделав акробатическое движение, плюхнулся рядом с Блечем. Блеч дал задний ход, выехал на тротуар и непостижимым образом проскользнул в узкий проход между задним бампером автобуса и стеной здания.

— Фамилия? — спросил он полицейского, когда машина, подпрыгивая, спускалась по ступенькам лестницы.

— Шиндлер, господин лейтенант, — заикаясь, ответил он, потрясенный лихим

маневром Блеча.

— Возьмите рацию! Внимание всем полицейским машинам! Внимание окружной полиции!

Шиндлер повторил приказ Блеча в микрофон:

— Внимание всем полицейским машинам! Внимание окружной полиции!

— Говорит Блеч! — сказал Блеч.

— Говорит окружная полиция, — ответил гнусавый голос.

— Держите микрофон перед моим ртом, — приказал Блеч.

Шиндлер поднес микрофон к лицу Блеча.

— Нападение на «Трейд Цюрих бэнк»... Оставайтесь на связи и высылайте подкрепление по маршруту, который я буду указывать!

— Понял, лейтенант.

— Сколько было машин? — спросил Блеч.

— Несколько... Много... Не могу точно сказать, господин лейтенант.

— Кретин! Сколько человек?

— Десять... Двадцать...

— Кретин!

— Что вы сказали, господин лейтенант? — спросил гнусавый голос.

— Это не вам, — покраснел Блеч. — Оставайтесь на связи! Я вижу машину! Шиндлер, черт бы вас побрал, где микрофон? Двигаюсь по Музеумштрассе. Проезжаю мимо вокзала...

— У них есть огнемёт, — сказал Шиндлер.

— Выехал на Лимматштрассе!.. Преследую «БМВ» черного... или темно-синего цвета.

— Высылаю подкрепление, господин лейтенант.

— Отлично! «БМВ» приведет нас к остальным.

Он выключил фары и снизил скорость, чтобы не привлекать внимания пассажиров «БМВ».

— Вы вооружены, Шиндлер?

— Да.

— Да, господин лейтенант! — рявкнул Блеч. — Боеприпасы?

— Двенадцать патронов, господин лейтенант.

Проехав Лимматплац, «БМВ» свернул налево.

— Шиндлер, микрофон! Преследуемая машина движется в направлении Корнхаузштрассе. Гранаты у них есть?

— Да, господин лейтенант. И огнемёт.

— Твари!.. Твари!.. Микрофон!.. Выехал на Шафхаузерштрассе.

— Все понял, господин лейтенант... За вами следуют четыре автобуса. Двадцать четыре человека...

— Вооружение?

— Боевые винтовки, автоматы...

— Сворачиваю на Хиршвизен...

— Понял, господин лейтенант!.. Оповещаю...

— Рассказывайте, Шиндлер!

— Когда мы подъехали, в банке уже полыхал огонь... Потом оттуда повыскакивали эти типы и применили против нас огнемёт...

— А вы в это время играли в карты?

— Одного мы ранили, господин лейтенант.

— Подъезжаю к Винтертюрерштрассе... Общее направление — северо-восток.

Через пять минут «БМВ» выехал на шоссе Бассердорф. Неожиданно он свернул влево, и Блеч потерял его из виду. «Опель» повторил маневр и выехал на другую дорогу, ведущую к строениям, окруженным высокой глухой стеной. «БМВ», казалось, прошел сквозь стену и исчез. Блеч притормозил и съехал на обочину под развесистый куст розмарина.

— Мы засекли их, Шиндлер! Что это?

— «Сюисс милк энд буттер», господин лейтенант. Еще они делают сыр... Здесь работала моя двоюродная сестра.

— Микрофон! Приказываю всем полицейским машинам окружить «Сюисс милк энд буттер», шоссе Бассердорф, направо при выезде из Цюриха!

— Все понял, господин лейтенант! Автобусы уже подъезжают к вам.

— Поторопитесь, черт побери! Не могу же я держать осаду в одиночку!

Он отложил микрофон и вышел из машины.

— Шиндлер, за мной!

Шиндлер достал пистолет и побежал по мокрой траве за лейтенантом. Из-за стены доносился рокот моторов тяжелых грузовиков. Блеч подбежал к воротам. Они были закрыты.

— Помогите мне!

Шиндлер подставил спину. Блеч осторожно заглянул во двор поверх стены. То, что он увидел, потрясло его...

* * *

Вся ответственность за неудачно проведенную операцию ложилась на плечи Витторио Пиццу и Томаса Мерты. И они это понимали. Когда наступит час разбора, придется точно определить, кто из них допустил промашку. Но сейчас было не до того. Чтобы запутать следы, машины прибыли на молочный завод разными маршрутами. По словам боевиков, никто их не преследовал.

Мерта и Пиццу ворвались в кабинет на втором этаже, чтобы доложить Вольпоне и Габелотти о постигшей их неудаче.

Набирая номер телефона, Пиццу кричал:

— Они хотели скандал, мы его устроили!

— Это так тебе кажется! — взорвался Мерта. — Банк едва поцарапали. А надо было разгромить его до основания! Что сделали? Небольшой беспорядок в центральном холле! Если бы ты послушал меня, банк сгорел бы дотла.

— Если бы я послушал тебя, мы уже сидели бы за решеткой!

Моше Юдельман мудро посоветовал обоим донам больше не появляться ни в отеле, ни на вилле до тех пор, пока не станут известны результаты операции.

— Все может обернуться плохо, Итало. Всего предусмотреть нельзя. Не грех с уважением отнестись и к швейцарской полиции.

Между тем Моше позвонил в Милан Оттавио и попросил его подготовить их отход в Америку, если в Цюрихе начнутся осложнения. В любой момент швейцарская земля может превратиться для них в раскаленную сковородку. Оттавио сказал, что подумал об этом раньше, чем позвонил ему Моше.

По совету Юдельмана оба дона, ближайшее их окружение и телохранители укрылись на квартире некоей Инес, о которой Витторио ничего не знал.

Трубку сняли.

— Говорит Пиццу.

— Передаю трубку дону Вольпоне, — вежливым голосом сказал Барба.

— Витторио?

— Дело плохо, падроне! Фараоны ждали нас!.. Нарвались на засаду!

— Ты где?

— На базе.

— Задача выполнена?

— Гмм... Частично!.. Город уже прочесывают, падроне. Уходите, падроне! Здесь становится опасно!

— Мать твою так! — удивленно воскликнул Томас Мерта. — Внизу полицейские!

Послышались звуки выстрелов.

— Притащили все-таки ищеек на хвосте!

— Витторио! — прорычал Вольпоне.

Пиццу бросил трубку и побежал к окну. Двигатели молоковозок ревели, как турбины взлетающего самолета. Из тайников выпрыгивали боевики, разбегаясь в разные стороны. Прорваться через двенадцать стоявших за спиной полицейских автобусов было невозможно.

— Здесь — полиция! — раздался голос, усиленный мегафоном. — Всем выйти с поднятыми руками... Вы окружены.

Пиццу открыл окно, выдернул чеку гранаты и бросил изо всех сил по ту сторону стены. Взрыв заглушил выстрелы автоматического оружия. Находившиеся во дворе боевики Джакомасси, к которым присоединились «лейтенанты» Вольпоне и Габелотти, обстреливали стену, над которой время от времени возникала голова полицейского в каске. Пиццу увидел, как одна из бронированных полицейских машин разворачивается в сторону ворот. Выехав на прямую перед воротами, она отъехала назад метров на сто. Полицейские готовились таранить ворота.

Наступая Томасу Мерте на пятки, Витторио скатился за ним по лестнице. Сдаваться было невыносимо. Всем им грозило по меньшей мере пожизненное заключение.

— Сюда! — крикнул Алдо Амальфи.

Он стоял, размахивая руками, в облаке слезоточивого газа, заполняющего двор. Под мощными ударами бронированного автомобиля ворота треснули и слетели с петель. Машина врезалась в молоковозку и вспыхнула, как факел, пробив цистерну.

Люди Габелотти и Вольпоне бросились в цех переработки молока. Задыхаясь от бега, Пиццу, Брутторе, Дотто, Мерта, Ферро, Бадалетто и Сабатини окружили Алдо Амальфи, который что-то кричал какому-то рабочему завода.

— Быстрее! Он знает, как выйти отсюда! Все за ним!

Мужчины вбежали в ангар, где в пол были вделаны огромные чаны, содержавшие в себе тысячи гектолитров молока. Через каждые десять — пятнадцать метров кто-то открывал огонь, останавливая преследовавших их полицейских. Алдо Амальфи и Симеон Ферро, отставшие от группы, неожиданно оказались отрезанными от всех засевшим под кровлей крыши стрелком.

— Прикрой! Прикрой! — кричал Амальфи в адрес Пиццу, который не решался проскочить через небольшую металлическую дверь, за которой скрылись следовавшие за

проводником его товарищи. Пиццу выдернул чеку последней гранаты и бросил ее за чан с киснувшем молоком, из-за которого осаждавшие вели огонь по Симеону и Алдо. Граната ударилась о стену ангара, и тут же последовал мощный взрыв. Три человека в униформе, изрешеченные осколками, упали в чан.

Бругторе грубо схватил за руку Витторио Пиццу, который не мог оставить в беде своего товарища, и втянул его в узкий, уходивший вниз коридор. Через пятьдесят метров наклон перешел в горизонтальную плоскость. Они увидели машину. За рулем сидел рабочий завода. Сидевший рядом с ним Томас Мерта что-то кричал, отчаянно жестикулируя. На заднем сиденье находились Карло Бадалетто и Фрэнки Сабатини. Из другой машины обезумевшими глазами на них смотрел Джозеф Дотто. Витторио и Винченце бросились к нему. Машины сорвались с места и понеслись по узкому проходу между стен ангаров. Через триста метров они остановились перед металлической плитой, образовавшей тупик.

Рабочий выскочил из машины и нажал какую-то кнопку. Плита медленно поплыла вверх, открывая проход.

Рабочего звали Энцо Чердженоло. Он был сицилийцем и другом Дженцо Вольпоне. Именно он пять лет тому назад уговорил Дженцо Вольпоне прорыть этот подземный ход, который впоследствии не раз оказывал им огромные услуги. За достойным и известным фасадом «Сюисс милк энд буттер» неприметно и плодотворно действовал нелегальный бизнес Синдиката. Только Энцо имел ключ ко входу в эту бетонную кишку, которая вела в горы.

* * *

Взобравшись по поросшему травой склону на вершину, дон Этторе едва держался на ногах от головокружения. Темень стояла непроглядная. Габелотти взбирался по склону, уцепившись за руку Анджело Барбы. За ним поднимался Фолько Мори, «солдат» Вольпоне, загадочный и холодный. В какой-то миг ему в голову пришла мысль, что Вольпоне привез его сюда, чтобы убить. Он сунул руку в карман. Пальцы привычно сжали рукоятку «люгера».

— Моше, чего ты ждешь? — послышался голос Итало.

Тонкий луч фонаря пробил ночь. И тотчас метрах в ста впереди вспыхнул ответный сигнал.

— Пошли, — сказал Вольпоне.

Дон Этторе, Моше Юдельман, Фолько Мори, Пьетро Беллинцона, Кармино Кримелло и Анджело Барба двинулись следом за Вольпоне в густую темноту ночи.

После телефонного звонка Витторио Пиццу между Вольпоне и Габелотти состоялся короткий, прохладный разговор. За последние дни надежда на успех сблизила их. Неудача общих усилий снова разъединила, и теперь уже навсегда.

— Я могу взять тебя с собой! Но уезжаем сейчас же!

Габелотти колебался. Моше Юдельман убеждал их, что временное отступление — самое разумное решение. Все закончилось тем, что Габелотти сел в черный «мерседес».

Перед самым отъездом Вольпоне позвонил Энцо Приано, владельцу станции техобслуживания, где в качестве заложника находился Хомер Клоппе.

— Энцо! Не отпускай его. Жди моих указаний!

Из темноты донесся приглушенный голос:

— Моше?

— Он здесь, — ответил Вольпоне.

— Сколько вас? — спросил Мороббиа.

— Семеро.

— О'кей! Залезайте.

Луч его фонарика осветил ступеньки лестницы. Дон Этторе замер перед листами ржавого железа... Вольпоне, Юдельман, Барба и Мори забрались в самолет. Кримелло, понимая, что творится в душе Габелотти, легонько подтолкнул его в спину.

— Где взлетная полоса? — потерянным голосом спросил Габелотти.

— Поднимайтесь, падроне, поднимайтесь, — уважительным тоном подбадривал его Кармино.

Пьетро Беллинцона неподвижно стоял у лестницы, ожидая, когда Габелотти решится...

— Я забыл предупредить доктора Мэллона. Мне нужно возвратиться.

— Дон Этторе, — с нажимом произнес Кримелло.

Из люка выглянул Джанкарло Ферреро.

— Поторопитесь, пожалуйста.

Кармино легко хлопнул по плечу Пьетро. Беллинцона все понял. Вдвоем они подтолкнули в спину Габелотти, и Ферреро, догадавшись, в чем проблема, схватил дону Этторе за руку и втянул внутрь.

— Сюда, сюда...

Он провел его вперед и заставил сесть на пол.

— Вы, конечно, привыкли летать первым классом в «747-м», — сказал он, смеясь. — Чувствуете разницу?

Он застегнул на Габелотти ремень безопасности.

— Не волнуйтесь... Это железо летает! Через пятьдесят минут мы приземлимся в Милане. Там вас ждет «боинг». Его арендовали специально для вас... Взлетаете, как только приземлимся...

Ферреро закрыл люк и крикнул:

— Амедео, поехали!

С тех пор как у него начала расти щетина, Фриц Блеч впервые в жизни не побрился в восемь часов утра. После осады «Сюисс милк энд буттер» он занимался ранеными. Их эвакуировали в окружной госпиталь Цюриха. Убитых отвезли в морг. Потери с обеих сторон были значительными. Два будущих инспектора, Ганс Брегенц и Поль Романшорн, были разнесены в клочья взрывом гранаты. У троих полицейских — ожог третьей степени. Трое раненых и три трупа на молочном заводе. Один из них, Шиндлер, который отважно забрался под крышу, был убит разрывной пулей в голову.

Гангстеры потеряли девять человек. В их карманах не было найдено ни одного документа, удостоверяющего личность. Двое с тяжелыми ранениями были срочно доставлены в госпиталь. Врач категорически отказал Блечу в просьбе допросить их. Третий раненый чувствовал себя удовлетворительно, но не ответил ни на один вопрос. Молчал, словно прилетел с другой планеты.

Он наотрез отказался от предложенных ему сигарет, пива и бутербродов.

В семь утра, когда Блеч собрался уходить домой, в его кабинет вошло трио, которое он меньше всего хотел бы видеть: капитан Кирпатрик, лейтенант Финнеган и Скотт Дэмфи, человек из федеральной налоговой инспекции.

После обмена несколькими резкими фразами Блеч выставил их из кабинета. Он еще не успел осмыслить причин, превративших Цюрих в кровавую бойню, а Кирпатрик посчитал нужным прочитать ему нотацию.

— Я предупреждал вас, лейтенант!

Блеч вынужден был вызвать мускулистых дежурных, чтобы выдворить Кирпатрика из кабинета. Но вдогонку он пожелал ему счастливого возвращения в Соединенные Штаты.

Естественно, весь Цюрих знал о ночном бое.

В полночь город проснулся от незнакомой ему музыки: взрывов гранат, воя полицейских машин, стрекота автоматического оружия.

В восемь утра, раздосадованный упорным молчанием своего пленника, бледность лица которого становилась опасной, лейтенант надел непромокаемый плащ и направился домой. И только дома обнаружил, что обулся на босую ногу. В этот момент позвонили из полиции и сказали, что его срочно хочет видеть Шилин Клоппе. Проклиная все на свете и одновременно умирая от любопытства, он отправился к ней на Веллеривштрассе.

— Лейтенант, я уверена, что моего мужа похитили.

Она протянула ему письмо Инес.

— Я получила его вчера. Я долго ждала и решила обратиться к вам. Все надеялась, что Хомер возвратится.

— Миссис, вы в курсе событий сегодняшней ночи?

— Каких, лейтенант?

— Вы ничего не слышали?

— Нет!

— Не слышали стрельбу?

— Да о чем вы говорите?

Реакция Шилин привела его в смущение.

— Группа вооруженных людей напала на «Трейд Цюрих бэнк».

— Они разрушили его банк?

Это было сказано тоном: «Поломали мою игрушку?»

— Вы должны мне помочь, миссис. Кто — «они»?

— Но об этом должны сказать мне вы, лейтенант! Откуда я могу знать?

— Не показалось ли вам в течение последних дней, что ваш муж чем-то озабочен?

Он закусил губу, встретив осуждающий взгляд Шилин и увидев в ее глазах слезы.

Оплошность! Они только что похоронили дочь.

— Не обижайтесь на меня, миссис Клоппе, я взвинчен до крайности...

— Я тоже, лейтенант!

— Вы могли бы направить меня на след... Письмо явно имеет целью закрыть вам рот, чтобы вы не обратились в полицию.

— Что вы хотите знать?

— В курсе ли вы дел вашего мужа? Я имею в виду банковских дел...

По изумленному выражению лица Шилин он понял, что совершил вторую ошибку.

— Вам не угрожали?

— Угрожали? Но почему?

— Просто так, миссис... Я хотел только спросить. Могу ли я попросить вас связаться со мной, если вы заметите что-то подозрительное? А сейчас не волнуйтесь, я отдал приказ обыскать весь город... Буду держать вас в курсе событий...

Он попрощался и собрался уходить, когда она окликнула его:

— Лейтенант!

— Слушаю вас, миссис.

— Мой муж — хороший человек, очень хороший! Почему напали на его банк? Почему ему хотят сделать плохо?

* * *

— С глубоким сожалением сообщаю вам, что Комиссьоне потребовала объяснений, — сказал Габелотти.

Выражение его лица было натянутым и холодным. Несколько секунд дон Этторе молчал, давая возможность ощутить нависшую над ними угрозу. Ни на кого не глядя, он продолжил:

— Ни одна «семья» Синдиката не должна подвергаться риску в результате ошибки, допущенной некоторыми членами другой «семьи».

Сжав зубы, Итало Вольпоне задвигался в кресле, с трудом сдерживая себя. Моше заставил его поклясться не реагировать ни на какие провокации и сохранять хладнокровие. К сожалению, он знал границы своего терпения, и не в его характере было долго выслушивать завуалированные намеки Габелотти. За весь путь от Цюриха до Нью-Йорка они не обменялись ни словом, храня враждебное молчание.

Едва Итало пересек порог своего дома, он заключил Анджелу в объятия и понес ее в спальню. Не обращая внимания на присутствие в гостиной Юдельмана, Фолько и Беллинцони, он закрылся на ключ...

Спустя час Моше постучал в дверь спальни.

— Малыш, это очень важно...

— Пошел к черту!

— Анджела, попроси его выйти. Речь идет о его безопасности.

— Итало... — прошептала она ему в ухо.

Он даже не стал раздевать ее... Он отпустил ее только тогда, когда в третий раз зарычал от удовольствия. Прерывисто дыша, она лежала на полу, широко разбросив руки и ноги... Смертельно усталая и счастливая...

Снова раздался стук в дверь.

— Итало! — позвал Моше.

— Ты дашь мне принять душ?

— Поторопись, Итало, поторопись!..

Он просунул руку под ее тело, поднял и понес в ванную. Открыв на полную мощность краны, стоя под теплыми струями, он еще раз вошел в нее.

— Нас ждет дон Этторе, Итало!

— Если хочет меня видеть, пусть понервничает.

Моше позвонил Анджело Барбе и попросил подыскать для проведения встречи нейтральное место. Они быстро сошлись на том, что встретятся в ночном клубе на Седьмой авеню.

Оба дона прибыли одновременно. Габелотти сопровождали Кармино Кримелло, Анджела Барба и два телохранителя.

Фолько Мори и Пьетро Беллинцона остались на улице.

Габелотти, Вольпоне, Кримелло и Юдельман сели за стол у края танцевальной площадки. На душе у Моше было очень беспокойно. С того времени как они спешно убрались из Цюриха, от Пиццу, Амальфи, Брутторе и Дотто не поступило еще никаких новостей. Взятие окружной полицией молочного завода породило ужасные слухи, которые докатились и до Нью-Йорка. Все, что нарушало установленный порядок, было неприемлемо для Комиссьоне. Синдикат привык решать свои внутренние проблемы без излишнего шума, не вызывая ненужных волн недовольства общественного мнения. То, что произошло в Цюрихе, было равнозначно объявлению войны государству в государстве.

— Комиссьоне, — продолжал Габелотти, — дала мне понять, что не одобряет личных инициатив, которые ставят под удар остальные «семьи».

Заметив, что Итало открыл рот, собираясь ответить, Моше торопливо сказал:

— Что вы ответили Комиссьоне, дон Этторе?

Габелотти посмотрел на него тяжелым взглядом.

— Правду, Моше правду... Я сказал, что вынужден был отправиться в Италию, чтобы выправить ошибки, допущенные не по моей вине.

— Не мог бы ты сказать, кем они были допущены? — безразлично-холодным тоном произнес Вольпоне.

Пропустив мимо ушей слова Итало, Габелотти продолжал смотреть на Юдельмана.

— Комиссьоне упрекнула меня в мягкости, Моше. И я вынужден был признать себя виновным.

— В чем, Этторе? — вежливо спросил Моше, сердце которого стучало все быстрее и быстрее.

— В том, что позволил действовать безответственному человеку, — мягко сказал Габелотти.

Вольпоне вскочил на ноги.

— Стронцо! Безответственный — это ты!

Габелотти сделал вид, что только теперь заметил присутствие Итало.

— Есть слова, которые не следует произносить, если хочешь жить долго...

Кипя от ярости, Итало процедил сквозь зубы:

— Старый тот, кто умирает первым. Постарайся это помнить.

Все! Больше ничего нельзя было сделать! Дело зашло слишком далеко.

— Господа! Господа! — начал Юдельман. — Умоляю вас! Забудьте личные разногласия! Мы должны решить главный вопрос: как вернуть два миллиарда долларов?

Эторе Габелотти встал. Его мертвенно-бледное лицо исказилось от гнева. Он ткнул пальцем в сторону Вольпоне.

— Ты — ничто! Ты делал глупость за глупостью! Ты узурпировал власть дона Дженцо. Не лезь больше в это дело! Когда я все улажу, твои наследники получат свою долю! Ты понял?

Вольпоне встал, подавшись вперед всем телом.

— Ты осмеливаешься мне угрожать! И это после того, что ты сделал с моим братом?

— Ничего плохого твоему брату я не сделал, — рывкнул Габелотти, ударив кулаком по столу. — Тварь, ты приказал убить О'Бройна!

— Нет! — закричал Вольпоне. — Не приказал убить, а собственными руками прикончил этого вонючего вора!

— Будь он жив, — побагровел Габелотти, — у нас уже был бы номер счета. Ты заплатишь за это!

— Господа! Господа! — взывал Юдельман. — Если вы останетесь вместе... еще не все потеряно... Клоппе по-прежнему в наших руках!

Неожиданно Юдельман замолчал. Лицо его вытянулось, исказилось, и он пробормотал, словно пораженный молнией:

— Черт возьми!

Никто никогда не слышал, чтобы он ругался. Его тон насторожил присутствующих, и все взгляды устремились на него.

— Я знаю, у кого есть номер счета, — не своим голосом проговорил он.

* * *

В Нью-Йорке стояла мерзкая погода. Капитан Кирпатрик надел непромокаемый плащ и разочарованным тоном произнес:

— Ну вот!..

Огромный зал аэропорта Кеннеди был забит народом.

Пятнадцать минут назад они приземлились. Они возвратились с пустыми руками, оскорбленные вшивым швейцарским полицейским, нежелание которого сотрудничать поразило их.

— Как подумаю, что они все были у них в руках... — сказал Кирпатрик с тоской в глазах.

Дэмфи стало жаль его.

— Я еще раз перепроверю все счета казино Западного побережья. В конце концов мы прихватим эту банду.

— Вы действительно в это верите, Скотт?

— Вспомните Аль Капоне! Ему тоже казалось, что он — неприкасаемый!

— Я хочу их схватить, понимаете? Я знаю, что этим я не возвращу жизни ни Кавано, ни Махоуни, но мне будет легче дышать. Скотт, хотите знать, что я думаю о Швейцарии?

— Говорите, старина...

Подбежал запыхавшийся Финнеган.

— Капитан, я поймал такси.

— Вас подвезти? — спросил Кирпатрик у Дэмфи.

— Нет, спасибо. За мной должна приехать жена.

— Быстрее, капитан, — торопил Финнеган. — Такси мало, а желающих — море...

Могут увести наше!

— Иду, иду... Скотт, чем вы заняты завтра?

— Еще не знаю... В любом случае я вам позвоню.

Они попрощались, пожав друг другу руки...

* * *

Аксель Грин допил оставшееся в стакане виски и поморщился. Растаявший лед придавал спиртному отвратительный привкус чая. Он привел в порядок разбросанные по столу бумаги и посмотрел на часы. Рабочий день подходил к концу. Он ослабил узел галстука, надел легкий пиджак и бросил взгляд в окно.

На Бей-стрит, как всегда, было столпотворение от нескончаемого потока фланирующих, глазеющих на витрины магазинов туристов. Два года назад Грин съездил в Лондон по домашним делам. К исходу третьего дня он возненавидел город, мелкий холодный дождь и постоянно серое небо. Несмотря на то что он был англичанином в десятом поколении, Англию он больше не любил. Семнадцать лет назад он приехал в Нассау на стажировку в Багамский кредитный банк и остался здесь навсегда.

Несмотря на местную окраску названия — «Багами кредит бэнк», — учреждение являлось британским филиалом, штаб-квартира которого находилась в Лондоне. «Багами» служил для проведения полуправильных финансовых операций британского правительства.

Начав простым служащим, Аксель Грин сегодня руководил отделом иностранных счетов. Деньги поступали и из Европы, чтобы после краткосрочного пребывания в одном из бесчисленных банков Нассау снова возвратиться в Европу. И все при этом что-то зарабатывали.

В Нассау он женился на американке, которая родила ему троих детей. Старший, Джон-Джон — его гордость, учился в выпускном классе колледжа.

В нескольких шагах от офиса плескался океан, всегда было солнце и прекрасная погода. Он вышел на улицу и тут же попал в водоворот толпы, решая, пойти на пляж или нет.

— Мистер Аксель Грин?

— Да.

— Будьте любезны, сядьте в машину, — сказал высокий мужчина, кивнув головой в сторону «вокхолла» бутылочного цвета.

— Не понимаю вас.

Второй мужчина, стоявший рядом, открыл заднюю дверцу и, прежде чем Аксель успел

понять, что происходит, втолкнул его внутрь машины. Все произошло так стремительно, что он не успел ни возразить, ни испугаться.

Третий, сидевший за рулем, резко сорвался с места.

— Я собирался пойти искупаться, — на всякий случай сказал Аксель.

— Сделаете это позже. Нам недалеко...

— Куда?

— Отель «Бич». С вами хотят встретиться.

— Со мной? Для чего?

— Все узнаете на месте, мистер Грин.

Когда машина остановилась у входа в отель, высокий чел нужным предупредить:

— Мы будем сопровождать вас вдвоем, мистер Грин. — Он отвернул полу пиджака, и Грин увидел рукоятку пистолета в кобуре под мышкой. — Я бы даже сказал — втроем. Думаю, что будет лучше, если все обойдется без эксцессов. Ясно?

— Для этого у меня нет причин, — сказал Грин.

— Прекрасно, мистер Грин. Пошли...

Эскортируемый с двух сторон незнакомцами, Грин прошел через весь холл, ответив по пути на приветствия нескольких своих знакомых. Все трое вошли в кабину лифта и поднялись на последний этаж.

Мужчина позвонил в дверь углового номера 1029. Дверь открылась.

— Сюда, мистер Грин. Эти господа ждут вас.

Грин оказался в гостиной с огромным окном во всю стену. От красоты открывавшегося вида перехватывало дыхание, но это, казалось, не интересовало пятерых человек, находившихся в комнате. Все пятеро встали. Один из них подошел к Грину.

— Поверьте, мне очень неприятно, что пришлось приглашать вас таким образом. Но дело не терпит отлагательств... Позвольте представиться... Моше Юдельман.

В голове Грина что-то щелкнуло. Он знал, кем был Юдельман.

— Это — мистер Габелотти.

Толстяк кивнул головой.

— Мистер Итало Вольпоне, — продолжал Юдельман. — Мистер Барба и мистер Кримелло, финансовые консультанты мистера Габелотти.

Грин был потрясен этой сценой знакомства. Обычно «крестные отцы» Синдиката не открывают своего лица.

— Что-нибудь выпьете, мистер Грин?

— С удовольствием, — ответил Аксель.

— С содовой или без?.. — спросил Барба, наливая виски в стакан.

— Со льдом, пожалуйста, — попросил Грин.

— Присаживайтесь, мистер Грин, присаживайтесь...

Грин сел в кресло. Никто, кроме Юдельмана и Барбы, не произнес еще ни слова.

— Ваше здоровье, мистер Грин, — сказал Юдельман, поднимая свой стакан. — И за успех предстоящей сделки...

— Сделки? — удивился Грин.

— Именно, сделки! — подтвердил Юдельман. — Великолепной для вас сделки. Вы станете богатым, мистер Грин.

— Меня это устраивает, — ответил Грин.

— Двести тысяч долларов — немалые деньги, не так ли? — твердым голосом произнес

Юдельман.

— Что я должен сделать, чтобы заработать двести тысяч долларов?

— Немного. Сообщите нам сведения, которыми мы обладали, но которые, к сожалению, утеряны... Речь идет о номере счета, на который вы перевели деньги вашего клиента Дженцо Вольпоне в Швейцарию. Два миллиарда долларов, мистер Грин, переведенных в «Трейд Цюрих бэнк» 22 апреля. Вы можете дать мне номер этого счета?

— Это очень затруднительная просьба, мистер Юдельман.

— Вы знаете, кто мы? — добродушно спросил Юдельман.

— Знаю, — ответил Грин.

— Боюсь, что у вас нет выбора, мистер Грин. Чтобы облегчить ваши сомнения, я скажу вам следующее... — Юдельман отпил небольшой глоток виски. — Эти деньги принадлежат нам, и вы, надеюсь, в этом не сомневаетесь. Два человека, знавшие секрет, мистер Дженцо Вольпоне, брат присутствующего здесь мистера Итало Вольпоне, и мистер О'Бройн, адвокат мистера Габелотти, погибли при трагических обстоятельствах, не успев сообщить нам номер счета... Сообщив его нам, вы не делаете ничего предосудительного. Наоборот, вы совершаете акт справедливости и оказываете нам услугу, о которой мы никогда не забудем.

Аксель Грин откашлялся.

— Предположим, что я отказываюсь...

— После всех наших откровений, думаю, это невозможно, — перебил его Юдельман.

Грин кивнул головой.

— Да, — сказал он, — да...

— Не согласитесь ли вы принять двести тысяч долларов в знак дружбы и признательности?

Грин провел ладонью по лицу. Он знал, что все, сказанное Юдельманом, — правда. В голове его мелькнули цифры: 828384 — обычный цифровой ряд без всяких премудростей. Детская игра... А как бы на его месте поступили люди, которыми он восхищался, — герои книг? Они бы отказались говорить. Но Аксель Грин хотел жить. Он достаточно долго прожил в Нассау, чтобы не знать, что малейшее неподчинение Синдикату равносильно подписанию себе и своим близким смертного приговора.

— Мы знаем, что учеба Джон-Джона обходится вам дорого, — серьезным тоном сказал Моше. — Не забывайте, что у вас есть еще Поль и маленькая Кристина, из которой ваша жена хочет сделать балерину. Нет ничего лучше счастливой семьи, мистер Грин. Но правильное воспитание детей требует немалых денег...

— Значительных, — согласился Грин.

— Поэтому мои друзья и я решили вам помочь, предложив такую солидную сумму за вашу услугу — двести тысяч долларов!

— Я ценю это, — сказал Грин.

— Тогда позволю себе задать вам вопрос: какой номер счета?..

— 828384, — ответил Грин, глубоко вздохнув. — Да, 828384.

— Спасибо, мистер Грин, вы очень благоразумный человек. Двести тысяч наличными вам доставят домой завтра к вечеру.

В замочной скважине заскрежетал ключ. Он быстро сел на кровати и зажал в ладони небритый подбородок. Богу угодно, чтобы он умер грязным.

Вошедший незнакомец бросил на кровать черную повязку.

— Завяжите себе глаза.

Движением головы Клоппе отказался. Если умирать, то смотреть смерти в глаза!

— Чего ждете? Убирайтесь отсюда! Вы — свободны!

Клоппе продолжал сидеть не двигаясь. Мужчина зашел к нему со спины и набросил повязку на глаза.

— Предупреждаю, если вы ее снимите, я всажу вам пулю в череп.

Клоппе услышал характерный звук взведенного курка.

— Встать!

В нос ударил запах бензина, смешанный с порывами свежего воздуха. Когда за ним хлопнула металлическая дверца, он понял, что находится внутри микроавтобуса. Заработал мотор. Сначала он слышал шум города, затем только рокот пронесившихся мимо машин. От резкого торможения его бросило вперед. Сидевший рядом с ним человек успел схватить его за плечо.

— Выходи... Мой приятель уезжает... Я остаюсь с тобой... Громко считай до двухсот. Потом можешь делать что хочешь... Начинай!

— Один, два, три, четыре, пять...

— Громче!

— Шесть, семь, восемь...

— Уже лучше! Продолжай!

Звук мотора удалялся...

— Тридцать два, тридцать три...

Клоппе замолчал. Ничего не происходило. Он снял повязку. На востоке всходило солнце. Он глубоко вдохнул свежий, пахнувший травой и деревьями воздух и осмотрелся. В пяти метрах от себя он увидел указатель: «Цюрих — 11 километров».

Он поднял руку. «Мерседес», не сбавляя скорости, пронесся мимо. Элегантно одетый водитель быстро отвел глаза в сторону.

Уже в двадцатый раз он поднимал руку, но водители одинаково стыдливо смотрели в этот момент мимо него.

А впрочем, разве он сам не поступал так же в аналогичных ситуациях? Он поклялся, что с сегодняшнего дня никогда не проедет мимо «голосующего» человека.

Сзади раздался звук затормозившей машины. Он оглянулся.

— Эй, папаша! Утренняя пробежка?

Их было трое в стареньком «джипе», на котором было написано: «Не смейтесь, возможно, здесь — ваша дочь!» Им было не более двадцати лет. Девушка была похожа на Ренату.

— Подвезете меня до Цюриха?

— Садись! Чем больше сумасшедших, тем смешнее!

Когда он вошел в дом, Шилин была в гостиной. Она выронила чашку чая из рук и бросилась к нему на грудь.

— Хомер!.. Хомер!.. Я столько выплакала! Тебе не сделали плохо?

— Нет... нет... Все в порядке. Но я должен срочно принять ванну.

— Слава Богу! Слава Богу!

Поверх ночной рубашки на ней был пеньюар. От нее вкусно пахло. Уткнувшись лицом в его плечо, она с трудом произнесла:

— Хомер, ты должен знать — в твоём банке был пожар...

* * *

Откровение Акселя Грина не улучшило отношений между Габелотти и Вольпоне. Со вчерашнего дня они не сказали друг другу ни слова, общаясь через своих советников. Оскорбления и угрозы, которыми они обменялись в Нью-Йорке, вырыли между ними такую пропасть, которую рано или поздно придется заполнить телом одного из них.

После ухода Грина Моше сделал отчаянную попытку к примирению.

— Господа! Господа! Цель достигнута! Никто теперь не может нам помешать завладеть нашими деньгами.

Дон Этторе снял трубку телефона. Он подчеркнутым жестом переключил его к громкой связи, чтобы каждый мог слышать, что ему будут отвечать. Этторе набрал номер своего швейцарского адвоката Филиппа Диего.

Когда адвокат ответил: «Слушаю вас», всем показалось, что он находится где-то рядом с ними.

— У меня есть интересующий нас номер, — сказал Габелотти. — Запишите.

— После вашего отъезда из Цюриха в городе произошло печальное событие: исчез один из наших самых уважаемых банкиров — мистер Клоппе.

— Мне остается только разрыдаться, — сказал Габелотти.

— Мы не понимаем, что происходит, — продолжал Филипп Диего. — Было совершено нападение на банк Хомера Клоппе. Вся полиция стоит на ушах... Есть смертельные случаи.

— Я не понимаю, какое мы имеем отношение к вашим местным событиям! — не выдержал дон Этторе. — Запишите номер счета и выполните все формальности по переводу денег!

— Этот парень один в банк не пойдет! — бросил Вольпоне Юдельману. — Немедленно предупреди Карла Дойтша.

Габелотти нахмурился, слушая ответ Диего.

— Мне кажется, я плохо вас понял, — говорил Диего. — Все финансовые операции приостановлены. Повторяю, банкир исчез!

— Я все хорошо понял! — рявкнул Габелотти. — Кто вам сказал, что банкира нет дома? И, в таком случае, что может помешать проведению этой рутинной операции?

— Ничего, разумеется, ничего... Если у вас есть номер и слово-пароль...

Габелотти бросил зверский взгляд на Анджело Барбу и Кармино Кримелло. Моше Юдельман и Итало Вольпоне замерли.

— Что еще? — побагровел Габелотти.

— Деньги были в обязательном порядке приняты под каким-то кодовым словом... Оно есть у вас?

— У меня есть номер! Этого достаточно! — отрезал Габелотти.

— Боюсь, что нет... — заметно волнуясь, сказал Диего. — Если предположить, что банкир объявится, то... гм... небольшое разногласие, имевшее место между нами, не позволит склонить его к выполнению нашей просьбы. Он будет строго следовать букве

закона...

— Да что вы несете? — взорвался Габелотти.

Это было бы слишком глупо: когда деньги, казалось, уже лежат у них в кармане, снова удалиться от них на недостижимое расстояние.

Моше сделал знак рукой, привлекая к себе внимание Габелотти.

— Скажите мистеру Диего, что вы перезвоните ему, — прошептал он.

— Оставайтесь на месте, я перезвоню вам, — прорычал Габелотти и бросил трубку.

Никто не осмеливался поднять на него глаза. Тишину нарушил Барба.

— Моше, вас не смутит, если минут пятнадцать мы переговорим между собой?

— Я сам хотел предложить вам это.

Барба, Кримелло и Габелотти вышли из гостиной. То же сделал и Вольпоне со своей командой.

Когда они остались одни, Моше огорченно покачал головой.

— Все пропало, Итало. Только Дженцо и О'Бройн знали пароль. Ни того, ни другого нет... Что делать дальше, я не знаю...

Вольпоне ударил кулаком по столу.

— Сука О'Бройн! Надо было убивать его медленно! Когда на него наезжала пила, он, вместо того чтобы заговорить, вспомнил свою свинячью мать! Мамма... мамма...

Моше словно пронзил электрический заряд.

— Повтори! Повтори! Что он сказал?

Итало удивленно посмотрел на него.

— Что с тобой, Моше?

— Что сказал О'Бройн под пилой?

— Мамма, — повторил Вольпоне. — Что из этого? Дерьмо умирало от страха. Он знал, что я с ним сделаю, знал! Вместо того чтобы отвечать, он звал на помощь свою проститутку мать.

Губы Юдельмана задрожали.

— О'Бройн был ирландцем, Итало, ирландцем! Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Вольпоне смотрел на него, как на сумасшедшего.

— Что ты несешь?

— О'Бройн тебе ответил, Итало! Человек перед смертью говорит на своем родном языке... Ни один ирландец не будет произносить слово «мама» на итальянском... «Мамма» — это пароль!

* * *

Перед входом в «Трейд Цюрих бэнк» прохаживались трое полицейских в униформе. У Хомера сжалось сердце, когда он увидел, во что превращен центральный холл банка.

Швейцар, как обычно, стоял на своем месте.

— Здравствуй, Виктор! — прошептал Хомер.

— Здравствуйте, мистер Клоппе! — уважительно поприветствовал его Виктор.

Несмотря на острую душевную боль, сердце Клоппе наполнилось гордостью. Он принадлежал к сильной, работоспособной расе. Какая бы катастрофа ни обрушилась на страну, банк всегда будет продолжать работать. Начиная со второго этажа ничего не было

тронуту. С обычной активностью работали все службы.

Марджори, предупрежденная о его приходе, ждала его у двери в приемную. Она обратилась к нему так, словно ничего, абсолютно ничего не произошло с тех пор, как они виделись в последний раз.

— Вам многие звонили, сэр... Я всех записала. Вам нужен сейчас этот список?

— Позже, — ответил Клоппе.

— Вас соединять?

— Только с теми, у кого, по вашему мнению, важные вопросы.

Он доставал из стола бутылку «Уотерман», когда по интерфону Марджори сказала:

— На линии мистер Шмеельблинг. Соединить?

— Да.

— Хомер! Господи! Я не знаю, что думать! Что происходит?

— Ведется расследование.

— Куда мы идем? Нет, куда мы идем? Все перестали все уважать!

— О да! — вздохнул Клоппе. — Да, да...

Именно Шмеельблингу, «банкиру всех банкиров», восемь дней назад он доверил два миллиарда долларов. Его «интерес» за эти восемь дней составил 876 704 доллара. За такие деньги он еще лучше отремонтирует свой банк.

— Скажите, Хомер... Относительно того, что вы мне перевели... Вы помните?..

— Да.

— Что мне делать?

— Продолжайте, Эжбен... Продолжайте до очередных указаний...

— Это превосходно, друг мой! Именно это я и хотел от вас услышать.

— До свидания.

— До свидания.

Марджори проскользнула в святая святых и закрыла за собой дверь.

— Пришел этот полицейский, мистер Клоппе. Лейтенант Блеч. Он уже несколько раз заходил...

— Пусть войдет.

Хомер спрятал бутылку в стол и встал навстречу гостю.

— А, мистер Клоппе, рад видеть вас в здравии!

— Спасибо, лейтенант, спасибо!

— Ваша жена сообщила о вашем возвращении. Я приказал прекратить розыск...

— Приношу вам свои извинения за причиненное вам беспокойство. Нет мне прощения!

Я должен был вас предупредить.

Лицо Блеча окаменело.

— Я не понимаю вас, мистер Клоппе.

— Видите ли, лейтенант, я был очень взволнован... Уехал, никому ничего не сказав...

Мне нужно было побыть одному... подумать...

— Могу я вас спросить, где вы были, мистер Клоппе?

Банкир удивленно вскинул брови.

— Не думаю, чтобы это представляло для вас какой-нибудь интерес, лейтенант.

— Вы ошибаетесь, сэр! Погибли двое моих людей.

— Сожалею, лейтенант! Но если бы я был полицейским, я бы обратил внимание на тех, кем полиция совершенно не интересуется.

— О ком вы говорите?

— О левых, лейтенант.

Клоппе сделал три шага к двери и открыл ее.

— Не стесняйтесь прийти ко мне, когда ваше расследование продвинется вперед... Я всегда в вашем распоряжении...

Блеч козырнул и вышел. В приемной он увидел двух самых известных в городе адвокатов: Филиппа Диего и Карла Дойтша.

— Вы примете их? — спросила Марджори, предупредив Клоппе о посетителях. — Они очень настаивают.

— Да.

Филипп Диего заговорил первым.

— Мы все знаем... Скандал...

— Невероятно! — высказался Дойтш.

Клоппе стоял прямо, неподвижно, внимательно глядя на них.

— Я очень занят, — ледяным тоном произнес он. — Какова цель вашего визита?

— Итак, — начал Диего, — мой коллега Карл Дойтш и я представляем интересы одного нашего клиента, у которого есть номерной счет в вашем банке. Этот клиент поручил нам передать вам, чтобы капитал был сегодня же переведен в «Кэмикл интер траст», в Панаму.

— Под каким словом зарегистрирован счет?

— «Мамма».

— Номер счета?

— 828384.

— Сумма?

— Два миллиарда американских долларов.

Клоппе снял трубку телефона.

— Марджори, попросите Гарнхайма принести досье «Мамма».

В течение пяти минут ни один из троих мужчин не произнес ни слова, не сделал ни одного движения. Стояла абсолютная тишина. Мэрджори положила папку на стол перед Клоппе.

Хомер открыл папку, полистал бумаги и протянул Диего лист.

— Распишитесь в нижнем правом углу, пожалуйста.

Диего поставил свою подпись.

— Вы тоже, — сказал Клоппе Дойтшу.

Клоппе резко встал. Филипп Диего суетливо протянул ему руку. Клоппе сделал вид, что не заметил, и холодно произнес:

— До вечера все необходимые формальности будут сделаны.

Когда адвокаты вышли из кабинета, он подошел к окну и с задумчивым видом прижался лбом к стеклу.

Весна набирала силу. Самая прекрасная весна, которая когда-либо приходила в Цюрих.

Хомер Клоппе возвратился за стол и достал бутылку «Уотерман»...

Между Лозанной и Моржем железная дорога на два километра уходила под горы. На выходе из тоннеля открывался прекрасный дикий пейзаж: высокие сосны, карабкавшиеся вверх по склонам гор, и широкая долина, через которую протекал горный ручей с ледяной прозрачной водой.

На берегу ручья отдыхала семья Хуммеров. Отец, Франц Хуммер, воспользовавшись хорошей погодой и выходными, вывез жену и двоих детей в горы. Жан-Франсуа было одиннадцать лет, Мишелью — чуть больше девяти.

— Мама, можно мы пойдём погуляем?

— Куда? — спросил Франц.

— Полазаем по склонам...

— Доешь вначале пирожное.

— Не хочу больше.

Биргит завернула остатки еды в бумагу и вложила все в полиэтиленовый мешок. Уезжая, она положила его в багажник, а в Морже выбросит в мусорку. После них не должно остаться ни крошки, ни клочка бумаги.

— Далеко не уходите... Жан-Франсуа, присматривай за младшим братом!

Мишель недовольно пожал плечами.

— Я такого же роста, как и он.

— Не испачкайтесь, — дала последние наставления мать.

Издав боевой клич индейцев, мальчишки убежали.

— Франц, открой багажник.

Франц подошел к «вольво», сверкающей новизной, и присел. Послунявив палец, он начал оттирать крошечное пятнышко грязи на заднем бампере.

— Ты откроешь багажник? — едва сдерживая смех, повторила Биргит.

— Что тебя рассмешило?

— Ты как ребенок!..

— Ну разве она не красива?

— Фантастика...

— Может, покатаемся?..

Она положила мешок в багажник и захлопнула его. Он тут же забеспокоился.

— Зачем же так сильно хлопать? Сломать можно... Осторожнее, чуть-чуть...

Она взяла его за руку и увлекла за собой.

— Ты видишь их?

Франц окинул взглядом круто уходивший вверх склон недалеко от железнодорожных путей. Почти рядом с рельсами он увидел красное и голубое пятна одежды своих детей.

— Жан-Франсуа! Мишель! — закричал Франц.

Дети замахали руками, подзывая их подойти к ним. Над соснами, под которыми они стояли, кружилась стая воронов.

— Пошли к ним, — сказал Франц.

Когда они подошли достаточно близко к детям, Жан-Франсуа и Мишель закричали:

— Папа! Мама! Смотрите, птицы!

— Я же просила вас далеко не уходить, — упрекнула их Биргит.

— Папа, Жан-Франсуа говорит, что это черные вороны.

— Да, — сказал старший, — вороны! Правда, папа?

Франц посмотрел в небо. Казалось, что птицы о чем-то спорят, касаясь друг друга крыльями.

— Что они делают, папа? Дерутся?

Франц отошел на несколько метров в сторону. Теперь он стоял точно на уровне выхода из тоннеля, к которому склонились верхушки сосен. Он внимательно всмотрелся в просвет между деревьями. Там, в яме, лежало человеческое тело лицом вверх. Два ворона клевали лицо с пустыми глазницами. Два других кружили над ними в ожидании своей очереди.

— Идите к машине, — сказал он голосом человека, чей рот набит пищей.

— Что ты там увидел, папа? — спросил Жан-Франсуа.

— Разве я не сказал идти к машине! Биргит, уведи их!

Она поняла, что Франц стал свидетелем чего-то ужасного.

— Хоп, пошли! Побежали!

Мужчина был одет в элегантный темный костюм. Его часы на дорогом браслете отражали тысячи тоненьких иголок солнечного света. Даже с расстояния пяти метров было хорошо видно, что единственная туфля сшита из великолепной кожи.

Второй ноги у трупа не было.

Франц вздрогнул и побежал к ручью.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.